

СОЧИНЕНИЯ

ИВАИДИОНИА

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

*Профессоромъ Санктпетербургской
Духовной Академіи*

КАРПОВЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1841.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.

Юля 25 дня 1841 года.

Цензоръ Архимандритъ Иоасафъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стрѣ на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе гевин на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По сему Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бываютъ большею частію либо буквальныя и подстрочныя, какъ переводилъ Греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ;

★

либо перифрастическіе, какъ переводилъ Платона Г. Кузень. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувствованія древнихъ писателей очень не трудны; по тому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ — нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ отгвѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ оба эти способа и не достигаютъ своей цѣли, не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе почти вовсе бесполезны для читателей. Читая напримѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; во Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ Германскій рецензентъ недавно, говоря о Нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ:

die Uebersetzung ist, wie sie seyn muss, d. h., man bemerkt es nirgends, dass es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat. Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только вполониву справедливо. Хорошо конечно не узнать, что нереводь есть *переводъ*, однакожь не менѣе нужно и то, чтобы сочинитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйствительно *свое сочиненіе*. По сему истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттенками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. *In hac translatione conficienda, говорить Асть о своемъ Латинскомъ переводѣ Платона, id potissimum contendj, ut, quae sunt interpretationis officia, et fidelem et latinam eam fingerem.*

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда

находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ. Признаюсь, — особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не другими Греческими формами, кое - гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали, то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по Греческой пословицѣ, и боги не воюють (*). Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много,

(*). Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ Греческому, нежели Русскій; — и однакожь Асть, перевода Платона на Латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ Греческихъ терминовъ, составить слова: dupliciloquentia (διπλασιολογία), sententiloquentia (γνωμολογία), simili-loquentia (σμιλλολογία), также breviloquentia, superbiloquentia, superrefutatio, subdeclaratio, augeratio, insanitio, и проч. Я большею частію старался избегать такого словотворенія.

и что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинять подобныя несправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать меньше, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ комментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разговору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Побужденіе къ составленію сихъ приложений, конечно не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется, то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается

въ разговоръ, то предварительнымъ знаніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которыя Грекамъ были совершенно извѣстны, а у насъ не существуютъ и представляются чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на образъ мыслей въ Греческомъ обществѣ, то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и поговорокъ, которымъ у насъ не представляется ничего соответствующаго, то опредѣленіемъ цѣли сочиненія, и проч. Все это необходимо для уразумѣнія Платоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснительныхъ приложений, требовало бы непрестанныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось, что читателю не бесполезно будетъ и предварительное обозрѣніе содержанія каждой бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать за развитіемъ ея подробностей и наблюдать связь ихъ. Что же касается до филологическихъ замѣчаній, то въ семъ отношеніи я старался быть, сколько можно, короче и позволялъ себѣ оныя только въ мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты

видѣли причины такого, а не другаго переложенія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не имѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по сему предмету. Но прежде нежели укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде полатини, чѣмъ погречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мѣрѣ разговоры его, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицинъ*, который перевелъ нашего философа на Латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно съ оригинала Плотинава, и въ свой переводъ сперва внесъ много нелѣпостей и мечтаній

Александрійской школы, но послѣ, по совету Критянина *Марка Музура* (*), знаменитаго въ то время филолога и эллиниста, значительно исправилъ его, хотя Петръ Манній (**) все еще имѣлъ причину сказать: *Ficinum quidem religiose Platonem interpretatum esse, sed ita ut si ipse Plato legeret, pro suis non agnosceret.* Фицинь сперва переводилъ Платона перифрастически, или, по словамъ Гуеція (***), *verborum quidem curam negligere. Ficinum, sententias dilatare nonnunquam, vel contrahere.* Это изданіе вышло

1482 года и называется *Флорентинскимъ I.* Въ концѣ его значитъ: *impressum Florentiae per Laurentium Venetum.* За нимъ слѣдовали:

1491 *Флорентинское II,* напечатанное роскошно, по повелѣнію и на счетъ Лаврентія Медичисъ.

(*) *Menag.* Т. II. *Antibailleti*, p. 157.

(**) *Gaddii* Т. II. *de scriptt. non ecclesiasticis* p. 144.

(***) *Huet.* *de clarr. interpr.* p. 295.

1491 *Венеціанское I*, вновь пересмотрѣнное самимъ Фіциномъ.

1517 *Венеціанское II*, съ показаніемъ содержаній каждаго разговора, составленыхъ Фіциномъ.

1518 *Парижское I*, озаглавленное: *Opera Platonis latina a Mars. Ficino traducta.*

1522 *Парижское II*, не болѣе какъ копія перваго.

1532 *Базельское I*, съ поправками Гриня.

1539 *Базельское II*, Гринеево.

1546 *Базельское III.*

1548 *Лейденское I.*

1551 *Базельское IV*, съ поправками Гриня.

1557 *Лейденское II*, къ которому присоединены шесть сомнительныхъ разговоровъ Платона, переведенныхъ *Сев. Коррадомъ*. Эти разговоры: Эриксиасъ, Акефалосъ, Демодохъ, опредѣленія, о добродѣтели, о справедливости.

1561 *Корнаріево*, подъ заглавіемъ :
 Platonis Atheniensis, philosophi summi ac
 penitus divini, opera per lanum Cornarium,
 Medicum Physicum, latina lingua cons-
 cripta. Ejusdem eclogae decem additis Fi-
 cini argumentis et commentariis. Basileae.
 Въ этомъ изданіи особенно цѣнятся крити-
 ками Корнаріевы эклоги, написанныя вслѣд-
 ствіе соображенія подлиннаго Платонова
 текста въ Альдовомъ и двухъ Базельскихъ
 Греческихъ экземплярахъ (см. ниже); такъ
 что Фридр. Фишеръ въ свое время счелъ
 полезнымъ напечатать ихъ отдѣльно и при-
 соединить къ нимъ предисловія Альда Ма-
 нуція, Симона Гринейя и Марка Гоппера.

1567 *Лейденское III.*

1588 *Лейденское IV.*

1590 напечатанное съ Лейденскимъ
 Греческимъ подлинникомъ.

1592 *Лейденское V*, пересмотрѣнное
 Стефаномъ Тремулеемъ.

1602 — напечатанное съ Франкфурт-
 скимъ, или Вехеліанскимъ Греческимъ тек-
 стомъ.

Вотъ всѣ Латинскія изданія Платоновыхъ сочиненій, получившія начало и размвожившіяся отъ Фицинова перевода; или отъ перваго Флорентинскаго кодекса. Но между тѣмъ, какъ Платонъ мало по-малу былъ исправляемъ, очищаемъ и распространяемъ на языкъ Латинскомъ, нашлись люди, признавшіе пужнымъ пересмотрѣть и распространить самый подлинникъ твореній Греческаго философа. Первый, рѣшившійся осуществить это намѣреніе своими издержками, былъ Венеціанецъ *Альдъ Мануцій*. Его усердіе къ сему дѣлу простиралось до того, что онъ вызывался платить чистымъ золотомъ за исправленіе каждой ошибки въ Греческомъ, текстѣ Платона, и нашелъ себѣ ученаго дѣятеля, увлекавшагося не корыстію, а любовію къ общему благу. Тотъ самый *Маркъ Музуръ*, который, тридцатью годами ранѣе, совѣтовалъ Фицину, исправить переводъ Платоновыхъ сочиненій, теперь самъ наблюдалъ за вѣрностію предпринимаемаго *Альдомъ* изданія. Оно вышло въ

1513 году подъ заглавіемъ: *Platonis opera omnia graece. Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae Soceri.* Этотъ текстъ снятъ съ древнѣйшихъ списковъ, сохранявшихся подъ титуломъ: *καλαία καὶ ἀξιόπιστα.* Къ нему приложены письма и шесть подложныхъ сочиненій, носящихъ имя Платона, также письмо Альда къ Льву X, въ которомъ онъ проситъ Первосвященника содѣйствовать распространенію просвѣщенія. За симъ изданіемъ слѣдовали:

1534 *Базельское I*, иначе, по имени Базельскаго книгопродавца Вальдера, называемое *Вальдеріанскимъ.* Заглавіе его: *Platonis omnia opera cum commentariis Procli in Timaeum et Politica, thesauro veteris philosophiae maximo, graece. Adiectus etiam est in Platonis omnia sententiarum et verborum memorabilium index.* Пересмотръ и исправленіемъ сего текста занимался особенно *Опоринъ*, который однакожь, избѣжавъ многихъ погрѣшностей изданія Альдова, вмѣсто ихъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ ошибокъ.

1556 *Базельское II*, иначе называемое *Гопперіанскимъ* — по слѣдующей причинѣ. Некто *Арнольдъ Арленій*, путешествуя по Италіи, собралъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ Платона и, провѣривъ ими изданіе Вальдерова, многое въ немъ исправилъ, пополнилъ пропущенное, отбросилъ чуждое и свои бумаги передалъ для напечатанія *Марку Гопперу*. Впрочемъ этотъ экземпляръ, какъ и предъидущій, все еще не безъ ошибокъ.

1578 *Стефаново* подъ заглавіемъ: *Platonis opera quæ extant omnia, ex nova Joannis Serrani interpretatione, perpetuis ejusdem notis illustrata: quibus et methodus et doctrinae summa breviter et perspicue indicatur. Ejusdem annotationes in quosdam suæ illius interpretationis locos. Henr. Stephani de quorundam locorum interpretatione judicium et multorum contextus græci emendatio. Excudebat Henr. Stephanus, Parisiis*, въ трехъ листовыхъ томахъ. Греческій текстъ сего изданія, кажется, не былъ свѣренъ ни съ какими древними

рукописями, но списанъ съ экземпляра Альдова, которому Стефанъ отдавалъ преимущество предъ Базельскими, и исправленъ по филологическимъ указаніямъ Гоппера, Корварія, Евсевія и другихъ. Что же касается до перевода, сдѣланнаго Іоанномъ Серрскимъ, то на Латинскомъ языкѣ до- томъ еще не было худшаго. Serranus, говорятъ Гуецій (*), *sententiis contentus verba despexit, fidelem absque eo ac perspicuam, quam pollicetur, conversionem praestiturus*. А Бруккеръ (**), обличаетъ его еще сильнѣе: *Serranus, cum Platonem non satis intelligeret, sententiam magis suam, quam Platonis expressit, ejusque verba contempsit et analysi scholastica peregrinam Platoni faciem induxit*. Не смотря на то, если не переводъ Іоанна Серрскаго, то Греческій текстъ Платоновыхъ сочиненій, установленный Стефаномъ, долго перепечатываемъ былъ почти безъ поправокъ и критики.

(*) de clar. interpr. p. 289.

(**) Histor. Philos. T. I. p. 569.

Даже и нынѣ ссылки на Платона дѣлаются обыкновенно по изданію Стефана. На это же изданіе указываютъ маргинальные знаки и въ моемъ переводѣ.

1590 *Лейденское*, или, по имени книгопродавца, *Лемарское* и

1602 *Вехеліанское*, подѣ заглавіемъ: *Platonis opera omnia, quae extant, Marsilio Ficino interprete. Graecus contentus quam diligentissime cum emendationibus exemplaribus collatus est etc. Francofurti.*

1781—7 *Бупонтійское*, подѣ заглавіемъ: *Platonis philosophi, quae extant, graece, ad editionem Henrici Stephani accurate expressa, cum Marsilii Ficini interpretatione, въ XI томахъ въ 8 долю.* Къ сему изданію присоединены различныя чтенія и содержанія Платоновыхъ разговоровъ, изложенныя Тидеманомъ.

1813 слл. *Таухницево* — почти копія съ предъидущаго, въ VIII томахъ въ 8 долю. Первые три тома его, въ отношеніи къ Греческому тексту, пересмотрѣны Беккомъ и проверены трудами критиковъ и фило-

логовъ; а послѣдніе перепечатаны безъ всякой перемѣны.

1816—18. *Беккерово*, въ VIII томахъ въ 8 долю, съ критическими замѣчаніями. Греческій текстъ его исправленъ чрезъ снесеніе всѣхъ лучшихъ кодексовъ Платона; а Латинскій—Фициповъ, напечатанъ съ древнихъ списковъ безъ всякой перемѣны, что бы могъ имѣть достоинство критическое. Къ сему изданію присоединены, кромѣ множества различныхъ чтеній, Рункеліевы схоліи.

1819—27. *Астово* въ IX томахъ въ 8 долю. Въ немъ Греческій текстъ изложенъ преимущественно по Альду, а Латинскій есть переводъ самаго Аста и отличается чрезвычайною точностію и близостію къ подлиннику. Впрочемъ, заботливость о переводѣ буквальномъ нерѣдко заставляла переводчика упускать изъ вида естественность и ясность Латинскаго выраженія. Астъ обѣщался присоединить къ своему изданію подробные комментаріи; но досель напечаталъ только одинъ томъ оныхъ,

закрывающей въ себѣ филологическій разборъ Протагора и Федра.

1821—26. *Вейгелиево*, въ XII томахъ въ 8 долю, есть не что иное, какъ изданіе Беккерова, пересмотрѣнное Штальбомомъ, но замѣчаніямъ Баста, де-Фурія, Рудольфа и другихъ.

1833 слл. *Штальбомово*, начатое и продолжающееся, но еще не конченное. Оно издается на одномъ Греческомъ языкѣ съ Латинскими введеніями въ каждый разговоръ, съ обширными филологическими примѣчаніями, съ приложеніемъ различныхъ чтеній, указателей и проч. Это изданіе, и по вѣрности текста, и по основательности критики, и по богатству заключающихся въ немъ вспомогательныхъ способовъ для надлежащаго разумѣнія Платоновыхъ сочиненій, безспорно есть лучшее изъ всѣхъ, какія доселѣ выходили въ подобномъ объемѣ.

Теперь слѣдовало бы обозрѣть разговоры Платова на языкахъ живыхъ; но литература новыхъ языковъ почти не

представляетъ намъ нашего философа въ цѣломъ умственномъ его существѣ, въ полномъ составѣ его твореній: онъ разобранъ по частямъ, раскиданъ по-членно на пространствѣ всего Европейскаго ученаго міра. Намъ доселѣ извѣстны только три изданія Платона, покрайней мѣрѣ не много недоведенныя до конца: первое въ 5 томахъ на языкѣ Нѣмецкомъ — *Шлейермахерово*, заключающее въ себѣ 30 разговоровъ; второе — въ 11 томахъ на Французскомъ — *Кузенево*, состоящее изъ 29 разговоровъ (*); третье въ 3 томахъ на Славянорусскомъ — *Пахомова*, содержащее 25 разговоровъ (**). Если возьмемъ въ расчетъ

(*) Объявляли, что Кузень издалъ 12 и 13 томы: но въ Россіи ихъ еще нѣтъ, и потому я не могу сказать, все ли въ нихъ содержится, чего недостаетъ въ прежнихъ.

(**) Къ этимъ тремъ изданіямъ, кажется, надлежало бы присоединить еще Клейкерова: *Platons Werke, aus dem griechische übersetzt in 6 Bände, 1778—97*. Но я никогда не видалъ его, и потому не могу судить ни о достоинствѣ, ни о полнотѣ его.

время выхода въ свѣтъ каждаго изъ нихъ, и средства, примѣнительно ко времени, бывшія въ рукахъ всѣхъ трехъ переводчиковъ; то безъ всякаго пристрастія отдадимъ преимущество нашему отечественному изданію. Пахомовъ съ своими помощниками переводилъ Платоновы сочиненія еще въ осьмомъ десяткѣ прошедшаго столѣтія, когда въ библіотекахъ и западной Европы не находилось въ этомъ родѣ ничего лучше Стефанова подлинника, Корнаріевыхъ эклогъ и Фицинова перевода; а о другихъ побочных пособіяхъ, столь богатыхъ, каковы нынѣ, и особенно для всѣхъ 25 разговоровъ, нашему эллинисту и думать было невозможно. Не смотря на то, его переводъ, сравнительно, вѣрнѣ Кузенева и заключаетъ въ себѣ почти только два недостатка: одинъ тотъ, что Пахомовъ неправильно понималъ тонъ Платонова діалога и выражался слишкомъ педантски, безъ нужды облекая мысль философа въ Славянскія формы; другой тотъ, что онъ яснѣ видѣлъ

и выдерживалъ значеніе словъ, нежели мысли. Правда, по мѣстамъ у него встрѣчаются пропуски, или прибавки: но съ тогдашнимъ Русскимъ языкомъ можно ли было сдѣлать что-нибудь удачнѣе? Лучшій, не только изъ всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ переводовъ, но едва ли не единственно хорошій, есть переводъ Шлейермахеровъ. Шлейермахеръ строго выдерживаетъ мысль философа, не пренебрегаетъ и малѣйшими ея отгѣнками, старается уловить въ формы Нѣмецкаго языка самую фразу подлинника и, при всемъ томъ, рѣдко бываетъ тяжелъ и теменъ. Что же касается до его критическихъ и филологическихъ замѣчаній, то, не вездѣ можно согласиться съ ними.

Что бы обзоръ литературы Платоновыхъ сочиненій было полно; надлежало бы по возможности оцѣнить частныя ихъ изданія на древнихъ и новыхъ языкахъ, и пересмотрѣть пособія, служащія къ объясненію Платона: но подобныхъ изданій и пособій такъ много, что не только перечитать и обсудить, даже впдѣть всѣ

ихъ невозможно. Посему я укажу только на тѣ, которыя, по общему сужденію ученыхъ, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Adrastus peripateticus писалъ о Тимев.

Нѣсколько отрывковъ его сочиненія находится у Порфирія ad *harmonica Ptolemæi* L. I. c. 5. p. 270.

Aelianus platonicus. Его сочиненіе рассмотрено и во многомъ одобрено Порфиріемъ.

Albinus. Его *Hypotheses Platonicae et isagoge*, *περί τῶν Πλάτωνι ἀρεσκόντων*, говорятъ, сохраняются въ Ватиканѣ.

Aug. Arnold, *Platons Werke einzeln erklärt und in ihrem zusammenhange dargestellt. Erster Theil, 1836.* Продолженія кажется еще не было. Въ первой части аналитически излагаются содержанія 18-ти разговоровъ и опредѣляется цель каждаго изъ нихъ.

Ast, *Platonis Symposium et Alcibiades I,* съ примѣчаніями, 1809.

Ast, Platon's Phædrus und Gastmahl, 1807.

Въ этомъ изданіи особенно одобряются комментаріи.

— **Platonis Phædrus, 1810,** съ примѣчаніями. Но въ X томъ полнаго Астова изданія Платона, примѣчанія на Федра и Протагора гораздо обширнѣе.

— **Platonis Respublica, 1814,** и потомъ въ другой разъ 1820, съ учеными примѣчаніями.

Fr. Bast, Kritischer Versuch über den Text des Platonischen Gastmahls, 1794.

Bickerodii, Schediasma in Platonis Timæum, 1683.

Biester, Platonis dialogi IV, Meno, Crito, Alcibiades uterque, cum virorum doctorum animadversionibus, 1780. Эту книгу впослѣдствіи два раза (1811 и 1820) пересматривалъ и издавалъ *Бутманъ*. Бистеру много содѣйствовали своими замѣчаніями *Гедике, Шнейдеръ* и *Готлеберъ*.

Bœckh, *Simonis Socratici, ut videtur, dialogi IV, de lege (Minos), de luci cupiditate, de justo ac virtute. Additi sunt incerti auctoris dialogi, Eryxias et Axiochus, 1810, съ критическимъ введеніемъ.*

— über die Bildung der Weltseele im *Timaeus* des Platon. In Daubii et Creuzeri studiis, Vol. III. 1806. p. 1—90.

— Specimen editionis *Timaei, Platonis dialogi, 1807.*

— de Platonico systemate coelestium globorum et de vera indole astronomiae philolaicae, 1810.

Boissonade, *Excerpta ex Procli scholiis in Cratylum Platonis, 1820.*

Busteed, *Platonis Menexenus et Lysiae oratio funebris, 1696, съ переводомъ и краткими примѣчаніями Филельфа.*

Creuzer, *Initia philosophiae ac theologiae ex Platonis fontibus ductae, sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis Alcibiadem commentarii, 1820—25, въ 4 частяхъ, изъ которыхъ*

въ первой. содержатся комментарии на Алкивиада, во второй — схолиі Олимпіодора, въ третьей—богословскія наставленія Прокла, въ четвертой опроверженія Прокловыхъ наставленій, сдѣланныя Николаемъ Метоненскимъ.

Engelhardt, Platonis Laches, Apologia Socratis, Euthyphro et Menexenus, 1826, съ примѣчаніями.

Ettwallus, Platonis Hipparchus et Alcibiades uterque, 1771.

Van Eys, Disputatio de Platone Mosai-zante, 1715.

Findissen, Platonis Gorgias, 1796, съ подробнымъ указателемъ Греческихъ словъ и различныхъ чтеній; но издатель не показалъ знанія грамматическихъ тонкостей.

Fischer, Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phaedo, græce, 1783. Это изданіе замѣчательно по хорошему снесенію различныхъ чтеній въ древнихъ кодексахъ.

Fischer, *Platonis Philebus et Symposium*, Graece, съ примѣчаніями; направленными преимущественно къ показанію различія древнихъ изданій.

—— *Platonis dialogi duo, Cratylus et Theaetetus*, 1770.

—— programmata отъ 1791 до 1798, въ которыхъ рассмотрѣны первыя шесть отдѣленій Кратила, но въ этихъ рассмотрѣніяхъ иногда безъ нужды много говорливости.

Forster, *Platonis dialogi V (Amatores, Euthyphro, Apologia, Crito, Phaedo)*, 1752. Особенно одобряется переводъ сего изданія.

Foxii Morzilli Hispalensis, *Commentarius in X Platonis libros de republica*, 1556. Изданіе болѣе обширно, чѣмъ учено.

—— *Morzilli, Commentarius in Platonis Timaeum*, 1554.

Gedike, *Platonis Meno, Crito et Alcibiades uterque*. Нѣмецкій переводъ съ хорошими и довольно подробными замѣ-

чаніями. Эта книга была издана два
раза, 1781 и 1822.

Götz, *Platonis Parmenides mit philosophischen Anmerkungen*, 1825.

Gottleber, *Platonis Menexenus et Periclis Thucididis oratio funebris*, 1782, съ примѣчаніями, изъ которыхъ особенно хороши историческія.

Haenisch, *Lysiae amatorius*, 1827, graese.

Сочинитель изслѣдуетъ: Лизіасу ли принадлежитъ извѣстная рѣчь въ Платоновомъ *Федръ*, или самому Платону, и защищаетъ первое мнѣніе.

Heindorf, *Platonis dialogi tres, Phaedo, Sophista, Protagoras*, 1810. Этотъ филологъ вообще отличается знаніемъ грамматическихъ тонкостей, но въ изъясненіи мыслей очень часто невѣренъ.

——— *Platonis libri IV, Gorgias, Apologia Socratis, Charmides, Hippias major*, 1805, съ краткими критическими примѣчаніями на *Апологию Сократа*.

Heindorf, *Platonis dialogi duo, Gorgias et Theaetetus*, 1805, съ приложеніемъ замѣчаній Бутмана. Изданіе отличное.

— *Platonis dialogi IV, Lysis, Charmides, Hippias major, Phaedrus*, 1802 и въ другой разъ 1827, съ непрерывными примѣчаніями и поправками Бутмана по Беккеру.

— *Platonis dialogi tres, Cratylus, Parmenides, Euthydemus*, 1806, съ примѣчаніями.

Van Heusde, *Specimen criticum in Platone*, 1803. Эта книга заключаетъ въ себѣ прекрасныя критическія замѣчанія на многіе разговоры Платона.

Kirchmaier, *Exercitatio de Platonis Atlantide*, 1685, — сочиненіе полезное для проясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Платонова Тимея.

Knebelius, *Platonis dialogi tres, Theaegès, Amatores, Io*, 1833, съ примѣчаніями и введеніями. Изданіе весьма хорошее.

Körppen, Platon's Alcibiades der zweite, 1786. Къ этому изданію приложены нѣсколько филологическихъ примѣчаній и содержанія разговоровъ.

——— **Platon's Menexenus im Grundriss nebst Anmerkungen.**

Kraft, de notione philosophiae in Platonis Erastis obvia, 1786. Это сочиненіе, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о значеніи справедливости и разсудительности въ смыслѣ Платона, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ содержанія.

Kuhnhardt, Platon's Phaedon mit besonderer Rücksicht auf die Unsterblichkeitlehre erläutert und beurtheilt, 1817.

Lange, Specimen criticum in Platonis Critonem, 1821.

Lichtenstädt, Platon's Lehren auf dem Gebiete der Naturforschung und der Heilkunde, 1826. Сочиненіе полезное при объясненіи Тимея.

Lindau, *Platonis Timaeus*, 1828, сверенный съ лучшими изданіями и снабженный непрерывными примѣчаніями.

— *Epistola critica de locis quibusdam Timaei*, 1803.

— *Novum in Platonis Timaeum et Critiam conjecturarum atque emendationum specimen*, 1816.

Vit. Lörs, *Platonis Menexenus*, 1824; переводъ съ Греческаго на Латинскій, съ примѣчаніями и мнѣніемъ Аста, что Менексенъ написанъ не Платономъ.

Massey, *Platonis de republica, sive de justo libri X*, съ исправленнымъ переводомъ и примѣчаніями, 1713, въ 2 частяхъ. Критическія замѣчанія не одобряются; хорошо только снѣсеніе мнѣній древнихъ и новыхъ философовъ съ мнѣніями Платона.

Meursius, *Platonis Timaeus a Chalcidio latine versus, cum ejusdem in eundem commentario*, 1617.

Morgenstern, *Symbolae criticae in Platonis Critonem.*

—— Commentationes tres de Platonis Republica, 1794.

—— *Symbolae criticae in Platonis Politicam,* 1815.

Müller, *Platonis Io, sev dialogus de furore poëtarum,* 1782, съ примѣчаніями.

Nitsch, *Platonis Io,* 1822, также съ примѣчаніями.

Car. Nürnberger, *Platonis Alcibiades I et II,* 1796.

Оболенскій, Платоновы разговоры о законахъ, 1827. Переводъ довольно близкій, вѣрный и легкій.

Pinzger, *Specimen novi commentarii in Euthydemum,* доведенъ до стр. 272 A. 1834.

Plutarchi, *opuscula de animae creatione et de musica,* идутъ къ объясненію Тимея.

Procli *commentarius in Timaeum,* 1534, но не весь, а доведенъ только до стр. 44.

С. Слишкомъ обширенъ и утомителенъ; особенно много аллегорій.

Mich. Psellus, *εἰς τὴν Πλάτωνος ψυχολογίαν*,
v. *Allatium de Psellis* p. 87, et 91.

Regius, *Timée de Platon*, 1557.

Routh, *Platonis Euthydemus et Gorgias*,
1784, съ примѣчаніями, изъ которыхъ
особенно хороши историческія и кри-
тическія.

Schlosser, *Platon's Briefe, mit einer histo-
rischen Einleitung und Anmerkungen*.

Schmidt, *Parmenides, als dialectisches
Kunstwerk*, 1821.

Sturzmann, *de republica, Πλάτωνος πολιτεία*,
*graece et latine, cum animadversionibus
criticis et argumentis atque commen-
tationibus de totius operis argumento,
ingenio, partibus, codicibus scriptis*,
1817, и во второй разъ 1818.

Tiedemann, *dissertatio de doctrina Pla-
tonis de materia* in Vol. I. *Biblioth.
Götting. Philolog. nov. Fasc. I. part. I.*

Timaei, *lexicon vocum Platoniarum*, съ
примѣчаніями Рункенія, 1789.

Tirsch, *Specimen editionis symposii Pla-
tonis*, 1808.

Vernsdorf, notae in Platonis Critonem et Alcibiadem I. 1815.

Windischmann, Platon's Timaeus, 1804.

Winkelmann, Platonis Euthydemus, 1855; съ примѣчаніями, введеніями и схоліями. Къ сему изданію приложена книга Аристотеля de elenchis Sophistarum. Руководство превосходное.

Wittenbach, Platonis Phaedo, 1810, объясненный введеніемъ и примѣчаніями, — изданіе полное учености и познаній; но мало критики и не ровень переводъ.

Wolf, Platonis dialogorum delectus, pars I. Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, 1812, съ Латинскимъ переводомъ.

— Platon's Gastmahl 1782, на Греческомъ, съ примѣчаніями. Книга, по тогдашнему времени, хороша.

— Zu Platon's Phaedon 1811. (*)

(*) Я не упоминаю о древнихъ рукописныхъ экземплярахъ сочиненій и объяснителей Платона. Число ихъ во всѣхъ Европейскихъ бібліотекахъ превосходитъ выше трехъ сотъ. Подробный каталогъ ихъ сдѣланъ Фридрихомъ Фишеромъ. См. Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phædo, græce ex recens. Fr. Fischer. Lips. 1783.

Изъ этихъ изданій Платона и стороннихъ пособій для изъясненія его сочиненій, я имѣлъ подѣ рукою немногія. Главными же руководителями моими были Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ: ихъ глубокимъ изслѣдованіемъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ своимъ усиліямъ.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА.

Біографы Платона несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о времени его рожденія: одни полагаютъ, что онъ родился во второмъ (1), другіе въ четвертомъ (2), году 87 олимпіады а иные въ первомъ (3). 88 Но всѣ согласны въ томъ, что онъ умеръ въ третьемъ году 108 ол. (348 до Р. Х.), и что прожилъ 81 годъ (4). Основываясь на сихъ двухъ несомнѣнныхъ показаніяхъ, и ими, какъ данными, опредѣляя неизвѣстное, мы заключаемъ, что Платонъ родился въ третьемъ году 87 ол. (429 до Р. Х.), и при томъ, по изслѣдованію Аста (5), 7 Таргеліона, соответствующаго нашему Маю. Мѣстомъ рожденія Платона Діогенъ Лаерцій (III, 5) почитаетъ островъ Эгину и подтверждаетъ свое показаніе тѣмъ, что въ третьемъ году 87 ол.

(1) По показанію Неанта у *Diog. L.* III 3.

(2) *Nunnesius ad vit. Arist.* p. 33. 76 sqq. *Dodwell.* de cyclis dessert. X. § 80. p. 609.

(3) *Diog. L.* III. 2. *Scalig.* ad Euseb. chron. 1592 p. 100. *Tenneman Syst. d. Plat. Philos.* B. 1 p. 5.

(4) *Diog. L.* III. 2.; *Cicer.* de senect.; 5. *Senec.* Epist. 58 § 27.

(5) *Ast Platons Leben und Schriften* S. 14.

Аѳиняне, изгнавъ Эгинянъ, населили островъ новыми жителями, между которыми могъ быть и Аристонъ, отецъ Платона (1). Что же касается до происхожденія нашего философа; то древніе, можетъ быть принося дань удивленія генію своего вѣка, говорятъ объ этомъ много баснословнаго. Вѣрно только то, что Платонъ, по матери своей Периктіонъ, которая была дочь Главка и сестра Хармида, происходилъ отъ Солона, а по отцу, Аристону,—отъ знаменитаго Аѳинскаго государя Кодра (2).

Воспитаніе Платону было дано соотвѣтственное высокому его происхожденію. Образованіемъ его занимались отличнѣйшіе наставники того времени: грамматикъ учился онъ у Діонисія, гимнастикъ у Аристона Аргивяни-

(1) *Corsini fast. attic.* Т III. р. 230. sqq.

(2) Греки называли Платона божественнымъ — или потому что его предки, Солонъ и Кодръ, производили свой родъ отъ Нептуна, или потому, что его ученіе отличалось особенною высотой и почти всегда обращалось къ чувству религіозному. Впрочемъ древность не затруднилась въ приисканіи основанія для подобныхъ названій. Спевзиппъ, племянникъ Платона, выдумалъ басню, что дядя его родился не отъ Аристона, а отъ Аполлона, еще въ дѣвствѣ Периктіоны, и что дивный даръ слова, которымъ обладалъ Платонъ, былъ предзнаменованъ въ младенчествѣ его роємъ пчель, который, влетѣвъ къ нему въ уста, когда онъ спалъ, положилъ въ нихъ сотъ. *Apul. de dogm. Pl.* р. 249.

на (1), который (2) за прекрасную наружность, открытое чело и счастливое телосложение своего ученика, далъ ему имя «Платона,» вмѣсто прежняго имени «Аристокла.» Въ Гимнастикѣ Платонъ оказалъ столь великіе успѣхи, что на Истмійскихъ и Пиеійскихъ играхъ явился въ качествѣ публичнаго атлета. Музыку преподавали ему, Аѳинянинъ Драконъ, ученикъ славнаго Дамона (3) и Агригентинецъ Метелъ (4). Платонъ занимался также живописью; но съ особенною ревностію упражнялся въ поэзи и написалъ нѣсколько лирическихъ, трагическихъ и героическихъ сочиненій, которыя однакожь впоследствии сжегъ (5) и сдѣлался врагомъ стихотворства (6). Древніе писатели говорятъ,

(1) *Diog. Laert.* III. 4.

(2) *Tzetzes* утверждаетъ, что имя Платона дано ему Сократомъ. *Chil.* 6. *hist.* 51. *chil.* II. *hist.* 390. Поводъ къ сему названію понимаютъ различно: одни, — *ἔτι πλατύσωμος* (широкотѣлый) *ἦν*. *Senec.* *epist.* 58; другіе, — *propter πλατὸν, copiosum atque apertum dicendi genus.* *Plin.* *Lib.* 1. *epist.* 10; а Тимонъ Силлографъ имя Платона производитъ отъ *πλαῖσαι* образовать, — *ὅς ἀνέπλασε Πλάτων πεπλασμένα θαύματα εἶδώς.*

(3) *Olymp.* p. 77.

(4) *Plut.* de musica p. 1136.

(5) *Ἦφαιστῆ, πρόμολ' ἔδε, Πλάτων ἄνυ σέλο χαρίζαι:* сказалъ Платонъ бросая въ огонь свои стихотворенія.

(6) Извѣстно, что Платонъ изгналъ поэзію изъ своей республики.

что онъ даже служилъ въ войскѣ и находился въ сраженіяхъ при Танагрѣ, Коринѣ и Делосѣ (1). Но это показаніе вовсе несправедливо; потому что во время сраженія при Танагрѣ (88, 3 ол.) Платону не могло быть болѣе четырехъ лѣтъ, а въ битву Делосскую ему было около шести.

Прежде нежели Платонъ вступилъ въ число Сократовыхъ учениковъ, Кратилъ познакомилъ его съ философіею Гераклита: такъ говорятъ Аристотель и Апулей (2). Но по свидѣтельству Діогена Лаэртія и Олимпіодора (3), Платонъ слушалъ Кратила уже послѣ смерти Сократа, и его именемъ называлъ одинъ изъ своихъ разговоровъ. Изъ сего разговора видно, что Кратилъ дѣйствительно былъ послѣдователемъ Гераклита; но Платонъ не обнаруживаетъ къ нему уваженія, какъ къ своему учителю, а смотритъ на него, только какъ на памятную книгу Гераклитовыхъ мнѣній. По этому свидѣтельству Аристотеля можно понимать такъ, что Платонъ еще въ юношествѣ изучилъ Гераклита посредствомъ дружескаго собесѣдованія съ Кратиломъ. Діогенъ Лаэртій (III 6), къ числу Платоновыхъ учителей относитъ также и Гермогена, послѣдователя Парменидова, зна-

(1) *Diog. Laert.* III. 8. *Aelian.* V. H. VII. 14.

(2) *Arist. metaph.* 16; *Apuleus* p. 2. et antea quidem, dicit, Heracliti secta fuerat imbutus.

(3) *Diog. L.* III. 6.

читъ, ученика Элейской школы. Этотъ фактъ, по догадкѣ Теннемана (1), найденъ слѣдующимъ образомъ. Основываясь на словахъ Аристотеля, что Платонъ слушалъ философію Гераклита у Кратила, заключили, что учителемъ его былъ тотъ самый Кратиль, именемъ котораго онъ назвалъ одинъ изъ своихъ разговоровъ; а какъ въ этой же бесѣдѣ разговариваетъ и Гермогенъ, послѣдователь Элейской школы; то, для сообразности, почли и его учителемъ Платона. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи то, что Платонъ еще съ раннихъ лѣтъ занимался философіею Пивагора и Анаксагора: это видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые написаны имъ при жизни Сократа. Но какъ онъ изучалъ Пивагора,—изъ сочиненій ли, напримѣръ Филолая, или устно, чрезъ Пивагоровыхъ послѣдователей,—опредѣлить трудно.

Имѣя около двадцати лѣтъ отъ роду (92, 3 ол.), Платонъ вступилъ въ число слушателей Сократа (2) и былъ ученикомъ его въ продолженіи десяти лѣтъ (3). Эліанъ, Діогенъ,

(1) *Tenneman Syst. d. Plat. Philos. B. I. p. 10.*

(2) Діогенъ Лаерцій (III 5) рассказываетъ, что Сократъ, видѣлъ во снѣ, будто молодой лебедь оперившись на груди его, вдругъ распростеръ крылья, взлетѣлъ высоко и огласилъ воздухъ восхитительною пѣснью. Когда послѣ того Аристонъ привелъ къ нему Платона; то старецъ — философъ вскричалъ: «Вотъ мой лебедь!»

(3) Сократъ умеръ въ 95, 1 ол.

Апулей и другіе, описывая сей періодъ Платоновой жизни, снова примѣшали много вымысловъ, такъ что сказаній ихъ, безъ строгой критики, нельзя принять за истинныя. Нѣсколько вѣроятныя свѣдѣнія, относящіяся къ этому времени, состоятъ въ томъ, что Платонъ приходилъ въ судъ, какъ защитникъ обвиняемаго Сократа, что судьи приказали ему сойти съ каедры (1), что онъ, вмѣстѣ съ Критономъ, Критовуломъ и Аполлодоромъ, совѣтовалъ Сократу присудить себя къ денежному штрафу (въ 30 минъ) и вызывался внести оный (2).

По смерти Сократа, Платонъ, вмѣстѣ съ другими его учениками, переехалъ въ Мегару къ Эвклиду (3). Этотъ переездъ долженъ былъ случиться на 31, а не на 28 году его жизни, какъ утверждаетъ Діогенъ (III, 6). Потомъ онъ ѣздилъ въ Кириною къ математику Теодору, и въ Италію—къ Пифагорейцамъ. Древніе писатели о путешествіяхъ Платона рассказываютъ не одинаково. Одни (4) говорятъ, что онъ прежде путешествовалъ въ Египетъ, а потомъ въ Италію; другіе (5) напротивъ, что прежде въ Ита-

(1) *Diog. Laert.* II. 41. *Menag.* p. 94.

(2) Такъ говорится въ апологій Сократа, приписываемой Платону.

(3) *Diog. Laert.* II. 106.

(4) *Cicer.* de finib. V. 29. Val. Max. VIII. 7. 3.

(5) *Quintil.* inst. orat. 1. 12. § 15. *Apulei* p. 2.

лію, а потомъ въ Египеть. По словамъ Діогена Лаерція (Ш 6), Платонъ сначала отправился въ Кириною къ Θεодору, а послѣ въ Италію и Сицилію. Это сказаніе достовѣрнѣе потому, что на обратномъ своемъ пути изъ Сиракузъ въ Аѳины, онъ былъ высаженъ и проданъ. При томъ Цицеронъ говоритъ: *Sed audisse te credo, tum vero Platonem, Socrate mortuo, in Aegyptum discendi causa, post in Italiam contendisse.* Также въ книгѣ *de finibus*: nisi enim id faceret, cur Plato Aegyptum peragravit, ut a sacerdotibus barbaris numeros et coelestia acciperet? Cur post Tarentum ad Archytam? Cur ad reliquos Pythagoreos, Echecratem, Timaeum, Locros? Изъ словъ нѣкоторыхъ писателей можно заключать, что Платонъ путешествовалъ и по Азіи. Такъ Цицеронъ говоритъ (1): *Ultimas terras lustrasse Pythagoram, Democritum, Platonem* accepimus. Но еще яснѣе Лактанцій (2): *Soleo mirari, quid cum Pythagoras et postea Plato amore indagandae veritatis accensi, ad Aegyptios et Magos et Persas usque penetrassent, ad Iudeos tantum non accesserint.* По словамъ Климента Александрійскаго (3), Платонъ у Вавилонянъ изучалъ астрономію, у Ассиріянъ—ихъ мудрость, у Евреевъ—ихъ законы и религію; а по Олимпіодору, онъ посвѣщалъ

(1) *Tuscul. quaest. iv. 19.*

(2) *Inst. IV. 2.*

(3) *Admonit. de gent. p. 46. A.*

и Финикию. О цѣли его путешествій древніе писатели говорятъ различно. По свидѣтельству Цицерона (1), онъ путешествовалъ въ Египетъ для того, чтобы у тамошнихъ жрецовъ учиться ариметикѣ и астрономіи, а по сказанію Квинтилиана (2), чтобы вступить въ таинства Египетской религіи. Впрочемъ, странно было бы представлять какую - нибудь опредѣленную цѣль его путешествій: люди мыслящіе, во всѣ времена любили обогащаться познаніями различныхъ странъ свѣта; а въ древности для Грековъ какая страна могла быть привлекательнѣе Египта,—отечества Эллинскаго образованія, сокровищницы восточной мудрости? По словамъ Діогена Лаерція (III. 6), спутниками Платона были, Еврипидъ и Клидіецъ Евдоксъ (3). Но Еврипидъ умеръ въ 93, 2. ол.; слѣдовательно не могъ сопутствовать Платону. Во время Страбона, въ Иліополисѣ показывали еще мѣсто, гдѣ жили Платонъ и Евдоксъ (4). Діогенъ говоритъ, что они находились тамъ тринадцать лѣтъ (не три ли только?) и введены были въ таинства Египетскихъ жрецовъ. Плутархъ въ

(1) de finib. V. 29.

(2) Inst. orat. 1, 12. § 15. *Lucan.* Phars. X. 181. *Georg. Cedren.* synops. hist. T. 1. p. 94. B.

(3) Діогенъ Лаерцій VIII. 86. почитаетъ его ученикомъ Платона. *Cicer.* de divin. II. 42. *Plut.* advers. Col. p. †126. D.

(4) Strab. XVII. § 29. p. 558.

сопутники Платону даетъ еще Симмиаса ученика Сократова (1).

Въ Киринеѣ у Θεодора Платонъ учился математикѣ: такъ говоритъ Апулей (р. 2). Но математикъ Θεодоръ, котораго, еще прежде смерти Сократа, слушали многіе молодые Аѳиняне, изображается въ Платоновомъ Тезетѣ просто, какъ эмпирическій геометръ и послѣдователь софиста Пифагора. Въ этомъ разговорѣ Сократъ, какъ будто шутитъ надъ нимъ и вызываетъ его на діалектическую борьбу. Такое свидѣтельство Платона ни сколько не подтверждаетъ словъ Апулея.

Когда Платонъ, на возвратномъ пути изъ Египта, прибылъ въ Карію (2); то Делось, прислалъ къ нему депутацію съ просьбою изъяснить слова оракула, который приказывалъ усугубить алтарь на островѣ Делось. По прибытіи въ Аѳины, или можетъ быть прямо изъ Каріи, Платонъ предпринялъ другое путешествіе въ Тарентъ къ извѣстнѣйшимъ въ то время Пифагорейцамъ,—однакожь не для того, чтобы поступить въ ихъ школу, какъ думали древніе, но вѣроятно для возобновленія съ ними прежнихъ дружескихъ связей (3). Что онъ не былъ ученикомъ Архита и другихъ Пифа-

(1) de daemone Socratis p. 578.

(2) Такъ повѣствуетъ Плутархъ de daem. Socr. p. 579. В.

(3) См. Phaedon p. 61. D. E. Wittenb. p. 150.

горейцевъ, это ясно даже изъ его упрековъ (1) Эвдоксу и Архиту, которые прилагая механику къ стратегіи, по его мнѣнію, унижали геометрію, потому что отъ предметовъ умственныхъ переводили се къ матеріальнымъ.

Изъ Тарента и Великой Греціи Платонъ отправился въ Сицилію—по мнѣнію однихъ (2) для того, чтобы видѣть изверженіе Этны, по словамъ сочинителя седьмага письма, для того, чтобы собрать опыты, относящіяся къ законодательству и политикѣ; нѣкоторые же (3) говорятъ, что Діонъ, благородный юноша (4), побуждаемый громкою славою Платона, упрости своего государя и родственника пригласить его въ Сиракузы. Платоновы наставленія, продолжаютъ они, сдѣлали на Діона столь сильное впечатлѣніе, что, возненавидѣвъ развратную жизнь изнѣженныхъ Сиракузянъ, онъ вознамѣрился со временемъ освободить своихъ согражданъ отъ ига деспотической власти и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ, мудрыхъ законовъ. Но Діонисію бесѣды Платоновы небыли такъ пріятны, какъ Діону; напро-

(1) *Plut. vitae paralellae illustr. imperat. v. Marcellus.*

(2) *Diod. Syc. XV. 7. Athenag. xi. 507. Apulei p. 5. Diog. Laert. III. 18. Olympiod. p. 79.*

(3) *Corn. Nepot. X. 2.*

(4) *Epist. VII. 524. A. 527. A. 556. A. Cicer. de orat. III. 54. Plut. Dion.*

тивъ, онъ возбудили въ немъ мысль посягнуть даже на жизнь Аѳинскаго мудреца; и только покровительство Аристомена и Діона могло спасти его отъ смерти. Впрочемъ Діонисій успѣлъ уговорить Спартанскаго посланника Полиса взять Платона на свой корабль и продать его на островъ Эгинъ, который въ то время велъ войну съ Аѳинянами. Такимъ образомъ Платонъ былъ проданъ; но Киринейнинъ Аннихерисъ (1), выкупивъ его за 20 или за 30 минъ, препроводилъ въ Аѳины.

Возвратившись въ отечество, Платонъ открылъ философскую кафедру въ Академіи (2), находящейся въ предмѣстіи Аѳинъ, гдѣ былъ и собственный его садъ (3). О методѣ его ученія и правилахъ школы дошло до насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Олимпіодоръ говоритъ, что почитая математику наукою, необходимою для философа, Платонъ надъ дверьми своей аудиторіи сдѣлалъ слѣдующую надпись: *ἄδεις ἀγεομετρῆτος εἰσέλτω* (4). Уроки его, также какъ и

(1) *Diog. Laert.* III. 20. *Plut.* 960. A.

(2) *Diog. Laert.* III. 9. τὸ δ' ἔστι γυμνάσιον προα-
στεινὸν ἀλαβίδος, ἀπὸ τίνος ἤρωος ὀνομασθέν Ἐκαδήμιον

(3) По словамъ Діогена Лаерція (III. 20) Платонъ возвратилъ Аннихерису деньги, заплаченные имъ за его свободу; но Аннихерисъ купилъ на нихъ усадьбу, или загородную мызу близъ Академіи, и подарилъ ее Платону.

(4) Безъ знанія геометріи, никто не входи.

Пинеагоровы, говорятъ, раздѣлялись на эсотерическіе и экзотерическіе: но достовѣрно ли это мнѣніе,—увидимъ ниже. Ученіе Платона было столь увлекательно, что его слушали соотечественники и иностранцы, юноши и старики, полководцы и политики. Изъ безчисленнаго множества Платоновыхъ слушателей, исторія сохранила знаменитыя имена Тимофея, Фокіона, Иперіда, Димосѣна и другихъ.

Черезъ 20 лѣтъ отъ основанія Академіи (103. 1. о.), Діонисій Старшій умеръ, и на престолъ Сициліи вступилъ сынъ его Діонисій Младшій. Говорятъ, что Діонъ, не теряя изъ виду политическаго своего плана, просилъ юнаго государя пригласить къ себѣ Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ самому философу, чтобы онъ не отказывался отъ приглашенія (1). Діонисій дѣйствительно сдѣлалъ по желанію своего родственника; — и Платонъ, сдавъ на время академическую кафедру Гераклиту Понтійскому, отправился съ Спевзиппомъ въ Сиракузы. Государь принялъ его очень милостиво, даже съ отличною честью (2); однакожь надежда Діона не исполнилась; потому что въ его дѣло вмѣшалась другая политическая партія, управлявшаяся историкомъ Филистомъ. Она навела

(1) Epist. VII. 329. C.

(2) *Suidas* Heracl. Epist. II. 73. *Aelian*. IV. H.v. 18. *Plin.* H. N VII. 30. *Menz* in *Aristippi vita* (Hal. M. 1719) p. 25.

на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ, подѣ предлогомъ попеченія о образованіи Діонисія, скрывалъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. По этому Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратиться въ Грецію. Впрочемъ, не смотря на столь враждебныя чувствованія къ Платону, Діонисій вскорѣ снова и не однократно звалъ его въ Сиракузы, прислалъ за нимъ корабль и обѣщался исполнить всѣ его желанія касательно Діона. Въ то же время Діонъ, Архитъ и другіе Пинеагорейцы извѣщали его, что Діонисій совершенно посвятилъ себя философіи и настоятельно просили не отвергать его приглашенія. Убѣжденный сими просьбами, Платонъ, въ четвертомъ году 104 олимпіады, предпринялъ третіе путешествіе въ Сицилію (1); но, по пріѣздѣ туда, скоро замѣтилъ, что друзья представляли ему надежды несбыточныя. Разсмотрѣвъ дѣло вблизи, онъ нашелъ въ Діонисіѣ, вмѣсто искренняго расположенія къ философіи, одно тщеславіе. По этому началъ опять приготовляться къ отъѣзду; а Діонисій старался удержать его. Между тѣмъ, въ отношеніи къ Діону, приняты были мѣры еще строжайшія. Діонисій, будучи по праву родственника опекуномъ сына Діонова,

(1) *Corsini de die. nat.* p. 107. 113. *Bartelemy voyage du jeune Anach.* примѣч. къ глав. xxxiii. Т. IV. p. 278. sqq. Платонъ былъ тогда 69 лѣтъ отъ роду. *Epist.* VII. 338 С. ἀποκρινάμενος, δεῖ γέρων τε εἶην.

объявилъ за послѣднимъ половину имущества, принадлежавшаго отцу, и продалъ все недвижимое его имѣніе. Въ то же самое время подвергся великой опасности и Платонъ, принявъ къ себѣ Гераклида, друга Діонова, котораго обвиняли въ возмущеніи Діонисіева войска; а разговоръ Платона съ Θεодотомъ, другимъ другомъ Діоновымъ, еще болѣе раздражилъ Діонисія; такъ, что Аѳинскій философъ отданъ былъ подъ стражу и со дня на день ожидалъ смерти. Узнавъ о столь бѣдственномъ положеніи своего друга, Архитъ, подъ видомъ посольства, отправилъ къ Діонисію Ламиска, который наконецъ упросилъ его отпустить Платона и выдать ему путевыя деньги. На возвратномъ пути Платонъ узналъ, что Діонъ, во время Олимпійскихъ игръ, готовился къ войнѣ противъ Діонисія; а потому послѣдній отъѣздъ его изъ Сициліи былъ въ первомъ году 105 олимпіады.

Вотъ краткое обозрѣніе рассказовъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго міра, о путешествіяхъ Платона въ Сицилію и объ обстоятельствахъ его тамъ пребыванія. Судя по историческому достоинству тѣхъ источниковъ, откуда онѣ почерпнуты, ихъ нельзя почитать несомнѣнными. Усвояемыя Платону письма, изъ которыхъ Плутархъ, Діогенъ Л. и другіе заимствовали изложенные нами факты, суть произведенія вѣроятно одного изъ учениковъ, или почитателей Платона; слѣдовательно, всѣ сказа-

нія о намѣреніяхъ нашего философа, о его пребываніи въ Сиракузахъ, о его отношеніяхъ къ Діону и Діонисію, совершенной достовѣрности не имѣють. Несомнѣннымъ здѣсь можно почитать только то, что Платонъ изъ Тарента прибылъ въ Сиракузы по приглашенію Діона, который находясь въ связяхъ съ Тарентскими Пиногорейцами, узналъ чрезъ нихъ о славномъ мудрецѣ Аѳинскомъ; что по смерти Діонисія Старшаго, Діонъ пригласилъ его въ другой разъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Платонъ преподалъ юному государю истинно благія правила, отклонилъ его отъ привычекъ порочной жизни и своимъ вліяніемъ расположилъ его сердце къ дядѣ, который никогда не пользовался его любовію. Принявъ это за вѣрное, должно согласиться, что путешествуя въ Сицилію, Платонъ не имѣлъ ни философской, ни политической цѣли, не замышлялъ государя сдѣлать философомъ, а его государство республикою и осуществить свою политическую идею: одно только чувство дружбы къ Діону и надежда быть полезнымъ Діонисію, заставили его подвергаться опасностямъ пути и превратностямъ политической жизни. Справедливость сей мысли особенно подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ четвертомъ разговорѣ Платона о законахъ, гдѣ онъ монархическое правленіе предпочитаетъ всѣмъ прочимъ, и для мудраго законодательства требуетъ государя

мудраго, юнаго, одареннаго хорошими способностями ума, образованнаго, мужественнаго и съ возвышенными чувствованіями. Это мѣсто всегда можетъ быть апологіею Платона и въ отношеніи къ Діонисію (1).

Хотя сочиненія и философія Платона гораздо болѣе знакомятъ насъ съ его характеромъ, нежели самыя свидѣтельства современниковъ; однакоже скажемъ нѣсколько словъ и о его характерѣ. Платонъ, говорятъ (2), небылъ такъ веселъ, откровененъ и обязателенъ, какъ Сократъ; но казался скрытнымъ и угрюмымъ, и, по тогдашней пословицѣ, совершенно изгналъ изъ Академіи бога веселости и смѣха. Но изгнаніе смѣха и веселости могло казаться

(1) Въ письмахъ, усвоенныхъ Платону и его друзьямъ, есть намеки, по которымъ можно думать, что онъ находился въ тѣсной связи съ сильными въ то время аристократами, разсѣявшимися по Сициліи, Италіи и Греціи, и что эта связь прикрывалась завѣсою тайны и образовала Пифагорейскій союзъ. Но сомнительно, чтобы Платонъ былъ членомъ сего братства; потому, что онъ вообще не любилъ тайныхъ обществъ и мало цѣнилъ дружбу людей, соединенныхъ для какой бы то ни было сокровенной цѣли. См. Письмо VII р., 333. D. Платону не приписываютъ никакихъ политическихъ замысловъ, во время пребыванія его въ Сиракузахъ; но приписываютъ ихъ Спевзиппу. См. *Plutarch. Vit. Dion.*

(2) *Diog. L. III. 26. Aelian III. 55.* см. *Meiner's Geschichte des Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften. Th. II. B. VIII. Cap. 3.*

недостаткомъ только для людей легкомысленныхъ, и въ такомъ вѣкъ, когда училъ Платонъ, то есть, когда Греки искали во всемъ болѣе развлеченія и блеска, нежели наставленій и пользы. Говорятъ также, что онъ питалъ тайную вражду къ прочимъ ученикамъ Сократа, или по крайней мѣрѣ презиралъ ихъ (1). Это конечно могло быть: онъ не имѣлъ хорошаго понятія о философіи Антисѣена, Аристиппа и Эвклида. Слава Академіи, всеобщее удивленіе, приносимое въ жертву ея основателю, внутреннее сознаніе преимущества предъ современными мыслителями,—все это легко могло расположить Платона къ нѣкоторому самомнѣнію и гордости. Но если, по пословицѣ, и Гомеръ иногда дремалъ; то почемужъ не дремать Платону! За то, по свидѣтельству Плутарха (2), онъ самъ себя строже наказывалъ за гордость, нежели враги его. Къ числу враговъ и завистниковъ Платона, Діогенъ Л. (III. 34. 35) относитъ преимущественно Ксенофонта, который, какъ бы состязаясь съ Платономъ, старался писать въ томъ же родѣ и о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Поводомъ къ этой, неизвѣстной у насъ прагматической полемикѣ, говорятъ, послужилъ невыгодный отзывъ Платона о Ксенофонтонвой киропедіи,

(1) Diog. L. III. 34, 35.

(2) *Plutarch.* VIII. 178.

выраженный въ его республикѣ (1). Наконецъ упрекають Платона и въ томъ, что онъ вносилъ въ свои творенія чужія мысли, даже чужія сочиненія (2), что всѣ его разговоры суть просто компиляціи (3), что его Тимей есть списокъ съ древней рукописи Тимея (4), что его республика не что иное, какъ переработка Протагоровыхъ антилогій (5), что онъ весьма много заимствовалъ у комика Эпихарма и для той же цѣли купилъ три книги Пифагоровы. Но если Платонъ и пользовался чужими мыслями, то пользовался какъ геній, который, собирая матеріалы, даетъ имъ собственную форму и творить новое, оригинальное, неподражаемое. Вотъ что говоритъ объ этомъ Thiersch (6): *Platoni vero illud non est opprobrio vertendum. Nam quod erat profundum ejus ingenium et infinita mentis*

(1) Книга: *περὶ παλαιᾶς Τρυφῆς*, приписываемая Аристиппу, и эпиграммы у Диог. Л., будто бы написанныя Платономъ, обвиняють нашего философа въ худой нравственности: но эти документы столь сомнительны, что ни сколько не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ обвиненій. *Diog. L. III. 29. Athen. XIII. p. 589.* О враждѣ Платона съ Ксенофонтѣмъ чит. *Böckh. de Simultate, quam Plato cum Xenophonte exercuisse fertur.*

(2) *Diog. L. VI. 27.*

(3) *Athen. XI. p. 15.*

(4) *Timon. Aul. Gell. III. 17.*

(5) *Diog. L. III. 37.*

(6) *Diatrib. de Aristobulo 1806. p. 65.*

capacitas, omnia, quae ab aliis aut inventa aut disputata erant, intento studio recolebat secum atque fovebat, ut divino ipsius lumine illustrata miraque arte efformata novo tum splendore tum cultu in conspectum hominum emitterentur. Licet igitur vel centum Timones et Athenaei, magnorum ingeniorum humiles ipsi osores, loca nobis monstrarent, in quibus multiplicis eruditionis fontes ante stagnaverint, quam Platonis afflatu in limpidos liquores mutata profluerent, nihil tamen ejus laudi derogare possent. Quae enim Platonis studio retractantur, ea Platonis propria fiunt, cujusque tandem antea fuisse perhibeantur.

non bene est.

Платонъ умеръ, какъ сказано выше, въ первомъ году 108 ол. и при томъ въ мѣсяцъ Гекатомбеонъ (а не въ день своего рожденія, въ Таргеліонъ, какъ полагаетъ Сенека (1). Онъ прожилъ 81 годъ и, кажется, до послѣдней минуты своей жизни, то писалъ, то исправлялъ написанное (2). По смерти сего великаго мужа, на восковой доскѣ его нашли его республику со множествомъ перемарокъ и поправокъ (3). Аѳиняне воздвигли ему памятникъ съ надписью, не въ дальнемъ разстояніи отъ академіи, въ которой онъ былъ погребенъ: а Ми-

(1) Epist. L. VIII. § 27.

(2) Cicero. de Senect. 5.

(3) Dionys. Halicarn. de comp. verb. c. 25. Quint. inst. orat. VIII. 6. Muret. var. lect. XVIII. 8.

тридять, по свидѣтельству Фаворина (1), приказалъ Силаніану сдѣлать статую Платона и поставилъ ее въ академіи.

(1) Diog. L. III. 25. На пьедесталѣ этой статуи была надпись: *Μητροδαΐης ὁ Ῥοδοβάρης Πέρσης Μύσαις εὐχόμενα ἀνέθετο Πλάτωνος, ἣν Σιλανίων ἐποίησεν*

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПЛАТОНА.

Общій, предварительный взглядъ на сочиненія Платона, по нашему предположенію, долженъ руководствовать читателя къ приобретенію вѣрнаго о нихъ понятія и служить ему предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію ихъ духа и характера. Если какая книга имѣетъ нужду въ подобномъ введеніи; то безъ сомнѣнія сочиненія Платона, потому что ни древній, ни новый міръ, не представляютъ писателя, который бы имѣлъ большее право жаловаться на позднѣйшихъ ученыхъ, какъ Платонъ, котораго бы такъ немилосердо переимчивали и перетолковывали, какъ его. Сократъ, выслушавъ написаннаго Платономъ Лизиса, сказалъ (1): «Безсмертные боги! чего не выдумаетъ на меня этотъ молодой человекъ!» Но что сказалъ бы Платонъ, прочитавши всѣ изложенія своей философіи, всѣхъ своихъ комментаторовъ и историковъ, отъ Аристотеля и Плутарха до Теннемана и Риттера? Какъ часто и разнообразно они измѣняли его ученіе! Сколько приписывали ему и сколько отнимали у

(1) Diog. L. III. 35.

него произвольно! Самыя сочиненія Платона то увеличивались, то уменьшались въ своемъ объемѣ, смотря потому, сколько кому угодно было отдѣлить подложныхъ отъ подлинныхъ его разговоровъ. Платонъ, своимъ твореніямъ какъ будто завѣщаль даръ Протея,—скрывать въ однихъ и тѣхъ же формахъ всѣ идеи и обнаруживать ту или другую сообразно съ желаніемъ и духомъ читателя. Но между тѣмъ все это происходило отъ недостатка строгой и отчетливой критики и отъ того, что на нихъ смотрѣли большею частію, какъ на памятники просто литтературы, а не философіи, которая въ семь случаевъ была по крайней мѣрѣ дѣломъ второстепеннымъ. Риттеръ справедливо замѣтилъ (1), что великаго мыслителя рѣдко понимаютъ современники, что только время и потомство выясняютъ его идеи. Потомки окружаютъ его, какъ своего учителя; потому что вѣки грядущіе суть ученики протекшихъ.

Но чтобы составить вѣрное понятіе о сочиненіяхъ Платона, надлежало бы прежде обратить вниманіе на современное Платону состояніе Греціи, на главное направленіе тогдашней философіи, на духъ ученыхъ произведеній, принадлежавшихъ той эпохѣ, на степень ихъ распространенія, на нравственный характеръ соотечественниковъ нашего философа и

(1) Gesch. der Phil. alter. Zeit. Th. 2. B. VIII. c. 6.

пр. Все это безъ сомнѣнія было условіемъ, подь которымъ сочиненія Платона должны были получить такія или другія свойства; следовательно все это могло бы объяснить многое, что въ нихъ темно, подвергнуть сомнѣнію то, что теперь кажется несомнѣннымъ, и вообще привести къ такимъ результатамъ, которыхъ до сихъ поръ мы, можетъ быть, и не представляемъ. Но сіи изслѣдованія увлекли бы насъ далеко за предѣлы нашего плана и заставили бы повторять то, что изложено во всякой исторіи литературы, политики и философіи. Переводя сочиненія Платона, мы, гдѣ нужно, будемъ обращаться къ симъ пособіямъ и ими подтверждать, или отвергать мнѣнія о смыслѣ и значеніи частныхъ мвствъ въ его разговорахъ: а теперь, для достиженія предположенной цѣли, считаемъ нужнымъ говорить о языкѣ, формѣ, методѣ (философствованія), составѣ и порядкѣ Платоновыхъ сочиненій.

Мнѣнія древнихъ о языкѣ Платона весьма различны. Одни превозносятъ его съ энтузіазмомъ, какъ явленіе, небывалое ни въ какую эпоху Греческаго образованія; другіе напротивъ унижаютъ его достоинство до послѣдней крайности.

Остроумные современники Платона часто шутили надъ языкомъ его сочиненій. Діогенъ Лаерцій (1) сохранилъ нѣсколько такихъ шу-

(1) *Diog. L.* III. 21, 29.

токъ и приписываетъ ихъ преимущественно тогдашнимъ Аѳинскимъ комикамъ, Теопомпу, Тимону, Алексису и другимъ. Впрочемъ все, что они говорили, направлено болѣе противъ мнимой странности и темноты нѣкоторыхъ Платоновыхъ мыслей, нежели противъ чистоты выраженій. Другіе, смотря на сочиненія Платона со стороны языка, почитали ихъ только памятникомъ софистическаго тщеславія и не находили въ нихъ ничего, кромѣ нарядности и суетнаго щегольства фразы, въ которой болѣе громкихъ словъ, нежели основательной мысли (1). Говорили, что плодovitость Платонова языка нерѣдко перерождается въ роскошь, несовмѣстную съ свойствомъ философскихъ изслѣдованій, что монологи Платоновыхъ разговоровъ, то несносно растянуты, то непостижимо темны, что въ сочиненіяхъ Платона много странныхъ оборотовъ, а въ языкѣ много солецизмовъ (2).

Читая сіи обвинительные пункты, невольно представляешь себѣ отзывы критики и о философской литературѣ нашего времени. Чего требуютъ отъ ней?—Общепонятности, легкости въ языкѣ, ясности въ мысляхъ, изящества въ

(1) *Meiners* Gesch. d. Wissensch. in Griechenl. und. Rom T. 2. B. VIII. cap. 3.

(2) *Dionys.* VI. 957—64. 972. 1032—34. 1038. 1043. Также Лонгинъ, *περί ὕψους* passim. У Діонисія собраны примѣры ошибокъ противъ языка изъ всѣхъ сочиненій Платона.

обработкѣ. Поверхностное сужденіе хотѣло бы подстроить ее подъ тонъ эфемерныхъ фельетоновъ, забывая, что языкъ философскій есть нарѣчіе кабинетное, необходимое для выраженія высокихъ идей ума, что оно никогда не можетъ быть перелито въ формы болѣе простыя и общеупотребительныя въ обыкновенныхъ сношеніяхъ людей въ свѣтѣ. Съ другой стороны, языкъ свѣта, легкая оболочка летучихъ мыслей, вовсе недостаточенъ для выраженія высокихъ идей философіи. Онѣ, жительницы міра духовнаго, бываютъ только минутными гостями земли: озаривъ душу философа свѣтомъ, постигаемымъ только въ глубинѣ ума, онѣ темнѣютъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ обыкновенныхъ формъ человѣческой мысли, а еще темнѣе становятся, облекаясь въ человѣческое слово. Можно ли опредѣленно обрисовать предметъ, неуловимый вполнѣ ни какими формами не только языка, но и самаго мышленія? Есть слово для выраженія; но оно не выражаетъ предмета: оно идетъ за идеею только издали и формуетъ одну тѣнь ея, одинъ слѣдъ, оставленный ею земному мыслителю. Вотъ основаніе, на которомъ зиждется и развивается наука, никогда неоканчивающая своего развитія! И вотъ вмѣстѣ причина, по которой философъ принужденъ выходить за предѣлы обыкновенныхъ формъ народнаго выраженія

и изъ общественнаго языка образовать частное, кабинетное нарѣчіе!

Съ симъ - то нарѣчіемъ восходилъ на свою кафедру и Платонъ. Его окружало общество людей образованныхъ, но съ образованіемъ тогдашняго вѣка, привыкшаго къ пріятнымъ и легкимъ впечатлѣніямъ изящнаго. Эти люди были не мудрецы, углублявшіеся въ истину, но питомцы софистовъ, требовавшіе игры въ словахъ, парадности и декламациі въ дѣйствіи: избалованные роскошью и нѣгою въ домашней жизни, они приносили тотъ же вкусъ и въ академію, и жаждали роскоши въ самой рѣчи. Удивительно ли, что Платонъ, съ своими новыми идеями, требовавшими натурально и новаго языка, не всегда удовлетворялъ ихъ ожиданіямъ? Глубокій взглядъ его на свойства ума, высprenнія понятія его о природѣ, славная теорія его идей, высокое ученіе его о законахъ и организмъ политическаго тѣла, созерцаніе Бога, изображеніе любви, красоты высочайшаго блага и проч., все это созрѣло и образовалось въ душѣ Платона прежде, нежели готовы были формы, слова и выраженія для воплощенія его идей. По сей причинѣ онъ долженъ былъ дополнять языкъ соотечественниковъ новыми терминами, устанавливать ихъ значеніе, объяснять ихъ слушателямъ, и для объясненія прибѣгать къ аллегоріямъ, вымышлять образы, принимать пареміе поэта. Этимъ легко объяс-

няется растянутасть нѣкоторыхъ его монологовъ, темнота нѣкоторыхъ мыслей и высокость тона, требовавшая соответственной нарядности языка. При томъ должно замѣтить, что Платонъ училъ и писалъ въ такое время, когда процвѣтали софистика и діалектика, что ему надлежало имѣть дѣло съ людьми, дѣйствительно искусными въ словѣ; слѣдовательно, надобно было и самому утончать свои понятія, обрабатывать языкъ, чтобы распутывать софизмы, которыхъ узелъ скрывался большею частію въ неопредѣленномъ значеніи словъ. Отсюда то, безъ сомнѣнія, происходитъ та заботливость, съ которою Платонъ при всякомъ случаѣ старается опредѣлять смыслъ въ рѣчахъ своихъ собесѣдниковъ и соединять съ извѣстными словами извѣстныя понятія, такъ чтобы въ нихъ не оставалось ничего двусмысленнаго и темнаго. Но стараясь объ этомъ, не всегда можно было избѣгать сухости и утомительности въ рѣчи.

Такимъ образомъ, находясь между двумя сильными и почти противоположными двигателями,—между высокими идеями ума, требовавшими новаго, философскаго языка, и между вкусомъ своего времени, желавшимъ пріобрѣтать мудрость подъ легкими и общенародными формами слова, Платонъ только силою своего генія могъ примирить и сочетать сіи крайности. Онъ создалъ изящный языкъ высшаго

стиля,—такой языкъ, который годился и для выраженія его идей и для увлеченія слушателей, былъ и новъ и ясенъ, и ученъ и роскошенъ, и точенъ и блистателенъ. Древніе называли его языкомъ боговъ, такъ какъ самаго Платона царемъ философовъ (1) и говорили, что самъ Юпитеръ, если бы онъ захотѣлъ объясняться словомъ человѣческимъ, употребилъ бы слово Платона (2). Другіе, не столь восторженные цѣнители Платонова языка, слышали въ немъ по крайней мѣрѣ гармонію музыки (3). Пока Платонъ, какъ свидѣтельствуетъ Діонисій (4), подражая своему учителю, говорилъ безъ натяжекъ и изысканности, простая рѣчь его была невыразимо пріятна и увлекательна: тогда она казалась чище и правильнѣе нарочито обработанной рѣчи другихъ, тогда она была ясна, какъ день, и не заключала въ себѣ ни одного лишняго слова. Но, говоря о языкѣ Платона, мы имѣемъ особенное право положиться въ семь отношеніи на судъ Цицерона, какъ отличнаго между Римлянами Эллиниста, и зна-

(1) *Cic. de orat.* 1. II.

(2) *Dionys. de admirab. vi dicendi in Demosth.* VI. p. 1024.

(3) *De compr. verb.* VI. 101. *Diog. L.* III. 37, 38.

(4) *De admirab. vi dicendi in Dem.* VI. p. 965. et sq. *de Platone ad Cn. Pomp.* 758 et sq.

менитаго оратора. Онъ признается (1), что свою славою и успѣхами на кафедрѣ ораторской обязанъ, не наставленіямъ риторовъ, а изученію Платоновыхъ сочиненій, и думаетъ, что изъ того же источника почерпнулъ свое краснорѣчіе и Демосфень, бывшій, какъ сказано выше, усерднымъ слушателемъ Платона. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Платонъ писалъ прозою; но его проза будучи выраженіемъ высокихъ идей, впечатлѣна характеромъ поэзіи: Прозаическому языку Платона, кажется, недоставало только стихотворнаго такта, чтобы превратиться въ оды Пиндара, *ut mihi non hominis, sed quodam Delphico videatur oraculo instinctus (sermo ejus)* говоритъ Квинтиліанъ (2).

Платонъ изложилъ свое ученіе въ формѣ разговорной. Впрочемъ, разговорная форма сочиненій,—не его изобрѣтеніе. Аристотель (3) первымъ діалогистомъ почитаетъ Алексамена Тео-

(1) *Cicer. orat. V. 3. 4. Fateor, me oratorem, si modo sim, aut etiam quicumque sim, non ex rhetorum officinis, sed ex academiae spatiis extitisse. Illa enim sunt curricula multiplicium uberiorumque sermonum, in quibus Platonis primum sunt impressa vestigia; sed et hujus, et aliorum philosophorum disputationibus, et exagitatus maxime orator est et adjutus. Omnis enim ubertas et quasi silva dicendi, ducta ab illis est. Quod idem de Demosthene existimari potest, cujus ex epistolis intelligi licet, quam frequens fuerit Platonis auditor.*

(2) *Quint. X. I. p. m. 578.*

(3) *Arist. Athen. X. 378.*

скаго: но вѣроятно Эпихармъ (1) и Зенонъ Элейскій (2) употребляли ту же самую форму, еще прежде Алексамена. Покрайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться, что философскій разговоръ подъ перомъ Платона получилъ неслыханную дотогѣ искусственность, всесторонность, и діалектическую гибкость. Владѣя имъ вполне, Платонъ нечувствительно измѣняетъ направленіе рѣчи, ловко изворачивается при столкновеніи противурѣчущихъ мыслей, постепенно приводитъ въ ясность самыя запутанныя понятія, искусно соединяетъ результаты отдаленныя, кстати сводитъ мысли собесѣдниковъ, нечаянно дѣлаетъ такія заключенія, которыя поставляютъ оппонента въ крайнее затрудненіе. Однимъ словомъ: въ Платоновомъ разговорѣ приводятся въ дѣйствіе всѣ способы искусной стратегіи. Онъ, то принимаетъ выпрепнній полетъ диэриамба, то переходитъ въ холодную и спокойную прозу, то сыплетъ колкости сатиры, то дѣлается шутивнымъ, какъ комедія. Посредствомъ столь изворотливаго разговора, Платонъ разсматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ, составляетъ его во всѣ возможные отношенія и такимъ образомъ мало по малу разоблачаетъ внутреннія его свойства.

(1) *Diog. L. III. 14. sq.*

(2) *Diog. L. III. 47. sq. Arist. de sophist. elench. 10.*

Съ этою гибкостію разговора у Платона въ совершенной гармоніи ловкость и оригинальность эротематической методы. Слѣдую ей со всею строгостію, Платонъ не обнаруживаетъ и тѣни догматизма. Истина у него независима, не принадлежитъ никому, не есть достояніе какого нибудь одного лица; но является сама собою, чрезъ сравніваніе и оцѣнку противоположныхъ взглядовъ. Правда, Сократъ—лице въ Платоновыхъ разговорахъ оцѣнивающее достоинство мнѣній, кажется жрецомъ истины: его сужденія носятъ печать высшаго вѣроятія и убѣдительности; но онъ выслушиваетъ, какъ ученикъ, изслѣдываетъ, какъ человѣкъ любознательный, а не рѣшаетъ какъ оракуль, не проповѣдуетъ, какъ безотчетная мудрость, не вливаетъ истины въ умы собесѣдниковъ, какъ въ пустой сосудъ (1). Однимъ словомъ, Сократъ въ Платоновыхъ сочиненіяхъ точно таковъ, какимъ онъ былъ на площадяхъ и въ портикахъ Аѳинскихъ. Единственное различіе между Сократомъ, сыномъ Софрониска, и Сократомъ Платоновымъ есть то, что первый эротематическую методу направлялъ къ обнаженію злоупотребленій практической жизни и дѣятельности своихъ современниковъ, а послѣдній ту же самую методу применилъ къ обличенію заблужденій современной философіи и къ основательнѣй-

(1) *Plat. Protag.* p. 314.

шему изслѣдованію истинъ метафизическихъ. Вообще Платоновъ разговоръ можно назвать литературною копіею тогдашнихъ ученыхъ Аѳинъ: въ Аѳины все стекалось и разсуждало; въ Платоновомъ разговорѣ всѣ разсужденія записывались и приводились въ порядокъ.

Впрочемъ, сдѣланныя нами замѣчанія относятся болѣе къ наружной сторонѣ Платоновой методы; и мы не рассмотрѣли бы и половины дѣла, еслибы упустили изъ вида внутренней ея характеръ. Упомянуть о немъ тѣмъ нужнѣе, что онъ можетъ служить надежнымъ указателемъ истиннаго смысла и цѣли частныхъ бесѣдъ Платона. Существенное, внутреннее свойство Платоновыхъ разговоровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти никогда не выводятся и ясно не высказываются послѣдніе результаты изслѣдованія, что они въ философскомъ отношеніи не имѣютъ ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца (1). Платонъ вводитъ Сократа въ бесѣду съ любителями философіи и истины. Какое нибудь маловажное обстоятельство изъ жизни домашней или общественной подаетъ поводъ къ разговорѣ, и разговоръ мало по малу принимаетъ направленіе философское. Сократъ прикрывается завѣсою совершеннаго невѣденія того дѣла, о которомъ

(1) *Cicer. acad. quaest. I. B. Tennem. Syst. d. Platon. Phil. B. I. 5. 139. sqq.*

идеть рѣчь: другіе напротивъ излагаютъ свои мнѣнія почти всегда съ самоувѣренностію и педантскимъ тщеславіемъ. Сократъ сомнѣвается, и, предлагая своимъ собесѣдникамъ вопросъ за вопросомъ, кажется не имѣть при этомъ никакой особенной цѣли, кромѣ безотчетнаго желанія узнать истину; въ самомъ же дѣлѣ, сообразуясь съ ихъ отвѣтами, онъ ведетъ ихъ къ какому - то результату, котораго они не предусматриваютъ. Наконецъ, изъ свойства ихъ отвѣтовъ, или изъ прежняго ихъ согласія на положенія Сократа, вытекаетъ заключеніе, ясно обнаруживающее ихъ заблужденія. Такимъ образомъ истина освобождается отъ всѣхъ чуждыхъ ей покрововъ, выводится изъ предѣловъ и формъ всѣхъ школъ, становится какъ бы существомъ безплотнымъ, и мгновенно, какъ существо безплотное, исчезаетъ. Сократъ разоблачилъ ее, приблизилъ къ ней умы собесѣдниковъ, далъ имъ почувствовать ея красоту, величіе и совершенство, но не показалъ ея лицомъ къ лицу, не назвалъ по имени, не выразилъ словомъ, и она осталась только предметомъ внутренняго, глубокаго ощущенія, тайною бесѣдовавшихъ душъ, а не науки, изложенной въ книгѣ. Если же иногда надлежало дать о ней какое нибудь опредѣленное понятіе; то Сократъ собиралъ отдѣльныя черты ея, какъ разсыянные обломки разбитаго зеркала; изъ тѣхъ мнѣній, которыя были уже опровергнуты,

и торжественно сознавался, что онъ никакъ не можетъ соединить ихъ въ одно цѣлое.

Теперь видна причина, почему философія Платона во всю времена была понимаема различно и, не смотря ни на какое различіе понятій, постоянно увлекала умы: но невидно, гдѣ искать истинной Платоновой философіи. Она должна быть вся въ его сочиненіяхъ, а изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что ее, по крайней мѣрѣ вполнѣ, нѣтъ тамъ. Это явное противорѣчіе приводило критиковъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Спрашивали: существующія нынѣ сочиненія Платона не для того ли только написаны, чтобы ученики его по нимъ могли припоминать положительныя идеи своего учителя? Не содержится ли въ нихъ одна экзотерическая его философія. Вся ли его творенія дошли до насъ?

Прежде нежели будемъ отвѣчать на эти вопросы, мы должны изслѣдовать: какова была форма устныхъ уроковъ Платона, и направленіе его разговоровъ не указываетъ ли на какую нибудь опредѣленную цѣль ихъ?

Въ Платоновомъ Федрѣ мы находимъ нѣсколько намековъ на то, что разговорная метода устнаго преподаванія имѣетъ преимущество предъ методою, въ собственномъ смыслѣ догматическою(1). Основываясь на этихъ замѣчаніяхъ, Шлей-

(1) Должно замѣтить, что въ этихъ мѣстахъ Платонъ говоритъ не исторически о своихъ устныхъ

ермахеръ доказываетъ, что извѣстные нынѣ разговоры Платона, по самой своей формѣ, суть списки съ устныхъ его бесѣдъ. Въ подтвержденіе сего мнѣнія можно бы еще указать на отзывъ Платона объ Аристотелѣ, какъ объ умѣ академіи, въ отсутствіе котораго, по его словамъ, она была глуха (1). Но мы имѣемъ причины думать, что въ устномъ преподаваніи своего ученія Платонъ держался не исключительно разговорной формы. Въ Греціи въ его время господствовалъ софистическій способъ наставленія; а извѣстно, что скептицизмъ софистовъ былъ самымъ строгимъ догматизмомъ. Они требовали отъ слушателей вѣры безусловной, которая, натурально, не давала мѣста возраженіямъ и не допускала разговорной формы ученія. Если Платонъ и не вполне увлекался этимъ духомъ вѣка; то долженъ былъ ограничиваться обстоятельствами своей школы. Она имѣла опредѣленное мѣсто и состояла изъ множества слушателей: можно ли было удержать единство предмета и цѣли, и вести непрерывную нить разговора, когда въ изслѣдованіи участвовала цѣлая масса людей съ разными понятіями и частными взглядами? Впрочемъ мы не говоримъ, что бы Платонъ, при

урокахъ, а только показываетъ, что эротематическая метода при наставленіи лучше софистической.

(1) *Ammon. vit. Arist.*

устномъ преподаваніи своего ученія, вовсе не употреблялъ разговорной формы; а только утверждаемъ, что въ этомъ случаѣ эротематическая метода была не всегдашнею его методою и прилагалась изрѣдка, развѣ къ приближеннѣйшимъ ученикамъ его. Слѣдовательно, разговоры Платона не могли быть настоящимъ спискомъ съ устныхъ бесѣдъ его. Это заключеніе найдетъ достаточныя основанія и въ рѣшеніи втораго вопроса.

Всматриваясь въ содержаніе и направленіе Платоновыхъ сочиненій, мы замѣчаемъ въ нихъ совмѣстное изложеніе идей, принадлежащихъ Платону, съ критикою прежнихъ и современныхъ умствованій. Въ древнемъ мірѣ философія излагается почти всегда прагматически: тогда еще не отдѣлялись ея исторіи отъ ученія положительнаго; доказательство на это почти всѣ памятники древней философской литературы, а особенно сочиненія Аристотеля и Цицерона. Сего же способа при изложеніи своихъ идей, держался и Платонъ, и держался едва ли не строже всѣхъ современныхъ и послѣдующихъ мыслителей; хотя должно согласиться, что такое совмѣщеніе философской догматики съ ея исторіею, вообще въ Греціи, и въ частности у Платона, происходило только отъ неполноты развитія наукъ, а не являлось въ сознаніи, какъ достоинство методы. Такое стрем-

леніе древнихъ мыслителей къ прагматическому изложенію наукъ, позволяетъ намъ угадывать причину, по которой Платонъ избралъ для своихъ сочиненій діалектическую форму. Нѣтъ сомнѣнія, что для прагматизма она гораздо удобнѣе всякой другой. Непрерывная рѣчь, какъ бы ясна ни была, никогда не въ состояніи выразить всѣхъ оттѣнковъ мысли, показать всѣ ея изгибы и отношенія. Употребляя ее, писатель невольно слѣдуетъ одному извѣстному взгляду и обращаетъ мало вниманія на другіе отъ него отличные; по этому часто упускаетъ изъ вида мнѣнія, болѣе или менѣе противорѣчущія основнымъ своимъ идеямъ; а отсюда произтекаетъ то неполнота, то неудовлетворительность изслѣдованій. Напротивъ, разговоръ представляетъ возможность обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, прояснить всѣ соприкосновенныя къ нему мысли и ввести его въ кругъ всѣхъ знаній, относящихся къ извѣстной наукѣ. Впрочемъ, болѣе частное и болѣе замѣтное направленіе Платоновыхъ разговоровъ мы видимъ въ ихъ діалектической полемикѣ съ софистами. Это живое изображеніе ихъ характеровъ, тщеславія, тѣхъ мѣстъ и обстоятельствъ, въ которыхъ они преподавали свое ученіе, тѣхъ пріемовъ, которыми увлекали за собою юношей, всѣ эти частныя оттѣнки софистики, такъ вѣрно схваченныя Платономъ, ясно указываютъ на особенную цѣль его разговоровъ,

отличную отъ цѣли его философіи. Платонъ воскресилъ въ нихъ Сократа со всею тонкостію его ироніи, и преслѣдуетъ современныхъ себѣ враговъ здраваго смысла столь же сильно, сколь сильно преслѣдовалъ ихъ его учитель. Думать, что всѣ тѣ софисты и риторы, всѣ тѣ декламаторы и поэты, которые разсуждаютъ въ его разговорахъ, дѣйствительно разсуждали и въ его академіи, значило бы вовсе неznать хронологическихъ и біографическихъ подробностей, относящихся къ этимъ лицамъ. Нисколько несомнѣваясь въ историческомъ значеніи ихъ, мы равно не сомнѣваемся и въ томъ, что у Платона не ученіе приводится для лицъ, а лица для ученія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что обличая заблужденія прежней и современной философіи, Платонъ тѣмъ удобнѣе и яснѣе раскрывалъ въ своихъ сочиненіяхъ и собственные идеи. Такимъ образомъ онъ достигалъ тройной цѣли, то есть, завѣщалъ исторіи оригинальную методу Сократа, направленную имъ противъ софистовъ, показалъ хорошую и худую сторону древнихъ философскихъ ученій и сдѣлалъ вразумительными для читателей собственные свои умствованія.

Отсюда удовлетворительно рѣшается вопросъ точно ли онъ писалъ свои сочиненія только для напоминанія ученикамъ о своихъ идеяхъ, раскрытыхъ устно? Ограничивать трудъ Платона, какъ писателя, одною этою цѣлію,

значило бы навязывать ему средства выше цѣли. Чтобы напомнить слушателямъ о содержаніи академическаго ученія, нужно ли было Платону входить въ такія подробности при изложеніи своихъ мыслей, съ такою тщательностію обрабатывать свой языкъ и давать своимъ сочиненіямъ столь искусственную форму? Для сего безъ сомнѣнія было бы достаточно и краткихъ замѣчаній. При томъ, предположивъ исключительно эту цѣль Платоновыхъ разговоровъ, мы нашли бы въ нихъ весьма много разсужденій, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. Къ чему, напримвръ, служили бы тогда длинныя описанія домашней и общественной жизни нѣкоторыхъ лицъ и упоминаніе о множествѣ другихъ, вовсе не философскихъ предметовъ? И такъ, соглашаясь, что сочиненія Платона могли и должны были приводить на память слушателямъ идеи, преподанныя имъ устно, мы однакожь не считаемъ этой цѣли исключительною.

Еще менѣе достовѣрною кажется намъ мысль, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Платона заключается только экзотерическое его ученіе. Экзотерическую и эсотерическую философію древніе вообще различали, какъ такія ученія, которыя утверждаются на отдѣльныхъ началахъ и одно изъ другаго изъясняемы быть не могутъ: по этому онѣ могли имѣть

мѣсто только въ извѣстныхъ философскихъ актахъ, ограничивавшихся частными вѣрованіями, постановленіями и образомъ жизни; исторія не безъ основанія приписываетъ ихъ, на примѣръ, Пифагорейскому союзу. Но условія и обстоятельства Платоновой школы были вовсе не таковы, чтобы ея ученіе могло двояться и противорѣчить самому себѣ: въ нее стекались слушатели свободно; она не подчиняла ихъ ни какимъ формамъ; учениками Платона были всѣ, имѣвшіе охоту его слушать и способность понимать; его идеи были предметомъ разсужденій и внѣ школы—въ частныхъ собраніяхъ людей образованныхъ; изъ числа его учениковъ мы незнаемъ ни одного, о которомъ бы преданіе говорило, какъ объ эсotericкѣ своего учителя; напротивъ видимъ, что и Аристотель—умъ академіи, говоря объ ученіи Платона, ссылается на извѣстныя намъ его сочиненія. Самыя же сочиненія Платона еще менѣе допускаютъ мысль о существованіи экзotericкой и эсotericкой философіи въ его школѣ; потому что хотя Платонъ въ своихъ разговорахъ почти никогда не высказываетъ послѣднихъ результатовъ изслѣдованія, однакожь такъ приближаетъ къ нимъ читателя, что онъ легко можетъ замѣтить намѣреніе и цѣль его ученія. Слѣдовательно у Платона нѣтъ завѣт-

ныхъ идей, которыхъ основаніе не скрывалось бы въ его твореніяхъ (1).

Впрочемъ можно думать, что устно Платонъ раскрывалъ свое ученіе опредѣленнѣе, нежели письменно. Гдѣ менѣе собесѣдованія, а болѣе догматизма и непрерывности въ рѣчи, тамъ преподаватель идетъ быстрѣе къ цѣли и, не отвлекаясь отъ своего предмета столкновеніемъ противорѣчущихъ мнѣній, свободнѣе схватываетъ ее. Вѣроятно также, что раскрывая устно кабойнибудь предметъ, Платонъ иногда прививалъ къ нему и такія мысли, которыя не подходятъ подъ частную цѣль разговора, не вошли въ его сочиненія. Отсюда легко понять, что такое разумѣлъ Аристотель подъ именемъ неписаннаго ученія (*ἄγραφα δόγματα*) и неписанныхъ раздѣленій (*διαρέσεις*) Платона (2). Это были не эсotericескія его мнѣнія, не завѣтныя мысли его школы, но послѣдніе результаты тѣхъ самыхъ идей, которыя изложены въ его разговорахъ; это свѣтлыя истины, мгновенно обнаруживающіяся въ минуты одушевленія, и темнѣющія подъ мертвою формою понятій.

(1) Шлейермахеръ эсotericескимъ ученіемъ Платона почитаетъ мысли, изложенныя въ его разговорахъ, а эсotericескимъ, — тѣ результаты, которые можно выводить изъ нихъ: но это значитъ давать новое значеніе словамъ: эсotericеская и эсotericеская философія.

(2) *Arist. Phys. IV. 2; de gener. et corr. II. 3.*

По сему - то Платонъ свои *δύματα ἀγραφα*, говорятъ, преподавалъ *ἀνύματα λόδωε*, гадательно, и содержаніемъ ихъ было ученіе о высочайшемъ благѣ (1). Можетъ ли философъ, и не язычникъ, разсуждать о такомъ предметѣ не гадательно!

И такъ, мы смотримъ на сочиненія Платона, какъ на полный репертуаръ его философіи и полагаемъ, что въ нихъ можно найти, или по крайней мѣрѣ, изъ нихъ вывести всю систему его ученія.

Но дошедши до сего результата, мы видимъ передъ собою другую крайность: таже древность, которая доказываетъ намъ неполноту сборника Платоновыхъ сочиненій, вмѣстѣ утверждаетъ, что между ими много разговоровъ, Платону непринадлежащихъ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его сочиненія со стороны ихъ подлинности и, если не отдѣлить подлинныя отъ подложныхъ, потому что такое отдѣленіе вполнѣ невозможно, то по крайней мѣрѣ отличить несомнѣнныя отъ сомнительныхъ.

Двухътысячелѣтній авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій, кажется, можно бы смѣло положить на вѣсы съ стремленіемъ новѣйшей критики находить вездѣ подложное, и тѣмъ возможнѣе, что почти всѣ извѣстные нынѣ разговоры, носящіе имя Платона, исчислены еще Тразилломъ и Аристофаномъ Грам-

(1) *Arist. de anima* 1. 2. *Simpl. phys.* 32. b. 104. b.

матикомъ (1). Но съ другой стороны, можетъ ли статья, чтобы ученая посредственность древняго міра не пользовалась авторитетомъ столь знаменитаго философа, когда она охотно украшала свои сочиненія и именами умовъ второстепенныхъ, и когда, при недостаткѣ философской критики и средствъ къ быстрому распространенію твореній, дѣлать подобныя подлоги было очень легко? При томъ мы находимъ, что и древняя критика уже не давала мѣста между твореніями Платона нѣкоторымъ небольшимъ, присвоеннымъ ему, разговорамъ. Вотъ каталогъ Платоновыхъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ Стефанова изданія:

1. Евтифронъ.	12. Кратилъ.
2. Апологія Сократа.	13. Горгіасъ.
3. Критонъ.	14. Ионъ.
4. Федонъ.	15. Филебъ.
5. Теагесъ.	16. Менонъ.
6. Соперники.	17. Алкивіадъ 1.
7. Теэтеть.	18. Алкивіадъ 2.
8. Софистъ.	19. Хармидъ.
9. Эвтидемъ.	20. Лахесъ.
10. Протагоръ.	21. Лизисъ.
11. Иппіасъ младшій.	22. Иппархъ.

(1) *Diog. L. III. 58—61.* Тразилъ, послѣдователь Платона, жилъ во времена Августа и Тиверія. (См. *Menagii Comment. ad Diog. L. III. 1. p. 183*), а Аристотель грамматикъ, въ третьемъ вѣкѣ.

23. Менексенъ.	34. Федръ.
24. Политикъ.	35. Иппіасъ старшій.
25. Миносъ.	36. Письма.
26. Республика.	37. Аксіохъ.
27. О законахъ.	38. Праведникъ.
28. Эпиномисъ.	39. О добродѣтели.
29. Тимей.	40. Сизифъ.
30. О душъ міра.	41. Демодохъ.
31. Критіасъ.	42. Эриксіасъ.
32. Парменидъ.	43. Клитофонъ.
33. Пиръ.	44. Опредѣленія (1).

Но изъ числа сихъ разговоровъ, Эриксіасъ, Демодохъ, Сизифъ, Аксіохъ и нѣкоторые другіе, не вошли въ списокъ Тразилловъ. Діогенъ Лаерцій, безъ всякаго изслѣдованія, называетъ ихъ подложными, и подводитъ подъ одну категорію съ Мидономъ, Алкіономъ, Хелидономъ, Кимономъ, Эпименидомъ и другими разговорами, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашемъ сборникѣ, но которые въ древности приписывались также Платону (2). Все это наводитъ сильное подозрѣніе на авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій; такъ что для

(1) Почти всѣмъ этимъ разговорамъ критика давала вторичныя названія, которыми хотѣла она выразить ихъ содержаніе: но нѣкоторые изъ этихъ названій столь мало соотвѣтствуютъ существу дѣла, что только вводятъ читателя въ заблужденіе.

(2) *Athen.* XI. p. 506. *Diog. L.* III. 62.

удостоверенія въ подлинности каждаго изъ нихъ, мы необходимо должны обратиться къ свидѣтелямъ, ближайшимъ ко времени Платона, и у нихъ искать указаній на то, что извѣстный разговоръ точно принадлежитъ ему, а не другому писателю. Въ этомъ отношеніи лучшій свидѣтель конечно Аристотель, какъ философъ, критикъ и непосредственный ученикъ нашего *бориса*. Правда, оцѣнивая извѣстныя мысли своего учителя, Аристотель не всегда упоминаетъ объ отдѣльныхъ разговорахъ, въ которыхъ онъ содержатся; однакожь въ его сочиненіяхъ много и опредѣленныхъ указаній. На этомъ основаніи, несомнѣнными подлинными твореніями Платона должны быть почитаемы разговоры: *Федръ*, *Протагоръ*, *Парменидъ*, *Тезетъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Федонъ*, *Ипіасъ старшій*, *Менексенъ*, *Менонъ*, *Эвтидемъ*, *Филебъ*, *О Республикѣ*, а по связи съ послѣдними, также *Тимей* и *Критіасъ*. И вотъ первый разрядъ Платоновыхъ сочиненій!

Смотря на сіи разговоры, какъ на коренныя сочиненія Платона, какъ на типъ его мышленія и сообщенія мыслей, критика можетъ и между остальными вѣрно отличить подлинныя его произведенія отъ подложныхъ, или покрайней мѣрѣ, философскія отъ нефилософскихъ. Само собою разумѣется, что подлинность ихъ въ такомъ случаѣ будетъ только посредственная.

Характеръ литературно—философскаго произведенія обыкновенно слагается изъ трехъ свойствъ: изъ особенностей языка, изъ известнаго свойства и направленія мыслей, и изъ частныхъ пріемовъ писателя, или обыкновенной его методы. Сими же чертами характеризуются и главные разговоры Платона. Но достаточны ли такіе признаки къ отличенію чуждыхъ элементовъ въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій? Что касается до языка, то всякій легко можетъ представить себѣ многихъ писателей, относящихся къ одной и тойже эпохѣ и обнаруживающихъ одинъ и тотъ же характеръ въ образѣ выраженія. Доказательства на это ежедневны: кто не видитъ, какъ иногда одинъ умъ, выступивъ за черту умовъ обыкновенныхъ, кладетъ печать своего слова на всю современную письменность? Слѣдовательно, языкъ, самъ по себѣ, еще не можетъ быть порукою за подлинность нѣкоторыхъ Платоновыхъ сочиненій. При томъ подмѣтитъ всѣ отъѣнки рѣчи, свойственной одному Платону, могъ бы развѣ непосредственный ученикъ его или ближайшій послѣдователь; а для нынѣшнихъ филологовъ, въ греческомъ слововыраженіи едва ли не все, кромѣ общаго родоваго различія греческихъ нарѣчій, подошло подъ одинъ уровень элинскаго языка. Равнымъ образомъ и свойства идей въ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненіяхъ не могутъ быть

прилагаемы съ несомнѣннымъ успѣхомъ къ показанію подлинности или подлога прочихъ. Этотъ признакъ былъ бы достаточенъ только тогда, когда бы другіе не могли раздѣлять съ Платономъ ни его мыслей, ни предметовъ его мышленія. Но древность представляетъ намъ цѣлое поколѣніе философовъ, которые съ энтузіазмомъ изучивали и передавали устно или письменно каждую мысль своего учителя: почему же не предположить, что нѣкоторые изъ нихъ, желая придать своимъ ученическимъ идеямъ болѣе достоинства, внесли ихъ въ составъ его сочиненій? Съ другой стороны нельзя не допустить, что Платонъ могъ писать многое и не для философскихъ цѣлей, что между его твореніями возможны и случайныя, которыя ни по намѣренію писателя, ни по содержанію, не могутъ назваться философскими. Но если философскую мысль мы возьмемъ въ соединеніи съ обыкновенною методою подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ; то сею чертою гораздо вѣрнѣе опредѣлимъ все, по крайней мѣрѣ, все философское, написанное именно Платономъ. Метода его разговоровъ столь сообразна съ ходомъ его мыслей и способомъ ихъ сообщенія, что вездѣ, и какъ бы необходимо слѣдуетъ за ними. Главныя ея свойства (1);

(1) Древніе полагали за несомнѣнное, что разговоры, не имѣющіе пролога, не принадлежатъ Платону: но эта черта несущественна.

какъ сказано выше, суть: стремленіе возбудить душу читателя къ развитію своихъ собственныхъ идей, частое измѣненіе точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, и умолчаніе о послѣднихъ результатахъ изслѣдованія. Сообразно съ этими признаками, ко второму разряду Платоновыхъ сочиненій могутъ быть отнесены слѣдующіе разговоры: *Лахесъ, Лизисъ, Хармидъ, Горгіасъ, Кратиль, Апологія Сократа, Критонъ, Евтифронъ, Ионъ, Пиръ, Алкивиадъ 1, Иппіасъ меньшій, О законахъ.*

Что касается до остальныхъ сочиненій въ сборникъ Платона, то они частію по свидѣтельствамъ древности, частію по нефилософскому своему содержанію, частію по неловкой и вовсе не Платонической методъ изложенія, рѣшительно не могутъ быть приписаны Платону; хотя многія изъ нихъ, въ какомъ нибудь отношеніи, весьма важны и проливаютъ довольно свѣта на отдѣльныя истины въ подлинныхъ Платоновыхъ разговорахъ. Мы даемъ имъ третье мѣсто въ ряду сочиненій, носящихъ имя нашего философа.

Впрочемъ, эту классификацію Платоновыхъ сочиненій оцѣнивается только относительное ихъ достоинство и подлинность, а не показывается порядокъ, въ которомъ онѣ должны слѣдовать одно за другимъ. О порядкѣ ихъ древніе и новѣйшіе критики говорили

очень много и очень различно. Мы укажемъ на мнѣнія болѣе замѣчательныя.

Драматизмъ, усматриваемый въ большей части Платоновыхъ разговоровъ, подаль древнимъ мысль раздѣлить ихъ на тетралогіи, какъ дѣлили свои сочиненія Греческіе трагики (1). Діогенъ Лаерцій (III, 56) справедливо замѣчаетъ, что изложеніе философскихъ идей вначалѣ было просто и натурально: это доказывается характеромъ сочиненій, написанныхъ Іонійцами и Пифагорейцами. Но Сократъ къ этой естественной простотѣ юной философіи присоединилъ элементъ ионическій, какъ Эсхилъ ввелъ другое дѣйствующее лице въ трагедію, а Платонъ дополнилъ философское изложеніе еще діалектикою, какъ Софокль дополнилъ трагедію своихъ предшественниковъ третьимъ дѣйствителемъ. При томъ у Іонянъ философія явилась въ простомъ догматическомъ разсказѣ о природѣ и уподоблялась эпопеѣ; по томъ у Пифагорейцевъ, отъ видимой природы переходя къ самосознанію, она приблизилась къ поэзіи лирической; наконецъ въ Платоновой академіи, соединивъ міръ субъективный и объективный въ одно цѣлое, она естественно должна была принять характеръ драмы. Такимъ образомъ драматизмъ вошелъ не только

(1) Древняя драма состояла изъ трехъ трагедій и одной сатиры. См. *Валл.* истор. лит. Т. 1. § 22.

въ форму, но и въ самый духъ Платоновыхъ разговоровъ, такъ что ихъ не несправедливо можно назвать философскими драмами (1). Впрочемъ, это сравненіе мы простерли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли допустить съ Тразилломъ (2) и Деркалидомъ (3), что самъ Платонъ разполагалъ всѣ свои разговоры по тетралогіямъ. Въ подтвержденіе Тразиллова мнѣнія могло бы служить свидѣтельство Теренція Варрона о Федонѣ (4): *Plato in quarto de fluminibus apud inferos, quae sint, in heis unum Tartarum appellat: quare Tartari origo graeca*. Но Клитофона, который сводится въ одну тетралогію съ Республикою, Тимеемъ и Критіасомъ, нѣтъ основанія почитать сочиненіемъ несомнѣнно подлиннымъ.

(1) *Wyttenb. epist. ad Heusd. p. XLIV.*

(2) Тразиллъ жилъ около временъ Августа и Тиберія. *Menag. ad Diog. L. III. 1. p. 155.* Тетралогіи его слѣдующія:

- 1) Эвтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ
- 2) Кратилъ, Тезетъ, Софистъ, Политикъ,
- 3) Парменидъ, Филебъ, Пиръ, Федръ,
- 4) Алкивіадъ 1, Алкивіадъ 2, Иппархъ, Соперники,
- 5) Теагесъ, Хармидъ, Лахесъ, Лизисъ,
- 6) Эвтидемъ, Протагоръ, Горгіасъ, Менонъ,
- 7) Иппіасъ старшій, Иппіасъ меньшій, Ионъ, Менексенъ,
- 8) Клитофонъ, Республика, Тимей, Критіасъ,
- 9) Миньосъ, О законахъ, Послѣзаконіе, Письма.

(3) *Albin. isagog. § 6. p. 129. Fisch.*

(4) Въ шестой книгѣ *de lingua latina. p. 88. T. 1. Vir.*

Такое же смѣшеніе подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ съ подложными или по крайней мѣрѣ сомнительными, допущено и въ нѣкоторыхъ другихъ тетралогіяхъ Тразилла. Отсюда можно заключить вообще, что если Платонъ дѣйствительно располагалъ свои разговоры по тетралогіямъ; то истинный тетралогическій порядокъ ихъ перепутанъ разговорами подложными. Еще неудачнѣе опытъ Аристофана Грамматика, который раздѣлил сочиненія Платона по трилогіямъ (1); потому что его дѣленіе не только произвольно въ отношеніи къ содержанію разговоровъ, но и несообразно съ хронологическимъ послѣдованіемъ ихъ. И такъ, нельзя ли разположить Платоновы сочиненія хронологически?

Преданіе древности и внимательное слѣдованіе за ходомъ отдѣльныхъ сочиненій Платона⁴ безъ сомнѣнія могли бы помочь намъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству Эвфоріона и Панеція, первымъ произведеніемъ Платона былъ Федръ: λόγος δὲ πρῶτος γραφῆς αὐτοῦ τῶν Φαιδρον (2), что подтверждается и поэтическимъ или диѳирамвическимъ тономъ сего разговора. Равнымъ образомъ, печать юношеской живости Платона видна и въ его

(1) Это дѣленіе у *Diog. L. III. 61.*

(2) *Diog. L. III. 38.*

Парменидъ; нѣтъ также сомнѣнія, что Протагоръ, Горгіасъ и Лизисъ, были написаны еще при жизни Сократа, а Тезетъ, вскорѣ послѣ его смерти; что Республика, Филебъ, Тимей и Критіасъ, суть зрѣлые плоды его старости. Но подвести весь сіи и другія сочиненія подъ точную и опредѣленную хронологію, нѣтъ никакой возможности. Тутъ надобно искать истины въ едва замѣтныхъ оттѣнкахъ, которые являются и исчезаютъ съ быстротою неумовимыхъ переливовъ свѣта и тѣни; тутъ живость и важность, юность и старость, мѣняются почти съ каждою страницю творенія.

Такимъ образомъ, если мы, для разположенія Платоновыхъ разговоровъ, не имѣемъ достаточныхъ основаній ни въ исторіи, ни въ хронологіи; то остается дать имъ такой порядокъ, какой сообразнѣе съ общемою ихъ цѣлію: — высказать, сколько можно яснѣе и вѣрнѣе, философію Платона. Для достиженія сей цѣли, по нашему мнѣнію, надобно обратить особенное вниманіе—во первыхъ, на сближеніе однозначущихъ и подобныхъ ученій, во вторыхъ, на зависимость ихъ одного отъ другаго. Первое средство должно способствовать ко взаимному объясненію частныхъ истинъ; второе, къ утвержденію всѣхъ ихъ на основныхъ идеяхъ Платоновой философіи. Но сей общій взглядъ очевидно ближе къ ученію Платона, нежели къ его разговорамъ; а потому рождается вопросъ: можно

ли расположить разговоры его такъ, что бы они выражали какой нибудь наукословный порядокъ? Jean de Serres, котораго Латинскій переводъ припечатанъ къ Греческому тексту Стефанова изданія Платона, дѣйствительно думалъ осуществить эту мысль и раздѣлилъ всѣ сочиненія нашего философа на нѣсколько сизигій; или сочетаній. Но изъ сего порядка произошелъ еще большій беспорядокъ, потому что у Платона часто въ одномъ и томъ же разговорѣ изслѣдываются предметы, относящіеся къ разнымъ частямъ схоластической философіи, между тѣмъ, какъ онъ долженъ былъ стоять въ которой нибудь одной сизигіи (1). Такая несообразность про-

(1) Сизигіи Іоанна Серрскаго суть слѣдующія:

- 1) Апологическая (Эвтикронъ, Апологія, Критонъ и Федонъ).
- 2) Пропедевтическая (Теагесъ, Соперники и Тезетъ).
- 3) Антисофистическая (Софистъ, Эвтидемъ, Протагоръ и Иппіасъ меньшій).
- 4) Логическая (Кратилъ и Горгіасъ).
- 5) Ионическая общая (Филебъ, Менонъ и Алкивиадъ 1).
- 6) Ионическая частная (Алкивиадъ 2, Хармидъ, Лизіасъ и Иппархъ).
- 7) Политическая (Менексенъ, Политикъ, Минось, Республика, Законы и Послѣзаконіе).
- 8) Физическая и метафизическая, или есеологическая (Тимей, Критіасъ, Парменидъ, Пиръ, Федръ, и Иппіасъ большій).
- 9) Письма и неподлинные разговоры.

изошла, кажется, отъ того, что Jean de Serres не искалъ основанія для своихъ сочетаній въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Платона, но установилъ ихъ, сообразно съ внѣшними требованіями схоластической методы. Слѣдовательно, для избѣжанія подобной неправильности, мы прежде всего должны найти между разговорами Платона такіе, которые заключали бы въ себѣ основныя идеи всей его философіи, и по томъ, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, обставить ихъ прочими: чрезъ это истины зависямыя будутъ сближены съ коренными и однѣ отъ другихъ получать болѣе ясности и определенности. И такъ, сравнивая между собою отдѣльныя сочиненія Платона по объемности, плодovitости и важности содержащагося въ нихъ ученія, мы, вмѣстѣ съ Астомъ и Шлейермахеромъ, признаемъ основными разговорами: Парменида, Протагора и Федра. Въ Протагорѣ излагаются послылки для метафизическихъ результатовъ Платона о высотѣ добродѣтели; въ Парменидѣ заключается ученіе его объ идеяхъ, или объ истинѣ самой въ себѣ; въ Федрѣ разсматривается вообще природа изящнаго, или прекраснаго. Если нашъ взглядъ на сіи разговоры вѣренъ; то уже не трудно раздѣлить и прочіе: надобно только, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, отнести его къ тому коренному сочиненію Платона, изъ котораго онъ

долженъ былъ развиваться. Такимъ образомъ всѣ разговоры своего философа мы дѣлимъ на—

- I. *Протагоровскіе*, въ которыхъ излагается преимущественно нравственное ученіе, или теорія добродѣтели. Поелику же Платонъ разсматриваетъ добродѣтель въ чловѣкѣ и въ обществѣ; то Протагоровскіе разговоры могутъ быть подраздѣлены, на *Ионскіе* и *Политическіе*. Къ первымъ принадлежатъ: *Эвтидемъ*, *Лакхесъ*, *Хармидъ*, *Менонъ* и *Иппіасъ меньшій*; ко вторымъ: *Политикъ*, *Республика*, *Законы*, *Критонъ*, *Менексенъ* и *Апология Сократа*. Внутренній характеръ всѣхъ сихъ разговоровъ *діалектико-дидактическій*.
- II. *Парменидовскіе*, въ которыхъ раскрывается особенно теоретическая сторона Платоновой философіи, или вообще истина въ разныхъ ея отношеніяхъ. Платонъ излагаетъ въ нихъ собственное ученіе большею частію въ связи съ ученіями прежнихъ философскихъ школъ и съ умствованіями софистовъ. Сюда относятся разговоры: *Тезтетъ*, *Тимей*, *Критіасъ*, *Софистъ*, *Филебъ* и *Кратилъ*. Внутренній характеръ ихъ, *критико-діалектическій*.
- III. *Федровскіе*, въ которыхъ истина и добро разсматриваются подъ формами прекраснаго и приводятся къ единству въ религіи, чловѣкѣ и его произведеніяхъ. Основы-

ваясь на различіи сихъ отношеній истиннаго и добраго, Федровскіе разговоры можно, не слишкомъ въ строгомъ смѣслѣ, подраздѣлить на богословскіе, психологическіе и пропедевтическіе. Къ первымъ принадлежатъ *Эвтифронъ*, *Пиръ*, *Лизисъ* и *Иппіасъ старшій*; ко вторымъ: *Алкивіадъ 1*, и *Федонъ*; къ третьимъ: *Горгіасъ* и *Іонъ*. Внутренній характеръ всѣхъ ихъ, — *дидактико-поэтический*.

ПРОТАГОРЪ.

ПРОТАГОРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во времена Сократа и Платона былъ въ большомъ ходу вопросъ: «Добродѣтель приобретается ли воспитаніемъ и наукою, или сообщается самою природою?» Греческіе умствователи рѣшали эту задачу не одинаково: одни доказывали, что не участь добродѣтели, нельзя быть добродѣтельнымъ; другіе, что безъ естественнаго расположенія человѣка къ добру, никакая наука не поможетъ сдѣлаться добрымъ (1). О томъ же самомъ предметѣ, между прочимъ, разсуждалъ и Платонъ, и свои мысли о немъ изложилъ въ четырехъ разговорахъ: Протагоръ, Эвтидемъ, Менонъ и Лахесъ. Нѣкоторые критики, сравнивая содержаніе сихъ разговоровъ въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, находили, что Платонъ въ нихъ противорѣчитъ самъ себя, что будто, на примѣръ, въ

(1) О писателяхъ, касавшихся сего предмета, и о мнѣніяхъ Греческихъ ученыхъ, разсматривавшихъ его, см. *Fischer. ad Aeschin. Socrat. qui referuntur dialogg. p. 21 sqq.* и *Fuelleborn. Symbol. ad histor. philosoph. P. X. p. 143 sqq.*

Протагоръ онъ основываетъ добродѣтель на знаніи, слѣдовательно поставяетъ ее въ зависимость отъ науки, а въ Менонѣ почитаетъ ее даромъ боговъ, слѣдовательно выводитъ изъ круга человѣческой воли. Но мы уже имѣли случай говорить, что изтолкователи нашего философа нерѣдко навязывали ему такія положенія, о которыхъ онъ и не думалъ; потому что часто самую иронию его понимали какъ рѣчь серьезную, и такимъ образомъ, по пословицѣ, *puerum pro Iunone amplexi sunt*. Чтобы опредѣлить истинный смыслъ Платонова ученія объ источникѣ добродѣтели, надлежитъ непрестанно имѣть въ виду показанный нами выше общій характеръ Платоновыхъ сочиненій. Съ симъ именно указателемъ мы будемъ разсматривать содержаніе каждаго изъ четырехъ упомянутыхъ разговоровъ и, кажется, не ошибемся въ своемъ заключеніи.

Протагоръ (1) начинается бесѣдою Сократа съ Иппократомъ, сыномъ Иппониковымъ, ко-

(1) Платоновъ разговоръ, носящій имя Протагора, у Діогена Лаерція (III, 59) называется *Προταγόρας ἢ Σοφισταί. Ἐνδεικτικός*. Равнымъ образомъ и Фичинъ къ названію «Protagoras» прибавляетъ: *vel Sophistae*. Но еще Прокль замѣтилъ (*ad Plat. Polit. p. 350. 24*) что *ἢ Σοφισταί*, позднѣйшая вставка, *καθὰ περ ἄλλοι τῶν ἐπιγραφῶν προσθέσεις οὐσαι τῶν νεωτέρων τῆς ἐξουσίας ἀπολαβόντων*. Посему мы удерживаемъ только главное названіе разговора, данное ему самимъ Платономъ.

торого пламенная и безотчетная жажда познаний влечетъ въ школу софиста Протагора. Предметъ сего, по отношенію къ цѣлой бесѣдѣ, вступительнаго разговора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса: *что такое софистъ? и чему онъ учитъ?* Этотъ вопросъ разрѣшается только вообще, т. е., Сократъ наводитъ Иппократа на мысль, что софисты должны быть купцы, торгующіе съвѣтными припасами для души; а при покупкѣ сей пищи гораздо болѣе должно бояться обмана, чѣмъ при покупкѣ пищи для тѣла; потому что послѣдняя перекладывается въ другія хранилища, а первая принимается прямо въ душу. 309—314 С.

Удовлетворяя сильному желанію Иппократа, Сократъ приводитъ его въ собраніе софистовъ и представляетъ Протагору, ихъ корифею. Высокое мнѣніе Протагора о своей наукѣ располагаетъ Сократа тѣснѣе ограничить прежнее значеніе софиста и подаетъ поводъ къ вопросу: *чему онъ учитъ?* Протагоръ отвѣчаетъ, что его предметъ—политика, а предметъ его политики—добродѣтель. Но Сократъ недоумѣваетъ, можно ли преподавать политику, разумѣя ее въ семъ смыслѣ, и предлагаетъ новый вопросъ, составляющій главную задачу бесѣды: *можно ли учить добродѣтели?* 314, С. 319, В.

Желая доказать, что добродѣтели учить нельзя, Сократъ указываетъ сперва на Аѳинянь, которые, когда дѣло касается художествъ, со-

вѣтуются только съ художниками, а когда надобно разсуждать о политикѣ, принимаютъ мнѣнія отъ всѣхъ гражданъ, предполагая, что политическая добродѣтель, и безъ особенныхъ наставленій, должна быть всѣмъ извѣстна; потому подтверждаетъ свое мнѣніе примѣрами частныхъ лицъ, которые, будучи сами добродѣтельны, не передаютъ и не могутъ передать своихъ добродѣтелей даже собственнымъ дѣтямъ. Но Протагоръ доказательствамъ Сократа противуполагаетъ сперва приточныя, потомъ прямыя основанія, что добродѣтель бываетъ и должна быть предметомъ науки. Посредствомъ притчи объ Эпиметѣе и Протее, онъ старается доказать, что небо дало добродѣтель всѣмъ людямъ, и для того Аѣиняне допускаютъ всѣхъ гражданъ къ совѣщаніямъ о политикѣ. Послику же отсюда можно было заключить, что излишне было бы учить добродѣтели, если она есть даръ неба; то Протагоръ, какъ будто забывъ о своей притчѣ, и, противурѣча самому себѣ, доказываетъ, что добродѣтель не врождена, а приобретається наукою. Что же касается до того, что у добродѣтельныхъ родителей часто бываютъ худыя дѣти, то объясняетъ это большими или меньшими способностями къ добродѣтели. 319, В. 328, D.

Говоря о добродѣтели, Протагоръ разумѣетъ ее, какъ одинъ общій союзъ гражданъ, и между тѣмъ упоминаетъ о святости, о разсудительности,

о правдѣ и проч. Это подало поводъ Сократу спросить Протагора: *различны ли добродѣтели, или не различны?* Софистъ, утверждавшій, что добродѣтель приобрѣтается наукою, и понимавшій ее, какъ внѣшнее стяжаніе, натурально долженъ былъ допустить многоразличіе ея видовъ, или частей, непохожихъ одна на другую. Но Сократъ, разумѣя добродѣтель, какъ одно безразличное и нераздѣльное существо, нечувствительно приводитъ Протагора къ заключенію—сперва, что правда свята и святость праведна, потомъ, что мудрость и разсудительность—одно и то же, наконецъ, что правда и разсудительность не различны. Такимъ образомъ эротематическая метода Сократова заставляетъ софиста перейти отъ многоразличія добродѣтелей юридическихъ, которыхъ преподавателемъ онъ почиталъ себя, къ единству добродѣтели нравственной, или метафизической, которая по ученію Платона, не можетъ быть предметомъ науки. 528, D. 534, C.

Но чтобы показать, сколь слабо чувствуетъ софистъ величіе добродѣтели нравственной, безъ которой невозможно знаніе и юридической, Платонъ предоставляетъ Протагору изъяснить пѣснь Симонида о томъ: возможно ли быть добрымъ? Протагоръ изъясняетъ ее; но непонимаетъ, что *дѣлаться и пребывать*—не одно и то же, а потому обвиняетъ Симонида въ противурѣчій самому себѣ. Утверждая, что

трудно дѣлаться добрымъ, Симонидъ, говоритъ онъ, за тоже самое мнѣніе порицаетъ Питтака, который сказалъ, что трудно быть добрымъ. При томъ, вызвавшись изъяснить Симонидову пѣснь, софистъ самъ не замѣчаетъ, сколь сильно противурѣчить она собственному его положенію, что можно учить добродѣтели; ибо въ ней доказывается, что даже дѣлаться добрымъ по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно, и свойственно одному Богу. Какъ же тутъ преподавать добродѣтель? 334, С. 347, А.

Этимъ, казалось бы, надлежало и окончить разговоръ; но Сократъ, подведши всѣ прочія добродѣтели подъ понятіе одной въ смыслѣ метафизическомъ, и посредствомъ Симонидовой пѣсни, сблизивши Протагора съ мыслию о томъ, что она не можетъ быть предметомъ науки, еще не изслѣдовалъ: должно ли и мужество почитать добродѣтелию нравственною? Спросить: для чего столь существенный моментъ задачи оторванъ отъ своего цѣлаго и отброшенъ къ концу разговора?—Отвѣчаемъ, что онъ вовсе не оторванъ, но соединяется съ главными частями бесѣды эпизодомъ, или экзегетическимъ разсужденіемъ о Симонидовой пѣсни. Протагоръ уже соглашается, что мудрость, разсудительность, справедливость и святость имѣютъ значительное между собою сходство, но мужество отличаетъ отъ нихъ

Чтобы преодолѣть это послѣднее упорство, Сократъ требуетъ опредѣленія мужества; и такъ какъ Протагоръ за существенную черту его принялъ смѣлость, даже отважность, то спрашивается: смѣлые знаютъ ли, на что отваживаются?—Знаютъ, отвѣчалъ недальновидный софистъ. А мужественные смѣлы?—Конечно.—Слѣдовательно мужественные знаютъ, на что отваживаются? Протагоръ замѣтивъ наконецъ, что мужество приводится къ тождеству съ знаніемъ, или мудростію, ограничиваетъ первую свою посылку, говоря, что хотя всѣ мужественные смѣлы, но не всѣ смѣлые мужественны, то есть, не всѣ знаютъ, на что отваживаются. Тогда Сократъ, какъ будто оставивъ предметъ изслѣдованія, непримѣтно заходить къ нему съ другой стороны и спрашиваетъ Протагора: все пріятное добро ли? и само ли по себѣ добро? Софистъ недоумѣваетъ, и заманиваемый вопросомъ Сократа, допускаетъ, что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, ошибаются по недостатку знанія; что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитаетъ злымъ; если же стремится къ чему нибудь, то это нѣчто разумѣетъ, какъ добро. Такимъ образомъ стремленіе къ добру происходитъ отъ знанія; но мужественные стремятся къ добру, зная, что оно добро; и по тому мужество основывается на знаніи. Слѣ-

довательно мужество есть мудрость. 347, A. 560, D.

Видя себя снова опровергнутымъ, Протагоръ такъ смѣшался, что не хотѣлъ болѣе отвѣчать и замолчалъ. Но Сократъ сказалъ: Я спрашивалъ тебя для того только, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи сего, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: — я, что учить добродѣтели невозможно, ты — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитника и насмѣшника, который, еслибы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, стараясь доказать, что всѣ виды добродѣтели суть знаніе. А ты, Протагоръ, прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, теперь же соглашаешься называть ее чѣмъ угодно, лишь бы только не знаніемъ. 360, D. 362.

Такое содержаніе Платонова Протагора показываетъ, что предположенная задача: можно ли учить добродѣтели? окончательно не рѣшена въ немъ. По сему Шлейермахеръ и Штальбомъ думаютъ, что цѣлю сего разговора Платонъ полагалъ не дѣйствительное изслѣдо-

ваніе предположеннаго вопроса, а обнаруженіе недостаточности софистическихъ умствованій для познанія истины, и показаніе того, какова должна быть достойная своего имени діалектика. Но не отвергая этой формальной, или методической цѣли, не трудно замѣтить въ Платоновомъ Протагорѣ и другую, болѣе реальную, имѣющую прямое отношеніе къ самому предмету бесѣды. Мы уже сказали, что Сократъ мало по малу отвлекъ вниманіе Протагора отъ разнообразія политическихъ добродѣтелей, и обратилъ его къ единству добродѣтели нравственной, сущность которой онъ всегда поставлялъ въ знаніи или мудрости (1). Но если она состоитъ въ знаніи; то преподавать ее нельзя и ненужно: ибо въ комъ она есть, тотъ уже знаетъ ее; а въ комъ нѣтъ, тотъ долженъ напередъ узнать ее, слѣдовательно имѣть добродѣтель прежде добродѣтели. По сему-то Платонъ истинную добродѣтель, т. е., знаніе и мудрость, приписываетъ одному Богу и производитъ ее отъ одного Бога. И такъ цѣлю разсматриваемаго разговора было—приблизить Протагора къ мысли, что

1. Добродѣтель сама по себѣ одна, и состоитъ въ знаніи (2).

(1) *Xenoph. memor.* III. 9. 5.; IV. 6, 7.

(2) *Ritters Gesch. d. Philos. d. alt. Z.* Th. 2. B. VIII. *Plat. de legg.* XII. p. 963. *C. Polit.* p. 306. A.

2. На землѣ могутъ быть учителя добродѣтелей (въ смыслѣ юридическомъ); но дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ (1).

Почитаемъ нужнымъ также замѣтить, что ученіе, излагаемое въ Протагорѣ, обнаруживаетъ характеръ болѣе философіи Сократовой, чѣмъ Платоновой. Это видно изъ того, что всѣ добродѣтели приводятся къ одному знанію, что главныхъ добродѣтелей считается не четыре, какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона, а пять; то есть, къ справедливости, разсудительности, благоразумію и мужеству, причисляется еще святость, или благочестіе (2), и что похвальное и пріятное принимаются за одно и то же, то есть, предписывается такъ пользоваться удовольствіями, чтобы это было согласно съ мудростію.

Истолкователи Протагора представляютъ себѣ еще вопросъ: къ какому времени Платонъ относилъ сей разговоръ? Протагоръ въ немъ уже старикъ; Сократъ еще молодъ; Алкивиадъ *πρωτον ὑπληρώτης*, Агатонъ *νέον ἐτι μαράμιον*. Но первый умеръ въ 1,94 ол.; третій былъ полководцемъ Афинянъ въ Пелопонесѣ въ 1,90 ол.; четвертый одержалъ побѣду въ качествѣ

(1) *Xenoph. mem. IV. 8. 10. 21. Stäudl. Gesch. d. Moralphilosophie p. 94—99.*

(2) *Plat. de republ. VII. p. 518. Memn. p. 97. A.*

трагическаго поэта въ 90 о.л. При томъ, слушателями Протагора и Сократа представляются дѣти Перикла, которые умерли отъ заразы еще при началѣ Пелопонезской войны, въ 3,84 о.л. Слѣдовательно, разговоръ можно относить къ 1 или 2, 87 о.л. Сему заключенію не противурѣчить то обстоятельство, что хозяиномъ дома, въ которомъ происходила бесѣда, представляется Калліасъ, слѣдовательно Иппоникъ какъ будто предполагается умершимъ; а онъ былъ убитъ въ Делосскомъ сраженіи въ 1,89 о.л. Въ разговорѣ вовсе не упоминается о смерти Иппоника, и Калліасъ могъ распоряжаться въ домѣ, просто за отсутствіемъ отца. Что же касается до того, что Ферекратовы *ἀγροί*, по Протагору, представлены были на сценѣ въ прошедшемъ году (*πέρουσι*), а по Атенею, при Преторѣ Аристіонѣ въ 4,89 о.л.; то въ справедливости послѣдняго показанія можно сомнѣваться, по тому что мнѣнія Атенея о Платонѣ часто бываютъ вовсе неосновательны и отзываются какою-то странною ненавистію. Впрочемъ, еслибы въ Платоновомъ Протагорѣ и дѣйствительно найдены были какіе нибудь анахронизмы; то и тогда не слѣдовало бы обвинять Платона; по тому что цѣлюю его была истина не хронологическая, а философская. Онъ, какъ философъ и мимикъ, замѣчалъ только ученія и снималъ отличительныя черты съ предметовъ, ему пред-

ставлявшихся, не заботясь о томъ, когда существовали сіи ученія и были ли современны сводимыя имъ лица и обстоятельства.

Лица разговаривающія:

**СОКРАТЬ , ДРУГЪ СОКРАТА , НИПКОРАТЬ ,
ПРОТАГОРЪ , АЛКИВІАДЪ , КАЛЛІАСЪ ,
КРЕТІАСЪ , ПРОДМЪ , НИШИАСЪ .**

Др. Откуда, Сократъ?—Но что ужъ и спра- 309.
шивать (1)? вѣрно отъ красавца Алкивіада (2)? Я
не давно видѣлъ его и, признаюсь, онъ показался
мнѣ очень красивымъ мужчиною,—однакожь,
Сократъ, все мужчиною, который, между нами
будь сказано, уже обростаетъ и бородою (3).

Сокр. Такъ чтожь? Развѣ ты не почита-
тель Омира (4), по словамъ котораго, намъ особен-
но нравится тотъ возрастъ, когда у юноши
начинаетъ пробиваться пухъ на бородѣ, какъ в.
теперь у Алкивіада?

Др. Да что мнѣ въ томъ (5)? Вѣдь правда,
что ты сей часъ отъ него? Каково же расположенъ
къ тебѣ (6) этотъ молодой человѣкъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, хорошо,—особенно
нынѣ, потому что много за меня говорилъ
и мнѣ помогаль. Я точно сей часъ отъ него;
но вотъ странная вещь: находясь вмѣстѣ съ
нимъ, я не обращалъ на него и вниманія,
даже забылъ, что онъ со мною.

Др. Чтожь бы это сдѣлалось съ вами? Ужь не встрѣтилъ ли ты въ нашемъ городѣ кого нибудь прекраснѣе Алкивіада (7)?

Сокр. И очень.

Др. Что ты говоришь? Афинянина, или иностранца?

Сокр. Иностранца.

Др. Откуда?

Сокр. Изъ Абдеры.

Др. И этотъ иностранецъ такъ красивъ, что показался тебѣ красивѣе сына Клиніасова?

Сокр. Почему же, добрый другъ мой, самому мудрому не казаться красивымъ (8)?

Др. А, такъ ты вѣрно встрѣтился съ какимъ нибудь мудрецомъ?

Сокр. Даже съ мудрѣйшимъ человекомъ нашего времени, если ты считаешь такимъ Протагора.

Др. Что ты говоришь? Протагоръ прѣхалъ?

Сокр. Еще третьяго дня (9).

Др. И неужели ты сей часъ съ нимъ бесѣдовалъ?

310. *Сокр.* Да, очень много говорилъ и слушалъ.

Др. Перескажи же намъ вашу бесѣду (10), если ничто не препятствуетъ тебѣ. Вели встать этому мальчику (11), и садись на его мѣсть.

Сокр. Извольте, и останусь благодарнымъ, если будете меня слушать.

Др. А мы останемся благодарными, если расскажешь.

Сокр. Следовательно—обоюдное одолжение. Слушайте же.

Рано по утру въ прошлую ночь, крѣпко постучался палкою въ дверь моей квартиры Иппократъ, сынъ Аполлодора, братъ Фасана; и когда отперли ему, то онъ торопливо вошелъ в. и громко вскричалъ: Сократъ, спишь ты, или нѣтъ? Узнавъ его по голосу, я сказалъ: это Иппократъ;—нѣтъ ли чего новаго (12)?—Ничего, кромѣ хорошаго, отвѣчалъ онъ.—Хорошо если такъ; но что за причина столь ранняго посѣщенія?—Протагоръ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ, ставъ предо мною.—Еще третьяго дня; а ты только сей часъ узналъ?—Нѣтъ, ради боговъ, вчера вечеромъ, отвѣчалъ онъ, и схвативъ подножную скамейку, сѣлъ у ногъ моихъ и про- С. должалъ: да, уже вечеромъ, весьма поздно возвратившись изъ Эное (13). Видишь, у меня бѣжалъ слуга мой, Сатиръ; и я-таки хотѣлъ было тогда же сказать тебѣ, что ѣду отыскивать его; но почему-то забылъ. Когда же возвратился домой, и мы, поужинавши, собирались спать; братъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ Протагора. Я думалъ было въ ту же минуту идти къ тебѣ; но уже показалось слишкомъ поздно. За то, едва послѣ усталости D. сонъ меня оставилъ, я немедленно всталъ и побѣжалъ сюда.—Зная устойчивость и пылкость Иппократа, я спросилъ его: такъ чтожь тебѣ

до того? Развѣ Протагоръ обидѣлъ тебя какъ нибудь?—Да, клянусь богами, Сократъ, сказалъ онъ съ улыбкою, обидѣлъ; потому что самъ-то единственный мудрецъ, а меня такимъ не дѣлаетъ.—О, будь спокоенъ, сдѣлаетъ и тебя мудрецомъ, лишь бы ты заплатилъ ему деньги и убѣдилъ ими.—Деньги? Зевсъ и боги! воскликнулъ Иппократъ. Если бы отъ этого зависѣло; Е. ихъ не осталось бы ни у меня, ни у друзѣй моихъ. Для того-то я теперь и пришелъ къ тебѣ, Сократъ, чтобы ты поговорилъ ему обо мнѣ. Самъ я еще молодъ, при томъ, никогда не видѣлъ и не слушалъ Протагора (14). Когда онъ прїѣзжалъ къ намъ въ первый разъ, я былъ еще ребенкомъ (15). Но, Сократъ, всѣ превозносятъ этого человѣка и почитаютъ его чрезвычайно мудрымъ въ словѣ. Пойдемъ къ нему сей часъ, чтобы застать его 311. дома. Я слышалъ, что онъ остановился у Калліаса, сына Иппоникова (16); пойдемъ, сдѣлай милость.—Нѣтъ, добрый другъ мой, сказалъ я, туда еще не пойдемъ, потому что слишкомъ рано. Давай-ка встанемъ, да выйдемъ на галерею (17) и прогуляемся, пока разсвѣтетъ; а потомъ отправимся къ Протагору. Онъ по большей части бываетъ дома; а потому, не отчаявайся, мы, по всей вѣроятности, захватимъ его.

И такъ мы встали, вышли на галерею и начали прогуливаться. Желая испытать рѣшимость Иппократа, я пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ: Послушай, Иппократъ,

ты намѣренъ теперь идти къ Протагору и заплатить ему за себя деньги: но знаешь ли, къ какому человѣку идешь, и чѣмъ желаешь сдѣлаться? Вотъ, если бы думалъ ты, напримѣръ, идти къ соименному тебѣ Иппократу Кооскому, принадлежащему къ кастѣ Асклепиадовъ, съ намѣреніемъ платить ему за себя; и ктонибудь спросилъ бы тебя: какому человѣку, въ лицѣ Иппократа, хочешь ты платить деньги? Что отвѣчалъ бы ты?—Врачу, сказалъ бы я.—А чѣмъ думаешь сдѣлаться самъ?—Врачемъ.—Если бы равнымъ образомъ ты шелъ къ Поликлету Аргоскому, или Фидіасу Аѳинскому, желая платить имъ за себя; и ктонибудь спросилъ бы тебя: какимъ людямъ, въ лицѣ Поликлета и Фидіаса, ты намѣреваешься платить деньги? Какъ слѣдовало бы отвѣчать тебѣ?—Ваятелямъ, отвѣчалъ бы я.—А чѣмъ надѣнешься сдѣлаться самъ?—Разумѣется, ваятелемъ.—Пусть такъ, сказалъ я; теперь оба мы пойдемъ къ Протагору, будучи готовы предложить ему за наставленіе тебя плату, лишь бы только достало нашихъ денегъ, и мы могли бы ими убѣдить его; въ случаѣ же недостатка, прибавимъ еще деньги друзей своихъ. Но что, если ктонибудь, замѣтивъ въ насъ столь сильную заботливость въ этомъ отношеніи, спроситъ: скажите мнѣ, Сократъ и Иппократъ, какому человѣку, въ лицѣ Протагора, вы собираетесь платить деньги? Что мы будемъ отвѣчать? Какимъ еще именемъ, е.

по слухамъ, называютъ Протагора? Фидіасъ называется ваятелемъ, Гомеръ—поэтомъ, а Протагоръ, чѣмъ?—Протагора-то, видишь, называютъ софистомъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно мы идемъ платить деньги Протагору, какъ софисту?—Конечно.—А если кто нибудь спросить тебя далѣе: отправляясь къ Протагору, какимъ же человѣкомъ ты надѣешься сдѣлаться самъ?—

319. Пипократъ покраснѣлъ (это можно было замѣтить, по тому что уже начинало разсвѣтать) и сказалъ: Если мой отвѣтъ (18) долженъ быть сообразенъ съ предыдущими; то я конечно буду отвѣчать, что хочу быть софистомъ.—Но, ради боговъ, Пипократъ, не стыдно ли тебѣ явиться (19) между Греками софистомъ? — Божусь Зевсомъ, Сократъ, стыдно, если ужъ надобно говорить, что думаю.—Впрочемъ, можетъ быть, на науку, которой намѣреваешься учиться у Протагора, ты смотришь такъ же, какъ смотришь на науки грамматика, цитриста и гимнастика, (20) которыми ты учился не для науки, что бы, то есть, самому быть публичнымъ наставникомъ, а для того, чтобъ получить воспитаніе, приличное частному и свободному человѣку?—Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я не иначе смотрю на науку Протагора. — Но понимаешь ли ты, что хочешь дѣлать, спросилъ я его, или не понимаешь?—А что?—Ты намѣреваешься вѣрить попеченіе одушъ своей такъ называемому софисту; а удивительно, если знаешь, что
- в.
- с.

такое софистъ. Когда же не знаешь; то ввѣря ему свою душу, равнымъ образомъ не можешь знать, доброму или худому чловѣку (21) ввѣряешь ее.—Это-то кажется, я знаю, сказалъ онъ.—Отвѣчай же, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Софистъ, какъ самое имя показываетъ (22), есть знатокъ мудрыхъ вещей.—Но тоже можно сказать и о живописцахъ, и объ архитекторахъ, возразилъ я; потому что и они—знатоки мудрыхъ вещей. По этому, если кто нибудь спросить насъ: какія именно мудрыя вещи извѣстны живописцамъ? то мы вѣроятно скажемъ: тѣ, которыя относятся къ рисованію картинъ. Такъ будемъ отвѣчать и на другіе подобные вопросы. Но когда спросятъ: о какихъ мудрыхъ вещахъ имѣетъ понятіе софистъ? то что сказать? чему учить онъ?—Чему болѣе, Сократъ, какъ не искусству (23) убѣдительно говорить?—Да, можетъ быть, мы сказали бы и справедливо, только недостаточно, продолжалъ я; потому что изъ сего отвѣта вытекаетъ новый вопросъ: о чемъ именно софистъ учить убѣдительно говорить? Вѣдь и цитристъ учить убѣдительно говорить о томъ, что онъ знаетъ, то есть, объ игрѣ на цитрѣ: не правда ли, Иппократъ?—Правда.—Такъ о чемъ же убѣдительно говорить учить софистъ-то? конечно о томъ, что онъ знаетъ?—Вѣроятно.—Скажи же теперъ, въ чемъ состоитъ то знаніе, которое и самъ онъ имѣетъ и ученику передаетъ?—Право не знаю, что сказать

тебѣ на это, отвѣчалъ онъ.—Какъ? спросилъ я по томъ. Но развѣ ты не видишь, какой опасности подвергаешь свою душу? Если бы ты долженъ былъ вѣрить кому нибудь свое тѣло и недоумѣвалъ, хорошо ли это будетъ, или худо; то долго думалъ бы, вѣрить его или нѣтъ: ты призвалъ бы на совѣтъ друзей и родныхъ и проводилъ бы цѣлые дни въ размышленіи. Когда же дѣло дошло до души, которую ты ставишь выше тѣла, въ которой все твое, — и счастье и несчастье, смотря потому, хороша она будетъ, или худа; ты не посоветовался ни съ отцемъ, ни съ братомъ, ни съ однимъ изъ насъ, друзей твоихъ: вѣрить ли ее, или нѣтъ, приѣхавшему иностранцу? Узнавъ о его прибытіи, какъ говоришь, вчера вечеромъ, и пришедши ко мнѣ сегодня до свѣта, ты ни однимъ словомъ не попросилъ моего совѣта: должно ли вѣриться ему, или нѣтъ? но вознамѣрился истощить деньги и у себя и у друзей своихъ, какъ будто уже рѣшено, что надобно слушать Протагора, котораго ты, по собственнымъ твоимъ словамъ (24), ни сколько не знаешь, съ которымъ никогда не говаривалъ, и котораго называешь софистомъ, не понимая, что такое софистъ, коему хочешь вѣриться.—Выслушавъ это, Иппократъ сказалъ: судя по твоимъ словамъ, Сократъ, это правда.—Но какъ тебѣ кажется? продолжалъ я; софистовъ не лзя ли назвать разнощиками, или рыноч-

ными торговцами (25), которые торгуют на площади съестными припасами для души?—Мнѣ кажется, можно: но чѣмъ питается душа (26), Сократъ?—Разумѣется, кое-какими познаніями (27), отвѣчалъ я; только смотри, добрый другъ мой, чтобы софистъ, выхваляя свой товаръ, не обманулъ насъ, такъ же какъ разнощикъ, или рыночный торговецъ, торгующій съестными припасами для тѣла. Привозя свой товаръ, D. купцы обыкновенно хвалятъ его, хотя сами не знаютъ, полезенъ ли онъ тѣлу, или вреденъ; да и покупатели, кромѣ врача и гимнастика, не болѣе разумѣютъ это дѣло. Подобнымъ образомъ поступаютъ и софисты, развозящіе по городамъ познанія (28): барышничая ими и продавая ихъ охотникамъ, они выхваляютъ все, что продаютъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ сами не знаютъ, полезенъ ли душѣ товаръ ихъ; да и покупатели, кромѣ врача души, E. столь же мало понимаютъ это. И такъ, если ты умѣешь отличать полезное отъ вреднаго; то можешь безопасно покупать познанія и у Протагора и у всякаго другаго: а когда не умѣешь; то смотри, добрый другъ мой, чтобы не подвергнуть гибели самое драгоценное свое сокровище. При покупкѣ познаній можно вѣдь впасть 314. въ гораздо большую опасность, нежели при покупкѣ пищи. Купивъ у разнощика, или рыночнаго торговца, съестные припасы и напитки, ты имѣешь возможность переложить ихъ въ

другія хранилища и, еще не принимая въ свое тѣло, призвать къ себѣ опытнаго человѣка и посовѣтоваться съ нимъ, что можно ѣсть или пить, и чего нельзя, когда что употреблять и сколько? При этой покупкѣ вообще не много бѣды. Но познанія не лзя перелagать въ другое хранилище: заплативъ за урокъ (29), ты принимаешь его прямо въ свою душу и, научившись, выходишь непременно или со вредомъ, или съ пользою. По сему познанія надобно подвергать изслѣдованію, и при томъ подъ руководствомъ старшихъ; ибо сами мы еще молоды для оцѣнки подобныхъ вещей. Теперь, исполнимъ свое намѣреніе, Иппократъ: пойдѣмъ и послушаемъ Протагора; а по томъ посовѣтуемся и съ другими; ибо Протагоръ тамъ не одинъ; мы найдемъ съ нимъ также Иппіаса Элейскаго (30), а можетъ быть и Продика Хіосскаго, и многихъ иныхъ мудрецовъ.

Съ сими мыслями (31) мы отправились и, пришедъ къ подъѣзду, продолжали какой-то разговоръ, начатый дорогою. Чтобы не прервать его и войти не окончивши, мы остановились у подъѣзда и до тѣхъ поръ разсуждали, пока не согласились другъ съ другомъ. Привратникъ евнухъ (32), кажется, подслушивалъ насъ и, такъ какъ софисты часто обезпокоивали его, вѣроятно былъ сердитъ на проходящихъ. По этому, когда мы постучались въ дверь, онъ отворилъ ее и, видя насъ, сказалъ: ну вот! еще какіе-то

софисты! Недосугъ ему (33)! И вдругъ, взявшись за дверь обѣими руками, захопнулъ ее изо всей силы. Однакожь мы опять постучались, и привратникъ, сквозь запертую дверь закричалъ: Ахъ, какіе люди! развѣ вы не слышали, что ему недосугъ?—Но, любезный, сказалъ я, мы идемъ не къ Каміасу, да мы и не софисты; не бойся, намъ нужно видѣть Протагора: Е. доложи ему.—Тогда слуга едва согласился отворить намъ дверь (34).

Какъ скоро мы вошли; то увидѣли, что Протагоръ разхаживалъ взадъ и впередъ вдоль перистилия залы(35). Рядомъ съ нимъ ходили, съ одной стороны, Каміасъ сынъ Иппоника, Паралось сынъ Перикла, братъ Каміаса по матери, и Хармидъ сынъ Главковъ (36); съ другой—Ксантиппъ, второй сынъ Перикла, Филиппидъ, сынъ Филомела, и Антимерось изъ Мендеи(37), отличнѣйшій между учениками Протагора, учащійся для науки, съ цѣлю быть софистомъ. Позади ихъ (38) шли слушатели уроковъ, большею частію иностранцы, которыхъ Протагоръ беретъ изъ всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ, увлекая ихъ своимъ краснорѣчіемъ (39), какъ Орфей, и которые слѣдуютъ за нимъ, какъ очарованные. Въ этомъ В. послѣднемъ сомнѣ было нѣсколько человекъ и нашихъ соотечественниковъ. Я особенно любовался на эту заднюю ширенгу, смотря, какъ всѣ, ее составлявшіе, остерегались, чтобъ не опередить Протагора и не помѣшать его шествію,

какъ чинно разступались на право и на лѣво, когда онъ и его фланги дѣлали поворотъ назадъ, какъ стройно образовали кругъ и потомъ ровнялись позади своего учителя.

По томъ я узрѣлъ, сказалъ бы Омиръ (40),
 С. Иппіаса Элейскаго. Онъ возсѣдалъ на высококомъ мѣстѣ, въ противоположной сторонѣ перистилія. Вокругъ его на скамьяхъ помѣщались, Эриксимахъ (41), сынъ Акуменовъ, Федръ Мирринузскій, Андронъ, сынъ Андрогіоновъ (42), а изъ иностранцевъ, нѣкоторые соотечественники Иппіаса и другіе. Они, какъ мнѣ казалось, вопрошали своего учителя о природѣ и небесныхъ явленіяхъ; а онъ, возсѣдая на своемъ мѣстѣ, давалъ каждому отвѣтъ и разрѣшалъ всѣ вопросы.

Наконецъ вотъ я увидѣлъ и *Тантала* (43),
 D. Продика Хіосскаго. Онъ живетъ тамъ же, въ какомъ-то чуланѣ, который Иппонику служилъ кладовою, а теперь, по множеству пріѣзжихъ, очищенъ Калліасомъ и отданъ для жительства иностранцамъ. Продикъ былъ еще въ постель, окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами (44). Подлѣ него, на ближнихъ диванахъ, возлежали—Павзаній Керамискій (45) и молодой человекъ, еще мальчикъ, имѣвшій, по моему замѣчанію, отличныя способности и весьма пріятную наружность. Его называли, какъ мнѣ слышалось, Агатомъ (46), и не удивительно, если Павзаній любитъ его. И такъ,
 E.

здѣсь находились—этотъ мальчикъ, оба Ади-
манты (47), дѣти Кипида и Левколофида, и еще
нѣскольکو человекъ. Но о чемъ они говорили,
изъ другой комнаты не лзя было слышать,
хотя я сильно желалъ послушать Продика,
потому что онъ кажется мнѣ человекомъ мудрѣй-
шимъ и божественнымъ. Басистый голосъ его 316.
производилъ такой гулъ въ его чуланѣ, что
невозможно было разобрать ни одного слова.

Лишь только мы вошли, вдругъ въ слѣдъ
за нами явились—прекрасный Алквиадъ (какъ ты
называешь его, и въ чемъ я согласенъ съ тобою)
и Критіасъ, сынъ Камлесхровъ (48). Вошедши,
мы немного постояли, на все насмотрѣлись,
по томъ подошли къ Протагору, и я сказалъ В.
ему: Протагоръ! мы вѣдь къ тебѣ.—Угодно ли
вамъ говорить со мною на единѣ, спросилъ
онъ, или при всѣхъ?—Для насъ все равно,
отвѣчалъ я: узнавши, за чемъ мы пришли,
ты самъ рѣшишь этотъ вопросъ.—За чемъ же
вы пожаловали?—Представляю тебѣ Иппократа,
здѣшняго уроженца, сына Аполлоторова, чело-
вѣка знатнаго и богатаго. По душевнымъ
дарованіямъ, не уступая своимъ сверстникамъ,
онъ, кажется, желаетъ пріобрѣсть извѣстность С.
въ обществѣ, а для успѣшнѣйшаго достиженія
сей цѣли, по его мнѣнію, нужны твои наста-
вленія. И такъ, теперь смотри самъ, надобно ли
объ этомъ говорить съ нами наединѣ, или при
другихъ?—Ты не даромъ заботишься обо мнѣ,

Сократъ , сказалъ онъ. Тотъ иностранецъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть остороженъ , который, посѣщая большіе города, убѣждаетъ лучшихъ юношей , оставивъ уроки другихъ, родныхъ и чужихъ, старшихъ и младшихъ, обра-
 D. щаться къ его наставленіямъ , чтобы чрезъ то сдѣлаться лучшими; по тому что отсюда можетъ проистекать сильная зависть, ненависть и злоумышленіе (49). Между тѣмъ софистическое искусство я почитаю древнимъ; только въ древности люди, занимавшіеся имъ, боясь ненависти, старались прикрывать его и давали ему форму, то поэзіи, какъ Омиръ, Исіодъ и Симо-
 нидъ, то таинствъ и священныхъ пѣснопѣній (50), какъ Орфей и Музей; нѣкоторые же, знаю, преподавали его даже подъ видомъ гимнастики, какъ Иккосъ Тарентскій (51) и никому въ наше
 E. время не уступающій софистъ, Иродикъ Силиврійскій (52), уроженецъ Мегарскій; а вашъ Ага-
 еокль (53), на самомъ дѣлѣ великій софистъ, также Питоклидъ Хиосскій (54) и многіе другіе, прикрывали его музыкою. Для всѣхъ сихъ людей, искусства, какъ я сказалъ , служили только по-
 317. кровомъ; но я несогласенъ съ ними въ этомъ средствѣ. Они, мнѣ кажется, не достигали того, къ чему стремились: не могли утаиться отъ людей, управлявшихъ государствомъ, для которыхъ собственно и прибѣгали къ екрытности; а чернь-то, какъ говорится (55), ничего не понимаетъ, и только превозносить, что

объявляютъ ей правители. Безразсудно предпріятіе чловѣка бѣжать, когда онъ, не имѣя силъ уйти, только обнаружился бы, и еще **В.** болѣе раздражилъ бы противъ себя людей; потому что тогда сочли бы его лукавымъ и во всемъ! другомъ. Я иду путемъ совершенно противуположнымъ: я признаю себя софистомъ—учителемъ; и эта осторожность, по моему мнѣнію, превосходнѣе той (56). Лучше признаться, чѣмъ заператься. При томъ замѣчательно (57), что выдавая себя за софиста, я досель, слава Богу, не потерпѣлъ ничего худаго, хотя уже много таки лѣтъ преподаю свою науку и вообще давно **С.** живу на свѣтъ (58). Изъ всѣхъ васъ нѣтъ ни одного, кому бы (59) я, по своимъ лѣтамъ, не годился въ отцы. По сему мнѣ будетъ весьма пріятно, Сократъ и Иппократъ, если объ этомъ вы согласитесь бесѣдовать со мною въ присутствіи всѣхъ моихъ посѣтителей.

Замѣтивъ, что Протагору хочется похвастаться и повеличаться предъ Продикомъ и Иппіасомъ нашею любовію къ его ученію, я сказалъ: А что? не пригласить ли намъ Про- **Д.** дика, Иппіаса и собесѣдниковъ ихъ, въ число своихъ слушателей?—Очень хорошо, отвѣчалъ Протагоръ.—А намъ не позволите ли устроить мѣста, сказалъ Калліасъ, чтобы вы бесѣдовали сидя?—Это также показалось нужнымъ. И мы, обрадовавшись, что будемъ слушать мудрецевъ, сами (60) схватили скамьи и диваны (61), и

разставили ихъ подлѣ Иппіаса, гдѣ нѣсколько сѣдалищъ было и прежде. Между тѣмъ Калліасъ и Алквивіадъ подняли съ постели Продика и привели его къ намъ вмѣстѣ съ себе-сѣдниками.

Когда всѣ мы заняли мѣста; то Протагоръ сказалъ: Сократъ! объяви-ка теперь, въ присутствіи сихъ мужей, что ты недавно говорилъ мнѣ касательно молодаго человѣка.—Объявить уже сказанное, значить повторить, за чемъ я пришелъ. Этотъ Иппократъ имѣетъ сильное желаніе воспользоваться твоими наставленіями. Но ему хотѣлось бы знать, что изъ него выйдетъ, если онъ будетъ твоимъ ученикомъ? Только въ томъ и дѣло. — Тогда Протагоръ сказалъ: Молодой человѣкъ! если ты будешь моимъ ученикомъ; то по прошествіи дня, проведеннаго со мною, возвратишься домой лучшимъ; то же и на другой, то же и каждый день,—все лучше и лучше.—Выслушавъ это, я отвѣчалъ: Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, Протагоръ; такъ и должно быть. Ты самъ, при всей своей старости и мудрости, учась чему нибудь такому, чего прежде не зналъ, становился бы лучшимъ. Но не о томъ рѣчь. Представимъ, что Иппократъ въ эту самую минуту перемѣняетъ свое намѣреніе и хочетъ брать уроки у молодаго человѣка, Зевгзиппа Ираклейскаго, который недавно къ намъ пріѣхалъ. Онъ идетъ къ нему, какъ теперь пришелъ къ тебѣ, и, услышавъ

отъ него тоже, что отъ тебя, то есть, что чрезъ с. его уроки онъ съ каждымъ днемъ будетъ лучше и успѣшнѣе, спрашиваетъ его: въ чемъ же буду я лучше и успѣшнѣе? Зевгзиппъ скажетъ: въ живописи. Равнымъ образомъ представимъ, что Иппократъ учится у Ортагора Фивскаго (62) и, слыша отъ него тоже, что отъ тебя, спрашиваетъ его: въ чемъ буду я съ каждымъ днемъ лучше, пользуясь твоими наставленіями? Тотъ скажетъ, что въ игрѣ на флейтѣ. Скажи же и ты, Протагоръ, что общаешь этому юношѣ и мнѣ, спрашивающему тебя D. его именемъ? Въ какомъ отношеніи лучшимъ возвратится Иппократъ домой, по прошествіи перваго и каждаго, проведеннаго съ тобою дня?— Выслушавъ это, Протагоръ отвѣчалъ: Ты хорошо спрашиваешь, Сократъ; а на хорошіе вопросы пріятно и отвѣчать. Иппократъ посящая меня, не потерпитъ ничего такого, что могъ бы потерпѣть въ бесѣдѣ другихъ софистовъ. Другіе портятъ юношей; потому что юноши бѣгають отъ наукъ, а они снова E. обременяютъ ихъ науками и заставляютъ учиться ариѳметикѣ, астрономіи, геометріи и музыкѣ (говоря это, онъ взглянулъ на Иппіаса): напротивъ, приходящіе ко мнѣ учатся только тому, для чего приходятъ. Я преподаю имъ науку благоразумія въ дѣлахъ домашнихъ, то есть, какъ лучше управлять собственнымъ домомъ, — и въ дѣлахъ общественныхъ, какъ

319. искуснѣе поступать и говорить по отношенію къ обществу.—Правильно ли я понимаю тебя? ты, кажется, говоришь о политикѣ и объ-
 щаясь сдѣлать своихъ учениковъ добрыми гражданами.—Точно такъ, Сократъ; объявляю, что это мое дѣло, отвѣчалъ онъ.—Прекрасную же науку знаешь ты, если только знаешь. Но позволь и тебѣ откровенно высказать, что я думаю. Мнѣ кажется, что этому учить нельзя (63), хотя, слыша отъ тебя противное, незнаю какъ
 в. не вѣрить. А почему я думаю, что этому учить нельзя, что этого люди не могутъ передавать людямъ,—считаю нужнымъ сказать. Я, вмѣстѣ съ другими Элинами, называю Аѳинянь мудрыми (64). Вотъ мы въ народномъ собраніи;—смотрю, когда нужно разсуждать о какой нибудь постройкѣ, призываются архитекторы и требуется отъ нихъ совѣта касательно зданій; если же надобно строить корабли, то приглашаются корабельные мастера. Такъ поступаютъ Аѳиняне и во всемъ, чему, по ихъ мнѣнію, можно учиться и учить. Но когда вздумаетъ совѣтовать имъ такой человекъ, который не почитается мастеромъ; то, не смотря ни на похвальныя качества его души, ни на его богатство и благородство, они никакъ не принимаютъ его совѣта, но смѣются надъ нимъ и кричатъ до тѣхъ поръ, пока онъ, оглушенный крикомъ (65), или самъ не уйдетъ, или, по приказанію старѣйшинъ (66), не будетъ взятъ и

выведенъ луконосцами (67). Такъ дѣлають Аѳиняне съ тѣми, кого они разумѣють, какъ художниковъ. Если же бываетъ нужно разсуждать о дѣлахъ политическихъ; то и плотникъ, и слѣсарь, и башмачникъ, и купецъ, и мореплаватель, и богатый, и бѣдный, и благородный, и неблагородный, всѣ встають и совѣтуютъ, и никто имъ не запрещаетъ, какъ прежде запрещали мѣшаться въ дѣла художниковъ, ни кто не говоритъ: какъ смѣетъ такой-то, ни гдѣ и ни у кого не учившись, подавать совѣты. Изъ сего видно, что Аѳиняне не относятъ этого къ предметамъ наукъ. И нельзя сказать, что такъ думаетъ одна чернь: нѣтъ, даже мудрейшіе и превосходнѣйшіе изъ гражданъ не могутъ передать другимъ той добродѣтели, которую живутъ сами. Вотъ на примѣръ Перикль (68), отецъ сихъ молодыхъ людей, далъ имъ прекрасное и успѣшное образованіе во всемъ, что зависѣло отъ учителей; а собственной своей мудрости не научилъ ихъ ни самъ, ни чрезъ другаго. Они бродятъ и питаются какъ безпастушные (70), не нападутъ ли гдѣ нибудь случайно на добродѣтель. Вотъ, если угодно, и еще примѣръ: тотъ же самый Перикль, заботясь о Клиніасѣ, младшемъ братѣ Алкивіада (71), и опасаясь, чтобы онъ не развратился въ сообществѣ послѣдняго, удалилъ его и ввѣрилъ для воспитанія Арифрону. Но послѣ того не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ Арифронъ отослалъ его

назадъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Могу наименовать тебѣ много и другихъ, которые, сами бывъ добродѣтельны, не могли сдѣлать лучшими никого, ни родныхъ, ни чужихъ. Смотри на такіе примѣры, я не думаю, Протагоръ, чтобы можно было учить добродѣтели. Впрочемъ, слыша отъ тебя противное, уступаю; ибо почитаю тебя такимъ человѣкомъ, который многое дозналъ опытомъ, многому учился, многое открылъ самъ. И такъ, если можешь, докажи яснѣе, что добродѣтель точно

C. пріобрѣтается ученіемъ: не скрывай этого, сообщивъ намъ.—Не скрою, Сократъ, сказалъ онъ: но долженъ ли я, какъ старшій, объяснить это вамъ младшимъ, посредствомъ притчи (72), или обыкновенною рѣчью?—Какъ тебѣ угодно, отвѣчали многіе изъ присутствующихъ.—Для меня пріятнѣе предложить вамъ притчу.

Было время, когда боги существовали,

D. а смертные роды еще нѣтъ (73). Но какъ скоро и для нихъ наступило предназначенное время рожденія, боги образовали ихъ въ земной утробѣ, изъ смѣшенія огня и земли, и изъ того, что могло соединиться съ огнемъ и землею (74). Потомъ, вознамѣрившись вывести ихъ на свѣтъ, они приказали Прометею и Эпиметею (75) украсить ихъ и дать каждому приличныя силы. Но Эпиметей упросилъ Прометея, чтобы онъ позволилъ ему одному сдѣлать сей раздѣлъ; а когда я раздѣлю, сказалъ онъ, тогда самъ посмотришь.

Уговоривъ его, Эпиметей началъ дѣлать, и при раздѣлѣ, однимъ далъ крѣпость безъ Е. быстроты, а слабыхъ снабдилъ быстротою; другихъ вооружилъ, а для невооруженныхъ придумалъ инья средства спасенія, то есть, имѣвшимъ малое тѣло (76), далъ возможность летать на крыльяхъ, или жить въ нѣдрахъ земли; а снабженныхъ огромностию должна была спасти самая огромность ихъ. Съ такимъ же 321. равновѣсіемъ раздѣлилъ онъ и все прочее, заботясь о томъ, чтобы какой нибудь родъ не уничтожился. Поставивъ ихъ въ состояніе безопасности другъ отъ друга, Эпиметей придумалъ для нихъ средства и противъ перемѣнъ воздуха: то есть, одѣлъ ихъ густыми волосами и твердою кожею, которыя могли бы защищать ихъ отъ холода и зноя, и во время сна служить естественною, самородною постелею; ноги же обложилъ, то копытами, то щетками, или В. твердою и безкровною кожею. Наконецъ, различнымъ животнымъ назначилъ онъ и различную пищу: однимъ—раствія земли, другимъ—древесныя плоды, инымъ—коренья, а нѣкоторымъ позволилъ пожирать животныхъ и, заботясь о сохраненіи родовъ, плотоядныхъ надѣлилъ меньшимъ плодородіемъ, а тѣхъ, которыхъ они должны были истреблять, большимъ. Но такъ какъ Эпиметей былъ не очень мудръ (77); С. то забывшись, расточилъ всѣ дарованія (на животныхъхъ безсловесныхъ) (78). Между тѣмъ родъ

человѣческой оставался еще неодареннымъ. Что тутъ дѣлать? Онъ находился въ затрудненіи. Въ ту самую минуту приходитъ Прометей посмотреть на раздѣлъ, и видитъ, что прочія животныя благоразумно снабжены всемъ, а человѣкъ — и безъ одежды, и безъ обуви, и безъ покрововъ, и безъ оружія: предназначенный же день, въ который надлежало и ему выйти изъ земли на свѣтъ, уже наступалъ. Мучась

- D. недоумѣніемъ, какое бы спасеніе найти для человѣка, Прометей похитилъ у Иѳеста и Аѳины мудрость искусства (79) съ огнемъ, (потому что овладѣть и пользоваться ею безъ огня никому не возможно) и даровалъ ее обиженному творенію. Такимъ образомъ человѣкъ получилъ мудрость житейскую, но еще не имѣлъ мудрости политической, потому что она хранилась у Зевса; а въ укрѣпленное жилище его Прометею входить не такъ-то позволялось, да и стражи Зевсовы (80) были страшны. Онъ вошелъ
- E. украдкою только въ общую рабочую Аѳины и Иѳеста (81) и, похитивъ у обоихъ по одному огненному искусству, далъ ихъ человѣку. Съ того времени человѣческая жизнь протекаетъ въ
392. довольствѣ; а Прометей за похищеніе, сдѣланное въ слѣдствіе ошибки Эпиметеевой, говорятъ, понесъ наказаніе. Когда же человѣкъ получилъ божескій жребій; то, по еродству съ Богомъ, одинъ изъ всѣхъ животныхъ призналъ боговъ, началъ воздвигать имъ жертвенники и кумиры;

потомъ вскорѣ сталъ искусственно приводить въ порядокъ звуки и слова; изобрѣлъ себѣ жилища, одежды, обувь и покровы, а изъ земли изыскъ пищу. Устроившись такимъ образомъ, люди сначала жили раздѣльно (обществъ еще не было) и, будучи во всемъ слабѣе звѣрей, **В.** погибали отъ нихъ. Мастерство достаточно помогало имъ снискивать себѣ пищу, а для веденія войны съ звѣрями было недостаточно; ибо люди еще не имѣли искусства политическаго (82), коего часть есть—воинское. По этому они старались собираться въ общества и спасались, строя города: однакожь, собравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искусства, обижали другъ друга до того, что снова разсѣявались и снова были истребляемы. Тогда **Зевсъ**, опасаясь, чтобы не погибъ весь родъ **С.** нашъ, приказалъ Эрмію низвестъ къ людямъ стыдъ и правду (83), которыя бы, служа украшеніемъ и союзомъ обществъ, водворили въ нихъ дружество. Но Эрміи спросилъ Зевса: какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду? Такъ ли раздѣлить ихъ, какъ раздѣлены искусства? (а искусства раздѣлены такъ, что получившій знаніе врачеванія достаточноень былъ для другихъ, не имѣвшихъ сего знанія. Тоже сдѣлано и касательно прочихъ искусствъ (84)). Такимъ же ли образомъ сообщить людямъ стыдъ и правду, или дать ихъ **всѣмъ?**—**Всѣмъ**, сказалъ **Д.** **Зевсъ**; пусть всѣ участвуютъ въ нихъ; потому

что небывать обществамъ, если получать ихъ только нѣкоторыя, какъ раздѣлены искусства. При томъ, постанови моимъ именемъ законъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества.

Такъ - то, Сократъ, и потому - то Аѳиняне и другіе народы, разсуждая о добродѣтели плотнической, или о какомъ нибудь иномъ мастерствѣ, совѣтуются только съ немногими, и не терпятъ, какъ ты справедливо сказалъ, и какъ я говорю, чтобы люди, не принадлежащіе къ числу тѣхъ немногихъ, подавали имъ совѣты. Но когда они приступаютъ къ совѣщанію о добродѣтели политической, которая должна выражаться въ справедливости и разсудительности (85); то натурально допускаютъ каждого подавать свой голосъ, потому что политическая добродѣтель должна быть достояніемъ всѣхъ, а иначе не было бы и обществъ (86). Вотъ причина (87), Сократъ. А чтобы ты не подумалъ, что я тебя обманываю, почитаю каждого человѣка дѣйствительно причастнымъ разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ; то замѣть слѣдующій признакъ. Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ (88), если кто нибудь, какъ ты говоришь, выдаетъ себя за отличнаго игрока на флейтѣ, или за знатока въ иномъ подобномъ искусствѣ, между тѣмъ какъ онъ нсвѣжда въ этомъ; то его или осмѣиваютъ, или бранятъ, а ближніе подходятъ и

усовѣщаваютъ, какъ помѣшаннаго. Что же касается до разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей; то, хотя бы и извѣстно было, что такой-то грѣшитъ противъ нихъ; однакожь какъ скоро онъ вздумалъ бы обвинять самаго себя, — его признаніе, которое въ первомъ случаѣ (89) отнесено было бы къ разсудительности, теперь сочли бы сумасшествіемъ и сказали, что всѣ должны казаться правыми, таковы ли они на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ: тотъ сошелъ съ ума, кто не присвоитъ себѣ справедливости, потому что она, хоть отчасти, С. необходимо есть въ каждомъ; иначе человекъ не былъ бы и человекомъ.

Доселѣ я говорилъ, что каждый человекъ справедливо допускается къ совѣщанію о добродѣтели сего рода; потому что ей причастны всѣ: а теперь постараюсь доказать, что она не врождена и является не сама собою, но всякій, въ комъ она есть, приобретаетъ ее наукою и стараніемъ. Известно, что люди не сердятся D. другъ на друга за то зло (90), которое почитаютъ происшедшимъ отъ природы или случая, и подверженныхъ сему злу не усовѣщаютъ, не наставляютъ и не наказываютъ, что бы они не были такими, но жалѣютъ о нихъ. На примѣръ, какой безумецъ рѣшился бы подобнымъ образомъ поступать съ безобразными, малорослыми и слабосильными? Вѣрно всѣ знаютъ, что красота и противоположное ей (91) полу-

- чаются отъ природы и случая. Когда же дѣло идетъ о благахъ, приобретаемыхъ стараніемъ, упражненіемъ и наукою; то человѣкъ, имѣющій
- Е.** не сіи добродѣтели, а противоположное имъ зло, испытываетъ гнѣвъ, подвергается наказанію и слушаетъ наставленія. Къ числу такихъ золь относятся—несправедливость, нечестіе и вообще все, противоположное политической
- 394.** добродѣтели. Но если ради сей добродѣтели (92) люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга усовѣщаваютъ; то явно, что она достигается стараніемъ и наукою. Размысли, Сократъ, къ чему клонятся наказанія преступниковъ,—и онъ научатъ тебя, что люди почитаютъ добродѣтель
- В.** приобретаемою. Никто не наказываетъ виновныхъ съ тою мыслию, и для того, что за нимъ есть грѣхъ (93), развѣ будутъ бить человѣка безразсудно, какъ животное. Рѣшаясь наказать кого нибудь по правиламъ благоразумія, наказываютъ (94) не за прошедшее преступленіе—что сдѣлано, того не передѣлаешь—а ради будущаго, чтобы, то есть, и самъ виновный не совершилъ снова преступленія, и другой, видѣвшій примѣръ наказанія, не рѣшился совершить его. Но кто имѣетъ такую мысль, тотъ конечно думаетъ, что добродѣтели можно учить, и наказываетъ для отвращенія отъ зла. Такова цѣль наказаній и частныхъ и публичныхъ. Взыскиваютъ и наказываютъ всѣ, кого почитаютъ виновнымъ; взыскиваютъ и наказываютъ не

менѣе и Аѳиняне, твои соотечественники; следовательно и Аѳиняне принадлежать къ числу людей, увѣренныхъ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою. И такъ теперь, мнѣ кажется, достаточно доказано, что твои сограждане, Сократъ, справедливо допускаютъ къ политическимъ совѣщаніямъ и мѣдника, и кожевника, и почитаютъ добродѣтель изучимою и D. пріобрѣтаемою.

Остается еще разрѣшить твое недоумѣніе (35) касательно добродѣтельныхъ людей, по чему они учатъ сыновей своихъ всему, что могутъ преподавать имъ учителя, и воспитываютъ ихъ мудрецами, а въ добродѣтели, которою сами прославились, не дѣлаютъ ихъ лучше другихъ? На этотъ разъ я буду говорить съ тобою не приточно, а прямою рѣчью. Размысли о слѣдующемъ: одному ли чему нибудь, или не E. одному должны быть причастны всѣ граждане, когда основывается общество?—ибо именно съ этой стороны разрѣшается предложенное тобою недоумѣніе, а иначе ни съ которой. Если одному, и это одно не есть ни плотническое, ни мѣдническое, ни гончарное искусство, а справедливость, разсудительность и святость,—что B. все я заключаю подъ общимъ именемъ чловѣческой добродѣтели; если именно этому должны быть причастны всѣ люди, и съ этимъ дѣлать всякое дѣло, чѣмъ бы кто ни занимался, чему бы ни учился, а безъ сего не дѣлать

325.

- ничего; если и дѣтей, и мужчинъ, и женщинъ, какъ скоро они не имѣютъ сей добродѣтели, учать и наказываютъ, желая усовершенствовать наказываемыхъ и наставляемыхъ, а кто, не смотря на наказанія и наставленія, не слушается, того,
- В.** какъ неизлѣчимаго, изгоняютъ изъ общества, или убиваютъ; если все это справедливо, и однакожь, при такомъ порядкѣ вещей, добродѣтельные люди учать своихъ дѣтей другому, а сему не учать: то смотри, какъ странны бываютъ эти добряки (95). Мы уже доказали, что политическую добродѣтель они признаютъ изучимою частно и публично; а между тѣмъ, будучи увѣрены, что ее можно преподавать и развивать, наставляютъ своихъ сыновей въ томъ, за что не положено смертной казни, хотя бы они того и не знали: напротивъ, что угро-
- С.** жастъ ихъ дѣтямъ смертною казнію (97), ссылкой, и, кромѣ смерти, конфискаціею имущества, или какъ говорится, совершеннымъ разореніемъ семейства, когда они не будутъ учиться и успѣвать въ добродѣтели,—учать ли ихъ тому, и прилагаютъ ли къ тому всю свою заботливость? Известно (98), Сократъ, что сыновья ихъ въ наукѣ съ самаго малолѣтства, до конца жизни. Едва дитя начинаетъ понимать слова, какъ и кормилица, и мать, и педагогъ, и самъ отецъ, о томъ только и хлопочуть, чтобы оно
- Д.** было отличнымъ. Они учать и вразумляютъ его каждымъ дѣломъ и словомъ, что вотъ это

справедливо, а то несправедливо, это похвально, а то постыдно, это свято, а то нечестиво, это дѣлай, а того не дѣлай. И если дитя повинуется, — хорошо (99); а когда неповинуется, то исправляютъ его угрозами и ферилою, какъ искривившееся и худое дерево. Потомъ отсылаютъ дѣтей въ школу (100) и убѣдительно просятъ учителей заботиться болѣе объ ихъ благопріи, чѣмъ о грамотности и игрѣ на цитрѣ. E. Учители дѣйствительно заботятся объ этомъ, — и едва дѣти начинаютъ разбирать и понимать написанное, какъ прежде понимали звуки, — даютъ имъ читать на скамьяхъ и заучивать поэмы лучшихъ писателей (101), въ которыхъ много наставительнаго, многое рассказывается 396. о древнихъ добродѣтельныхъ мужахъ и прославляются ихъ подвиги, чтобы дитя изъ соревнованія подражало имъ и само старалось сдѣлаться такимъ же. Къ сей самой цѣли, между прочимъ (102), стремятся и цитристы, питая разсудительность юношей и устраняя ихъ отъ спалости. Сверхъ того, выучившись играть на цитрѣ, юноши тотчасъ затверживаютъ творенія другихъ добродѣтельныхъ поэтовъ, чтобы пѣть ихъ подь звуки инструмента и, прѣвсивъ свою душу къ риѣму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ; ибо и вся жизнь человѣческая имѣетъ пужду въ риѣмъ и гармоніи (103). Послѣ того родители

отправляютъ дѣтей въ гимназію, чтобы онѣ, развивъ свое тѣло, приготовили въ немъ лучшее орудіе для мысли, и чтобы на войнѣ, или въ другихъ дѣлахъ, тѣлесная неповоротливость не наводила на нихъ робости. И такимъ образомъ поступаютъ особенно тѣ, которые могутъ; а могутъ особенно тѣ, которые богаты. Дѣти ихъ раньше всѣхъ возрастомъ начинаютъ посѣщать школу, и позднѣе всѣхъ оставляютъ ее. Наконецъ, какъ скоро юноши вышли изъ школы, общество тотъ же часъ заставляетъ ихъ изучать

п. законы и жить по ихъ предписанію, чтобы они не дѣлали ничего сами собою, произвольно. Какъ дѣтямъ, еще не умѣющимъ писать, грамматикѣ (104) начертываютъ буквы карандашомъ (105) и приказываютъ выводить фигуры ихъ: такъ и юношамъ, общество (106), предписавъ законы — изобрѣтеніе добродѣтельныхъ законодателей древности (107), повелѣваетъ и управлять и управляться ими; а кто отъ нихъ уклоняется, того наказываетъ;—и это наказаніе, какъ у васъ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отъ исправительнаго суда, называется исправленіемъ (*εὐθυνα*). Обращая вниманіе на это частное и общественное попеченіе о добродѣтели, можешь ли удивляться, Сократъ, что добродѣтель изучима? Гораздо удивительнѣе было бы, когда бы она не относилась къ предметамъ науки.

И такъ отъ чего же у хорошихъ отцовъ часто бываютъ худыя дѣти?—Выслушай слѣдующее. Нѣтъ ничего удивительнаго, что прежде сказанное мною справедливо, то есть, что по отношенію къ добродѣтели, когда составляется общество, не должно быть частныхъ лицъ (108). Если же слова мои истинны, а истинность ихъ очевидна; то размысли теперь о всякомъ другомъ художествѣ и знаніи. Пусть общество могло бы существовать подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы всѣ, кто какъ умѣетъ, играли на флейтѣ: въ такомъ случаѣ одни, и частно и публично, учили бы сему искусству другихъ, бранили бы того, кто нехорошо играетъ (109), и въ этомъ отношеніи не завидовали бы ни кому, какъ нынѣ не завидуютъ справедливому и законному, и не скрываютъ ихъ, какъ прочія искусства; ибо взаимная справедливость и добродѣтель полезны намъ, а по тому всякій всякому охотно говоритъ и преподаетъ ихъ. Но если бы съ столь совершенною готовностію и безъ зависти мы учили другъ друга играть на флейтѣ; думаешь ли, Сократъ, что дѣти отличныхъ игроковъ были бы лучшими флейтистами, чѣмъ дѣти игроковъ худыхъ? Кажется, нѣтъ; но чей сынъ получилъ бы отъ природы большую способность къ сему искусству, тотъ сдѣлался бы и знаменитѣе въ немъ; а чей не имѣлъ бы подобной способности, тотъ и не прославился бы. Такимъ образомъ у хорошихъ

327.

В.

С.

игроковъ часто случались бы худые флейтисты, а у худыхъ—хорошіе, хотя всѣ они въ сравненіи съ людьми, которые не знаютъ этого дѣла (110) и вовсе не играютъ на флейтѣ, были бы достаточны. Такъ думай и о самомъ несправедливомъ чело­вѣкѣ, какого только можешь вообразить себѣ подѣ закономъ и между людьми: онъ справедливъ и исполнитель справедливости, если смотришь на него въ сравненіи съ тѣми, у которыхъ нѣтъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ, ни необходимости, заставляющей заботиться о добродѣтели, но которые походятъ на какихъ-то дикарей, представленныхъ въ прошломъ году въ праздникъ Бахуса поэтомъ Ферекратомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты жилъ между людьми, подобными мизантропамъ въ хорѣ Ферекратовомъ (111); то былъ бы радъ встрѣтить хоть Эврибата и Фринонда (112) и оо слезами искалъ бы развратности здѣшнихъ гражданъ: но теперь, когда всѣ учатъ добродѣтели, кто какъ можетъ, ты перебираешь и никѣмъ недоволенъ. Такимъ же образомъ попытайся сыскать себѣ учителя Эллинскаго языка,—вѣрно ни одинъ не понравится; или спроси, кто могъ бы далѣе учить сыновей ремесленника тому самому ремеслу, которому они по возможности учились у отца и друзей его, занимающихся одинакимъ рукодѣльемъ,—не легко найти учителя, Сократъ: а учителей въ другихъ

бездисциплинарныхъ предметахъ, напимврѣ въ добродѣтели и тому подобныхъ, найти весьма не трудно. Впрочемъ, тотъ конечно достоинъ предъизбранія, кто хоть не много прямѣе можетъ вести насъ къ добродѣтели. Изъ такихъ учителей я почитаю себя однимъ, который лучше всѣхъ В. умѣетъ расположить къ похвальному и добродѣтели, и котораго наставленія стоятъ требуемой имъ цѣны (113), а по мнѣнію самыхъ учениковъ его, стоятъ и большей. По сему я опредѣлилъ и образъ уплаты денегъ за свои уроки: кто у меня учится; тотъ, если хочетъ, платитъ сумму, которой я требую, а если не хочетъ, идетъ въ храмъ и, показавъ клятвенно, чего стоятъ мои наставленія, представляетъ за нихъ такую и плату. Вотъ и приточное, и прямое доказательство, Сократъ, что добродѣтели учить, можно, что и Аѳиняне такъ думаютъ о ней, С. и что нѣтъ ничего удивительнаго, когда у хорошихъ родителей бываютъ худыя, а у худыхъ хорошія дѣти. Положимъ, что сыновья Поликлета, сверстники моихъ слушателей, Паралоса и Ксантиппа, вовсе не равняются съ отцемъ своимъ; пусть тоже можно сказать о дѣтяхъ и другихъ отличныхъ людей: но не надобно обвинять ихъ; они еще подають надежду, потому что молоды.

Высказавъ столько и такихъ вещей, Протагоръ замолчалъ; а я, обворуженный на долгое время, не переставалъ смотрѣть на него и все D.

еще желалъ слушать, какъ будто бы онъ продолжалъ свою рѣчь. Но когда открылось, что Протагоръ въ самомъ дѣлѣ кончилъ; то я, едва собравшись съ духомъ, обратился къ Иннократу и сказалъ: О, какъ я благодаренъ тебѣ, сынъ Аполлодора, что ты уговорилъ меня прійти сюда; ибо дорого цѣню то, что теперь слышалъ отъ Протагора. Прежде мнѣ невѣрилось, что добрые бываютъ добрыми отъ человѣческаго понеченія, а теперь убѣдился. Осталось

Е. только небольшое недоумѣнiе, которое Протагоръ, объяснившій уже столь многое, конечно легко разрѣшить. Правда, случается, что когда разсуждаешь объ этомъ предметѣ съ однимъ изъ народныхъ ораторовъ; то вдругъ слышишь отъ него такія же рѣчи, какія услышалъ бы

329. отъ Перикла, или другаго краснорѣчиваго мужа: а если спросишь его о чемънибудь кромѣ того; то онъ, какъ книга, не въ состоянiи ни отвѣчать, ни говорить. Потомъ, хоть слегка наведи рѣчь на сказанное имъ;—онъ какъ мѣдь зазвучитъ, и доголѣ не умолкнетъ, пока ктонибудь не прерветъ его (114). Такъ бываетъ съ ораторами: спросите ихъ слегка, а они растянутъ рѣчь стадiй на двѣнадцать (115). Но Протагоръ не таковъ: онъ можетъ говорить долго и прекрасно, какъ мы это теперь испытали; можетъ также отвѣчать на вопросъ

В. и коротко, когда краткость рѣчи бываетъ достаточна, и спрашивая самъ, умѣетъ останавли-

ваться и выслушивать отвѣты другихъ. Въ настоящемъ случаѣ, Протагоръ, мнѣ нужно немного, чтобъ удовлетвориться во всемъ (116), если только согласишься отвѣчать. Ты говоришь, что добродѣтели учить можно,—въ чемъ я, если кому, то тебѣ вѣрю: но въ твоихъ словахъ нѣчто удивило меня; и потому восполни этотъ недостатокъ въ душѣ моей (117). Ты сказалъ, что Зевсъ послалъ людямъ правду и стыдъ; потомъ, въ продолженіе своей рѣчи, часто упоминалъ о правдѣ, о разсудительности, о святости и о всѣхъ подобныхъ вещахъ, какъ объ одномъ,—какъ объ одной добродѣтели. Объясни мнѣ точнѣе: думаешь ли ты, что добродѣтель одна, а правда, разсудительность и святость суть ея части? или, что всѣ упомянутыя мною добродѣтели надобно почитать только разными названіями одной и той же? Вотъ чего я хочу.—Легко отвѣчать, Сократъ, сказалъ онъ: всѣ исчисленныя добродѣтели суть части одной.—Но части въ такомъ ли значеніи, спросилъ я, какъ уста, носъ, глаза и уши суть части лица, или въ такомъ, какъ части золота, отличающіяся однѣ отъ другихъ и отъ цѣлаго только величиною и малостію?—Мнѣ кажется, въ первомъ значеніи, Сократъ, какъ части лица относятся къ цѣлому лицу.—И такъ, сказалъ я, люди приобрѣтаютъ ли эти части добродѣтели, однѣ одну, другой другую, или, кто получилъ одну изъ нихъ, тотъ по необходимости имѣеть и всѣ?—

- Огнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ: есть много людей мужественныхъ безъ правды, а иные и справедливы, но не мудры.—Слѣдовательно, мудрость и мужество суть также части добродѣтели, сказалъ я?—Безъ всякаго сомнѣнія; и превосходнѣйшая изъ всѣхъ частей есть мудрость.—Между тѣмъ одна изъ нихъ—одно, а другая—другое, спросилъ я?—Да.—И каждая имѣетъ свое особенное значеніе, какъ части лица? Известно, что глазъ не походить на ухо, и значеніе ихъ не одно и то же. Вообще ни одна изъ частей лица не походить на другую, ни по значенію, ни по чему иному. Такъ ли и части добродѣтели не сходны между собою, ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ? Точно ли въ нихъ все соотвѣтствуетъ приведенному нами подобію?—
1. Точно все соотвѣтствуетъ, Сократъ, сказалъ в. онъ.—Тогда я продолжалъ: по этому ни одна часть добродѣтели не такова, какъ или знаніе, или правда, или мужество, или разсудительность, или святость?— Не такова, отвѣчалъ онъ.—Давай же разсмотримъ вообще, сказалъ я, какова каждая изъ нихъ;— и во первыхъ: правда есть ли нѣчто, или ничто? Мнѣ кажется, нѣчто; а тебѣ?—И мнѣ, отвѣчалъ онъ.— Но если бы кто нибудь спросилъ меня и тебя:
- с. Протагоръ и Сократъ! скажите мнѣ, то самое нѣчто, которое вы сей часъ назвали правдою, справедливо или несправедливо? Я отвѣчалъ бы: справедливо; а ты какое подалъ бы мнѣ-

нѣе? одинакое со мною, или не одинакое? —
 Одинакое, сказалъ онъ.—По этому, я отвѣчалъ
 бы вопрошающему, что правда есть — быть
 справедливымъ: вѣрно и ты сказалъ бы тоже?—
 Да.—Потомъ, если бы онъ спросилъ насъ: вы такъ
 же думаете и о святости? мы сказали бы, что?
 такъ же?—Конечно.—То есть, вы называете и ее д.
 чьмъ-то, продолжалъ бы онъ? Что отвѣчали
 бы мы: да, или нѣтъ? — Да, сказалъ Прота-
 горъ.—Но это самое нѣчто, по своей природѣ,
 свято или не свято? Такой вопросъ возбудилъ
 бы во мнѣ досаду, и я отвѣчалъ бы вопроша-
 телю: скажи лучше, добрый человѣкъ, что едва
 ли что нибудь можетъ быть свято, если не
 свята самая святость. А ты что сказалъ бы
 ему? не тоже ли самое? — Безъ сомнѣнія, то
 самое. — Но представь, что послѣ сего онъ дѣ- Е.
 лаетъ намъ новый вопросъ: какъ же вы неда-
 вно говорили?—впрочемъ, можетъ быть, я не
 разслушалъ?—Вы, кажется, говорили, будто ча-
 сти добродѣтели такъ относятся между собою, что
 одна изъ нихъ не такова, какъ другая?—Я
 отвѣчалъ бы, что онъ все разслушалъ, кромѣ
 того, что будто и я утверждалъ тоже самое:
 утверждалъ Протагоръ, а я только спрашивалъ.
 И такъ, справедливо ли бы сказалъ онъ это,
 Протагоръ? Ты вѣдь говорилъ, что одна часть 331.
 добродѣтели не такова, какъ другая? Кажется,
 это твоя мысль? Что же ты отвѣчалъ бы ему?—
 Необходимость требуетъ признанія, Сократъ.—

Но признавшисьъ въ этомъ, что скажемъ на слѣдующія его заключенія: по сему святость не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то справедливымъ, и правда не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то святымъ; но первая не справедлива, а послѣдняя не свята (118); или, первая несправедлива, а послѣдняя нечестива? Что отвѣчать на это? За себя я сказалъ бы, что и правда свята, и святость праведна; да и за тебя, если позво-

В. лишь, скажу тоже самое, то есть, что правда, или одно съ святостію, или подобна ей, а особливо, что правда есть, какъ святость, и святость, какъ правда. Смотри же, запрещаешь ты мнѣ отвѣчать такимъ образомъ, или считаешь этотъ отвѣтъ справедливымъ?—Не совсѣмъ справедливымъ, Сократъ, сказалъ онъ. Мнѣ кажется, не лзя согласиться безусловно, что правда

С. свята, а святость праведна; тутъ есть нѣкоторое различіе. Впрочемъ какая нужда? Если хочешь, прибавилъ онъ, пусть правда будетъ свята, а святость праведна. — О, нѣтъ, отвѣчалъ я; мнѣ нужно изслѣдовать не *если хочешь* и *если тебѣ кажется*; но чего хотимъ я и ты. Говорю, я и ты, и думаю, что дѣло рѣшится лучше, когда въ рѣшеніи его не будетъ *если*. — Такъ согласимся, что правда подобна святости, сказалъ онъ; ибо что нибудь непремѣнно подобно

Д) чему нибудь въ чемъ нибудь; даже бѣлое подобно въ чемъ нибудь черному, твердое мягкому, и все другое, по видимому противополож-

ное. По сему и то, чему прежде мы приписывали особенныя значенія и говорили, что одно не таково, какъ другое, то есть, и части лица въ чемъ нибудь также подобны, и одна изъ нихъ такова, какъ другая. Такимъ образомъ ты можешь, если угодно, доказать, что все подобно одно другому. Но и подобное по чему нибудь, еще нельзя назвать подобнымъ, а неподобное E. по чему нибудь — не подобнымъ; хотя это подобіе и очень не велико (119). — Удивившись сему я сказалъ: следовательно справедливое и святое, по твоему мнѣнію, такъ относятся одно къ другому, что между ими есть только малое сходство? — Не столь малое, отвѣчалъ онъ, и не столь великое, какимъ оно тебѣ, по видимому, представляется. — Но, кажется, ты затрудняешься этимъ предметомъ, примолвилъ я; оставимъ же его и рассмотримъ нѣчто другое, тобою 332. сказанное.

Ты называешь что нибудь безуміемъ? — Называю. — Не совершенно ли противоположна ему мудрость, — Кажется, совершенно, отвѣчалъ онъ. — Но когда люди поступаютъ справедливо и съ пользою; тогда, по твоему мнѣнію, разсудительны они, или неразсудительны (120)? — Разсудительны, сказалъ онъ. — А разсудительны они конечно разсудительностию? — Необходимо. — Следовательно поступающіе несправедливо поступаютъ безумно, и дѣлая такимъ образомъ бываютъ неразсудительны? — Мнѣ кажется, в.

такъ.—По сему дѣятельность безумная противоположна дѣятельности разсудительной? — Конечно.—И такъ совершаемое безумно, совершается безуміемъ, а разсудительно - разсудительностію?—Согласенъ.—Значить, исполняемое силою, исполняется сильно, а слабостію слабо?—Кажется.—Съ скоростію - скоро, съ медленностію - медленно?—Дѣйствительно.—И что какъ дѣлается, то тѣмъ и дѣлается; а дѣлаемое напротивъ дѣлается отъ противнаго?—Согласенъ.—Хорошо;

- C. сказалъ я; есть ли что нибудь похвальное? — Есть. — Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ постыднаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь доброе?—Есть.—Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ худаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь высокое въ звукѣ?—Есть.—Противуположно ли ему что нибудь кромѣ низкаго? — Ничто.—И такъ, каждой изъ противуположностей противуположно только одно, а не многое?—Согласенъ.—Хорошо; сообразимъ же теперь все, на что мы согласились, сказалъ я. Мы согласились, что одному противуположно D) только одно, а не многое?—Согласились.—Что напротивъ дѣлаемое, отъ противнаго дѣлается?—Да.—Согласились также, что дѣлать безумно, значить, дѣлать противное тому, что дѣлается разсудительно?—Конечно.—И что исполняемое разсудительно исполняется разсудительностію, а безумно - безуміемъ?—Точно такъ. — Но что дѣлается напротивъ, то дѣлается отъ проти-

внаго? — Да. — А дѣлается одно разсудительно-
 стию, другое — безуміемъ? — Конечно. — И на-
 противъ? — Безъ сомнѣнія. — И такъ же отъ Е.
 противныхъ? — Да. — А противны безуміе и раз-
 судительность? — Кажется. — Но помнишь ли,
 что сначала допущена противоположность ме-
 жду безуміемъ и мудростию? — Помню. — И одно
 противоположно только одному? — Да. — Отъ чего
 же отказаться намъ, Протагоръ: отъ того ли,
 что одному противоположно только одно (191), или
 отъ того, что разсудительность есть иное, чѣмъ
 мудрость, что каждая изъ нихъ есть часть до- 333.
 бродѣтели, что будучи иными, они не сходны
 ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ, какъ
 части лица? — Отъ чего отказаться намъ? Ибо,
 эти положенія не очень въ музыкальномъ от-
 ношеніи между собою: онѣ не ладятъ и не
 гармонируютъ одно съ другимъ; да и какъ
 имъ ладить, если одному по необходимости
 противоположно только одно (192), а не многое,
 между тѣмъ, какъ безумію, которое — одно, про-
 тивопологаются и мудрость и разсудительность? В.
 Такъ ли, Протагоръ, или не такъ? сказалъ я.
 Онъ согласился нехотя. — Следовательно, рассу-
 дительность и мудрость должны быть одно?
 а прежде мы признали почти однимъ и тѣмъ
 же правду и святость. Но пусть такъ, продолжалъ
 я; не станемъ, Протагоръ, затруднять себя
 этимъ; изслѣдуемъ прочее. Кажется ли тебѣ,
 что человекъ, дѣлающій неправду, разсуждаетъ,

когда дѣлаетъ ее? — Я стыдился бы, Собрать, согласиться съ этимъ; однакожь многіе говорятъ такъ. — Но къ нимъ ли обратитъ мнѣ свою
 С. рѣчь, или къ тебѣ? — Изслѣдуй, если угодно, сперва мнѣнія людей. — Все равно, лишь бы ты отвѣчалъ, такъ ли тебѣ кажется, или не такъ. Прямая цѣль моя — изслѣдовать самое дѣло; а между тѣмъ, можетъ быть, случится испытать и вопрошателя и отвѣчика. — Отъ сего предложенія Протагоръ сперва скромно уклонялся, жалуясь на трудность предмета; но по томъ однакожь согласился отвѣчать.

Д. И такъ, отвѣчай мнѣ сперва, сказали я: кажется ли тебѣ, что люди, поступающіе несправедливо, разсудительны? — Пусть такъ. — А дѣйствовать разсудительно — не то же ли, по твоему, что дѣйствовать благоразумно? — То же. — Но дѣятельность благоразумная, когда поступаютъ несправедливо, не есть ли дѣятельность доброжелательная? — Положимъ. — Несправедливому лучше ли наслаждаться добромъ, или зломъ? — Лучше добромъ. — Но признаешь ли ты чтонибудь за добро? — Признаю. — То ли есть добро, что полезно людямъ, спросилъ я? — Да, клянусь Зевсомъ; однакожь я называю добро добромъ, хотя бы оно и не было полезно людямъ. Мнѣ показалось, что Протагоръ уже сердится, горячится, и готовъ отказаться отвѣчать. Замѣтивъ это, я началъ спрашивать его осторожно и тише. То ли считаешь ты добромъ

Е.

Протагоръ, что никому не полезно, или то, что ни по чему не полезно? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я знаю многое, что людямъ не полезно (121); но пища, питіе, лѣкарства и множество другихъ вещей, полезны имъ. Иное людямъ—ни то, ни сѣ, а лошадямъ; иное однимъ быкамъ, иное собакамъ, а иное никому изъ животныхъ, но деревьямъ,—и въ деревьяхъ иное хорошо для борня, но худо для ростковъ; напримѣръ навозъ, когда обкладываютъ имъ корень растеній, есть добро, а приложи его къ побѣгамъ и молодымъ вѣткамъ,—все пропадетъ. Равнымъ образомъ масло для всякаго растенія весьма вредно, даже враждебно и волосамъ животныхъ, кромѣ волосъ человѣческихъ, которымъ, какъ и всему тѣлу чловѣка, оно помогаетъ. И такъ добро есть нѣчто различное и разнообразное: одно и то же, по отношенію къ внѣшней сторонѣ тѣла—добро для чловѣка, а по отношенію къ внутренней—зло. Отъ того-то всѣ врачи с. запрещаютъ больнымъ принимать масло, кромѣ самой малой мѣры во время стола, чтобы только заглушить непріятный запахъ пищи и питія, сообщающійся обонянію.

Когда Протагоръ кончилъ; то присутствующіе зашумѣли, въ знакъ того, что онъ хорошо говорилъ. Но я сказалъ: Протагоръ! Ты видишь во мнѣ чловѣка забывчиваго, такъ что если кто нибудь долго бесѣдуетъ,—я забываю, о чемъ д. была рѣчь. Если бы я былъ глухъ; то, желая

разговаривать со мною, ты призналъ бы за необходимое говорить мнѣ громче, нежели другимъ: подобнымъ образомъ и теперь, — такъ какъ тебѣ пришлось имѣть дѣло съ забывчивымъ, то раздѣляй отвѣты и сокращай ихъ, если хочешь, чтобы я слѣдовалъ за тобою. — Какъ же еще короче прикажешь отвѣчать? короче, нежели нужно? — О нѣтъ, сказалъ я. — Значить столько, сколько нужно? — Конечно. —

- Е. Но долженъ ли я отвѣчать столько, сколько самъ считаю нужнымъ, или сколько ты? — Я слышалъ, что ты можешь, если захочешь, долго разсуждать (122) объ одномъ и томъ же предметъ, такъ что въ словахъ у тебя недостатка не будетъ, и готовъ научить другихъ тому же: знаю, что ты въ состояніи говорить и кратко, такъ что въ краткости никто не превзойдетъ тебя. Употреби же другой способъ — краткословіе, если угодно тебѣ разговаривать со мною. — Сократъ! сказалъ онъ, я уже пускалъ свое слово въ борьбу со многими людьми и, если бы мнѣ дѣлать, что ты приказываешь, или бесѣдовать, какъ велить состязающійся, то не превзойти бы другихъ, и имени Протагора не было бы между Греками. — Видя, что прежніе отвѣты Протагора не нравятся самому ему, и что онъ не думаетъ разговаривать, отвѣтствуя на мои вопросы, я не счелъ своимъ дѣломъ присутствовать при его разсужденіяхъ и сказалъ: Протагоръ! я не настаиваю,
- 335.
- В.

чтобы твоя бесѣда была несообразна съ твоею методою; но если бы тебѣ хотѣлось разговаривать такъ, что бы мнѣ можно было за тобою слѣдовать,—я принялъ бы участіе въ разговорѣ. Ты, какъ самъ говоришь, и какъ другіе свидѣтельствуютъ, умѣешь сообщать свои мысли и обширно и коротко, потому что ты мудрецъ: напротивъ я неспособенъ къ слуханію длинныхъ рѣчей, хотя бы и желалъ имѣть такую способность. Что бы бесѣда наша продолжилась, тебѣ, какъ сильному въ обоихъ родахъ, надлежало бы снизойти ко мнѣ. Если же ты не хочешь того, а у меня есть дѣло, и мнѣ нельзя выслушивать длинныхъ рѣчей твоихъ, потому что надобно кое-куда сходить; то я и иду, хотя бы, можетъ быть, слушалъ тебя съ удовольствіемъ.

Сказавъ это, я всталъ, чтобъ уйти. Но когда поднялся, Калліасъ правою рукою схватилъ меня за руку, а лѣвою за этотъ плащъ, и сказалъ: мы не пустимъ тебя, Сократъ; если ты уйдешь, то наша бесѣда будетъ уже не такова. Прошу тебя, останься съ нами. Мнѣ ни кого не слушать съ такимъ удовольствіемъ, какъ тебя и Протагора, когда вы разговариваете другъ съ другомъ: доставъ же всѣмъ намъ это удовольствіе.—Сынъ Иппоника! сказалъ я, (въ эту минуту я уже всталъ (123) и хотѣлъ уйти), для меня и всегда было пріятно твое любомудріе, и теперь хвалю и люблю ф.

его; посему желалъ бы угодить тебѣ, если бы требовалъ отъ меня возможнаго. Но въ настоящемъ случаѣ ты какъ будто хочешь, чтобы я слѣдовалъ за сильнымъ скороходомъ, Крисономъ Имерейскимъ, или состязался съ тѣми, которые могутъ пробѣгать двойнос, либо цѣло-

336. дневное поприще (124). Говорю тебѣ, что я болѣе тебя радъ бы слѣдовать за сими скороходами; но право не могу (125). Если же тебѣ угодно видѣть меня и Крисона въ равномъ бѣгѣ; то проси послѣдняго о снисхожденіи, потому что я не въ состояніи бѣжать скоро, а онъ можетъ—медленно. Равнымъ образомъ, если ты желаешь слышать меня и Протагора; то проси послѣдняго, чтобы онъ отвѣчалъ столь же

В. кратко, какъ прежде, и прямо на вопросъ: а иначе какой будетъ образъ разговора? Разговорное собесѣдованіе, по моему мнѣнію, отлично отъ пародной рѣчи. — Но видишь, Сократъ, сказалъ онъ, Протагору - то кажется справедливымъ разговаривать, какъ онъ хочетъ, а тебѣ, какъ ты хочешь.

Ты не такъ говоришь, Калліасъ, возразилъ Алкивіадъ: Сократъ сознается, что онъ неспособенъ къ длинословію, и въ этомъ уступаетъ Протагору; но для меня было бы удивительно, если бы онъ уступилъ кому нибудь въ умѣннн вестъ разговоръ, или давать и принимать вопросы. Если и Протагоръ признается, что онъ ниже Сократа въ разговоръ; то для послѣдняго

С.

И довольно: когда же онъ не согласится съ этимъ; то пусть разговариваетъ, вопрошая и отвѣчая, а не растягиваетъ рѣчи послѣ каждаго вопроса, какъ бы уклоняясь отъ предмета и прямого рѣшенія; пусть не расплываетъ ея до того, пока многіе изъ слушателей забудутъ, о чемъ говорено было. Впрочемъ я ручаюсь, что Сократъ не забывчивъ, хоть шутя и говорить, будто не можетъ помнить. И такъ, по мнѣ, онъ правъ: пусть каждый объявитъ свое мнѣніе.

Послѣ Алкивіада говорилъ, кажется, Критіасъ: Продикъ и Иппіасъ! сказалъ онъ, Калліасъ, по видимому, слишкомъ на сторонѣ Протагора, а Алкивіадъ всегда упоренъ въ своихъ мысляхъ: напротивъ мы, не присоединяясь ни къ Сократу, ни къ Протагору, должны просить обоихъ, чтобы они не прекращали своей бесѣды на срединѣ. — На это Продикъ отвѣчалъ: Ты хорошо говоришь, Критіасъ. Слушатели, присутствующіе при такихъ разсужденіяхъ, должны быть, по отношенію къ обоимъ разговаривающимъ лицамъ, общими, но не равными; ибо это не одно и тоже. Надобно слушать *вообще* того и другаго, однакожь не *равно* принимать мнѣніе каждаго, но съ мудрѣйшимъ соглашаться болѣе, а съ немудрымъ — менѣе. Я и самъ считаю нужнымъ согласиться, Протагоръ и Сократъ, что вы можете спорить, но не ссориться: спорятъ друзья съ друзьями

и въ добромъ расположеніи; а *ссорятся* противники и враги. Такая бесѣда была бы для насъ весьма пріятна. Разговаривая подобнымъ образомъ, вы заслужили бы отъ насъ, слушателей, болѣе одобреніе, чѣмъ похвалу; ибо *одобреніе* происходитъ отъ души безпристрастной, а *похвала* заключается преимущественно въ словахъ, несообразныхъ съ убѣжденіемъ. И мы, С. слушатели, чувствовали бы отъ того больше удовольствіе, чѣмъ наслажденіе; ибо *удовольствіе* свойственно учащемуся, когда бываетъ доволенъ умъ его, а *наслажденіе* прилично вкушающему нѣчто такое, что пріятно дѣйствуетъ на его тѣло. — Когда Продикъ сказалъ это; то весьма многіе изъ присутствующихъ изъявили свое одобреніе (126).

Послѣ Продика началъ говорить мудрый Иппіасъ: Мужи, находящіеся здѣсь, сказалъ онъ, я думаю, что всѣ вы родственники, ближніе и граждане не по закону, а по природѣ (127): ибо D. подобное по природѣ сродно подобному; а законъ—тиранъ челоуѣковъ (128), онъ часто насилуетъ природу (129). И такъ, постыдно намъ, вѣдающимъ свойство вещей, мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ, и потому стекшимся изъ цѣлой Эллады въ сей пританіумъ мудрости (130), а изъ цѣлаго города въ сей величайшій и благополучнѣйшій домъ,—постыдно намъ не проявить E. ничего достойнаго такой чести, но какъ худшимъ изъ людей разногласить другъ съ дру-

гомъ. Прошу и совѣтую, Протагоръ и Сократъ, позволить намъ, какъ посредникамъ, которые сближаютъ противныя стороны, свести васъ на среднемъ пути: и ты, Сократъ, не требуй точно того рода слишкомъ краткихъ разговоровъ, какой не нравится Протагору, но опусти и ослабь броды слова, чтобы оно казалось намъ величественнѣе и рисовалось; и Протагоръ не долженъ поднимать всѣ паруса (131) и при благопріятномъ вѣтрѣ пускаясь въ море рѣчи, терять изъ вида землю: обоимъ вамъ надобно рѣзать середину. Если вы рѣшитесь дѣлать такъ; то доверьте мнѣ избрать судію (132), распорядителя и начальника, который будетъ стараться о посредственной длиннотѣ рѣчей того и другаго изъ васъ. В.

Это понравилось присутствующимъ; всѣ одобрили мнѣніе Иппіаса, и Калліасъ сказалъ, что онъ не отпуститъ меня, что надобно избрать распорядителя. Но я отвѣчалъ: стыдно избирать судію рѣчей, потому что если избранный будетъ хуже насъ, то покажется несправедливымъ худшему судить лучшихъ; а когда онъ будетъ равенъ намъ, то и въ этомъ не много правды, ибо равный намъ и выполнить равное, следовательно избраніе его дѣло лишнее. Ну такъ вы выберете лучшаго чѣмъ мы? С. Избрать когонибудь мудрѣе Протагора, думаю, вамъ по истинѣ невозможно. Если же въ самомъ дѣлѣ не выберете лучшаго, а только укажете;

то пристыдите Протагора, поставивъ надъ нимъ, какъ будто надъ пустымъ человѣкомъ, какогонибудь судію. Но что касается до меня, то мнѣ все равно. Чтобы наша бесѣда и разговоры, которыхъ вы желаете, могли состояться, я готовъ поступить такъ: если Протагоръ

- D. не хочетъ давать отвѣтовъ, то пусть вопрошаетъ, а я буду отвѣчать и вмѣстѣ постараюсь показать ему, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, отвѣчающій долженъ выполнять свое дѣло. Мои отвѣты будутъ продолжаться дотолъ, пока онъ не перестанетъ предлагать вопросовъ; а потомъ пусть обѣщается передать мнѣ право вопрошателя, и если окажется не готовымъ отвѣчать, то и я, и вы, будемъ съобща просить его, какъ теперь просите меня, чтобы онъ не разрушалъ нашей бесѣды. Для сего не
- E. нужно никакого распорядителя; вы всѣ будете распорядяться. — Присутствующіе согласились со мною, и Протагоръ, хотя ему и очень не хотѣлось, принужденъ былъ принять на себя должность вопрошателя, съ тѣмъ, чтобы послѣ довольнаго количества вопросовъ, кратко отвѣчать и на мои вопросы. Онъ началъ свое дѣло почти слѣдующимъ образомъ.

Я думаю, Сократъ, сказалъ Протагоръ, что важная сторона воспитанія мужчины, есть знаніе поэмъ; а это должно состоять въ разумѣніи того, что поэты воспѣвали правиль-

но и что нѣтъ, также въ умѣннн изъяснять ихъ сочиненія и давать отчетъ вопрошающему. Возьмемъ же и теперь вопросъ, близкій къ прежнему нашему предмету, то есть, къ добродѣтели, только добродѣтель перенесемъ въ поэзію (133). Симоидъ (134) гдѣ-то говоритъ Скопасу сыну Тессалійца Креона, что *истинно трудно сдѣлать-ся челоуькомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ* (135), *челоуькомъ безъ недостатка*. В. Знаешь ли ты эту пѣснь, или я долженъ прочитать ее всю?—Не нужно, отвѣчалъ я; знаю, и много размышлялъ о ней.—Дѣльно; чтожь, каково она написана?—хорошо, вѣрно или нѣтъ?—Очень хорошо и вѣрно.—Но считаешь ли ты сочиненіе хорошимъ, въ которомъ сочинитель противорѣчитъ самому себѣ?—Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Всмотрись же получше, сказалъ онъ.—Я довольно всматривался, добрый C. Протагоръ.—Слѣдовательно знаешь, что въ той же пѣснн говорится далѣе: *я имѣю не выгодное мнѣніе о Пиптаковомъ изрѣченіи, хотя оно произнесено и мудрымъ мужемъ, — что трудно быть добрымъ* (136).—Знаешь ли, что эти слова сказаны тѣмъ же, къмъ и прежнія?—Знаю.—И тебѣ кажется, что послѣднія согласны съ первыми?—Кажется;—и вдругъ опасаясь, чтобы онъ не началъ разсуждать, я прибавилъ: а тебѣ не кажется?—Можетъ ли быть согласенъ D. самъ съ собою тотъ, кому принадлежатъ оба эти мнѣнія?—кто сперва утверждалъ, что трудно

сдѣлаться истинно добрымъ человѣкомъ, а потомъ, не много продолживъ свое сочиненіе, забылъ о прежней мысли и осуждаетъ Питтака, который говоритъ тоже самое, что трудно быть добрымъ, и не принимаетъ словъ его, хотя онъ подтверждаются собственными его словами? Явно, что осуждая Питтаково мнѣніе, тождественное съ своимъ, Симонидъ осуждаетъ и самого себя, такъ что или первое, или послѣднее, должно быть невѣрно.—Выслушавъ это разсужденіе, многіе произвели одобрительный шумъ

Е. и похвалили Протагора: а у меня, отъ словъ его и отъ шума присутствующихъ, какъ будто отъ добраго удара кулачнаго бойца, сперва потемнѣло въ глазахъ и завертѣлось въ головѣ; но потомъ, если сказать тебѣ правду, желая выиграть время для размышленія о мнѣніяхъ поэта, я обратился къ Продику и вызвалъ его къ бесѣдѣ слѣдующею рѣчью: Продикъ! Симонидъ—твой согражданинъ; ты долженъ помочь

340. ему. Я призываю тебя, почти какъ Скамандръ, осажденный Ахиллесомъ, по свидѣтельству Омира, призывалъ Симоиса:

«Воздвигнись, мой братъ, крѣпость мужа оба авось
Обуздаемъ» (137).

Да, призываю тебя; иначе Протагоръ разгромить нашего Симонида. Чтобы поставить его на ноги, нужна именно твоя мускиа (138), посредствомъ которой ты различаешь

В. слова *хотѣть* и *желать*, и еще нынѣ говорилъ

много прекраснаго. Смотри же, такъ ли и тебѣ кажется, какъ мнѣ: я думаю, что Симоидъ не противорѣчить самъ себѣ. Но объяви напередъ свое мнѣніе, Продикъ; то же ли, по твоему, *дѣлаться и быть* (139), или не то же?—О, свидѣтельствуюсь Зевсомъ, не то же, отвѣчалъ Продикъ. — Слѣдовательно въ первомъ мѣстѣ Симоидъ выражаетъ собственную свою мысль, что истинно трудно дѣлаться добрымъ человекомъ?—Конечно.—А потомъ осуждаетъ Питтака не за одинаковое съ своимъ мнѣніе, какъ полагаютъ Протагоръ, а за другое? ибо Питтакъ не сказалъ, какъ Симоидъ, что трудно дѣлаться, но трудно быть добрымъ. И такъ видишь, Протагоръ, Продикъ говоритъ, что *быть и дѣлаться* не одно и то же: а если *быть и дѣлаться* не одно и то же; то Симоидъ не противорѣчить самому себѣ. Можетъ быть и Продикъ и многіе другіе готовы утверждать съ Исіодомъ, что трудно сдѣлаться добрымъ; потому что боги, прежде добродѣтели, требуютъ пота: но когда кто достигъ высоты ея; то бывъ трудною, она становится легка.

Продикъ выслушавъ это, похвалилъ меня; а Протагоръ сказалъ: такую поправкою, Сократъ, ты больше испортилъ, чѣмъ поправилъ дѣло. — Плохъ же видно я, Протагоръ, былъ мой отвѣтъ; я тотъ смѣшной врачъ, который врачуя болѣзнь, только усиливаетъ ее.—А вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ. — Какъ такъ? спросилъ

я?—Поэтъ былъ бы не умень, если бы приобрь-
 теніе добродѣтели—дѣлю, по признанію всѣхъ
 людей, самое трудное, — почиталъ столь мало-
 важнымъ (140). — Клянусь Зевсомъ, сказалъ я,
 что Продикъ весьма кстати принялъ участіе
 въ нашемъ разговоръ; ибо божественная му-
 драсть его, Протагоръ, едва ли не столь
 древняя, что получила начало отъ Симонида,
 341. а можетъ быть, и того древнѣе (141): напро-
 тивъ ты знаешь много другаго, а этой му-
 драсти, кажется, не знаешь, не такъ какъ
 я, ученикъ Продика (142). Ты по видимому не
 замѣтилъ, что и слово *трудно* Симонидъ,
 должно быть, понималъ не въ томъ значе-
 ніи (143), въ какомъ оно принимается тобою.
 Продикъ каждый разъ учить меня разумѣть
 его въ значеніи *ужаса*; напимѣръ, если я,
 хваля тебя, или кого другаго, говорю: Прота-
 горъ человекъ ужасно мудрый, то онъ воз-
 342. ражаетъ: не стыдно ли тебѣ доброе называть
 ужаснымъ? ужасное есть зло; а потому никто
 не говоритъ объ ужасномъ богатствѣ, объ ужас-
 номъ мирѣ, объ ужасномъ здоровьѣ; но гово-
 рятъ объ ужасной болѣзни, объ ужасной войнѣ,
 объ ужасной бѣдности, потому что ужасное
 есть зло. Такимъ же образомъ, можетъ быть, и
 Хиосцы и Симонидъ подъ именемъ труднаго
 понимаютъ зло, или что другое, чего ты не
 знаешь. Спросимъ-ка лучше Продика; ибо съ
 343. нимъ приличнѣе совѣтоваться о языкѣ Симонида.

Продикъ! что разумѣть Симонидъ подь именемъ труднаго?—Злое, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно за то и осуждаетъ онъ Питтака, сказавъ я, что въ его выраженіи: трудно быть добрымъ, видитъ мысль: худо быть добрымъ?—Что же другое, кромѣ сего, по твоему мнѣнію, Сократъ, можно бы разумѣть тутъ? Симонидъ порицаетъ Питтака за его неумѣніе правильно различать слова, такъ какъ онъ Lesbосецъ и воспитанъ былъ подь вліяніемъ варварскаго нарѣчія (144). — Слышишь Протагоръ, что говоритъ Продикъ? Можешь ли что нибудь D. сказать противъ него?—Далеко не такъ, Продикъ, отвѣчалъ онъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Симонидъ, какъ и всѣ мы, подь именемъ труднаго разумѣлъ не злое, а то, что не легко, и пріобрѣтается великими трудами.—И мнѣ равнымъ образомъ кажется, Протагоръ, что онъ разумѣлъ то самое; да и Продикъ это знаетъ, но только шутить, какъ будто желая испытать, можешь ли ты защищать свое мнѣніе. А что трудное Симонидъ называлъ не худымъ, важный признакъ заключается въ слѣдующемъ E. же за тѣмъ выраженіи: тамъ говорится, что *сіе преимущество принадлежитъ одному Богу*. Если бы Симонидъ сказалъ, что худо быть добрымъ, и потомъ прибавилъ, что одинъ Богъ имѣетъ это зло, или что *сіе преимущество принадлежитъ одному Богу*; то Продикъ почелъ бы своего соотечественника человѣкомъ гибель-

нымъ и вовсе не Хіосцемъ (145). Между тѣмъ угодно ли тебѣ знать мою опытность (или какъ ты называешь это) въ поэмахъ? Я, пожалуй, выскажу свое мнѣніе о смыслѣ Симонидовой пѣсни: а когда не угодно; готовъ слушать тебя.— На это предложеніе Протагоръ отвѣчалъ: какъ хочешь, Сократъ; а Продикъ, Иппіасъ и другіе рѣшительно приказывали говорить.

И такъ попробуюсь объяснить вамъ, что именно я думаю объ этой пѣсни. Самая древняя и особенно распространенная между Греками философія находится въ Критѣ и Лакедемонѣ, в. и софистовъ тамъ множество (146). Но они притворяются и кажутся невѣждами, какъ и тѣ, о которыхъ говорилъ Протагоръ, чтобы не обнаружить своего превосходства въ мудрости предъ прочими Греками; напротивъ выставляютъ себя предъ ними только въ военномъ искусствѣ и мужествѣ, съ тою мыслию, что узнавъ, чѣмъ дѣйствительно они лучше другихъ, всѣ примутся за тоже дѣло. Такою скрытною софисты обманываютъ жителей иныхъ странъ, которые подражая Лакедемонянамъ (147), и прокалываютъ себѣ уши, и надѣваютъ с. на руки кожаныя перчатки, и упражняются въ гимнастикѣ, и носятъ короткіе плащи, какъ будто Лакедемоняне этимъ только и превосходятъ прочихъ Грековъ. А Лакедемоняне, какъ скоро хотятъ искренно побесѣдовать съ своими софистами, и какъ скоро наскучило

нимъ бесѣдовать тайно, — тотчасъ предписываютъ выслать всѣхъ иностранцевъ-подражателей⁽¹⁴⁸⁾; если же какой изъ нихъ и останется, то скрываютъ отъ него свою бесѣду. Сверхъ того, подобно Критянамъ, не позволяютъ и своимъ юношамъ отъѣзжать въ другія общества, чтобы они не передали кому-нибудь того, что сами знаютъ. Въ этихъ республикахъ не только мужчины, но и женщины получаютъ высокое воспитаніе. А что я говорю справедливо, то есть, что Лакедемоняне въ самомъ дѣлѣ хорошо воспитаны въ философій и искусствѣ слова, — можете узнать изъ слѣдующаго. Кто захочетъ поговорить хотя бы-то съ худшимъ изъ Лакедемонянъ; тотъ найдетъ его большею частію какъ будто слабымъ въ рѣчи: но потомъ, при случаѣ, вдругъ вырывается у него, весьма кстати, изрѣченіе краткое и сжатое, подобное сильно пущенной стрѣлѣ, такъ что собесѣдникъ, является предъ нимъ не лучше дитяти. Обращая вниманіе на это обстоятельство, многіе и изъ древнихъ, и изъ современныхъ намъ мужей поняли, что подражать Лакедемонянамъ значить болѣе любить мудрость, нежели тѣлесныя упражненія; ибо произносить подобныя изрѣченія можетъ только человекъ совершенно образованный. Такими почитаются Фалесъ Милетскій, Питтакъ Митиленскій, Віасъ Пріенскій, нашъ Солонъ, Клеовуль Линдскій, Мисонъ Хинейскій⁽¹⁴⁹⁾ и седьмой, причисляемый

D.

E.

343.

- къ нимъ, Хилонъ Лакедемонскій. Всѣ они были соревнователями, любителями и учениками Лакедемонскаго образованія, и каждый можетъ знать, что именно въ этомъ состояла ихъ мудрость, то-есть, въ краткихъ, достопамятныхъ изрѣченіяхъ. Съ общаго согласія, они посвятили начатокъ своей мудрости Делфійскому храму Аполлона, написавъ на немъ всѣми прославляемая мнѣнія (150): *познай самаго себя и ничего слишкомъ*. Но для чего я говорю объ этомъ? Для того, что у древнихъ философія состояла въ Лакедемонскомъ краткословіи, и что самое выраженіе Питтака: *трудно быть добрымъ*, переходило изъ устъ въ уста, какъ выраженіе хвалимое мудрыми. Но Симонидъ, побуждаемый страстію къ мудрости, понялъ, что если онъ опровергнетъ это изрѣченіе, какъ знамени-таго борца, и преодолѣетъ его; то самъ прославится между современниками. Такимъ образомъ, именно противъ сего изрѣченія и съ умысломъ уронить его, онъ, какъ мнѣ кажется, написалъ всю свою пѣснь. Изслѣдуемъ общими силами, правду ли я сказалъ. Кто хотѣлъ бы вдругъ съ самаго начала пѣсни произнести:
- D. трудно сдѣлаться человекомъ добрымъ; и тутъ же прибавилъ бы частицу *μὲν*; тотъ говорилъ бы безъ смысла: эта частица вовсе неумѣстна, если предположимъ, что Симонидъ не имѣлъ намѣренія воставать на Питтаково изрѣченіе. Противъ словъ Питтака, что трудно быть

добрымъ, Симонидъ возражаетъ: Нѣтъ, Питтакъ, но дѣлаться добрымъ человѣкомъ трудно по истинѣ. Онъ не говоритъ: истинно добрымъ,— не сюда относить истину, какъ бы предполагая однихъ истинно добрыми, а другихъ—хотя и Б. добрыми, но не истинно; это было бы нелѣпо и недостойно Симонида. Нѣтъ, въ его пѣсни слово *по истинѣ* надобно перестановить (151), какъ будто бы онъ подразумѣвалъ изрѣченіе Питтака, и какъ будто бы утверждалъ самъ Питтакъ, а Симонидъ отвѣчалъ ему. Напримеръ, первый взывалъ бы: Люди! трудно быть добрымъ! а послѣдній въ отвѣтъ ему: несправедливо говоришь Питтакъ; не быть, а дѣлаться 344. съ человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — человѣкомъ безъ порока, трудно по истинѣ. При такомъ смыслѣ рѣчи, и частица *μὲν* будетъ здѣсь не безъ причины, и слово *по истинѣ* въ концѣ выраженія уместно. Это значеніе подтверждается также всѣмъ послѣдующимъ: ибо можно бы и чрезъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ мыслей въ пѣсни Симонида показать, какъ хорошо она написана, В. какъ она изящна и обработана; но разсматривать ихъ было бы долго. По сему мы раскроемъ только общій характеръ сочиненія и намѣреніе сочинителя—совершенно опровергнуть изрѣченіе Питтаково во всей своей пѣсни. Немного ниже онъ какъ будто говоритъ, что сдѣлаться добрымъ человѣкомъ хотя по истинѣ трудно,

однакожь все еще на нѣсколько времени воз-

С. можно: напротивъ сдѣлавшись, оставаться въ этомъ состояніи и быть добрымъ человѣкомъ, какъ ты утверждаешь, Питтакъ, есть дѣло невозможное и не человѣческое, потому что сіе преимущество принадлежитъ одному Богу; а *человѣку нельзя не быть злымъ, когда его увлекаетъ слѣпая судьба.* Но кого увлекаетъ слѣпая судьба при управленіи кораблемъ? Явно, что не неопытнаго; ибо неопытный всегда внизу. Лежачаго никто не повергаетъ; повергнуть можно только стоячаго, чтобы онъ ле-

жалъ, а не лежачаго. Подобнымъ образомъ и слѣпая судьба можетъ увлечь только осмотрительнаго; а того, кто всегда неосмотрителенъ, она не увлекаетъ. Такъ напримѣръ, сильная буря дѣлаетъ бессильнымъ только кормчаго, худая погода—только земледѣльца; тоже и о врачѣ. Равно и злымъ свойственно дѣлаться только доброму, какъ свидѣтельствуетъ другой поэтъ (152): «*добрый человѣкъ—то золь, то добръ*». Напро-

Е. тивъ, злomu свойственно не дѣлаться, но всегда быть по необходимости. По сему, и осмотрительный, и мудрый, и добрый, когда увлекаетъ ихъ слѣпая судьба, не могутъ не быть злыми. А ты говоришь, Питтакъ, что трудно быть добрымъ: дѣлаться добрымъ конечно трудно, но возможно; напротивъ быть добрымъ не возможно. *Всякій человѣкъ, поступающій хорошо, добръ, а худо—золь.* Но что называется добрымъ

поступкомъ въ отношеніи къ грамотѣ? и что дѣлаетъ добрымъ человѣкомъ вразсужденіи ея? 345. Разумѣется изученіе грамоты. Какая добрая дѣятельность характеризуетъ добраго врача? Разумѣется, умѣнье пользоваться больныхъ. *А худо — золь.* Но кого назвали бы мы худымъ врачомъ? очевидно того, кому прежде случилось носить имя врача, а потомъ — имя врача хорошаго; слѣдовательно, который могъ бы- вать и худымъ. Вотъ мы, невѣжды въ лечеб- номъ искусствѣ, не въ состояніи дѣлать худо, ни какъ врачи, ни какъ плотники, ни какъ другіе какіе нибудь люди въ этомъ родѣ. Кто, в. дѣлая худо, не былъ бы врачомъ; того нельзя было бы назвать и худымъ врачомъ. По сему добрый человѣкъ иногда можетъ сдѣлаться и худымъ, или отъ времени, или отъ труда, или отъ болѣзни, или отъ какого нибудь дру- гаго несчастія; ибо единственное худое дѣйствіе есть лишеніе знанія: напротивъ человѣкъ худой никогда не сдѣлается худымъ; потому что онъ всегда худъ. Чтобы сдѣлаться худымъ, ему над- лежало бы сперва сдѣлаться хорошимъ. Слѣдо- вательно и это выраженіе пѣсни указываетъ с. на прежнюю мысль, что доброму человѣку не- возможно постоянно быть добрымъ; но возмож- но одному и тому же дѣлаться и добрымъ и худымъ. *Больше же всѣхъ бываютъ добрыми, тѣ, которыхъ любятъ боги.* Что все это было говорено противъ Питтака, еще болѣе подтвер-

ждается дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсни. Симонидъ говоритъ: *По сему я не предаю своей жизни суетной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно, — совершенно непорочнаго чловѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли:*

D. *если же найду его; то возвышу вамъ. Такъ сильно и во всей своей пѣсни нападаетъ онъ на изрѣченіе Питтака. Я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно (153), кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго: а съ необходимостію и боги не воюютъ (154). Вотъ и это сказано для прежней цѣли: ибо Симонидъ не былъ столь простъ, чтобы вызывался хвалить чловѣка, который охотно не сдѣлалъ ничего худаго, какъ будто есть люди, охотно дѣлающіе зло. Я думаю почти такъ, что ни одному мудрецу не приходило въ умъ, будто чловѣкъ грѣшить охотно (155), и охотно совершаетъ постыдныя,*

E. *или худыя поступки. Мудрые люди знали, что всѣ, дѣлающіе постыдное и худое, дѣлаютъ это невольно. По сему и Симонидъ не говоритъ, что онъ хвалилъ бы того чловѣка, который охотно не дѣлаетъ зла; но слово охотно относить къ самому себѣ, — въ той мысли, что прекрасный и добрый чловѣкъ не рѣдко принуждаетъ себя быть чѣмъ-нибудь другомъ и*
 346. *хвалителемъ, равно какъ нерѣдко случается чловѣку имѣть жестокихъ отца, мать, отечество, и другое тому подобное. Люди порочныя;*

встрѣчаясь съ такими случаями, смотреть на нихъ почти съ удовольствіемъ, и своею хулою выказываютъ и обвиняютъ порочность родителей, или отечества, чтобы другіе не обвиняли и не порицали ихъ самихъ за нерадвіе о родителяхъ и отечествѣ; такъ что хулить ихъ **В.** еще болѣе и къ необходимой враждѣ присоединяютъ произвольную. Напротивъ добрые приуждаютъ себя скрывать многое и хвалить родителей и отечество: если же, будучи оскорблены, и досаждаютъ на нихъ; то заставляютъ себя одуматься и примириться съ ними, даже любить ихъ. Мнѣ кажется, что нерѣдко и самъ Симонидъ не охотно, а по неволѣ признавалъ нужнымъ хвалить и прѣславлять тирана (156), или другаго ему подобнаго. По сему-то онъ **С.** говоритъ Питтаку: *Я не для того хулю тебя, что люблю хулить. Меня удовлетворилъ бы человекъ, только что не худой, но и не совершенно несмысленный, а здраво мыслящій, знающій законную пользу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ порицанію. Роды глупыхъ безцеленны, и кто находилъ бы удовольствіе бранить ихъ, тотъ набранился бы досыта. Все прекрасно, къ чему не примѣшалось постыдное.* Сія слова имѣютъ не такой смыслъ, какъ будто **Д.** бы онъ сказалъ: все было, къ чему непримѣшалося черное; иначе это было бы очень смѣшно. Нѣтъ, для него довольно и средины,

- чтобы не хулить. Не ищущи, говоритъ онъ, совершенно непорочнаго челоуѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли: если же найду его; то возвѣщу вамъ, То-есть, мнѣ же придется никого хвалить за это: но чтобы имѣть причину любить и хвалить всѣхъ, для меня довольно было бы и одной середины, то-есть недѣланія зла. Въ настоящемъ
- Е. случаѣ Симонидъ употребляетъ нарѣчіе Митиленианъ, какъ бы говоря Питтаку: я готовъ любить и хвалить всякаго охотно (здѣсь слово *охотно* надобно отдѣлать отъ дальнѣйшаго выраженія), кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго; но есть и такіе, которыхъ я люблю и хвалю неохотно. И такъ я никогда не порицалъ бы тебя, если бы твои слова были хоть отчасти приличны и вѣрны: но такъ какъ ты
347. принимаешь за истину явную ложь, да еще и вразсужденіи важнаго предмета; то я порицаю тебя. Вотъ такая мысль, Продикъ и Протагоръ, по моему мнѣнію, была въ умѣ Симонида, когда онъ писалъ свое сочиненіе!

- Хорошо и ты, Сократъ, объяснилъ Симониду пѣснь, сказалъ Иппіасъ; но у меня есть на
- В. тотъ же предметъ превосходная рѣчь, которою, если хотите, я подѣлюсь съ вами.—Конечно, Иппіасъ, отвѣчалъ Алкивіадъ; но пусть это послѣ: а теперь должны сдѣржать свое слово Протагоръ и Сократъ. Если Протагору угодно еще спрашивать; то Сократъ будетъ отвѣчать: а

когда первый хочет отвѣчать; то послѣдній обязанъ предлагать вопросы.—Предоставляю Протагору, сказалъ я, избрать, что ему пріятнѣе. Пожалуй, мы оставимъ разсужденіе о пѣсняхъ и поэмахъ, и съ удовольствіемъ приведемъ къ концу изслѣдованіе того предмета, о которомъ я прежде спрашивалъ тебя, Протагоръ. При томъ, разговоръ о стихотвореніяхъ, мнѣ кажется, приличнѣе на пирахъ пустыхъ людей и площадныхъ зѣвакъ, которые, будучи не въ состояніи бесѣдовать сами по себѣ отъ млыства, а собственнымъ языкомъ и словами— по причинѣ невѣжества, дорого платятъ флейщицамъ, высоко цѣнятъ чужіе звуки инструментовъ и бесѣдуютъ другъ съ другомъ ихъ тонами. Напротивъ, когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные; то у нихъ не увидишь ни флейщицъ, ни танцовщицъ, ни пѣвицъ; потому что они, и безъ этихъ бездѣлокъ и ребячествъ, могутъ бесѣдовать одинъ съ другимъ сами по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая, — и все это въ порядкъ, хотя бы случилось имъ выпить и много вина. Тоже надобно сказать и о собраніяхъ, подобныхъ настоящему, куда многіе изъ насъ пришли съ извѣстнымъ о себѣ понятіемъ: онѣ не имѣютъ нужды въ чужомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ нельзя спросить, о чемъ у нихъ говорится, и которыхъ словамъ оди приписываютъ такой смыслъ, другіе—

348. другой, и рассуждаютъ о предметъ неразрѣшимомъ. Люди умные оставляютъ такія бесѣды и разговариваютъ сами отъ себя, испытывая одинъ другаго и подвергаясь испытанію посредствомъ собственныхъ словъ своихъ. Имъ то, кажется, особенно должны подражать я и ты и, оставивъ поэтовъ, бесѣдовать сами отъ себя, съ намѣреніемъ найти истину и испытать другъ друга. Если хочешь, продолжай спрашивать,—я готовъ отвѣчать тебѣ: а иначе, **В.** отвѣчай мнѣ, чтобы привести къ концу прерванный разговоръ. Но выслушавъ это и подобное сему, Протагоръ не обнаруживалъ желанія избрать то или другое. По сему Алкивіадъ обратившись къ Калліасу, сказалъ: думаешь ли ты, что Протагоръ и теперь хорошо дѣлаетъ, не объявляя, будетъ ли онъ отвѣчать, или нѣтъ? Я не думаю. Пусть или разговариваетъ, или скажетъ, что не хочетъ; мы должны знать это: потому что въ послѣднемъ случаѣ, или Сократъ, или иной охотникъ будетъ бесѣдовать съ кѣмънибудь.—**С.** Тогда Протагоръ, пристыженный, какъ мнѣ показалось, словами Алкивіада, прозьбою Калліаса, да и другихъ присутствующихъ (157), согласился наконецъ продолжать разговоръ и, изъявивъ желаніе отвѣчать, приказалъ предлагать себѣ вопросы.—Послѣ сего я сказалъ: Не думай, Протагоръ, что мои вопросы будутъ направлены къ какомунибудь предмету, кромѣ того, въ которомъ

всякій разъ я сомнѣваюсь и который хочу изслѣдовать. По моему мнѣнію, Омиръ весьма D. правильно говоритъ, что

Какъ скоро двое идутъ, то одинъ предъ другимъ вымышляетъ; ибо всѣ вмѣстѣ мы какъ-то способнѣе къ каждому дѣлу, слову и мысли:

Однѣ же хотя бы и мыслилъ (158), —

тотчасъ идетъ и ищетъ пока не нападетъ, кому бы сообщить свою думу и съ кѣмъ бы разобрать дѣло. Такъ-то и я охотнѣе говорю съ тобою, нежели съ другимъ, въ той увѣренности, что ты гораздо лучше можешь изслѣдовать, какъ все вообще, подлежащее разсмотрѣнію порядочнаго человѣка, такъ и самую E. добродѣтель. На кого положиться, какъ не на тебя, когда ты считаешь себя хорошимъ и добрымъ? Иные сами по себѣ и порядочные люди, да не умѣютъ дѣлать другихъ такими же: а ты и самъ добръ, и другихъ можешь дѣлать добрыми; ты столько увѣренъ въ себѣ, что — между тѣмъ какъ прочіе скрываютъ это искусство—въ слухъ всей Греціи провозглашаешь 349. себя софистомъ, преподавателемъ науки и добродѣтели, и первый требуешь за то награды. Какъ же не обратиться къ тебѣ для подобныхъ изслѣдованій? Какъ не спросить тебя, не сообщить съ тобою? Не знаю, какъ. По сему мнѣ хотѣлось бы теперь, чтобъ изъ того, о чемъ я прежде спрашивалъ тебя, иное ты

привелъ мнѣ на память, иное разрышилъ. Вопросъ, кажется, былъ такой: Мудрость, разсудительность, мужество, справедливость и святость, суть ли только пять названій одной вещи, или подъ каждымъ названіемъ разумѣется особенная сущность и вещь, имѣющая свое частное значеніе, и отличающаяся отъ прочихъ? Ты сказалъ тогда, что это названія не одной вещи, но что каждое изъ нихъ соотвѣтствуетъ отдѣльно своей собственной, и

C. что всѣ эти вещи суть части добродѣтели — не въ томъ смыслѣ, какъ части золота, подобныя однѣ другимъ и цѣлому, коего онѣ части; но какъ части лица, не похожія ни на цѣлое, коего онѣ части, ни одна на другую, но имѣющія особенныя свои значенія. Если ты и теперь думаешь такъ же, какъ прежде,—скажи; а если иначе,—объяснись. Я не поставлю тебѣ въ вину и другаго отвѣта; ибо

D. не удивляюсь, что тогда ты, можетъ быть, хотѣлъ только испытать меня. — Я повторяю, Сократъ, отвѣчалъ онъ, что всѣ эти вещи суть части добродѣтели, и что четыре изъ нихъ дѣйствительно близки одна къ другой, но мужество есть нѣчто отличное. Въ вѣрности словъ моихъ ты можешь легко удостовѣриться; ибо найдешь много людей самыхъ несправедливыхъ, самыхъ несчастивыхъ, самыхъ безразсудныхъ и глупыхъ, которые однакожь отличаются мужествомъ.—Постой, сказалъ я, вотъ это-то

и надобно изслѣдовать. Мужественными называешь ты смѣлыхъ, или кого другаго? — Да, и отважныхъ, отвѣчалъ онъ, которые смѣло приступаютъ къ тому (159), чего многіе боятся. — Пусть такъ; но добродѣтель считаешь ли ты прекрасною? и не по тому ли выдаешь себя за наставника въ ней, что она прекрасна? — Конечно, если я не сошелъ съ ума. — Однако все ли въ ней прекрасно, или иное постыдно, а иное прекрасно? — Все до крайности прекрасно. — Знаешь ли, кто смѣло погружается въ колодезь? — Разумѣется, водолазь. — По тому ли, что умѣть, или по чему другому? — По тому, что умѣть. — Кто смѣло сражается на конѣ, конный или или пѣший? — Конный. — А кто съ короткимъ щитомъ, легко вооруженный, или нѣтъ? — Легко вооруженный. И, если угодно, все такимъ же образомъ. — Слѣдовательно знатоки смѣлѣе незнакоковъ, и смѣлѣе самихъ себя, когда выучились, чѣмъ были прежде до ученья. Но видывалъ ли ты людей, незнающихъ ничего такого, которые однакожь смѣлы во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ? — Видывалъ, даже слишкомъ смѣлыхъ. — Слѣдовательно эти смѣльчаки вмѣстѣ и мужественны? — О, въ такомъ случаѣ мужество было бы дѣломъ постыднымъ, отвѣчалъ онъ; потому что это люди изступленные. — Но что сказалъ ты о мужественныхъ? развѣ не то, что они смѣлы? — Да; я и теперь говорю объ нихъ тоже самое. — И однакожь

Е.

350.

В.

С.

эти смѣльчаки не мужественны, а безумны? между тѣмъ какъ прежде было сказано, что самые мудрые суть и самые смѣлые, а самые смѣлые—самые мужественные? Слѣдовательно мужество есть мудрость?—Не вѣрно припоминать, Сократъ, что я говорилъ и отвѣчалъ тебѣ. Ты спросилъ: мужественные смѣлы ли? Я отвѣчалъ: смѣлы. Но не спрашивалъ: смѣлые мужественны ли? иначе на твой вопросъ было бы сказано, что не всѣ. А что мужественныхъ я призналъ смѣлыми, этого ты ни чѣмъ не опровергъ. Потому знатоковъ ты счелъ смѣле самихъ себя и тѣхъ, которые незнакомы съ известнымъ искусствомъ, и отсюда заключилъ, что мужество и мудрость — одно и то же. Но продолжая идти симъ путемъ, можно бы также вывести слѣдствіе, что и крѣпость есть мудрость. Напримѣръ, положимъ, что ты сперва спросилъ бы меня: крѣпкіе сильны ли? Я отвѣчалъ бы: да. Потому: умѣющіе сражаться

Е. сильнѣе ли тѣхъ, которые не умѣютъ сражаться, и сильнѣе ли самихъ себя, когда они выучились, чѣмъ были до ученья? Я опять сказалъ бы: да. А какъ скоро я согласился бы въ томъ и другомъ; ты, основавшись на допущенныхъ мною положеніяхъ, могъ бы заключить, что по моему сознанию, крѣпость есть мудрость. Между тѣмъ допустивъ, что крѣпкіе сильны, я никакъ не могу допустить обрат-

351. наго положенія, что сильные крѣпки: ибо сила

и крѣпость не одно и тоже; но первая, то-есть, сила, происходитъ и отъ знанія, и отъ изступленія, и отъ страсти, а крѣпость—отъ природы и хорошаго питанія тѣла. Равно и въ настоящемъ случаѣ, смѣлость и мужество—не одно и тоже. Случается, что мужественные бываютъ смѣлы; но не все смѣлые мужественны: ибо смѣлость происходитъ и отъ искусства, и отъ гнѣва, и отъ изступленія, такъ же какъ и сила; а мужество—отъ природы и хорошаго питанія души. В.

Думаешь ли, Протагоръ, что одни живутъ хорошо, а другіе худо? — Конечно.—Хорошо ли живеть тотъ, кто проводитъ жизнь среди несприятностей и страданій?—Нѣтъ.—А кто, проживши вѣкъ пріятно, наконецъ умеръ, тотъ хорошо ли жилъ, по твоему мнѣнію? — Хорошо.—Слѣдовательно жить пріятно, значитъ жить хорошо? а жить несприятно, значитъ жить не хорошо? — Безъ сомнѣнія, если только жизнь находила удовольствіе въ прекрасномъ. — Какъ же, Протагоръ? Не считаешь ли и ты, подобно многимъ другимъ, нѣкоторыхъ пріятностей зломъ, а нѣкоторыхъ несприятностей добромъ? — Почитаю (160).—По тому ли что нибудь не добро, что пріятно, если изъ того не проистекаетъ ничего другаго? И равнымъ образомъ, по тому ли что нибудь не зло, что несприятно? — Не знаю, Сократъ, сказалъ онъ, такъ же ли прямо, какъ ты спрашиваешь, долженъ я и отвѣчать, С.

- Д. что пріятности всѣ—добро, а непріятности всѣ—зло. Кажется безопаснѣе будетъ не только для отвѣта, но и для всей моей жизни, когда скажу, что впервыхъ есть пріятности, которыхъ нельзя назвать добромъ, а непріятности, которыя никакъ не зло; вовторыхъ, есть пріятности—добро, а непріятности—зло; вътретьихъ, есть нѣчто безразличное—ни добро ни зло.—Пріятное, по твоему мнѣнію, само ли причастно удовольствію, или производитъ его? — Само
- Е. причастно, отвѣчалъ онъ.—А когда я спрашиваю: нѣчто, какъ пріятное, есть ли недобро?—то разумно: удовольствіе—есть ли недобро? — Изслѣдуемъ, Сократъ, какъ ты всегда говоришь: если изслѣдованіе приведетъ къ дѣлу и откроется, что пріятное и доброе—одно и то же, согласимся; а если нѣтъ, то позволимъ себѣ сомнѣваться. — Но хочешь ли самъ давать направление изслѣдованію, или предоставляешь это мнѣ?—По праву тебѣ, отвѣчалъ онъ; потому что ты ведешь рѣчь. — Значитъ, такимъ образомъ мы откроемъ истину? Въ самомъ дѣлѣ, кто намѣревался бы разсмотрѣть человека въ отношеніи къ его здоровью, или другимъ свойствамъ тѣла, а видѣлъ бы только лице и оконечности рукъ его; тотъ сказалъ бы: открой-ка и покажи мнѣ грудь и спину, чтобы я могъ разсмотрѣть тебя яснѣе. Того же и я хочу въ отношеніи къ изслѣдованію. Узнавъ твое мнѣніе о добромъ и пріятномъ, я считаю
- 359.

нужнымъ предложить тебѣ еще слѣдующій вопросъ: открой-ка, Протагоръ, свою мысль; В. какъ ты думаешь о знаніи? такъ ли, какъ многіе люди, или иначе? А люди большею частію понимаютъ его, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ ни силы, ни водительства, ни власти: разумѣя же его въ семь смысловъ, полагаютъ, что человѣкъ, обладающій знаніемъ, управляется не имъ, но иными движителями, то страстію, то удовольствіемъ, то скорбію, иногда любовію, а чаще страхомъ; слѣдовательно, знаніе почитаютъ какъ бы рабомъ, котораго увлекаетъ—кто и куда угодно. Такъ ли и ты думаешь о немъ, или признаешь его чѣмъ-то прекраснымъ, и приписываешь ему силу управлять человѣкомъ? То—есть, кто узналъ бы добро и зло; тотъ не поддался бы другому внушенію и слушался бы только знанія, почитая одну разсудительность достаточною помощницею человѣка? — Кажется, надобно понимать такъ, какъ ты говоришь, Сократъ. При томъ мнѣ, болѣе нежели кому нибудь, было бы стыдно не поставлять мудрости и знанія выше всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. — Хорошо и справедливо, Протагоръ. Но знаешь ли? многіе невѣря мнѣ и тебѣ, будутъ говорить, что часто люди свѣдущіе не хотятъ оправдывать своихъ свѣдѣній самымъ дѣломъ и поступаютъ иначе; а когда я спросилъ бы ихъ: отъ чегожь это такъ? они сказали бы: отъ того, что оими

- людьми управляетъ или удовольствіе, или скорбь, или какая-нибудь другая изъ тѣхъ
- Е. причинъ, о которыхъ я недавно упоминалъ.— Мало ли, Сократъ, и кромѣ того, неправды на языкъ человѣческомъ!—Давай же убѣдимъ народъ и объяснимъ ему, что значить то состояніе, которое онъ называетъ служеніемъ удовольствіямъ и недѣланіемъ лучшаго, хотя бы оно и познано было. Правда, когда мы скажемъ: люди! вы несправедливо говорите, вы обманываетесь; то они, можетъ быть, будутъ отвѣчать: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе удовольствіямъ; то что же оно? скажите намъ, какъ вы его называете? — Для чего, Сократъ, разсматривать мнѣнія народа, который говоритъ, какъ случится? — Я думаю,
- В. что это поможетъ намъ найти отношеніе мужества къ другимъ частямъ добродѣтели. И если, по силѣ условія, мнѣ будетъ позволено давать направленіе рѣчи; то смотри, какъ прояснится предметъ нашего разговора: а когда тебѣ не угодно; то пожалуй, оставимъ его.—Нѣтъ, ты говоришь правду; продолжай, какъ началъ.—
- С. И такъ, если бы спросили насъ: что значить у васъ повиноваться удовольствіямъ? то подлежало бы отвѣчать: слушайте, я и Протагоръ постараемся объяснить вамъ это. Не то ли самое, люди, бывасть и съ вами, въ разсматриваемомъ состояніи, что не рѣдко случается съ тѣми, которые, прельщаясь приманками пищи,

пьянства и сладострастія, и зная, что онѣ порочны, тѣмъ не менѣе предаются имъ? — Они подтвердили бы это. — Потомъ я и ты конечно опять спросили бы ихъ: Но по чему эти дѣйствія вы называете злыми? по тому ли, что онѣ доставляютъ удовольствіе минутное, слѣдательно пріятны только сами по себѣ? или по тому, что влекутъ за собою болѣзни, нищету и другое тому подобное? или наконецъ по тому, что, хотя и не готовятъ ничего худаго въ будущемъ, а только представляютъ настоящія наслажденія, однакоже питаютъ ими такою челоуѣка, который разумѣетъ ихъ, какъ зло (161)? Можемъ ли мы, Протагоръ, ожидать отъ нихъ другаго отвѣта, кромѣ того, что зло вышеупомянутыхъ дѣйствій состоитъ не въ минутномъ удовольствіи, а въ его слѣдствіяхъ, то-есть, въ болѣзняхъ и прочемъ? — Я думаю, что они отвѣчали бы не иначе. — Но причина болѣзни есть вмѣстѣ причина страданія, и причина нищеты есть также причина страданія. Они конечно согласились бы? — Протагоръ подтвердилъ. — Изъ этого не видите ли вы, что удовольствія, какъ я и Протагоръ говоримъ, почитаются зломъ только по тому, что оканчиваются страданіемъ и лишаютъ челоуѣка другихъ удовольствій? Они согласились бы. — Да и намъ обоимъ кажется тоже самое. — Теперь спросимъ ихъ о противоположномъ: 354. Люди! когда вы утверждаете, что страданіе

есть добро; то не разумѣете ли подѣ этимъ, на примѣръ, тѣлесныхъ упражненій, воинскихъ подвиговъ, медицинскаго врачеванія посредствомъ выжиганій, вырѣзываній, принятія лѣкарствъ и пощенія (162)? по тому что все это хотя и хорошо, однакожь болѣзненно. Они согласились бы.—Конечно.—Но по тому ли вы

В. называете сіи дѣйствія добрыми, что онѣ производятъ крайнее страданіе и скорбь только въ настоящемъ, или по тому, что отъ нихъ зависятъ здоровье, благосостояніе тѣла, спасеніе обществъ, власть надъ другими обществами и богатство въ будущемъ времени? Они вѣроятно допустили бы послѣднее.—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, эти дѣйствія суть блага не по другой какой причинѣ, а только по тому, что онѣ оканчиваются удовольствіями, что ими прекращаются и отвращаются страданія?

С. вы разумѣете другую цѣль, кромѣ удовольствій и страданій, по отношенію къ которой называете ихъ добрыми? Я не думаю, чтобы они подтвердили послѣднее.—И я также, сказалъ Протагоръ.—По этому вы гонитесь за удовольствіемъ, какъ за добромъ, и бѣгаете страданія, какъ зла? Они согласились бы.—Конечно.—И такъ, вы почитаете зломъ страданіе, а добромъ—удовольствіе; между тѣмъ, какъ прежде, и удовольствіе называли зломъ, если оно лишаетъ васъ удовольствій большихъ, чѣмъ само, или приготовляетъ страданія важнѣе представляе-

моихъ имъ наслажденій. Впрочемъ, можетъ D.
 быть, вы по чему другому, для какой-нибудь
 иной цѣли называли удовольствіе зломъ? Въ
 такомъ случаѣ скажите намъ. Но вы не можете
 сказать.—И мнѣ кажется, что не могутъ, отвѣ-
 чалъ Протагоръ.—Не такъ же ли опять надоб-
 но думать и о самомъ страданіи? Прежде не
 говорили ли вы, что страданіе—добро, по тому
 что имъ замѣняются страданія болѣе тѣхъ,
 какія есть въ немъ, или приготавлиются удо-
 вольствія важнѣе настоящаго страданія? Впро-
 чемъ, можетъ быть, у васъ въ виду другая цѣль,
 по которой страданіе называется добромъ, а E.
 не та, о которой я говорю? въ такомъ случаѣ
 укажите намъ ее. Но вы не укажете.—Ты
 правъ, сказалъ Протагоръ.—Далѣе, положимъ,
 вы спросите меня: къ чему же ты такъ
 много и съ разныхъ сторонъ разсматриваешь
 это? Прошу снисхожденія, отвѣчалъ бы я. Во-
 первыхъ, не легко показать, что значить то
 состояніе, въ которомъ, по вашему выраженію,
 человѣкъ служитъ удовольствіямъ; во-вторыхъ,
 въ этомъ именно и сосредоточивается вся сила
 доказательствъ. Я считаю нужнымъ и еще
 сказать вамъ: смотрите, называете ли вы добро
 чѣмъ-то отличнымъ отъ удовольствія, а зло— 355.
 чѣмъ-то отличнымъ отъ страданія? или для
 васъ достаточно прожить вѣкъ пріятно, безъ
 страданій? Если достаточно, и вы не знаете
 другаго добра или зла, которое не оканчи-

валось бы этимъ; то слушайте далѣе. Когда вы говорите, что не рѣдко человекъ, понимающій известное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, хотя бы и могъ не совершать, потому что бываетъ побѣжденъ и возбуждается

В. удовольствіями; когда вы говорите также, что человекъ, знающій добро, не хочетъ дѣлать его, повинаясь минутному удовольствію: то ваши слова я нахожу смѣшными. А что онѣ смѣшны, тотчасъ будетъ видно, какъ скоро мы перестанемъ называть предметы различными именами, напримѣръ, и пріятнымъ и непріятнымъ, и добромъ и зломъ; но, такъ какъ этихъ предметовъ найдено только два, будемъ означать ихъ и двумя названіями, то-есть, или всегда добромъ и зломъ, или всегда

С. пріятнымъ и непріятнымъ. Условившись такимъ образомъ, мы говоримъ, что человекъ, понимающій известное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его. Но пусть спросятъ насъ: по чему?—По тому, скажемъ, что онъ побѣждается. — Чѣмъ побѣждается, спросятъ еще?— На это уже нельзя отвѣчать: удовольствіемъ; ибо вмѣсто слова «удовольствіе» мы приняли слово «добро». И такъ, остается только повторять: по тому что побѣждается.—Да чѣмъ же побѣждается? скажутъ намъ.—Ахъ, ради Зевса, добромъ.—Тогда, вопрошатель, если онъ любитъ уколоть, засмѣется и примолвить: забавныя

Д. вещи рассказываете вы! Человекъ, знающій,

что известное дѣйствіе есть зло, и что не должно дѣлать его, увлекается къ совершенію зла добромъ! Но это добро стоитъ или не стоитъ того, чтобъ имъ побѣждено было зло? — Мы конечно будемъ отвѣчать: не стоитъ; по тому что иначе тотъ не погрѣшилъ бы, кто покорялся бы удовольствіямъ.—По чему же именно, спросить онъ, добро не стоитъ зла, или зло добра? По тому ли, что одно значительно, а другое незначительно; одно болѣе, а другое менѣе; или по чему иному? — Мы, конечно не Е. найдемъ иной причины, кромѣ указанной (163).— И такъ, быть побѣжденнымъ, по вашему, очевидно значить принимать большес зло вмѣсто меньшаго добра?—Выходить такъ.—Теперь, перемѣнимъ имена, то-есть, означимъ тѣже предметы словами: пріятное и непріятное, и скажемъ: человекъ, знающій, что (прежде говорили: зло, а въ настоящемъ случаѣ пуетъ будетъ: непріятное) непріятное непріятно, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, по тому что побѣждается удовольствіями, хотя удовольствія очевидно не стоятъ быть побѣдителями. И чѣмъ опредѣляется 356. цѣнность удовольствія (164) въ сравненіи съ страданіемъ, какъ не избыткомъ, или недостаткомъ котораго нибудь изъ нихъ, то-есть, тѣмъ, что одно значительно, а другое незначительно; одно болѣе, другое менѣе; одно выше, другое ниже? Положимъ, что кто нибудь скажетъ: Сократъ! настоящая пріятность и непрі-

- ятность весьма отличны отъ слѣдующихъ за ними пріятности и страданія. Я спрошу: въ чемъ же состоитъ это различіе, какъ не въ удовольствіи и страданій? Инаго различія нѣтъ.
- В. Человѣкъ умѣющій взвѣшивать, складываетъ на одну тарелку вѣсовъ пріятности, а на другую страданія, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и взвѣшивая ихъ, видитъ, что перетягиваетъ. То-есть, если сравниваешь пріятности съ пріятностями, то избирай значительнѣйшія и большія; если же страданія съ страданіями, то маловажныя и меньшія; а когда поставяешь въ сравненіе пріятное съ непріятнымъ, то поступай слѣдующимъ образомъ: какъ скоро пріятное выше непріятнаго, дальнѣйшее выше ближайшаго, или ближайшее выше дальнѣйшаго, — дѣлай его: напротивъ, какъ скоро пріятное пересиливается непріятнымъ, — не дѣлай его. Не таково ли отношеніе между ими, люди, сказалъ бы я? И они конечно согласились бы со мною? — Безъ сомнѣнія согласились бы, прибавилъ Протагоръ. — А если такъ, продолжалъ бы я; то отвѣчайте мнѣ: одна и таже величина кажется ли вашему взору вблизи большею, а вдали меньшею, или не кажется? — Кажется. — Не тоже ли скажете вы о широкомъ и многочисленномъ? не тоже ли о голосахъ, которые, будучи равны одному другому, вблизи представляются громкими, а вдали тихими? — Тоже. — Но если счастье наше состо-

ить съ одной стороны въ производствѣ и полученіи великихъ массъ, а съ другой, въ избѣганіи и недѣланіи малыхъ; то гдѣ искать спасенія жизни? Въ искусствѣ ли измѣрять, или въ значеніи явленія? Последнее очевидно обманываетъ насъ, нерѣдко заставляя понимать одно и тоже различнымъ образомъ и колебаться въ дѣйствіяхъ и избраніи вещей великихъ и малыхъ. Одно только искусство измѣрять обличаетъ сей обманъ чувствъ; одно оно, открывая вѣрное, доставляетъ душѣ спокойствіе, устанавливаетъ ее въ истинѣ и спасаетъ жизнь. И такъ, искусство ли измѣрять, или какое другое искусство, почли бы люди спасеніемъ жизни?—Искусство измѣрять, отвѣчалъ Протагоръ.—Положимъ же, что спасеніе нашей жизни зависитъ отъ избранія того, что равно и неравно: но какъ скоро надлежало бы рѣшить, когда должно избрать большее, и когда меньшее, и надобно ли разсматривать то и другое само по себѣ, или въ сравненіи съ иными, близкими или отдаленными вещами; то въ семь случаевъ, что спасло бы жизнь? не знаніе ли, не мѣра ли, какъ средство опредѣлять избытокъ и недостатокъ? И поелику это искусство имѣетъ дѣло съ равнымъ и неравнымъ; то не ариметика ли? Люди вѣроятно подтвердили бы это?—Конечно подтвердили бы, отвѣчалъ Протагоръ.—Хорошо; но далѣе: Если спасеніе жизни состоитъ въ правильномъ избраніи

удовольствія и страданія, большаго и меньшаго, значительнаго и маловажнаго, дальнѣйшаго и ближайшаго; то, подобное изслѣдованіе избытка, недостатка и взаимнаго равенства, не представляется ли съ перваго взгляда мѣрою?—**Необходимо.**—А когда оно есть мѣра; то непременно искусство и знаніе? — Такъ, скажутъ они.—**Опредѣлимъ-ка теперь значеніе сего искусства и знанія.** Что оно есть знаніе, это достаточно явствуетъ изъ тѣхъ самыхъ отвѣтовъ, которые я и Протагоръ давали на ваши вопросы.

- C.** Помните, вы спрашивали; по чему оба мы согласны въ томъ, что нѣтъ ничего лучше знанія, что оно всегда господствуетъ и надъ удовольствіями и надъ всѣмъ другимъ, до чего касается, а сами утверждали, что удовольствіе часто владычествуетъ и надъ знающимъ человѣкомъ? Помните, когда мы не соглашались съ вами, вы спросили: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе
- D.** удовольствіямъ; то что же оно? Скажите намъ, какъ вы это называете? Мы конечно могли бы тогда же отвѣчать вамъ, что это просто незнаніе.—Но вы посмѣялись бы надъ нами: а теперь, пожалуй, смѣйтесь,—вы будете смѣяться вмѣстѣ и надъ самими собою; ибо сознались, что люди, ошибающіеся въ выборъ удовольствій и страданій, или добра и зла, ошибаются по недостатку знанія, — и не просто знанія, но еще, какъ прежде допущено вами,

знанія измѣрять; что дѣйствіе погрѣшитель- в.
ное безъ знанія, какъ вамъ самимъ извѣстно,
производится невѣжествомъ. По сему, служить
удовольствіямъ, значитъ находится въ край-
ней невѣжествѣ, когото врачами признаютъ
себя Протагоръ, Продикъ и Иппіасъ. Между
тѣмъ, думая, что это происходитъ отъ другой
причины, а не отъ невѣжества, вы и сами не
приходите, и дѣтей не присылаете къ этимъ
учителямъ знанія. Вы заботитесь о деньгахъ;
но не давая ихъ софистамъ, дѣлаете зло част-
ное и общественное. — Вотъ что отвѣчали бы
мы людямъ!

Тенерь, послѣ Протагора, обращаюсъ къ
вамъ, Иппіасъ и Продикъ,—пусть наше дѣло 368.
будетъ общимъ.—Скажите, правду ли я гово-
рилъ, или неправду? — Всѣ согласились, что
мои слова были совершенно справедливы.—
Слѣдовательно вы допускаете, что пріятное
есть добро, а непріятное зло. Мнѣ нѣтъ болѣе
нужды въ Продиковомъ различеніи именъ.
Назови это, почтеннѣйшій Продикъ, пріят-
нымъ, радостнымъ, вселымъ, или какъ тебѣ
угодно иначе; только въ отвѣтъ давай своему в.
названію такой смыслъ, какого я хочу.—Про-
дикъ, улыбнувшись, согласился, и другіе съ
нимъ.—Чтожь далѣе, люди, сказалъ я? Послѣ
сего, всѣ наши дѣйствія, клонящіяся къ безбѣд-
ной и пріятной жизни, не лъзя ли почестъ пре-
красными? А прекрасное дѣло не есть ли доброе

- и полезное? — Такъ. — Если же пріятное есть доброе, продолжалъ я; то человекъ, знающій или думающій, что другое нѣчто—лучше того,
- C. что онъ дѣлаетъ, и возможно для него, конечно не будетъ дѣлать прежняго дѣла, имѣя въ своей власти лучшее? И не правда, что быть нижесамаго себя въ этомъ случаѣ, есть невѣжество, а выше самаго себя, — мудрость? — Всѣ согласились. — Чтожь? По этому находится въ невѣжествѣ, значить имѣть ложное мнѣніе и обманываться касательно дѣла великой важности? — И на это всѣ согласились. — Не справедливо ли также, сказалъ я, что никто добровольно не стремится къ злему, или къ тому, что почитаетъ злымъ? Да и несте-
- D. ственно, кажется, человеку, вмѣсто добра желать того, что признаетъ онъ худымъ. Если же кто-нибудь и поставляется въ необходимость избрать изъ двухъ золъ одно; то вѣрно не избрать большаго, когда возможно меньшее. — Это также всѣмъ намъ показалось. — Чтожь? допускаете ли вы боязнь и страхъ? и такъ же ли понимаете ихъ, какъ я? (это къ тебѣ относится, Продикъ). По моему мнѣнію, боязнь и страхъ суть ожиданіе зла. — Протагоръ и Иппіасъ согласились, что мое опредѣленіе вѣрно; но Продикъ сказалъ, что такимъ образомъ надлежало опредѣлить боязнь, а не страхъ. — Все равно, Продикъ, возразилъ я. Дѣло въ томъ, справедливо ли сказанное прежде? то-есть, захочетъ ли человекъ идти къ тому, чего боится, когда отъ
- E.

него зависить стремиться къ предмету, не внушающему страха? или, послѣ того, съ чѣмъ мы согласились, это невозможно? Прежде было допущено, что чего мы боимся, то почитаемъ зломъ; а что почитаемъ зломъ, того не ищемъ и добровольно не получаемъ.—Правда.— 359.

Но когда все это такъ, Продикъ и Иппиасъ; то пусть теперь Протагоръ защищаетъ справедливость первыхъ своихъ отвѣтовъ,—не самыхъ первыхъ, которыми допускалось пять частей добродѣтели, не похожихъ одна на другую и имѣющихъ свои особенныя значенія; нѣтъ, я разумью не тѣ, а послѣдующія. Въ послѣдствіи онъ говорилъ, что четыре добродѣтели дѣйствительно близки одна къ другой; но пятая, то — есть мужество, весьма отлична **В.** отъ нихъ. Ты можешь, Сократъ, видѣть это изъ того, сказалъ онъ, что есть люди самые нечестивые, самые несправедливые, самые безразсудные и глупые, которые однакожъ очень мужественны, и отсюда заключить, что мужество весьма отлично отъ прочихъ частей добродѣтели. Я тогда же былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ (а еще болѣе удивился, изслѣдовавъ его вмѣстѣ съ вами) и по тому спросилъ Протагора: не смѣлыхъ ли называетъ онъ мужественными? даже отважныхъ, отвѣчалъ онъ. Помнишь ли ты это, Протагоръ? — Помню.— **С.** Скажи же намъ, предъ чѣмъ отважны мужественные? Предъ тѣмъ ли, предъ чѣмъ и трусы?—

Нѣтъ.—Значить, предъ инымъ чѣмъ-нибудь?—
Да, отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть трусы отважны предъ тѣмъ, что требуетъ смѣлости, а мужественные предъ тѣмъ, что страшно?—

Д. Люди такъ говорятъ, Сократъ.—Правда; но я не о томъ спрашиваю: мнѣ нужно знать, предъ чѣмъ отважны мужественные, именно по твоему мнѣнію? Предъ тѣмъ ли, что страшно, и что они почитаютъ страшнымъ, или предъ тѣмъ, что нестрашно?—Изъ словъ твоихъ видно, что первое невозможно.—И это правда: если слова мои вѣрны, то никто не захочетъ приближаться къ тому, что почитаетъ страшнымъ, развѣ невѣжество заставитъ когонибудь быть ниже себя.—Конечно.—И такъ, всѣ трусы и мужественные отваживаются на то, что требуетъ смѣлости; следовательно, и трусы и мужественные стремятся къ одному.—

Е. Нѣтъ, Сократъ, совершенно напротивъ: трусы стремятся вовсе не къ тому, къ чему мужественные: на примѣръ, одни хотятъ идти на войну, а другіе не хотятъ.—Но похвально ли идти на войну, или постыдно?—Похвально, отвѣчалъ онъ.—А прежде мы согласились, что похвальное есть вмѣстѣ и доброе; ибо всѣ похвальныя дѣйствія, сказали мы, еуть также и добрыя дѣйствія.—Справедливо; я всегда такъ думаю.—Хорошо; которые же, по твоему мнѣнію, не хотятъ идти на войну, когда это дѣло похвальное и доброе?—Трусы, отвѣчалъ онъ.—Но по-

хвальное и доброе есть вмѣстѣ и пріятное?— Конечно.—Слѣдовательно, трусы съ сознаниемъ не хотятъ того, что похвальнѣе, лучше и пріятнѣе? — Если мы согласимся на это, сказалъ онъ, то поставимъ себя въ противорѣчіе съ прежде допущенными положеніями. — А мужественный? не къ тому ли идетъ онъ, что похвальнѣе, лучше и пріятнѣе?—Необходимо согласиться.—По этому мужественные, боясь чего V. нибудь, боятся не постыднаго страха, и обнаруживаютъ смѣлость не постыдною отвагою?— Безъ сомнѣнія. — Если же то и другое не постыдно,—значить похвально?—Согласенъ. — А когда похвально, то и хорошо? — Такъ.—Слѣдовательно и трусы, и смѣльчаки, и изступленные, боятся постыднаго страха и оказываютъ постыдную смѣлость?—Согласенъ.—Но отваживаются они на постыдное и злое по другой ли какой причинѣ, или по незнанію и невѣжеству? — По незнанію и невѣжеству, отвѣчалъ онъ.—Чтожь теперь? То, по чему трусы суть C. трусы, называешь ты трусостию, или мужествомъ?—Трусостию.—А трусы не потому ли трусы, что не понимаютъ страха? -- Конечно потому.—Слѣдовательно, трусы бываютъ трусами отъ невѣжества?—Согласенъ.—Но то, по чему трусы бываютъ трусами, ты согласился назвать трусостию?—Такъ.—По этому, трусость есть незнаніе того, что страшно и не страшно? — Одобрилъ.—А трусости противно мужество? — D.

Такъ.—Слѣдовательно, знаніе того, что страшно и нестрашно, противно незнанію сихъ вещей?—И это еще одобрилъ.—Незнаніе же ихъ есть трусость? — На это уже едва отвѣчалъ. — По сему, знаніе того, что страшно и нестрашно, есть мужество?—Тутъ Протагоръ не хотѣлъ отвѣчать болѣе и замолчалъ. А я между тѣмъ продолжалъ: Что же, Протагоръ? и не подтверждаешь и не отвергаешь? — Самъ кончи, сказалъ онъ.—Позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ: Не думаешь ли ты и теперь, какъ думалъ прежде, что между людьми есть величайшіе невѣжды, которые однакожь очень мужественны?—Тебѣ, кажется, сильно хочется, чтобы я отвѣчалъ: изволь, признаюсь, что прежде допущенныя мною положенія не позволяютъ отвѣчать мнѣ. — Но я спрашивалъ тебя не для чего инаго, а только для того, чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель (165). Знаю, что по раскрытіи сего, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: я,—что учить добродѣтели невозможно; ты,— что она изучима. А теперь заключеніе нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитчика, или насмѣшника, который, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, усиливаясь

доказать, что всѣ виды добродѣтели,—и справедливость, и разсудительность, и мужество,— суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Если бы добродѣтель была не знаніе, а что-нибудь другое, какъ доказывалъ Протагоръ; то очевидно не могла бы быть изучимою: поелику же она, въ угодность тебѣ, Сократъ, есть знаніе (166); то странно, отъ чего бы ей не быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, а теперь хочетъ, по видимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всѣмъ; лишь С. бы только не знаніемъ. Но подъ этимъ условіемъ она никакъ не можетъ быть предметомъ науки. Обозрѣвая такимъ образомъ все съ начала до конца, и встрѣчая ужасныя противорѣчія, я сильно желаю распутать ихъ, и хотѣлъ бы, послѣ прежнихъ нашихъ изслѣдованій, опредѣлить: что такое добродѣтель? а потомъ опять разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ? Пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ онъ, по твоимъ D. словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ. Мнѣ и въ притчѣ, Прометей нравится больше Эпиметейя. Руководствуясь имъ и желая быть предусмотрительнымъ въ цѣлой своей жизни, я готовъ дѣлать все и, если хочешь, съ удовольствіемъ буду изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою предметъ нашего разсужденія, какъ обѣщався сначала.—

Твое усердіе, Сократъ, и искусство вестъ разговоръ, похвальны, отвѣчалъ Протагоръ. Впрочемъ и я, думаю, человекъ нехудой, а особенно независтливъ: говорю многимъ, что изъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, и преимущественно изъ сверстниковъ твоихъ, болѣе уважаю тебя, и не удивляюсь, что ты будешь принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ мужей по своей мудрости. Что же касается до предлагаемаго тобою предмета, то изслѣдуемъ его, если хочешь, послѣ: а теперь время обратиться къ

362. чемунибудь другому.— Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно, сказалъ я: при томъ, и мнѣ давно уже пора идти, и только благодаря любезному Каміасу, я доселѣ оставался здѣсь.— Послѣ этихъ обоюдныхъ объясненій, мы разстались.

ЭВТИДЕМЪ.

ЭВТИДЕМЪ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Платоновыхъ сочиненіяхъ можно различать два главные рода софистовъ. Одни изъ нихъ любили блистать краснорѣчіемъ и часто увлекали имъ слушателей. Обыкновеннымъ дѣломъ такихъ ораторовъ было—изысканною пышностію выраженій возвышать въ глазахъ толпы самые низкіе предметы и придавать имъ видъ чего-то важнаго. Въ обилии и неистощимости своего слова они были такъ увѣрены, что смѣло вызывались говорить сколько угодно и о какомъ угодно предметѣ, запросто являлись на площади, или въ народныхъ собраніяхъ, и требовали себѣ темы для рѣчи. Этимъ ремесломъ особенно отличались Горгіасъ, Иппіасъ и другіе. Но были и такіе софисты, которые не отказываясь отъ способности говорить краснорѣчиво, преимущественно однакожь вдавались въ діалектическія умствованія и чрезъ нихъ-то думали проложить себѣ путь къ славы. Вождемъ сихъ умствователей былъ Протагоръ

Абдерскій (1). Его искусство, въ самомъ началѣ почти шутовское, получило великій вѣсъ, когда онъ вышелъ съ нимъ на площадь, сталъ управлять народнымъ мнѣніемъ и своимъ примѣромъ сдѣлалъ то, что многіе начали смотрѣть на діалектику, какъ на сильнѣйшую подручицу политики (2). Съ того времени во всей Греціи, а особенно въ Аѣинахъ, появилось множество людей, которые и жизнь и труды свои посвящали исключительно волшебному искусству властвовать надъ умами посредствомъ діалектическихъ тонкостей. Это бы конечно еще не бѣда, если бы цѣлю подобныхъ упражненій было направлять сердца ко благу, распространять и укоренять въ народѣ правила хорошей нравственности и повинности властямъ: но, къ сожалѣнію, Діалектика, наука сама по себѣ полезная, въ рукахъ легкомыслія и невѣжества вскорѣ превратилась въ презрѣнное орудіе тщеславія, скептицизма и шарлатанства.

(1) По свидѣтельству Діогена Лаерція (IX, 52), онъ первый ввелъ въ обыкновеніе ученыхъ состязанія и охотниковъ до спора познакомилъ съ софизмами. Онъ же, на зло здравому смыслу, началъ извращать значеніе словъ и былъ отцемъ эристики. См. Suid. v. Πρωτ.

(2) Cicer. Brut. 12. Quint. instit. III. 1. 12. Протагоръ равнымъ образомъ успѣвалъ и въ знаменитомъ ремеслѣ: τὰ ἤθη κρείττω ποιῆν — особенно посредствомъ искусной діалектики Cell. Noct. Att. V. 3. 7.

Мѣсто тихихъ и спокойныхъ наслѣдованій заступили жаркія пренія и споры; съ каждымъ днемъ проповѣдывались новыя истины, доказывалась новая ложная мысль; и даже между наставниками здравой философіи, стали появляться такіе люди, которые, отложивъ въ сторону всякое сочувствіе къ истинѣ, заботились единственно о рукоплесканіяхъ черни и въ злоупотребленіи мудрости дошли до того, что рѣшались опровергать каждое чужое положеніе и защищать каждый парадоксъ, вопреки здравому смыслу (1). Успѣхамъ ихъ способствовало самое начало, изъ котораго большею частію вытекали ихъ заключенія, и которое весьма хорошо соответствовало тогдашнему уметвенному направленію Грековъ. Оно состояло въ томъ, что о всѣхъ вещахъ, падающихъ подъ обманчивое чувство, какъ ненадежное мѣрило личнаго опыта, можно съ одинаковою вѣрностію говорить и да и нѣтъ (2).

(1) Отъ софистической діалектики надобно отличать особенный родъ умствованій Мегарской школы. Правда и Мегарцы иногда любили вдаваться въ парадоксы, строить ложные силлогизмы и выводить желшія заключенія: но цѣль ихъ была всегда благородная — прояснить вопросы существенно философскіе.

(2) Theaet. p. 152. A. p. 177. C. гдѣ Протагоръ говоритъ: τὸς τὴν φερομένην οὐσίαν λέγοντας καὶ τὸ ἀεὶ δοκῆν ἐκδοτῶ τῆτο καὶ εἶναι ἄτφ ᾧ δοκῆ. Cratyl. p. 386. D.

Демокритомъ (1). Мы согласны видѣть въ этомъ мѣстѣ Платона и остроумную игру словъ, или, обоюдную мысль, что софисты опытни и совершенны во всякомъ родѣ борьбы; только не сомнѣваемся, что *блπομαχία* Эвтидема и Діонисіодора есть намекъ на учителя ихъ Протагора. Наконецъ вотъ и еще доказательство, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ были Протагорейцы. По свидѣтельству Платона, оба эти братья имѣли обыкновеніе вносить тонкости діалектики въ политическія рѣчи; а это совершенно въ духѣ Протагора, который, какъ выше сказано, любилъ отличать софизмами въ народныхъ собраніяхъ. Допустивъ связь между первыми и послѣдними, мы легко понимаемъ цѣль Сократова вопроса (р. 293. А.): ужъ не царское ли искусство есть то знаніе, которымъ можно усвоить себя добродѣтели? Предложивъ сей вопросъ софистамъ, Сократъ очевидно имѣлъ въ виду ученіе Протагора, и хотѣлъ внушить имъ, что они давно бы должны были оставить заблужденія своего учителя и посвятить себя безпристрастному изслѣдованію истины. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ стр. 286 до 288), онъ съ настойчивостію опровергаетъ софизмъ Эвтидема и Діонисіодора, что никто не можетъ лгать и противорѣчить другому; но этотъ софизмъ, какъ извѣстно, приписывается и Протагору (2).

(1) *Aul. Gell. Noct. Att. V. 3.*

(2) *Diog. L. IX. 33.*

Для подтвержденія всего, доселѣ сказаннаго, изслѣдуемъ, какую цѣль предположилъ себѣ Платонъ въ рассматриваемомъ нами разговорѣ.

Давно уже говорили, что при изложеніи Эвтидема цѣлю его было—показать во множествѣ примѣровъ смѣшную и жалкую сторону софистической діалектики. Но если бы онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду не болѣе сего; то мы безъ труда согласились бы съ Фридрихомъ Астомъ признавать этотъ разговоръ недостойнымъ Платонова генія, потому что заключающійся здѣсь сборъ діалектическихъ хитросплетеній съ одной стороны весьма мало проясняетъ силу и свойство эристики, съ другой обнимаетъ не цѣлое сочиненіе. Какая тогда была бы связь между отдѣленіями бесѣды? и для чего бы Сократу такъ долго разсуждать съ Критономъ? Шлейермахеръ справедливо замѣтилъ, что при опредѣленіи цѣли Платонова Эвтидема, надобно обратить вниманіе и на ту часть разговора, въ которой Сократъ бесѣдуетъ съ Клиніасомъ, и которая дѣлаетъ честь свѣтлому и здравому уму Платонова учителя. Но онъ неправильно воспользовался своимъ замѣчаніемъ; ибо заключилъ, что въ этомъ отдѣленіи бесѣды Платонъ старается развить мысли о свойствахъ истинной добродѣтели и знанія, частію изложенныя еще въ Горгіасѣ, Теэтетѣ и Менонѣ, и такимъ образомъ prepares читателя къ высшимъ

взглядамъ философіи (1). Въ Мецонъ ученіе о добродѣтели, въ Горгіасъ вопросъ о взаимномъ отношеніи честности и пользы, въ Теэтетъ задача о природѣ знанія, раскрыты обстоятельныя и положительныя, чѣмъ въ Эвтидемъ; по сему: послѣдняго разговора не лзя почитать объясненіемъ первыхъ. Мнѣнія Шлейермахера не раздвѣляютъ ни Сохеръ, ни Винкельманъ. По словамъ Сохера, Платонъ хотѣлъ своимъ Эвтидемомъ оправдать и защитить философію Сократа отъ того нареканія, какое навлекли на нее софисты (2); а Винкельманъ утверждаетъ, что намѣреніе Платона было въ яснѣйшихъ примѣрахъ представить, какое безмѣрное разстояніе раздвѣляетъ эристику софистовъ отъ здравой діалектики Сократа, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какихъ плодовъ можно ожидать отъ той и другой (3). Эти два мнѣнія конечно уже не то, что предыдущія: по крайней мѣрѣ онѣ гораздо ближе къ истинѣ. Но все еще не лзя сказать, чтобы цѣль разговора была опредѣлена вполне и вѣрно. Въ сужденіи Винкельмана особенно бросается въ глаза, что онъ не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя часть Эвтидема связывается съ предыдущими и относится къ главной найденной имъ цѣли: а

(1) Opp. Plat. Vol. II. P. 1. p. 400. sq.

(2) De script. Plat. p. 212.

(3) Proleg. ad Euthyd. p. XXXIII.

этого не лзя не требовать, если не хотимъ обвинять Платона въ несоблюденіи единства плана и содержанія. Сохеръ поступилъ въ семь случаевъ гораздо лучше: онъ опредѣлилъ взаимное отношеніе всѣхъ частей разговора и, что касается до сущности его содержанія, можно сказать, попалъ на прямую дорогу. Но у него нѣтъ объясненія, къ чему все это направлено, какую силу и важность все это имѣетъ для читателей. Отъ того онъ оставилъ много нерѣшенныхъ возраженій, неудовлетворенныхъ сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій. По сему намъ не мѣшаетъ снова заняться тѣмъ же предметомъ и, если можно, опредѣлить удовлетворительнѣе какъ содержаніе, такъ и цѣль Эвтидема.

Опредѣлимъ сначала главную тему разговора, потомъ подтвердимъ свое опредѣленіе разборомъ его содержанія и заключимъ нужными замѣчаніями о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ близкое къ нему отношеніе. Желаніе придать хоть сколько нибудь ясности сему загадочному произведенію Платона, дѣлаетъ въ глазахъ нашихъ подобное изслѣдованіе стоящимъ труда и вниманія.

И такъ что составляетъ главный предметъ Эвтидема?—Мы, кажется, не удалимся отъ истины, если скажемъ, что въ немъ Платонъ предположилъ себѣ слѣдующую тему: Хитрая и любопытельная діалектика софистовъ, которую

такъ высоко цѣнить Протагорейцы — какъ бы хвастливо ни выдавала она себя за учительницу добродѣтели и мудрости,—на самомъ дѣлѣ есть только пустословіе, а потому не имѣетъ ничего общаго съ зрѣлымъ и основательнымъ философствованіемъ Сократа, и даже совершенно противна его ученію, направленному къ пользѣ истинной мудрости и добродѣтели. Не смотря на то, многіе легкомысленные люди, особенно площадные ораторы и комическіе писатели, принимаютъ ее въ смыслѣ истинной философіи, а настоящую мудрость вообще, и въ частности ученіе Сократа, дѣлаютъ предметомъ презрѣнія, и единственнаго мудреца Греціи относятъ къ числу послѣднихъ софистовъ.

Выдержалъ ли Платонъ эту тему, увидимъ послѣ, когда будемъ разбирать содержаніе и ходъ разговора. Теперь замѣчаемъ только, что съ раскрытіемъ духа и достоинства Сократовой философіи, въ Эвтидемѣ тѣснѣйшимъ образомъ связываются два вопроса: одинъ, о достоинствѣ и честности самаго Сократа; другой, о суетности и ничтожности софистическаго ученія. Всѣ эти три предмета существенно входятъ въ составъ разсматриваемаго сочиненія и какъ бы опредѣляютъ главный чертежъ его. Сократъ иронически удивляется мудрости Эвтидема и Діонисіодора и, для примѣра, какимъ образомъ они должны бы преподавать добродѣтель, вступаетъ съ Клиніасомъ въ бесѣду. Цѣль этой

части разговора очевидно состоитъ въ показаніи превосходства Сократовой методы и въ намекъ на высоту результатовъ, къ которымъ ведетъ она. Напротивъ софисты, не слѣдуя ни какой методъ и не имѣя въ виду положительной истины, которая должна была бы увѣнчать ихъ изысканія, строятъ софизмъ за софизмомъ, противорѣчатъ здравому смыслу, извращаютъ самыя ясныя понятія и оскорбляютъ чувство нравственное. Цѣль этихъ эристическихъ разсужденій конечно состоитъ въ томъ, чтобы обличить безплодность софистики, нелѣпость ея заключеній и жалкое состояніе тѣхъ юношей, которые вѣрятся ея преподавателямъ. Наконецъ Сократъ бесѣдуетъ съ Критономъ, который пересказываетъ ему обидныя мнѣнія логографовъ о его связяхъ и діалектическихъ преніяхъ съ софистами. Цѣлю сего окончательнаго разговора надобно почитать, безспорно, оправданія истинной философіи и самаго Сократа, на основаніи двухъ предыдущихъ частей сочиненія, то-есть, что Сократъ, ни по методу, ни по духу ученія, не принадлежитъ къ числу людей, развращающихъ юношество. Такимъ образомъ цѣль Платонова Эвтидема слагается изъ трехъ цѣлей, и всѣ онѣ имѣютъ одна къ другой ближайшее отношеніе.

Отсюда уже само собою вытекаетъ и раздѣленіе разсматриваемаго разговора: тройствомъ его цѣли опредѣляется и тройство частей, со-

ставляющихъ одно цѣлое. Эти части суть: 1. бесѣда Сократа съ Клиніасомъ, указывающая надлежащую методу изслѣдованія добродѣтели и мудрости. 2. Бесѣда двухъ софистовъ, разкрывающая свойство софистической діалектики, и 3. Бесѣда Критона съ Сократомъ, защищающая послѣдняго отъ нареканія логографовъ. Касательно связи сихъ частей надобно замѣтить, что онѣ излагаются не отдѣльно, но какъ бы сопроникаются, или входятъ одна въ другую, и такимъ образомъ составляютъ нѣчто органическое. Это можно сказать особенно о взаимномъ отношеніи бесѣдъ Сократа съ Клиніасомъ и софистовъ съ Сократомъ. Впрочемъ связь частей Эвтидема откроется яснѣе и сама собою, когда мы изложимъ его содержаніе.

Разговоръ начинается съ слѣдующаго обстоятельства. Критонъ, прогуливаясь въ Ликей, увидѣлъ друга своего Сократа въ бесѣдѣ съ какими-то иностранцами, и такъ какъ вокругъ ихъ столпилось много народа, ни какъ не могъ разслушать, о чемъ они говорили; по сему теперь, при личномъ свиданіи съ Сократомъ, онъ спрашиваетъ его, кто съ нимъ разговаривалъ. Сократъ отвѣчаетъ и въ своемъ отвѣтѣ, съ тонкою ироніею, описываетъ занятія двухъ софистовъ и знакомитъ читателя съ Ктезиномъ и Клиніасомъ (1). Это — прологъ разговора, имѣющій

(1) Не лзя не удивляться искусству Платона въ выборѣ лицъ для своихъ разговоровъ. Въ нихъ

ближайшее отношеніе къ его эпилогу; потому что въ прологъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, между прочимъ, изображаются, какъ мастера писать и произносить рѣчи, а въ эпилогъ подобный имъ логографъ относитъ Сократа къ числу софистовъ. Послѣ сего Платону слѣдовало только въ продолженіи разговора показать, сколь нелѣпа діалектика двухъ братьевъ въ сравненіи съ методою Сократа, чтобы въ заключеніи само собою пало мнѣніе неизвѣстнаго писателя рѣчей.

Далѣе, по просьбѣ Критона, Сократъ начинаетъ пересказывать ему содержаніе своей бесѣды съ софистами и указываетъ ея завязку:

рѣшительно нѣтъ произвольнаго; все необходимо и истинно. Для чего напримѣръ въ Эвтидемѣ выведены на сцену не одинъ, а два софиста? Очевидно для того, что всё излагаемые здѣсь софисмы основываются большею частію на двузnamenательности словъ; слѣдовательно, для изложенія ихъ, требовалось и два лица, изъ которыхъ одно принимало бы известное слово въ одномъ смыслѣ, а другое въ другомъ. При томъ, какое разнообразіе и вѣрность характеровъ! Эвтидемъ постоянно хитръ и увертливъ; Діонисіодоръ безтыденъ и дерзокъ; Ктезиппъ пылокъ и веселъ; Клиніасъ невиненъ и кротокъ. Для чего такіе, а не другіе характеры? Клиніасовъ—конечно для того, чтобы понять и оцѣнить достоинство Сократова ученія; Ктезипповъ—для того, чтобы посмѣяться надъ нелѣпыми заключеніями хвастовства; Діонисіодоровъ и Эвтидемовъ—для того, чтобы обнаружить не только умственное, но и нравственное направленіе софистики.

какъ бы воспламенить въ Клиніасъ любовь къ добродѣтели? — Эвтидемъ и Діонисіодоръ смѣло утверждаютъ, что они могутъ преподать ему добродѣтель не только лучше, но и скорѣе всѣхъ, и тотчасъ же предлагаютъ образцы своихъ наставленій. Въ этихъ образцахъ не надобно искать ни послѣдовательности, ни порядка. Фридрикъ Астъ напрасно требовалъ сего, упуская изъ вида намѣреніе Платона—представить путаницу софистическихъ умствованій во всемъ ихъ хаосѣ и безобразіи. Но послушаемъ, какимъ образомъ софисты учатъ добродѣтели.

Урокъ начинается вопросомъ Эвтидема, обращеннымъ къ Клиніасу: Какъ онъ думаетъ, кто учится? умный или невѣжда? — Конечно умный, отвѣчалъ Клиніасъ.—Но Эвтидемъ опровергаетъ его слѣдующимъ софизмомъ: Кто учится, тотъ перенимаетъ что-нибудь; а кто учитъ, тотъ старается сдѣлать своего ученика умнымъ человѣкомъ; слѣдовательно учиться свойственно не умному, а невѣждѣ.—Это заключеніе тотчасъ подхватываетъ Діонисіодоръ и доказываетъ противное: Когда учитель грамматики читаетъ урокъ дѣтямъ, то научаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать его; а что бы умѣть понимать, надобно имѣть умъ; по сему учатся умные, а не невѣжды.—Вслѣдъ за симъ опроверженіемъ, награжденнымъ общею похвалою слушателей, Эвтидемъ возражаетъ:

Ть, которые учатся, не тому ли учатся, чего не знаютъ?—Клипіасъ отвѣчаетъ утвердительно.—А онъ говоритъ: Не правда, если учитель даетъ урокъ ученикамъ, то конечно дѣлаетъ не что иное, какъ произносить слова и буквы; а слова и буквы и безъ того уже были извѣстны имъ; слѣдовательно, слушая учителя, слушаешь то, что и прежде зналъ.—Но Діонисіодоръ берется доказать и противное: Знать, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ имѣть знаніе; а знаніе пріобрѣтаетъ тотъ, кто прежде ничего не смыслилъ: стало быть и учится тотъ, кто прежде ничего не зналъ.

Вотъ первый опытъ софистическихъ уроковъ въ добродѣтели! Сократъ, боясь, что эти мудрецы никогда не кончатъ дивныхъ своихъ силлогизмовъ, вѣжливо прерываетъ ихъ, и убѣждаетъ Клиніаса не смущаться такими шутками. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ отъ шутокъ скоро перейдутъ къ настоящему дѣлу и введутъ насъ въ таинства своей науки. Потомъ, отвлекая софистовъ отъ пустословія, учтиво напоминаетъ имъ о данномъ обѣщаніи преподавать юношѣ добродѣтель: а поелику они уже уклонились отъ своей темы; то вызывается представить образецъ, какъ бы, по его мнѣнію, надлежало вести разговоръ объ избранномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, за нелѣпыми умозаключеніями софистовъ, весьма кстати слѣдуетъ при-

мѣрь Сократовой логики. Сократъ начинаетъ разсуждать дѣйствительно о добродѣтели, и ведетъ рѣчь, уклоняясь отъ всякаго щегольства діалектическими тонкостями. Онъ заботится только о томъ, какъ бы точнѣе и проще опредѣлить понятія о вещахъ, свойственныя всѣмъ умнымъ людямъ. Сущность его бесѣды состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ мы, говоритъ онъ, ищемъ счастья и всѣ полагаемъ его въ обладаніи благами: а что благо, и что зло,—о томъ мнѣнія людей весьма различны. Обыкновенно благами почитаются: богатство, здоровье, красота тѣла, знаменитость происхожденія, власть, могущество. Но къ благамъ безъ сомнѣнія должны быть причислены также: умѣренность, справедливость, мужество, мудрость. А точнѣе сказать, такъ счастье наше состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной мудрости. Чья душа украшается ею, тому конечно не лѣзя отказать въ имени счастливица. Богатство, почести и все другое, что люди обыкновенно почитаютъ благомъ, не тогда ли только составляютъ наше счастье, когда мы умѣемъ справедливо употреблять ихъ? А это зависитъ опять отъ мудрости. Отсюда Сократъ заключаетъ, что мудрость, или знаніе, есть истинное благо, а невѣжество—настоящее зло. Поелику же всѣ люди ищутъ счастья, то всякій долженъ прежде заботиться о приобрѣтеніи мудрости. Но при этомъ рождается вопросъ: можно ли приобрѣтать ее?—Если можно,

то мы должны всѣми силами стараться образовывать свой умъ и украсить его мудростію.

Такъ говорилъ Сократъ Клиніасу и съ намѣреніемъ раскрылъ мысль, что счастье состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель—въ мудрости или знаніи. Онъ предупредилъ этимъ мнѣніе софистовъ, которые, пользуясь многозначительностію слова «добродѣтель», оцѣнивали ее, по примѣру Протагора, одними выгодами, и поставляли въ удачномъ дѣйствованіи, *eútuchia*. Кто у насъ поучится, говорили они, тотъ будетъ искуснымъ политикомъ, превосходнымъ дипломатомъ, публичнымъ ораторомъ,—вообще, не то чтобы честнымъ, но полезнымъ членомъ республики. Напротивъ Сократъ ничего не называлъ добродѣтелію, кромѣ мудрости, обнаруживающейся, какъ онъ намекаетъ, честностію, справедливостію и другими видами (1). Должно замѣтить, что въ Эвтидемѣ излагается именно его, а не Платоново понятіе о добродѣтели. Платонъ, и по свидѣтельству самаго Аристотеля (2), впоследствии значительно уклонился отъ ионической теоріи своего учителя, когда, сообразно тремъ способностямъ человѣка,—уму, чувству и вожделѣнію, указалъ и троякую добродѣтель.

(1) Эта мысль прекрасно раскрыта *Брандисомъ* Mus. Rhen. Vol. 1. p. 150. *Stalbaum*, prolegg. ad Lachetem et Charmidem.

(2) Eth. magn..I. 1.

По ученію Платона, она состоитъ уже не въ знаніи, но въ нѣкоторомъ могуществѣ и крепости души, что мы подробно раскроемъ въ своихъ введеніяхъ къ Федру и Республикѣ.

Предложивъ образецъ разговора о добродѣтели, Сократъ скромно проситъ своихъ собесѣдниковъ раскрыть его мысли съ большимъ искусствомъ. Но софисты начинаютъ пустословить еще безстыднѣе прежняго. Вамъ угодно, говоритъ Діонисіодоръ, чтобы Клиніасъ сдѣлался мудрымъ? то-есть вы хотите, чтобы онъ пересталъ быть тѣмъ, что есть? следовательно вы хотите, чтобы онъ бѣдненькой погибъ? Ибо перестать быть тѣмъ, что есть, значитъ погибнуть. Это заключеніе выводитъ изъ терпенія Ктезиппа, друга Клиніасова, — и онъ упрекаетъ софиста въ безсовѣстной лжи. Но Эвтидемъ подхватываетъ слова его и начинаетъ доказывать, что лгать невозможно. Кто лжетъ, тотъ говоритъ то, чего вовсе нѣтъ, о чемъ не лзя и помыслить; следовательно ложь есть дѣло невозможное.—Ктезиппъ просто, но справедливо замѣчаетъ, что лжець говоритъ о существующихъ же предметахъ, только не такъ изображаетъ ихъ, какъ они существуютъ.—Стало быть, возражаетъ Діонисіодоръ, по твоему, надобно изображать всѣ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, то-есть, дурныя дурно, хорошія хорошо, теплыя тепло, холодныя холодно? Но посуди самъ, что изъ сего выйдетъ.—

Сократъ, желая скорѣе потушить разгорающуюся распрю между Ктезиппомъ и Діонисіодоромъ, прерываетъ ихъ разговоръ и насмѣшливо говоритъ Клиніасу: подожди, другъ мой, пусть они погорячатся, поспорятъ о пустякахъ; пусть губятъ людей, лишь бы погибающій изъ глупаго сдѣлался мудрымъ. Но Ктезиппъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ горячиться; жаль только, примолвилъ онъ, что противникъ его не можетъ сносить противорѣчій— Какъ? быть не можетъ, утверждаетъ, софистъ, что бы кто-нибудь не соглашался съ другимъ, или противорѣчилъ другому, и свое положеніе доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Если справедливо, что нельзя ничего отрицать; то вѣрно и то, что нельзя никому противорѣчить. Тѣ, которые хорошо понимаютъ свой предметъ; не разнятся въ своихъ мнѣніяхъ о немъ: напротивъ, кто не понимаетъ его; тотъ, говоря иначе, говоритъ о другомъ, а не о томъ, о чемъ говорятъ первые, слѣдовательно не противорѣчитъ имъ.—Ктезиппъ на это уже ничего не отвѣчаетъ; а Сократъ, замѣтивъ софистамъ, что ихъ умозаключенія заимствованы у Протагора и подобныхъ ему мудрецовъ, предостерегаетъ ихъ, что бы они не попались въ собственные свои сѣти. Если, сказалъ онъ, никому нельзя лгать; то никому нельзя и ошибаться въ мнѣніяхъ. А какъ скоро никому нельзя ошибочно судить о вещахъ;

то не можетъ быть ни глупцовъ, ни невѣждъ. Когда же нѣтъ ни глупости, ни невѣжества; то вѣрю всѣ умны, и никто не уклоняется отъ истины. Но если никто не уклоняется отъ истины; то къ какой же стати вы беретесь преподавать мудрость и добродѣтель? Кого вамъ учить, когда всѣ мудры? Почувствовавъ ѣдкость сего вопроса, софисты хотѣтъ отмстить Сократу: но Сократъ изъ ихъ же основаній выводитъ заключеніе, что ни онъ и ни кто другой не можетъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ.

Эти обличенія подають поводъ Ктезиппу преслѣдовать Эвтидема и Діонисіодора колкими остротами и насмѣшками, а Сократу—случай дать имъ новый урокъ, какъ лучше разсуждать о добродѣтели. Мы, кажется, остановились на томъ, говорить онъ Клиніасу, что надобно заботиться о приобрѣтеніи мудрости, то есть, философствовать. Теперь вотъ вопросъ: какой мудрости, какого знанія долженъ искать философъ? Вѣроятно такого, которое принесло бы ему пользу? Но не все, что можетъ принести пользу, должно быть предметомъ нашихъ исканій. Есть знанія и искусства, доставляющія намъ хорошіе плоды, но не показывающія, какъ употреблять ихъ, и по тому недостаточныя для истиннаго счастья. Надобно желать такого знанія, которое давало бы намъ полезныя орудія и научало благоразумному

употребленію оныхъ. Столь важное знаніе, строго судя, не есть ни игра на цитрѣ, ни искусство писать рѣчи, ни военная наука. Но нельзя ли разумѣть его подъ именемъ искусства царскаго, или политическаго?—Обнимая собою всѣ части республики, оно конечно представляется знаніемъ высокимъ, и однакожь едвали заключаетъ въ себѣ то, чего мы ищемъ.

Изъясняя сіи мысли, Сократъ съ намѣреніемъ показываетъ нѣкоторую нерѣшительность въ своихъ сужденіяхъ и тотчасъ проситъ собесѣдниковъ высказать свое мнѣніе о томъ же предметѣ. Онъ довольно ясно намекнулъ, что знаніе, составляющее истинную добродѣтель, поколику оно умѣетъ правильно употреблять блага, есть знаніе честнаго и твердое убѣжденіе въ справедливости нравственнаго долга. Но это ученіе было не въ духъ вѣка, и потому современники не могли понять великой мысли философа. Что за знаніе, думали они, которое Сократъ почиталъ необходимымъ условіемъ добродѣтели? Общимъ потокомъ мнѣній, кажется, увлекался и Ксенофонтъ, одинъ изъ приближенныхъ слушателей сына Софронискова, когда подъ именемъ его знанія понималъ даръ отличать полезное отъ бесполезнаго (1). Платонъ разумѣлъ это вѣрнѣе, и вотъ

(1) Объ этомъ весьма хорошо судитъ *Dissenius de philosophiâ morali in Xenophontis de Socrate commentariis*

по чему такъ часто заставляеть Сократа разсуждать о знаніи и добродѣтели. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ въ Протагорѣ, такъ и въ Эвтидемѣ, начала его философіи вполнѣ отнюдь не раскрываются. Сократъ большею частію, начиная отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ софистики, идетъ къ своей цѣли мало по малу и, не достигая до послѣднихъ результатовъ, вдругъ прекращаетъ изслѣдованія или заключаетъ ихъ ироніею. Такъ, на примѣръ, въ настоящей своей бесѣдѣ съ Клиніасомъ, онъ сперва, въ угодность софистамъ, опредѣляетъ понятіе о добродѣтели пользою; потомъ взвѣшиваетъ разные роды пользы и подъ эту мѣру подводитъ каждое искусство порознь, на примѣръ, воинское, которымъ такъ много занимались наши *ὄλομαχοι*, риторское, которое до того было возвышено въ глазахъ современниковъ, что философія предъ нимъ ни чего не значила и находилась въ презрѣніи, и царское или политическое, которымъ по видимому особенно любилъ хвастаться Протагоръ. Удивительно, что никто изъ комментаторовъ Платона не обращалъ должнаго вниманія на то важнѣйшее мѣсто Эвтидема, гдѣ говорится о Царскомъ искусствѣ. Давно надлежало бы спросить и изслѣдовать: для чего Сократъ такъ простран-

но разсуждаетъ о томъ, что политика или насколько не относится, или весьма мало относится къ добродѣтели? Мы не сомнѣваемся, что весь этотъ отдѣлъ разговора направленъ противъ Протагора, по мнѣнію котораго, вся наука о добродѣтели была, кажется, *полιτική* или *βασιλική τέχνη*. Твердымъ основаніемъ нашей увѣренности въ сей мысли служатъ тѣ мѣста въ Платоновомъ Протагорѣ, гдѣ этотъ софистъ поставяетъ добродѣтель въ умѣнны устроить домашнюю и общественную свою жизнь, и производить ее отъ боговъ, чтобы упрочить благоденствіе республики (1). Если же наше мнѣніе справедливо; то къ какой бы стати Платону, въ разсматриваемомъ разговорѣ, нападать на Протагора, если бы Эвтидемъ и Діонисіодоръ не были его учениками? Но последуемъ за ходомъ бесѣды.

Сколько ни старался Сократъ навести софистовъ на надлежащій путь изысканій и отвлечь отъ пустословія, — ничто не помогало. Едва онъ договорилъ послѣднія слова объ искомомъ предметѣ, какъ вдругъ Эвтидемъ спрашиваетъ его: Хочешь ли, Сократъ, я научу тебя тому знанію, котораго ты такъ сильно добиваешься? или лучше, не угодно ли, я докажу тебѣ, что ты давно уже обладаешь имъ? — Кто знаетъ, продолжалъ онъ, тотъ имѣетъ знаніе;

(1) Protag. p. 318. E. sqq. p. 322. sqq.

кто имѣеть знаніе, тотъ, въ силу аксіомы, что одно и то же не можетъ вмѣстѣ быть и не быть, одаренъ знаніемъ; а кто одаренъ знаніемъ, тотъ непремѣнно знаетъ все, потому что, не зная чего-нибудь, онъ былъ бы лишенъ знанія, что противно допущенному выше. Если же, Сократъ, ты знаешь все; то знаешь и то, что желалъ знать.

Не безъ особенной цѣли Платонъ влагаеть и этотъ софизмъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора. Здѣсь, какъ мы думаемъ, новое указаніе на близкія отношенія ихъ къ Протагору. Известно, что Протагоръ признавалъ человѣка мѣриломъ всего (1) и думалъ, что вещи такъ существуютъ, какъ кому представляются. На этомъ основаніи, естественно, не могло быть мѣста незнанію; всякій непремѣнно знаетъ все. Напрасно Сократъ увѣряетъ софистовъ, что онъ не все знаетъ: не хотятъ слушать и, чтобы легче изумить его своими заключеніями, предписываютъ ему не заговариваться, а отвѣчать на ихъ вопросы коротко: да, или нѣтъ. Послѣ сего Сократу ничего не оставалось болѣе, какъ ловить ихъ въ ихъ же западню, отложивъ въ сторону начала собственной философіи. И вотъ онъ спрашиваетъ: Не ужели они, зная ничто, будутъ утверждать, что все знаютъ?—Положительный отвѣтъ софистовъ мгновенно пред-

(1) *Measg. ad Diog. L. IX. 51.*

ставилъ Ктезиппу тѣму нелѣпныхъ заключеній, и этотъ пылкій молодой человекъ начинаетъ колко шутить надъ мудрецами. Между тѣмъ Эвтидемъ, привязавшись къ словамъ Сократа, что онъ не все знаетъ, строить новъй софисмъ. Кто знаетъ что-нибудь, говоритъ онъ, тотъ знаетъ это тѣмъ же, а не другимъ; а кто знаетъ что-нибудь тѣмъ же, тотъ знаетъ все и всегда.—Сократъ отвѣчаетъ, что умъ его конечно одаренъ знаніемъ, но въ этомъ знаніи содержится не все, а только то, что онъ знаетъ; потомъ предлагаетъ вопросъ Діонисіодору: Знаю ли я, что добрые люди бываютъ несправедливы?—Діонисіодоръ, думая, что Сократъ не одобряетъ этой мысли, говоритъ: не знаешь,—и такимъ образомъ противорѣчитъ прежнему своему положенію, что всѣ и все знаютъ. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эвтидему, спрашиваетъ его: Какъ тебѣ кажется, Эвтидемъ, справедливо ли судить братъ твой?—Но Діонисіодоръ, чтобы вывести его и себя изъ затрудненія и дать разговору новое направленіе, вдругъ предлагаетъ вопросъ и съ своей стороны: Что? развѣ я братъ Эвтидему?—Однакожь Сократъ не отвѣчаетъ ему, и на упрекъ софиста, что онъ избѣгаетъ отвѣтовъ, говоритъ: Васъ двое, а я одинъ. Вотъ, еслибъ и со мною былъ братъ мой Патроклъ; то дѣло пошло бы иначе.—Такъ Патроклъ братъ тебѣ, спрашиваетъ Эвтидемъ?—Вопросъ, очевидно, прежній, только перемѣненъ

лица.— Да, мы съ нимъ отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, говоритъ Сократъ: отецъ Патрокловъ былъ Хередемъ, а мой Софронискъ.— Значить Софронискъ, подхватилъ софистъ, есть другой въ разсужденіи отца? Слѣдовательно онъ не отецъ? и ты, Сократъ, не имѣешь отца?

Послѣдній софизмъ построенъ, очевидно на томъ положеніи древней діалектики, которымъ утверждалось, что одно сказуемое не можетъ приличествовать многимъ вещамъ или лицамъ, что каждый предметъ имѣетъ свои особенныя свойства. По свидѣтельству Плутарха (1), это положеніе было развито преимущественно Сильпономъ; но еще гораздо ранѣе знали его софисты, какъ видно изъ словъ Платона (2): «Такъ, пожалуй, мы дадимъ возможность спорить и дѣтямъ и запоздалымъ умникамъ; ибо всякій тотчасъ возразить, что одно не есть многое, и многое не есть одно. Иные еще будутъ рады не называть человѣка добрымъ, а только добро называть добромъ, «человѣка — человѣкомъ.» Шлейермахеръ въ этихъ словахъ видитъ упрекъ Антисоену; но по нашему мнѣнію, онъ ближе относится къ

(1) Adv. Colot. p. 1119. C. s. 22. p. 575. Vol. V. Сн. *Deysk*, de Megaricorum doctrina p. 83. sq.

(2) Sophist. p. 251. С. сравн. 260. A. B. Phileb. p. 14. С.

Эвтидему и Діонисіодору, особенно когда сообразимъ указаніе на нихъ Цицерона (1): *δύσκατοις* (запоздалые умники) *autem homines scis quam insolentes sint.*—Въ слѣдъ за обиднымъ для Сократа заключеніемъ софистовъ, Ктезиппъ дѣлаетъ столь же обидный вопросъ самимъ софистамъ: Но и вашъ отецъ, говоритъ онъ, отличенъ ли отъ моего?—Нѣтъ не отличенъ, отвѣчаютъ они, потому что иначе остались бы безъ отца.—Какъ же такъ? продолжаетъ Ктезиппъ: вашъ отецъ есть ли отецъ и другихъ? И другихъ, говорятъ они.—Отсюда противникъ тотчасъ выводитъ заключеніе, что отецъ ихъ есть отецъ всѣхъ, и мать ихъ есть мать не только людей, но и животныхъ: и софисты не смѣютъ отвергать сего невыгоднаго для себя заключенія; потому что въ противномъ случаѣ имъ надлежало бы остаться безъ отца и матери. Такъ-то ничтожна софистическая діалектика! Не только Сократъ, но и неопытный юноша, едва вступившій на поприще эристики, опутываетъ Эвтидема и Діонисіодора собственными ихъ словами и основное положеніе ихъ, что одного и того же сказуемаго не лзя приписать многимъ, подлежащимъ уничтожаетъ самою легкою выходкою.

Слѣдующіе далѣе софизмы двухъ братьевъ суть не болѣе какъ грамматическія уловки, что

(1) Epist. famil. IX. 20.

опять напоминает Протагора. Протагоръ, какъ известно, очень любилъ играть формами языка и составлять ихъ такъ, чтобы въ нихъ заключались различныя мысли (1). Это искусство вѣроятно прилагалъ онъ и къ діалектическимъ преніямъ. Другой цѣли грамматическія его упражненія, кажется, не имѣли и не могутъ идти въ сравненіе съ благонамѣреннымъ разборомъ словъ и выраженій, которымъ такъ усердно занимался Продикъ (2). Но что дальѣе?

Одно слово, случайно вырвавшееся у Сократа, даетъ софистамъ поводъ къ новымъ лжеумствованіямъ. Сократъ совѣтуетъ Клиніасу не шутить такими прекрасными вещами, каковы парадоксы мудрецевъ,—и у Діонисіодора вдругъ готовъ силлогизмъ. Прекрасныя вещи, говоритъ онъ, будучи отличны отъ самаго прекраснаго, тѣмъ не менѣе имѣютъ въ себѣ красоту: по сему и твой быкъ, Сократъ, будучи отличенъ отъ тебя, тѣмъ не менѣе есть ты; ибо нѣтъ невозможнаго, чтобы то, что отлично отъ другаго, было тѣмъ самымъ, отъ чего оно отлично.

Этотъ софизмъ очевидно направленъ противъ Сократова ученія объ общихъ понятіяхъ и тѣснѣйшей связи ихъ съ вещами недѣлимыми, откуда потомъ Платонъ вывелъ свое

(1) *Spengel. Artium Scriptorr. p. 40. sqq. Classen. de grammaticae graecae primordiis. p. 31. sqq.*

(2) *Welker. въ Mus. Rhen. Nov. Uol. 1. P. 1. p. 461. sqq.*

заключеніе, что сущность вещей содержится въ идеяхъ. Все различіе между Сократовою и Платоновою мыслию состояло въ томъ, что первая имѣла характеръ логическій, а послѣдняя—метафизическій: это замѣтилъ еще Аристотель (1). Известно, что между эристами и послѣдователями Сократа были большіе споры и разногласія объ отношеніи родовыхъ и индивидуальныхъ понятій. Послѣдніе утверждали, что можно соединять понятія частныя, и подводить ихъ подъ одно родовое, или умственное; а первые доказывали, что частныхъ понятій соединять нельзя; ибо сказуемая, усвояемая какой нибудь вещи, не содержится въ ея сущности, но приписываются ей отвнѣ (то есть отъ нашего ума), какъ нечто чуждое. Нѣкоторые же это положеніе простирали еще далѣе, отрицая вообще возможность утверждать, что бы то ни было о каждомъ предметѣ (2). Къ такимъ-то эристамъ надобно отнести и нашихъ софистовъ.

Вотъ та часть разговора, въ которой Платонъ съ неподражаемымъ искусствомъ связалъ въ одно цѣлое почти все, славившіяся въ его время софизмы! Здѣсь каждое отдѣленіе носитъ печать его генія: не возможно было лучше

(1) *Metaph.* XIII. 4. см. 1. 6.

(2) См. *Soph.* p. 251. *C. Phileb.* p. 14. *C. Arist. Metaph.* IV. 19. p. 119. VII. 3. p. 169.

изобразить и опровергнуть бѣдность, пустоту и пошлость эристики; нельзя было также ясно раскрыть достоинство Сократовой методы и показать, въ какой степени она способна къ распутыванію самыхъ затѣйливыхъ хитросплетеній. Здѣсь даже длинное и нѣсколько утомительное пустословіе софистовъ допущено не безъ основанія. Въ Греціи диалектика, въ извѣстный періодъ времени, была всеобщею заразою: многіе по цѣлымъ днямъ находились въ сообществѣ говоруновъ, щеголявшихъ гибкимъ умомъ и смѣшавшихъ слабоуміе и невежество необыкновенными силлогизмами; такъ что не только Платонъ, но и Аристотель почелъ нужнымъ подвергнуть страшной критикѣ всѣ умствованія тогдашнихъ Эвтидемовъ и Діонисіодоровъ.

Выше сказано, что одною изъ главныхъ цѣлей, которыя Платонъ имѣлъ въ виду при сочиненіи Эвтидема, было также защитить истинную философію своего учителя отъ несправедливаго нареканія современниковъ. Такимъ апологическимъ мыслямъ посвящена послѣдняя часть сего разговора. Пересказавъ Критону свою бесѣду съ двумя софистами, Сократъ совѣтуетъ и ему поучиться у столь мудрыхъ людей: но Критонъ, не понявъ шутки, просто душно сознается, что такой совѣтъ ему не нравится, даже упрекаетъ Сократа за короткое обращеніе съ этими ничтожными спорщиками,

и рассказываетъ, какъ одинъ логографъ, слышавшій ихъ бесѣду, переважно рѣшилъ, что всѣ философы занимаются пустяками и вся философія—вздоръ. Между тѣмъ Критонъ съ своей стороны отдастъ ей полную справедливость и дружески совѣтуетъ Сократу держаться подальше отъ подобныхъ учителей, что бы не подавать людямъ причины презирать и поносить превосходную науку. На этотъ совѣтъ Критона Сократъ отвѣчаетъ во-первыхъ—описаніемъ тѣхъ логографовъ, изъ которыхъ одинъ разговаривалъ съ нимъ, во вторыхъ—замѣчаніемъ, что по всѣмъ отраслямъ искусствъ есть и хорошіе и худые преподаватели, и что отъ дурныхъ качествъ учителя несправедливо было бы заключать о ничтожествѣ и вздорности науки.

Этимъ оканчивается Платоновъ Эвтидемъ. Упустивъ изъ вида послѣднюю бесѣду Сократа съ Критономъ, мы рѣшительно не могли бы понять, къ чему клонились первыя двѣ части разговора: но теперь ясно видимъ, что онѣ направлены къ оправданію истинной философіи вообще, и Платонова лица въ частности. Платонъ хотѣлъ доказать, что враги Сократа несправедливо относятъ его къ числу софистовъ и уничижаютъ достоинство мудрости.

Но кого надобно почитать главными его врагами? По прямымъ указаніямъ Платонова Эвтидема, то были логографы, образовавшіеся

подъ вліяніемъ Антифона и Горгіаса. Известно, что Антифонъ Рамнузійскій первый началъ писать судебныя рѣчи и продавать ихъ людямъ, имѣвшимъ какое нибудь тяжёлое дѣло (1). Логографы обладали поверхностными понятіями о философіи, но гордились своимъ ремесломъ: они почитали себя важными политическими мужами, а ученіе Сократа, великаго философа своего времени, смѣшивали съ пустыми, утонченными умствованіями софистовъ. Изъ такихъ-то логографовъ одинъ разговаривалъ съ Критономъ и произносилъ нелѣпыя отзывы о философіи вообще, и въ частности о лучшемъ преподавателѣ ея, Сократѣ. Ученые многократно изслѣдывали, на кого именно изъ логографовъ Платонъ мѣтитъ въ своемъ Эвтидемѣ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ думаютъ видѣть здѣсь Исократа: но онъ совсѣмъ не былъ противникомъ Сократовой философіи; по крайней мѣрѣ Платонъ въ своемъ Федръ (2) отзывается о немъ съ похвалою. Равно нельзя разумѣть тутъ и Лизіаса, какъ полагаетъ Grön van Prinsterer (3). Платонъ, правда, замѣчаетъ въ немъ недостатокъ философскаго образованія; но от-

(1) См. *Quintil. instit.* III. 1, 11. *Ammian. Marcell.* 30. 4. *personatus* Plutarch. *Vitt. decem oratorr.* p. 307. ed. Reisk.

(2) *Phaedr.* p. 279. D.

(3) *Prosopogr. Plat.* p. 117.

нюдь не обвиняетъ его въ клеветѣ на Сократа. По мнѣнію Винкельмана (1), то былъ Тразимахъ Халкедонскій: но и онъ, судя по изображенію его въ первой книгѣ Республики, не презиралъ философіи, подобно выставленному въ Эвтидемѣ логографу. Наконецъ Саупій (2), упоминаемымъ здѣсь логографомъ почитаетъ Теодора Византійскаго, который въ Федръ (р. 266. Е.) называется *λογοδαΐδαλος*, а по Эвтидему (р. 305. Е.), будто бы имѣетъ въ виду *τὰ εἰκότα τῆ λόγῃ*, свойства рѣчи, сообразныя съ требованіями времени и моды (3). Но *τὰ εἰκότα* характеризовало занятіе всѣхъ вообще риторовъ, начиная съ Тизіаса до Коракса (4). Намъ кажется, что Платонъ не указываетъ здѣсь ни на одно частное лице, иначе онъ не забылъ бы отгнать его какими-нибудь характеристическими чертами; но подъ однимъ логографомъ разумѣетъ всѣхъ. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что ему и слѣдовало опровергнуть не частное, неблагоприятное мнѣніе о Сократѣ, а то, которое господствовало въ цѣломъ классѣ риторовъ.

Но какое отношеніе между софистами и логографами? по чему Платонъ, обличивъ не-

(1) Prolegg. p. XXXIV. sqq.

(2) *Zimmerm.* Mus. stud. antiquitt. a 1835. N 50.

(3) *Spengel.* Synagog. p. 98. sqq.

(4) *Phaedr.* p. 267. A. p. 272. D. E.

лѣпныя умствованія первыхъ, въ одномъ и томъ же сочиненіи отзывастся невыгодно и о послѣднихъ?—Логографы, подобно ораторамъ, ни какъ не хотѣли равняться съ софистами, не смотря на то, что пользовались ихъ наставленіями и методою оостязанія. Извѣстно, что Горгіасъ боялся прослыть въ народномъ мнѣніи ихъ единомышленникомъ (1). Писатели рѣчей почитали себя важными политическими особами; а мы знаемъ, что политики были весьма немилостивы къ софистамъ. Въ одномъ разговорѣ (2) Сократъ спрашиваетъ Анита: прилично ли Менону слѣдовать наставленіямъ софистовъ?—и Анитъ проклиняетъ ихъ, какъ язву общества. Почти въ томъ же смыслѣ называются они *τῶν πολιτικῶν ἀντιέχουσι* (3). Презирая ихъ съ ихъ діалектикою, логографы были непримиримыми врагами и философіи. Необразованные, полуученые, они не находили въ ней ничего добраго и не умѣли отличить ее отъ пустой эристики; къ тому же терпѣть не могли и самаго Сократа за его наивные, но почти всегда мѣткіе вопросы, заставлявшіе ихъ молчать и ронявшіе ихъ значительность въ глазахъ толпы. Послѣ сего неудивительно, что Платонъ, любитель философіи и почита-

(1) *Fossius de Gorgia Leont.* p. 41.

(2) *Menon.* p. 31. A.

(3) *de Rep.* VI. p. 493. A.

Тяжъ сына Сократисова, вооружился на нихъ всюю силою ироніи и старался доказать, что они не должны смѣшиваться—ни Сократа съ софистами, ни истинной мудрости съ пустыми диалектическими тонкостями.

Не лзя также оставить безъ изслѣдованія довольно важнаго вопроса: почему Платонъ видѣлъ враговъ Сократа только въ логографѣхъ, а не упомянулъ о комикахъ, на примѣръ, Аристофанъ, Амипсѣ и Эвполисъ, которые не разъ выводили его на сцену въ каррикатурномъ видѣ?

Въ то время, когда Платоновы сочиненія начинали выходить въ свѣтъ, Аристофанъ уже понималъ всю свою несправедливость противъ Сократа: за это ручаются многіе факты изъ литературной его жизни. Замѣчательно, что послѣ комедіи *Облака*, поставленной на сцену 1,89 олимп., ни въ одной Аристофановой пьесѣ нѣтъ выходокъ, оскорбительныхъ для Сократовой личности. Въ *Птицахъ*, появившихся въ 2,91 олимп., поэтъ коснулся только цинической внѣшности нашего философа, и-то мимоходомъ (vers. 1271, 1541 ed. Dindorf); а въ *Лягушкахъ*—сочиненіи, относящемся къ 3,93 олимп., онъ уже упоминаетъ о дружбѣ Сократа съ Эврипидомъ (vers. 1491). Замѣчательно еще, что

въ 4,89 олимп. (1), пересмотрѣвъ свои *Облака*, Аристофанъ рѣшился совершенно передѣлать ихъ и первое изданіе предать забвенію. Какая могла быть причина столь скорой перемѣны мыслей въ ихъ сочинителѣ?—Безъ сомнѣнія онъ узналъ теперь въ Сократѣ человека съ прекрасною душою, благороднымъ характеромъ, высокою нравственностію, пламенною любовію къ отечеству, — и не хотѣлъ, вопреки своему убѣжденію, забавлять Аѣинскую чернь сценическими насмѣшками надъ истиннымъ мудрецомъ. Неудивительно, что послѣ такого благороднаго поступка со стороны Аристофана, Платонъ не коснулся его личности въ *Эвтидемѣ*.

Напрасно нѣкоторые критики предполагаютъ, что въ *Облакахъ* перваго изданія были осмѣяны одни софисты, а роль Сократа вставлена уже во второе. Послѣ умныхъ изслѣдованій Германа и Пальмерія, эта догадка оказалась вовсе неосновательною. Самъ Аристофанъ (in *Parabasi secundae recensione* vers. 513 et *Vespar.* v. 1050—60), отзываясь объ *Облакахъ*, какъ объ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, и жалуется на Аѣинянь, не умѣвшихъ должнымъ образомъ оцѣнить ее. Можно ли думать, что бы послѣ сего онъ рѣшился поставить ее на сцену съ

(1) *Hermann.* praefat. ad *Nubb.* p. XIII. sqq. *Palmerius* exercitt. p. 723.

разными перемѣнами и прибавками? Невѣроятно также, чтобы Платонъ въ своей Апологіи, упоминая о комедіи Аристофана, указывалъ на ея передѣлку. По самому существу цѣли, онъ долженъ былъ опираться на сочиненіе, уже знакомое публикѣ. Схولیасты дѣйствительно упоминаютъ о второй рецензіи Облаковъ; но Германъ доказалъ, что эта рецензія не была докончена, и что дошедшія до насъ Облака составлены по обонимъ ихъ зданіямъ (1).

И такъ, Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ оставилъ Аристофана въ покоѣ не по тому, что въ *Облакахъ* перваго изданія Сократъ не былъ выведенъ на сцену въ роль софиста, а по тому что первый въ то время былъ уже другомъ послѣдняго, и эти дружескія ихъ отношенія живо изображаются потомъ въ Платоновомъ *Пирѣ*. Нашего мнѣнія не опровергають слова Сократа въ Апологіи (р. 19. В. С.), что комедія Аристофанова не мало содѣйствовала къ распространенію несправедливыхъ о немъ сужденій. Сократъ, не покидавшій ироніи и въ присутствіи своихъ судей, указалъ здѣсь не на писателя *Облаковъ*, а на тѣхъ, которые въ комедіи, давно забытой самимъ сочинителемъ, не переставали искать пищи для своей клеветы.

(1) См. *Wolf. praef. ad nubb. p. IV. Böckh. de Graecae Traged. princip. p. 21.*

Почти въ одно время съ *Облаками* явился на сценѣ и *Коннъ Амипсія*. Эта комедія написана была, кажется, не для того, чтобы осмѣять Сократа, а просто для потѣхи зрителей, любившихъ вообще пошутить надъ философами. Кто былъ этотъ *Коннъ*?—Отъ Цицерона до Винкельмана его считали отличнымъ виртуозомъ и лучшимъ въ свое время учителемъ музыки (1). Но возможно ли, чтобы въ Греціи, отечествѣ изящныхъ искусствъ, славный виртуозъ влачилъ нищенскую жизнь, добивался куска хлѣба воспитаніемъ дѣтей и былъ игрушкою комическихъ писателей? Ибо нѣтъ сомнѣнія, что *Коннъ*, изображаемый *Аристофаномъ* (2) и *Кратиномъ* (3), тотъ самый, о которомъ говоритъ *Платонъ*. А изъ словъ ихъ видно, что этотъ знаменитый артистъ былъ не

(1) *Cicer. epist. famil IX. 21. Max. Tyr. p. 225. T. II. et al. Winkelm. praef. p. XL. sq. Schleierm. Opp. Plat. T. II. Uol. III. p. 532.*

(2) *Aristoph. Equitt. vers. 534.* «Это разваливающийся старикъ, *Коннъ*, съ засохшимъ вѣнкомъ на головѣ, который умираетъ отъ жажды, и котораго, за пружія побѣды, надлежало бы поить въ *Пританиумѣ*».

(3) Схолиастъ, ad *Equitt. v. 531*, приводитъ слѣдующія слова *Кратина*: «Кушай и благодари брюхо, пока не одолѣетъ тебя голодъ; да любитъ тебя вѣнцелюбецъ *Коннъ*».—Явный намекъ на *Гезіода* (*Opp. et dier. v. 299*): *φιλέη δὲ εὐστέφανος Δημήτηρ.*

богѣ, какъ смѣшной, пьяный и обжорливый старикъ. Всѣ достоинства, какими онъ могъ гордиться, ограничивались давними музыкальными побѣдами, которыя глубоко врѣзались въ его душу, и въ воспоминаніе которыхъ онъ, не смотря на крайнюю бѣдность, всегда носилъ вѣнокъ на головѣ. На старости лѣтъ занятіе его состояло въ преподаваніи дѣтямъ музыки: а гдѣ дѣти, тамъ любилъ бывать и Сократъ, и по этой причинѣ, вѣроятно, посвящалъ Конна. Можетъ быть ихъ не менѣе сближало сходство обстоятельствъ и характеровъ. Сынъ Софрониска, подобно Конну, терпѣлъ горькую нужду и въ простонародіи назывался бѣднякомъ, *βλεύρις* (1); а Коннъ, подобно Сократу, не былъ равнодушенъ къ философскимъ умозрѣніямъ и иногда любилъ дѣлать время съ софистами. По свидѣтельству Атенея (V. p. 218. С.), Амипсий въ своемъ Коннѣ вывелъ на сцену хоръ созерцателей, *φρονιστῶν*, чего конечно не сдѣлалъ бы онъ, если бы Аѳиняне не знали Конна, какъ большаго охотника до ученыхъ бесѣдъ. Притомъ у нашего учителя музыки была пресмѣшная физіогномія и самыя странныя ухватки. Случалось, онъ гулялъ по улицамъ съ преважнымъ видомъ украшенный вѣнкомъ, а иногда бродилъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону,

(1) *Xenoph. œcon.* II. 3. см. *Plat. Apolog.* p. 23. В.

подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Сократу ли было не сблизиться съ такимъ оригиналомъ? Философъ могъ придумать предлогъ, будто хочетъ брать у него уроки, и такимъ образомъ войти съ нимъ въ короткое знакомство. По крайней мѣрѣ въ комедіи Амипсіа Сократъ, въ изношенномъ своемъ плащѣ, занимаетъ самое видное мѣсто между собесѣдниками Конна (1). Это сборище софистовъ вѣроятно казалось очень забавнымъ, по тому что комедія Конна нравилась публикѣ больше другихъ (2). Можетъ быть Амипсій, для эффекта, заставлялъ Конна въ потѣ лица толковать подобнымъ ему старикамъ музыкальную гамму, и чрезъ это ввелъ его въ пословицу, какъ учителя стариковъ, *γεροντοδιδασκαλον*.—И такъ по чему же Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ не говоритъ прямо объ Амипсіѣ?—Безъ сомнѣнія по тому, что сей комикъ представилъ Сократа, не какъ софиста, а какъ болтливаго и мѣлочнаго старика, за что онъ не

(1) На это указываютъ нѣсколько стиховъ изъ комедіи Амипсіа, сохранныхъ Диогеномъ Лаерціемъ (Ш. 25): «И ты, Сократъ, мужъ лучший изъ немногихъ, и пустѣйшій изъ многихъ,—и ты страдалецъ, пришелъ къ намъ! Откуда у тебя такой плащъ? Это безъ сомнѣнія злой умыселъ кожевниковъ?»

(2) Полное содержаніе Амипсіева Конна намъ неизвѣстно. *Meineke. quaest. scen. spec. secund. 43. Ranke in Seebod. bibl. crit. a. 1828 n. 31. p. 247.*

только не сердился, но еще самъ шутилъ надъ собою въ томъ же отношеніи.

О комедіи Эвполиса, который въ угодность современному вкусу и легкомыслию, выводилъ также на сцену сына Софронискова, почти не стоитъ и говорить; по тому что эта комедія не имѣла успѣха, а слѣдовательно и не могла быть обидною для нашего философа. При томъ Эвполисъ изображалъ Сократа, не какъ софиста, а какъ жалкаго изслѣдователя небесныхъ вещей, или что-то похожее на это. По крайней мѣрѣ такъ позволяютъ думать отрывки Эвполисова сочиненія у Рункелія (р. 175 sq) (1).

Остается еще опредѣлить время, когда написанъ Эвтидемъ. Въ самомъ разговорѣ почти нѣтъ ни какихъ признаковъ, по которымъ можно было бы угадать годъ его выхода изъ подъ пера Платонова. Шлейермахеръ, основываясь на словахъ (271 С): «изъ Туріоса ушли въ нашу сторону» заключаетъ, что бѣгство двухъ братьевъ случилось вмѣстѣ съ Лизіасомъ, слѣдовательно въ 2,92 олимпиады. Но въ Туріосѣ не разъ возникали народныя тревоги, враждебныя софистамъ. Не болѣе справедлива и мысль Пинзгера (2), который изъ словъ Платона на страницѣ 275 выводитъ догадку, что сочиненіе

(1) *Fritsch. quaest. Aristoph. P. 1. p. 217.*

(2) *Pinzgeri. specim. nov. edit. Euthydemii p. 10.*

разговора произошло будто бы прежде изгнанія Алкивіада, а именно въ 4,91 олимпіады. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Винкельмана, что Эвтидемъ написанъ послѣ смерти Протагора: по крайней мѣрѣ это подтверждается выраженіемъ Платона (р. 286. С.): «оно (умозаключеніе) было въ большомъ ходу у учениковъ Протагоровыхъ и еще прежде ихъ». Поелику же Протагоръ, по изслѣдованію Фререта (1) и Геелія (2), умеръ за 410 лѣтъ до Р. Х., то время написанія Эвтидема надобно относить къ 3,92 олимпіады. Впрочемъ и сего еще мало: кажется, этотъ разговоръ изданъ не ранѣе, какъ въ началѣ 94 олимп., когда Аристофанъ уже успѣлъ примириться съ Сократомъ, то есть, въ послѣдніе годы Сократовой жизни. Нашу мысль оправдываетъ и содержаніе и духъ всего сочиненія. По апологическому своему характеру оно могло имѣть особенную важность тогда, какъ враги Сократа уже успѣли распространить въ народъ самые невыгодные отзывы и о немъ и о его философіи, и такимъ образомъ приготавливали ему тюремное заключеніе и смерть: однакожь, въ разговоръ еще ни слова не говорится о тѣхъ людяхъ, которые оклеветали его уже по формѣ, предъ судіями.

(1) Memoir. de l'Academ. d. inscript. T. 47. p. 277-282.

(2) Histor. Sophistar. p. 70.

Сказавъ все, что по нашему мнѣнію, нужно было сказать для поясненія Эвтидема, мы смѣло можемъ повторить прежнюю свою мысль, что въ этомъ сочиненіи, отъ начала до конца, живо отражаются гениальный умъ и художническое чувство Платона. Всѣ части его, прекрасно обработанныя порознь, сведены въ одно гармоническое цѣлое и направлены къ одной общей цѣли, указанной въ началѣ нашего сужденія. Тѣмъ не пріятнѣе встрѣчать сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ въ подлинности сего разговора. И на чемъ основываются ихъ сомнѣнія? Во-первыхъ на томъ, что въ Эвтидемѣ не видно самаго Платона, а только раскрыты мысли Сократовой философіи; во-вторыхъ на томъ, что этотъ разговоръ заключаетъ въ себѣ много шутовскихъ выраженій и половицъ. Но вспомнимъ, что Платонъ писалъ его въ молодыхъ лѣтахъ, еще не успѣвъ развить оригинальной своей идеи, и излагалъ, думая не о себѣ, не о своемъ ученіи, а единственно о чести учителя, сильно колеблемой въ народномъ мнѣніи. Вспомнимъ и то, что онъ былъ превосходный мимикъ и, когда надлежало ввести въ свою бесѣду софистовъ, вводилъ ихъ съ свойственными имъ ухватками, поговорками, вкусомъ и нравами; а софисты, какъ извѣстно, были не слишкомъ разборчивы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. При томъ должно замѣтить, что во всякомъ сочиненіи непремѣн-

но бываютъ такія стороны, которыми оно поставляется въ ближайшую и исключительную связь съ характеромъ современной жизни, такъ что потомство ошиблось бы, если бы съ этихъ сторонъ вздумало оцѣнивать его собственнымъ своимъ взглядомъ.

Лица разговаривающія:

**КРИТОНЪ, СОКРАТЬ, ЭВТИДЕМЪ, ДИОНИСОДОРЪ,
КЛИНІАСЪ И КТЕЗИПЪ.**

Крит. Съ кѣмъ это, Сократъ, ты вчера 271 разговаривалъ въ Ликей? Вы окружены были такою толпою народа (1), что подошедши послушать васъ, я никакъ не могъ вслушаться въ предметъ вашего разсужденія; а когда приподнялся на пальцы, то мнѣ показалось, что съ тобою бесѣдовалъ какой-то иностранецъ. Кто онъ такой?

Сокр. О которомъ иностранецъ спрашиваешь ты, Критонъ? Тамъ былъ не одинъ, а два.

Крит. Тотъ, котораго я разумью, сидѣлъ третій по правую твою руку, а между вами— в. маленькой сынъ Аксіоха (2), который, на мой взглядъ, очень подросъ, такъ что по возрасту, какъ будто не многимъ отстаетъ отъ нашего Критувуда, только тотъ сухощавъ, а этотъ помонъ, красивъ и хорошъ лицомъ.

Сокр. Иностранецъ, о которомъ ты спрашиваешь, былъ Эвтидемъ, а по лѣвую руку возлѣ меня сидѣлъ братъ его, Діонисіодоръ, и также участвовалъ въ разговорѣ.

Крит. Я не знаю ни того, ни другаго, Сократъ.

Сокр. Обыкновенно, какіе-то новые софисты (3).

Крит. Откуда они? и въ чемъ состоитъ ихъ мудрость?

Сокр. Родомъ они, думаю, оттуда же, гдѣ и были, то-есть изъ Хіоса (4); потомъ переселились въ Туріосъ, а изъ Туріоса ушли въ нашу сторону и проживаютъ здѣсь уже много лѣтъ. Что же касается до мудрости, о которой ты спрашиваешь; то чудеса, Критонъ; они все знаютъ! До сихъ поръ я не понималъ, что такое всезнайка, а теперь—вотъ дивные атлеты! Это уже не Акарнанскіе братья (5), могучіе только тѣлесными силами; нѣтъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ—люди сильные и по тѣлу, въ такомъ родѣ боя, въ которомъ можно побѣждать всѣхъ (6), и въ которомъ они не только сами владѣютъ оружіемъ, но за известную плату согласны научить и другихъ тому же (7); люди сильные и въ судахъ, гдѣ лично подвизаются иставляютъ охотниковъ говорить и писать судебныя рѣчи. Но то ли еще? Доселѣ они были искусны только въ этомъ, а теперь уже вполне увнчали свое всепобѣдительное искусство; доселѣ по крайней мѣрѣ одинъ родъ борьбы оставался у нихъ необработаннымъ, а теперь и это такъ усовершено ими, что никто не въ состояніи и заикнуться. Вотъ сколь сильными сдѣлались

они въ устныхъ состязаніяхъ и въ опроверженіи всякой мысли, ложная ли она, или истинная! По сему я намѣреваюсь, Критонъ, вѣрить себя этимъ мужамъ; ибо они общаются въ короткое время научить всякаго тому же самому.

Крит. Какъ, Сократъ! развѣ не пугають тебя лѣта? Вѣдь ты уже старъ.

Сокр. Нисколько не пугають, Критонъ. Я имѣю достаточную и утѣшительную причину не бояться ихъ. Сами Эвтидемъ и Діонисіодоръ, можно сказать, уже въ старости начали учиться этой мудрости, сему вождѣльному для меня искусству состязаться. За годъ, или за два, они не знали его. Одного только боюсь: не подать бы случая издѣваться надъ этими иностранцами, такъ же какъ надъ Конномъ Митровійскимъ, цитристомъ, который доселѣ продолжаетъ учить меня на цитръ. Дѣти, со- товарищи мои въ его школѣ, смотря на насъ, и меня осмѣивають и Конна называютъ учителемъ стариковъ: какъ бы не подвергнуть и ихъ такому же поношенію. Да и не даромъ они не вдругъ соглашаются принять меня: можетъ быть сами боятся того же. Я уже подговорилъ нѣкоторыхъ стариковъ ходить вмѣ- стѣ со мною на уроки Конна: другихъ подговариваю посѣщать уроки Эвтидема и Діонисіодора. По чему бы и тебѣ, Критонъ, не быть моимъ товарищемъ (в)? А для приманки, поведемъ

дѣтей твоихъ: принимая ихъ, они будутъ учить и насъ.

Крит. Не мѣшайтъ, если тебѣ угодно, Сократъ. Но прежде скажи о мудрости этихъ людей, что бы знать, чему мы будемъ учиться у нихъ.

Сокр. Подожди, услышишь. Будто я и не могу сказать, какъ бы не понялъ ихъ: нѣтъ, я понялъ, помню и постараюсь пересказать тебѣ все съ начала. По внушенію какого-то бога, я сидѣлъ одинъ тамъ, гдѣ ты видѣлъ меня, то-есть, въ раздѣвальницѣ, и уже хотѣлъ встать, какъ вдругъ—обычное мнѣ знаменіе, геній (9), и я опять сѣлъ. Вскорѣ послѣ того вошли Эвтидемъ и Діонисіодоръ со множествомъ, какъ мнѣ показалось, учениковъ своихъ. Вошедши, они начали прохаживаться въ крытой галлерей и еще не сдѣлали двухъ, трехъ поворотовъ, какъ вошелъ Клиніасъ, который дѣйствительно очень подросъ, твое замѣчаніе справедливо, а за нимъ толпа пріятелей его и, между прочими, нѣкто Ктезиппъ Пеанійскій, прекрасный и добрый юноша по природѣ, но задорный по молодости. Клиніасъ, замѣтивъ при самомъ входѣ, что я сижу одинъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сѣлъ по правую мою руку, какъ самъ ты сказалъ. Діонисіодоръ и Эвтидемъ, увидѣвъ его, сперва остановились и разговаривали другъ съ другомъ, время отъ времени поглядывая на насъ,—а я внимательно наблюдалъ за ними;

ПОТОМЪ ПОДОШЛИ КЪ НАМЪ И ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ, Эвтидемъ, съмъ подлѣ мальчика, а другой подлѣ меня съ лѣвой руки, прочіе же—кому гдѣ случилось. Я поклонился имъ, такъ какъ и прежде по временамъ видался съ ними, потомъ обратившись къ Клиніасу, сказалъ: Клиніасъ! представляю тебѣ Эвтидема и Діонисіодора, мудрецовъ въ вещахъ не пустыхъ, а важныхъ. Они знаютъ все, относящееся къ войнѣ,—все, что нужно знать человѣку, желающему сдѣлаться искуснымъ полководцемъ, то-есть, какъ располагать и вестъ войско, какъ сражаться оружіемъ; они могутъ также научить, какъ помогать самому себѣ въ судахъ, въ случаѣ какой-нибудь обиды.—Когда я сказалъ это, Эвтидемъ и Діонисіодоръ обнаружили свое неудовольствіе; ибо, посмотрѣвъ другъ на друга, D. улынулись. Потомъ первый изъ нихъ приподвигъ: не этимъ уже мы серьезно занимаемся, Сократъ; такое занятіе у насъ только между дѣломъ. — О, такъ ваше дѣло, должно быть, очень важно, если подобное занятіе для васъ бездѣлка. Скажите же, ради боговъ, въ чемъ состоитъ оно? — Въ томъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ, чтобы какъ можно лучше и скорѣе преподать людямъ добродѣтель.—О Зевсъ, вскричалъ я, какое великое дѣло! Гдѣ вы нашли это Эрміево сокровище (10)? А я, право, думалъ о васъ такъ, какъ сей часъ же говорилъ, то-есть, что вы съ особеннымъ искусствомъ дѣйствуете оружі-

емъ (11). Помнится даже, что и сами вы, въ первое время прибытія къ намъ, объявляли о себѣ тоже. Но если теперь по истинѣ обладаете и этою наукою; то умиласердитесь (12): отъ души привѣтствую васъ, какъ боговъ, и прошу 274. у васъ прощенія въ прежнихъ словахъ своихъ. Впрочемъ смотрите, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, правду ли вы сказали? Вѣдь не удивительно не вѣрить, когда общаете такъ много.—Будь уврентъ, Сократъ, что правду, отвѣчали они.—Поздравляю же васъ съ такимъ приобрѣтеніемъ гораздо болѣе, чѣмъ великаго царя съ владычествомъ. Однакожъ скажите мнѣ: намѣрены ли вы объявить всѣмъ объ этой мудрости, или думаете какъ иначе?—Для того-то мы и пріѣхали сюда Сократъ, чтобы объявить о себѣ и учить, кто пожелаетъ учиться.—О, бьюсь объ закладъ, в. что всѣ пожелаютъ, кто не знаетъ вашего искусства! Вотъ я первый, потомъ Клиніасъ, а тамъ Ктезиппъ и всѣ эти; сказалъ я, указывая на друзей Клиніаса. А они уже очутились во кругъ насъ: ибо Ктезиппъ сперва сидѣлъ, кажется, далеко отъ Клиніаса; но когда Эвтидемъ, разговаривая со мною, наклонился впередъ, потому что между нами былъ Клиніасъ, и заслонилъ его отъ Ктезиппа; то Ктезиппъ, желая с. смотрѣть на своего друга и вмѣстѣ слушать разговоръ, первый вскочилъ съ своего мѣста и сталъ противъ насъ. Потомъ его примѣру последовали и другіе обычные пріатели Клиніаса

и друзья Эвтидема и Діонисіодора. На нихъ-то указаль я Эвтидему и примолвилъ, что всѣ они готовы учиться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ктезиппъ, такъ и прочіе изъявили сильное желаніе и въ одинъ голосъ просили его показать опытъ своей мудрости. D.

Тогда я сказалъ: Эвтидемъ и Діонисіодоръ! какъ хотите, а надобно и ихъ удовлетворить и для меня сдѣлать это. Показать себя во многомъ конечно не бездѣлица; но скажите мнѣ по крайней мѣрѣ: того ли только, кто убѣжденъ, что должно у васъ учиться, можете вы сдѣлать добрымъ человѣкомъ, или и того, кто еще не убѣжденъ, потому что вовсе не почитаетъ добродѣтели предметомъ науки, а васъ ея учителями? то-есть, къ вашему ли искусству, или къ иному какому-нибудь относится также знаніе убѣдить человѣка, что добродѣтель изучима и что вы именно тѣ люди, у которыхъ можно научиться ей (13) самымъ лучшимъ образомъ?—Точно къ нашему, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ.—По этому вы лучше, нежели кто-либо изъ современниковъ, можете расположить къ философіи и добродѣтели (14)?—Думаемъ, E. 275.

Сократъ.—Отложите же всѣ прочія разсужденія до другаго времени, сказалъ я; а теперь покажите себя только въ слѣдующемъ: доставьте мнѣ и всѣмъ присутствующимъ удовольствіе; убѣдите сего мальчика, что должно философствовать и любить добродѣтель; это ему

нужно. Я и прочіе, здѣсь находящіеся, сильно желаемъ, чтобы онъ былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ. Передъ вами сынъ Аксіоха, следовательно внукъ Алкивіада старшаго, и племянникъ того, который нынѣ здравствуетъ; имя его Клиніасъ (15). Такъ какъ онъ молодъ, то мы опасаемся, чтобы кто нибудь, предупредивъ насъ, не развратилъ его и не склонилъ мыслей его къ какому-нибудь другимъ предметамъ. По этому вы пришли весьма кстати. Если ничто не мѣшаетъ вамъ, позаботьтесь о мальчикѣ и побесѣдуйте съ нимъ въ нашемъ присутствіи.—Почти такъ говорилъ я.—На это Эвтидемъ рѣшительно и смѣло сказалъ: ничто не мѣшаетъ, Сократъ, лишь бы юноша согласился отвѣчать. — О, къ этому — то именно онъ и привыкъ, замѣтилъ я: друзья, то и дѣло, обращаются съ нимъ, часто спрашиваютъ его и заставляютъ разговаривать; следовательно въ отвѣтахъ онъ будетъ ввроятно смѣлъ.

Но въ состояніи ли буду я, Критонъ, хорошо пересказать тебѣ этотъ разговоръ? Дѣло не маловажное умѣть при повтореніи удержать такую безцѣнную мудрость (16). Приступая къ разсказу, не призвать ли и мнѣ на помощь Музы и Мнемосину (17), какъ призываютъ ихъ поэты?—Началъ Эвтидемъ, и помнится слѣдующимъ вопросомъ: Клиніасъ! Какіе люди обыкновенно учатся: умные, или невѣжды?—Ребенокъ, такъ какъ задача была трудна (18), покраснѣлъ.

и въ недоумѣннн посмотрѣлъ на меня; а я, видя, что онъ смѣшался, сказалъ: не робѣй, Клиніасъ, отвѣчай смѣло: то, или другое тебѣ **Е.** кажется? можетъ быть чрезъ это получишь великую пользу.—Въ ту же минуту Діонисіодоръ наклонился ко мнѣ почти на ухо съ комическою улыбкою, и молвилъ: предсказываю тебѣ, Сократъ, что какъ ни отвѣтитъ дитя, во всякомъ случаѣ будетъ обличено въ ошибку (19).—Между тѣмъ Клиніасъ уже отвѣчалъ, такъ что мнѣ болѣе не нужно было возбуждать его; да, онъ отвѣчалъ, что учатся умные.—А называешь ли ты кого-нибудь учителями? спросилъ Эвтидемъ, или не называешь?—Называю.—Но учителя не суть ли учителя тѣхъ, которые учатся, какъ напримѣръ, цитристъ и грамматистъ были твоими и другихъ дѣтей учителями, а вы ихъ учениками?—Согласился.—И вы, учась чему-нибудь, конечно прежде не знали того, чему учились?—Не знали.—И однакожь, не зная того, были умны?—Не такъ-то, отвѣчалъ онъ.— **В.** А если не умны, то невѣжды?—Правда.—И такъ, учась тому, чего не знали, вы учились невѣждами?—Мальчикъ согласился.—Значить, умные учатся невѣждами, а не умными, какъ ты думалъ, Клиніасъ?—Лишь только онъ сказалъ это, какъ всѣ послѣдователи Діонисіодора и Эвтидема дружно, будто хоръ по знаку капельмейстера (20), зарукоплескали и подняли стѣхъ. Потомъ, прежде нежели ребенокъ успѣлъ **С.**

- порядочно вздохнуть, Діонисіодоръ обратился къ нему и сказалъ: а что, Клиніасъ какъ скоро грамматистъ говорить что-нибудь, которые дѣти разумѣютъ слова его: умные или невѣжды? — Умные, отвѣчалъ Клиніасъ. — Следовательно учатся умные, а не невѣжды, и ты неправильно сей часъ отвѣчалъ Эвтидему. —
- Послѣ сего-то уже слишкомъ много смѣялись
- D. и шумѣли почитатели софистовъ, сорадуясь ихъ мудрости; а мы, какъ оглушенные, молчали. Замѣтивъ наше смущеніе, Эвтидемъ соби-
рался еще болѣе удивить насъ, не давалъ ребенку отдыха и продолжалъ спрашивать, какъ хорошій орхистъ, предлагая сугубые вопросы объ одномъ и томъ же предметѣ (21). — А что, Клиніасъ, сказалъ онъ: учащіяся тому ли учатся, что знаютъ, или тому, чего не знаютъ? — Въ ту же минуту Діонисіодоръ опять прошепталъ
- E. мнѣ: Сократъ! вѣдь и это такая же штука, какъ прежняя. — О Зевсъ! отвѣчалъ я, да и первый-то вопросъ дѣлаетъ вамъ по истинѣ много чести. — У насъ всѣ равно неизбѣжны, сказалъ онъ. — По этому вы, думаю, пользуетесь высокимъ мнѣніемъ у своихъ учениковъ? — Между тѣмъ Клиніасъ отвѣчалъ Эвтидему, что учащіяся учатся тому, чего не знаютъ. — Какъ же такъ, спросилъ его Эвтидемъ по прежнему?
277. Знаешь ли ты буквы? — Знаю, сказалъ онъ. — Всѣ знаешь? — Всѣ. — Но когда человекъ говорить что-нибудь, развѣ не буквы онъ говоритъ? —

Согласился.—И поблику ты знаешь всѣ буквы, то онъ говорить то, что ты знаешь?—И въ этомъ согласился.—Чтожь теперь? сказалъ онъ; значить, не ты учишься, когда что-нибудь говорить, а тотъ, кто не знаетъ буквы?—Такъ; однакожь я учусь.—Но ты учишься тому, что знаешь, если только знаешь всѣ буквы.—**Правда.**—Слѣдовательно ты неправильно отвѣчалъ, сказалъ онъ.—Эвтидемъ еще не успѣлъ порядочно кончить своего заключенія, какъ Дюнисиодоръ перехватилъ рѣчь его, будто мячъ, и опять попалъ на дитя.—Клиніасъ! сказалъ онъ, Эвтидемъ обманываетъ тебя. Скажи мнѣ: учиться не значить ли пріобрѣтать познаніе о томъ, чему кто учится?—Клиніасъ согласился.—А познать, не тоже ли, что имѣть уже познаніе?—Подтвердилъ.—Слѣдовательно, не знать, все равно, что не имѣть познанія?—**Конечно.**—Но кто получаетъ что-нибудь? тотъ ли, кто имѣеть, или кто не имѣеть?—Кто не имѣеть.—А ты согласился, что не знающіе принадлежать къ числу людей не имѣющихъ?—Согласился.—По этому, учащіеся принадлежать къ числу людей получающихъ и не имѣющихъ?—Такъ.—Слѣдовательно учатся, Клиніасъ, не тѣ, которые знаютъ, а тѣ, которые не знаютъ.

Послѣ сего Эвтидемъ стремился было, какъ борець, и въ третій разъ низпровергнуть мальчика⁽²³⁾: но я, видя, что ребенокъ совсемъ поги-

баеть, и боясь, чтобы онъ вовсе не оробѣлъ, рѣшился помочь его горю утѣшеніемъ. Не удивляйся, Клиніасъ, сказалъ я, если такой разговоръ кажется тебѣ необычайнымъ. Можетъ быть ты не замѣчаешь, что эти иностранцы дѣлають съ тобою то самое, что бываетъ въ таинствахъ Коривантовъ, которые, приступая къ посвященію адепта, сажаютъ его на престолъ (23). Если ты бывалъ посвящаемъ; то знаешь, что сей обрядъ начинается плясками и шутками: точно такъ же теперь пляшуть вокругъ тебя и шутятъ, подобно орхистамъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, чтобы потомъ ты могъ быть посвященъ. И такъ въ эти минуты представляй себѣ начала софистическихъ церемоній. Продикъ же говоритъ, что сперва должно уразумѣть истинное значеніе именъ: вотъ иностранцы и показали тебѣ, что ты не знаешь, какъ люди употребляютъ слово учиться (*μανθάνειν*). Они называютъ симъ словомъ во-первыхъ то, когда человекъ, не имѣвъ прежде никакого познанія объ извѣстномъ предметѣ, наконецъ узнаеть его, во-вторыхъ то, когда онъ, уже приобрѣтши познаніе о немъ, съ помощію его разсматриваетъ тотъ же самый предметъ, какъ скоро его дѣлають, или о немъ разсуждаютъ. Хотя конечно въ этомъ случаѣ чаще употребляется глаголъ бесѣдовать (*συζητεῖν*), чѣмъ учиться; однакожь иногда говорятъ и учиться. (*μανθάνειν*). Да, Клиніасъ, ты забылъ, какъ показали тебѣ

Эвтидемъ и Діонисіодоръ, что упомянутое названіе принимается у людей въ противорвчущихъ значеніяхъ; то-есть, прилагается и къ знающему и къ незнающему. Почти тоже самое и во второмъ предложенномъ тебѣ вопросѣ: Что познають? — то ли, что знаютъ, или то, чего не знаютъ? Такіе-то уроки я называю **В.** шутками, и говорю, что съ тобою дѣйствительно шутили. А шутки это по тому, что если бы кто-нибудь узналъ и всѣ подобныя вещи, то все еще не зналъ бы, каково самое дѣло. Шутить можно съ людьми, подставляя имъ различныя значенія словъ, какъ ногу, чтобы они споткнулись и упали, или, когда кто хочетъ сѣсть, отдвигая сзади скамейку, чтобы позабавиться и посмѣяться, какъ онъ опроки- **С.** нется на спину. Думай же, что эти господа подобнымъ образомъ шутятъ и съ тобою, и что послѣ сего уже серьезно раскроютъ тебѣ дѣло (24): а я между тѣмъ попрошу ихъ исполнить обѣщаніе; ибо они обѣщались показать расположительную свою мудрость, но видно признали нужнымъ начать шуткою. И такъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, вы досель шутили **D.** и можетъ быть уже довольно нашутились. Теперь, постарайтесь, убѣдить мальчика, что должно любить мудрость и добродѣтель. Впрочемъ, я сперва выскажу вамъ, какъ это понимаю, чего хочу отъ васъ, и если покажусь невѣждою въ этомъ отношеніи, не смѣйтесь

надо мною; ибо только жажда вашей мудрости возбуждаетъ во мнѣ смѣлость лепетать предъ
 Е. вами. Удержитесь же отъ смѣха, слушая меня, вы и ученики ваши; а ты, сынъ Аксиоха, отвѣчай.

Точно ли всѣ люди желаютъ себя успѣховъ?—Но можетъ быть такой вопросъ есть одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ, которыхъ теперь я такъ боюсь? Можетъ быть глупо и спрашивать объ этомъ? ибо кто не желаетъ себя успѣха?—Конечно нѣтъ такихъ, отвѣчалъ
 279. Клиніасъ.—Положимъ, сказалъ я; но далѣе-то: Желая себя успѣха, какимъ образомъ дѣйствительно достигнуть его? не такъ ли, чтобъ получить много добра? Или можетъ быть этотъ вопросъ еще глупѣе прежняго? ибо дѣло и само по себѣ ясно.—Безъ сомнѣнія.—Пусть такъ; но между всѣми вещами, что называется добромъ? Или можетъ быть и это найти (тѣ) столь же легко, и не требуетъ усилій порядочнаго человека? Можетъ быть всякій скажетъ, что добро есть богатство? Не правда ли?—Правда, отвѣчалъ Клиніасъ.—Что оно состоитъ также въ здоровьѣ, красотѣ и прочихъ тѣлесныхъ достоинствахъ?—Согласился.—Но
 В. вѣдь и благородство, и сила, и почести въ отечествѣ, не менѣе добро?—Конечно.—А нѣтъ ли и еще чего-нибудь добраго? на примѣръ, быть разсудительнымъ, справедливымъ, мужественнымъ? Скажи, ради Зевса, Клиніасъ: тогда

ли мы были бы правы, когда бы почитали это добромъ, или тогда, когда не почитали бы? Можетъ быть иные недоумѣваютъ касательно сего предмета, а ты какъ думаешь?—Я почитаю это добромъ, отвѣчалъ Клиніасъ.—Хорошо; но къ какому классу отнести мудрость? къ добру, или къ чему другому?—Къ добру.—Подумай-ка, с. не забыли ли мы и еще о какомъ-нибудь добрѣ, стоящемъ замѣчанія?—Кажется не забыли, отвѣчалъ Клиніасъ.—Тогда я, какъ будто припоминая что-то, сказалъ: охъ нѣтъ, вѣянуся Зевсомъ, мы пропустили величайшее изъ всѣхъ благъ.—Какое же это, спросилъ онъ? — Благополучіе, Клиніасъ, которое всѣ, даже и самые плохіе люди называютъ величайшимъ добромъ.—Ты правъ.—Потомъ опять одумавшись, я сказалъ: а вѣдь мы, я и ты, сынъ Аксіоха, не много смѣшны въ глазахъ этихъ иностранцевъ?—По-чему же, спросилъ онъ?—По тому, что упомянувъ о благополучіи прежде, теперь снова говорить о немъ.—Какъ же такъ?—Да такъ, смѣшно полагать въ другой разъ то, что было уже положено (26), и говорить объ одномъ и томъ же дважды.—Что ты разумѣешь тутъ?—Послушай, сказалъ я: мудрость есть благополучіе; это извѣстно и ребенку.—Клиніасъ удивился, по тому что еще слишкомъ молодъ и несмышленикъ; а я, замѣтивъ его удивленіе, спросилъ: развѣ ты не знаешь, что флейщики, въ отношеніи къ играмъ на флейтѣ, суть люди самые E.

благополучныя?—Знаю.—Тоже должно сказать и о грамматистахъ въ отношеніи къ искусству читать и писать?—Безъ сомнѣнія.—Чтожь теперь? Говоря вообще, считаешь ли ты кого-нибудь благополучнѣе кормчаго во время морской бури?—Нѣтъ.—А во время войны, съ кѣмъ бы ты охотнѣе согласился раздѣлять судьбу: съ мудрымъ полководцемъ, или съ немудрымъ?—280. Съ мудрымъ.—Во время болѣзни, кому бы охотнѣе ввѣрился: мудрому врачу, или глупому?—Мудрому.—По сему, гораздо благополучнѣе имѣть дѣло съ мудрымъ, чѣмъ съ невѣждою?—Конечно.—Слѣдовательно мудрость вездѣ дѣлаетъ людей благополучными; съ нею никто не ошибается, но всѣ поступаютъ правильно и удачно: иначе она не была бы и мудростію. Такимъ образомъ въ главномъ мы наконецъ, не знаю какъ-то, согласились, то-есть, заключили, что кто обладаетъ мудростію, тотъ не имѣетъ нужды въ благополучіи. А когда согласились въ этомъ; то я спросилъ Клиніаса и о другихъ, прежде допущенныхъ положеніяхъ. Допустили ли мы, сказалъ я, что человекъ бываетъ счастливъ и получаетъ успѣхъ въ дѣлахъ своихъ, какъ скоро у него много добраго.—Допустили.—Но настоящія блага тогда ли составляютъ наше счастье, когда онъ полезенъ намъ, или, когда не полезенъ?—Когда полезенъ.—Полезны ли онъ, когда мы только имѣемъ ихъ, а не употребляемъ? На примѣръ, полезно ли имѣть

много пищи и не ѣсть, много питья и не пить?—Вовсе нѣтъ. — Вообрази же теперь, что художники приобрѣли все нужное для каждой части своей работы, и однакожь не употребляютъ приобретеннаго: счастливы ли они чрезъ то, что у нихъ есть все нужное для художника? Представь напримѣръ, что плотникъ приобрѣлъ всѣ инструменты и нужныя деревья, а ничего не строитъ: полезно ли ему это приобретение?—Ни мало.—Чтожь теперь? Кто приобрѣлъ богатство и всѣ другія блага, о которыхъ мы недавно упоминали, а не употребляетъ ихъ; тотъ счастливъ ли чрезъ приобретение сихъ благъ?—Нѣтъ, Сократъ.—Слѣдовательно, кто хочетъ быть счастливымъ; тому надобно не только приобрести эти блага, но и употреблять ихъ, если одно приобретение не приноситъ ни какой пользы (27).—Правда.—И такъ, для счастья человека, Клиніасъ, необходимо какъ приобретение благъ, такъ и употребленіе ихъ.—Кажется.—Но употребленіе правильное, спросилъ я, или и неправильное?—Правильное. — Ты хорошо такъ отвѣчаешь (28); ибо, по моему мнѣнію, гораздо вреднѣе употреблять ихъ неправильно, чѣмъ вовсе не употреблять: первое худо, а послѣднее ни худо, ни хорошо. Правду ли я говорю?—Правду.—Но при обработкѣ деревьевъ, можетъ ли что другое содѣйствовать правильному употребленію ихъ, кромѣ знанія, свойственнаго плотнику?—Ничто. — Не знаніе ли

D.

E.

281.

также содѣйствуетъ правильной выдѣлкѣ сосудовъ?—Конечно.—А для того, сказалъ я, чтобы правильно употребляемы были все прежде упомянутыя нами блага, то-есть, богатство, здоровье и красота, знаніе ли должно сообщать направленіе дѣятельности, или что другое?—

- В.** Знаніе, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно знаніе, какъ видно, доставляетъ людямъ, при всякомъ приобрѣтеніи и дѣйствіи, не только благополучіе, но и успѣхъ въ работѣ?—Конечно.—И такъ скажи, ради Зевса: есть ли какая-нибудь польза изъ всѣхъ приобрѣтеній (39), безъ разсудительности и мудрости? Полезно ли человеку многое приобрѣтать и многое дѣлать, когда въ немъ нѣтъ ума, или полезнѣе немногое съ умомъ? Притомъ смотри: не менѣе ли грѣшить, кто менѣе дѣлаетъ? не менѣе ли производитъ зло, кто менѣе грѣшить? не менѣе ли бѣдствуетъ, кто менѣе производитъ зло?—Безъ сомнѣнія.— Но кто преимущественно менѣе можетъ дѣлать: бѣдный или богатый?—Бѣдный, отвѣчалъ онъ.— Слабый или сильный?—Слабый.— Въ честахъ, или безъ честей?—Безъ честей.— Мужественный и разсудительный, или робкій?—Робкій.— Слѣдовательно, менѣе также лѣнивый, чѣмъ дѣятельный?—Разумѣется.— Менѣе медленный, чѣмъ быстрый? и менѣе тотъ, кто имѣетъ тупое зрѣніе и слухъ, чѣмъ тотъ, у кого чувства
- Д.** остры? — Во всемъ этомъ мы согласились, — Значить, все вообще блага, о которыхъ мы

говорили, Клиніасъ, надобно понимать не такъ, что онъ блага самъ по себѣ, но, какъ видно, слѣдующимъ образомъ: Если управляетъ ими невѣжество; то онъ бывають большимъ зломъ, чѣмъ противоположное имъ, по тому что могутъ успѣшнѣе служить злему началу, которое управляетъ ими. Если же напротивъ онъ находится подъ властію разсудительности и мудрости; то становятся тѣмъ большимъ добромъ. А сами по себѣ не стоятъ ни того ни другаго названія. — Кажется въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь. — Что же теперь остается заключить изъ нашихъ словъ? Не то ли, что нѣтъ ни чего ни добраго ни злаго, что одна мудрость добро, и одно невѣжество зло? — Конечно. — Разсмотримъ же остальное, сказалъ я. Всѣ мы 282. сильно желаемъ быть счастливыми; а счастье для насъ возможно, какъ явствуетъ, подъ условіемъ не только употребленія, но еще вѣрнаго употребленія вещей; вѣрное же употребленіе нѣтъ и успѣхъ доставляются знаніемъ; слѣдовательно каждый человекъ необходимо долженъ всѣми силами приготавливать себя къ тому, что бы быть мудрымъ. Не такъ ли? — Такъ, сказалъ онъ. — Значитъ, кто думаетъ, что гораздо выгоднѣе, чѣмъ деньги, получать мудрость и отъ отца и отъ наставниковъ, и отъ друзей вообще, и отъ тѣхъ, которые свидѣтельствуютъ имъ любовь свою, и отъ иностранцевъ, и отъ праведныхъ; кто проситъ, умоляетъ надѣлать себя

★

- мудростию: для того не стыдно и не безчестно, Клиніасъ, ради сего приобрѣтенія, повиноваться и служить, какъ любящему его человѣку, такъ и другимъ, и быть готовымъ ко всякому должному послушанію, лишь бы кто искренно желалъ сдѣлать его мудрымъ. Или, можетъ быть, тебѣ иначе кажется, спросилъ я?—Нѣтъ, мнѣ кажется, что ты говоришь правду, отвѣчалъ онъ. — Да, Клиніасъ, если только можно
- C. учить мудрости, если она не сама собою достается людямъ; ибо это еще требуетъ изслѣдованія, и наши мнѣнія въ семъ отношеніи еще не извѣстны.—Но мнѣ думается, Сократъ, что мудрости учить можно, примолвилъ онъ. — Прекрасно сказано, лучший изъ мужей (30), отвѣчалъ я обрадовавшись; ты хорошо дѣлаешь, что избавляешь меня отъ долгихъ изслѣдованій вопроса: можно ли учить мудрости, или нельзя? Если же она, по твоему мнѣнію, изучима, и одна въ состояніи доставить человѣку счастье и успѣхи; то не почеешь ли ты нужнымъ
- D. философствовать о ней? и не устремишься ли своею мыслию къ приобрѣтенію ея?—Конечно, Сократъ, отвѣчалъ онъ, и сколько возможно болѣе.

Выслушавъ это съ радостію, я сказалъ: Вотъ образецъ разположительной бесѣды, какой мнѣ хотѣлось бы, Діонисіодоръ и Эвтидемъ. Она конечно не искусственна и утомительна своею растянутостію: но пусть ктонибудь изъ

васъ потрудитя изложить ее по правиламъ искусства. А когда вамъ не угодно, раскройте сему ребенку по крайней мѣрѣ то, что я оставилъ безъ изслѣдованія, то-есть, долженъ ли Е. оне стараться приобрѣсть всякое знаніе, или какое-нибудь одно, которое сдѣлало бы его человекомъ счастливымъ и добрымъ, и въ чемъ состоитъ оно; ибо я съ самаго начала говорилъ вамъ, что для насъ весьма важно видѣть сего юношу мудрымъ и добрымъ. Сказавъ это, 283. Критонъ, я сильно желалъ знать, что будетъ далѣе; и ожидалъ, какимъ образомъ они приступятъ къ слову и съ чего начнутъ свои наставленія, долженствовавшія расположить юношу къ мудрости и добродѣтели. Вотъ старшій изъ нихъ, Діонисіодоръ, первый открылъ бесѣду; а мы смотрѣли на него съ надеждою тотчасъ услышать какую нибудь дивную рѣчь: да и не обманулись; ибо этотъ человекъ началъ въ самомъ дѣлѣ удивительное слово, и тебѣ, Критонъ, стоитъ выслушать его, чтобы судить, какъ оно возбуждаетъ къ добродѣтели. В.

Діонисіодоръ сказалъ: Отвѣчайте мнѣ, Сократъ и всѣ другіе, желающіе, чтобы сей юноша сдѣлался мудрымъ: шутя вы говорите это, или желанія ваши истинны, отъ души? — Тутъ мнѣ пришло на мысль, что прежнія наши слова, которыми мы просили ихъ разговаривать съ юношею, вѣроятно, приняли они за шутку, а по тому и сами шутили, ни-

- С. сколько не заботясь о рвчи серьезной. Подумавъ это, я отвѣчалъ еще рѣшительнѣе прежняго, что мы отнюдь не шутимъ. — Смотри, Сократъ, продолжалъ Діонисіодоръ, чтобъ послѣ не отказываться отъ теперешнихъ словъ своихъ. — Я уже смотрѣлъ, и вѣрно не откажусь. — И такъ что же? Вы сказали, что хотите видѣть Клиніаса мудрымъ? — И очень. — А теперь онъ мудръ, или нѣтъ? — Говорить, что еще нѣтъ видишь, онъ нехвастливъ. — Значить, вамъ угодно, чтобъ онъ сдѣлался мудрымъ и не былъ невѣждою? — Мы согласились. — Следовательно, вы желаете, чтобъ онъ сдѣлался тѣмъ, что теперь не есть (31), и не былъ тѣмъ, что теперь есть. — Услышавъ это, я смѣшался, а Діонисіодоръ между тѣмъ продолжалъ: — Но желая, чтобъ онъ не былъ тѣмъ, что теперь есть, вы, кажется, хотите, чтобъ онъ погибъ. О, ты друзья и пріятели весьма драгоценны, которые болѣе всего желаютъ гибели любимому своему юношѣ. — Услышавъ это, Ктезиннъ разсердился за своего друга и вскричалъ: Турійскій иностранецъ! Если бы не было невѣжливо, я сказалъ бы тебѣ: возьми на свою голову (32) то дѣло, которое ты вздумалъ налагать на меня и на другихъ. Объ этомъ и говорить преступно: ну, могу ли я желать Клиніасу гибели? — Какъ, Ктезиннъ? возразилъ Эвтидемъ: развѣ по твоему мнѣнію, можно лгать (33)? — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, если только я не сошелъ съ ума.

— Но кому же можно: тому ли кто говорить о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, или тому, кто не говоритъ? — Тому, кто говоритъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь говорящій о дѣлѣ конечно го- 284.
ворить не о другомъ какомъ-нибудь существѣ, а о томъ, что онъ говоритъ. — Какъ же иначе? — И дѣло, о которомъ говорится, ввроятно есть сущее одно само по себѣ, отличное отъ другаго? — Безъ сомнѣнія. — По сему говорящій объ немъ, говоритъ о сущемъ? — Правда. — Но говорящій о сущемъ, говоритъ истину. Следовательно, и Діонисіодоръ, поколику онъ говоритъ о сущемъ, говоритъ истину и нисколько не лжетъ на тебя? — Такъ, сказалъ Ктезинпъ: но кто говоритъ объ этомъ, Эвтидемъ; тотъ говоритъ не о сущемъ. — Да не сущее развѣ не то, B.
чего нѣтъ? — Конечно то, чего нѣтъ. — И не сущее ни какъ не можетъ быть сущимъ? — Ни какъ. — А можно ли трудиться надъ тѣмъ, что не существуетъ? напримеръ, могъ ли бы кто-нибудь сдѣлать Клиніасу то, чего вовсе нѣтъ? — Не думаю, отвѣчалъ Ктезинпъ. — Какое же отсюда сгладствіе? Ораторы, говоря въ народу, неуспѣли не трудятся? — Нѣтъ, трудятся. — А когда трудятся, то и дѣлаютъ? — Конечно. — По этому говорить, значитъ трудиться и дѣлать? — C.
Согласился. — Следовательно никто не говоритъ о томъ, чего нѣтъ; ибо иначе можно было бы и дѣлать то, чего нѣтъ. А ты уступилъ, что не сущаго дѣлать нельзя; значитъ, по твоимъ

же словамъ, и лгать нельзя. И такъ все, что говоритъ Діонисіодоръ, есть истинное и сущее.— Но ради Зевса, Эвтидемъ, сказалъ Ктезиппъ: положимъ, онъ говоритъ о сущемъ; да говоритъ-то не такъ, какъ оно есть. — Что ты, Ктезиппъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ можно найти кого-нибудь, кто говорилъ бы о вещахъ, какъ онъ суть? — Конечно; таковы все честные, добрые и правдивые люди (34). — Но не правда ли, что хорошее хорошо, а худое худо? — Правда. — И ты соглашаешься, что честные и добрые люди говорятъ о вещахъ, какъ онъ суть? — Соглашаюсь. — Но если добрые люди, Ктезиппъ, говорятъ о вещахъ, какъ онъ суть: то о худомъ говорятъ безъ сомнѣнія худо? — Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, особенно о худыхъ людяхъ (35), къ которымъ ты, если хочешь меня послушать, берегись присоединяться, чтобы добрые, говорящіе, какъ тебѣ извѣстно, о худыхъ худо, не заговорили и на твой счетъ такъ же. — По этому о великихъ людяхъ, продолжалъ Эвтидемъ, говорятъ они величественно, а о горячихъ горячо? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ктезиппъ, равно какъ о холодныхъ говорятъ и велятъ говорить холодно (36). — А, ты бранишься, Ктезиппъ, сказалъ Діонисіодоръ, ты уже бранишься! — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ; я люблю тебя, Діонисіодоръ; но прошу, какъ друга, чтобы ты никогда не говорилъ мнѣ подобныхъ грубостей, будто я хочу поги-

белн тѣхъ людей, которые для меня весьма дороги.

Замѣчая, что они болѣе и болѣе раздражаются другъ противъ друга, я обратился къ Ктезиппу и шутливымъ тономъ сказалъ: Ктезиппъ! кажется, мы должны принять отъ иностранцевъ все, что они говорятъ, лишь бы только имъ угодно было сообщить намъ свое знаніе. Не будемъ спорить о словахъ. Если они умѣютъ губить людей такъ, что изъ худыхъ и неразумныхъ дѣлаютъ ихъ хорошими и благо-разумными—какая нужда, сами ли они изобрели, или у кого другаго изучили это разру- V. шительное и губительное искусство, посредствомъ котораго человѣкъ умираетъ худымъ, а возраждается хорошимъ—если они обладаютъ симъ искусствомъ (а безъ сомнѣнія обладаютъ, ибо сами объявили, что недавно открыто ими средство дѣлать людей добрыми изъ худыхъ); то согласимся съ ними. Пусть они убьютъ намъ это дитя и чрезъ то сдѣлаютъ его благо-разумнымъ; пусть убьютъ и всѣхъ насъ. Но можетъ быть вы, люди молодые, пугаетесь? въ такомъ случаѣ пусть они сдѣлаютъ свой опытъ надо С, мною, какъ будто надъ Карійцемъ (37): я уже старъ, готовъ отважиться и ввериться Діонисіодору, какъ Колхидской Медеѣ (38). Пусть они убьютъ меня, даже, если угодно, сварятъ, и дѣлаютъ все, что хотять, лишь бы мнѣ переродиться въ человѣка добраго.—На мои слова Ктезиппъ

отвѣчалъ: И я также, Сократъ, готовъ отдаться въ волю иностранцевъ: пусть они, если угодно, дерутъ съ меня кожу больше, чѣмъ теперь, лишь бы только изъ ней вышелъ не жукъ, какъ изъ Марсіасовой (30), а добродѣтель. Діонисіодоръ, кажется, думаетъ, что я сержусь на него: нѣтъ, я не сержусь, а только противорѣчу тому, что, по моему мнѣнію, не хорошо сказали онъ на меня. Противорѣчія, благороднѣйшій Діонисіодоръ, ты не называй бражью; бражка есть нѣчто другое.

Какъ, Ктезинпъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ словами можно противорѣчить?—Конечно, отвѣчалъ онъ; и очень можно. А тебѣ кажется, что противорѣчій не бываетъ?—Но ты, думаю, не докажешь, что когда нибудь слыхалъ, какъ одинъ противорѣчитъ другому?—Правда, отвѣчалъ онъ: однако ты слышишь теперь же, какъ я доказываю, что Ктезинпъ противорѣчитъ Діонисіодору. — И ты представишь мнѣ основаніе противорѣчія?—Конечно.—Какое же? продолжалъ онъ: вѣдь можно говорить о всякой вещи?—Можно.—Какъ она есть, или какъ не есть?—Какъ есть. — Ибо помнишь, Ктезинпъ, мы недавно доказали, что никто не говоритъ о не существѣ: о *нѣтъ* и *рвчи нѣтъ*. — Такъ чтожь? сказалъ Ктезинпъ: развѣ чрезъ это мы меньше противорѣчимъ другъ другу?—Но когда оба мы знаемъ дѣло; то будемъ ли противорѣчить одинъ другому, или станемъ говорить одно и

ложь?—Одно и то же.—А когда некоторый изъ насъ не знаетъ дѣла, то начнемъ ли мы взаимно себя противорѣчать въ отношеніи къ нему, или можете быть и не вспомнить объ немъ?—Кто- B.
 зиннъ и съ этимъ согласился.—Наконецъ, когда бы я говорилъ объ одномъ дѣлѣ, а ты о другомъ; то было ли бы между нами противорѣчье? Или, когда я говорилъ бы о какой-нибудь вещи, а ты вовсе не говорилъ бы о ней: не говорящій противорѣчитъ ли говорящему (40)?—Ктезиннъ замолчалъ; а я, удивившись речамъ Діонисіодора, спросилъ его: Какъ это, Діонисіодоръ? Я уже отъ многихъ и часто слыхалъ твое умозаключеніе, но не перестаю удивляться. C.
 Оно было въ большемъ ходу у учениковъ Протагора (41) и еще прежде ихъ (42), но мнѣ всегда представлялось страннымъ, по тому что какъ будто опровергало и другія положенія и само себя. Надюсь, что ты, любезнѣйшій, получишь раскрыть мнѣ истину. Точно ли невозможно говорить ложь? вѣдь это, кажется, сила речей? не такъ ли? то-есть говорящій, или говоритъ правду, или вовсе не говоритъ?—Согласился.— Но можете быть нельзя только говорить ложь, D.
 а думать можно?—И думать нельзя, сказалъ онъ.—Значить, вовсе не бываетъ ложнаго мнѣнія?—Не бываетъ.—По этому нѣтъ ни невѣжества, ни невѣжды? ибо невѣжество, если бы оно было, состояло бы въ прагматической лжи.—Конечно.—Но этого нѣтъ, спросилъ я?—

- Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь, Діонисіодоръ, ты говоришь для того ли только, чтобы говорить и сказать нѣчто необыкновенное, или въ самомъ дѣлѣ думаешь, что между людьми
- Е. нѣтъ ни одного невѣжды? — Твое дѣло опровергнуть меня, отвѣчалъ онъ. — А развѣ, по твоему мнѣнію, можно опровергать, когда нѣкто не лжетъ? — Нельзя, сказалъ Эвтидемъ. — Я и не требовалъ опроверженія, отвѣчалъ Діонисіодоръ; ибо какъ требовать того, чего нѣтъ? — О Эвтидемъ! такія мудрыя и прекрасныя вещи я что-то не довольно понимаю; но вотъ скоро какъ-нибудь выразумѣю ихъ и, можетъ быть, скажу тебѣ нѣчто посильнѣе (43): тогда извини меня.
287. Смотри же: нельзя ни лгать, ни ложно мыслить, ни быть невѣждою, а потому ни ошибаться въ поступкахъ; ибо кто дѣлаетъ, не можетъ ошибиться въ томъ, что дѣлаетъ. Не такъ ли говорите вы? — Такъ, отвѣчалъ онъ. — Вотъ же сильный вопросъ, сказалъ я: если мы не ошибаемся ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ мысляхъ, если все это справедливо; то, ради Зевса, чѣмъ же слывете вы учителями? Развѣ не объявили вы недавно, что лучше всякаго человѣка преподаете добродѣтель каждому, кто хочетъ учиться? — Ты, Сократъ, настоящій Броносъ (44), подхватилъ Діонисіодоръ, если припоминаешь, что мы говорили прежде, повторилъ бы все, что сказалъ я за годъ, а не знаешь, какъ привязаться къ тому, что говорится теперь. —

Да теперешнее-то видишь, трудно (45), отвѣчалъ я, конечно потому, что сказано мудрецами; вотъ и въ послѣднихъ словахъ твоихъ очень трудно поймать тебя. Не самъ ли ты говоришь, Діонисіодоръ, что я не могу привязаться къ нимъ? а это не значитъ ли, что мнѣ не опровергнуть ихъ? Или, можетъ быть, твое выраженіе: я не знаю, какъ привязаться къ нимъ, имѣетъ (*ἔννοια*) другой смыслъ? — Но и къ тому что ты говоришь, столь жетрудно привязаться. Однакожь, отвѣчай мнѣ. — Какъ? Не дождавшись твоего отвѣта, Діонисіодоръ, сказалъ я? — Ты не отвѣчаешь? — Такъ и должно быть. — Конечно такъ должно быть, прибавилъ онъ. — А почему, спросилъ я? видно по тому, что ты пришелъ къ намъ, какъ всесвѣтнѣйшій мудрецъ въ словѣ, знающій, когда должно отвѣчать, когда нѣтъ; и теперѣ не отвѣчаешь, зная, что отвѣчать не должно? — Ты болтаешь, а не думаешь объ отвѣтахъ, сказалъ онъ. Послушайся, добрый человекъ, и отвѣчай: вѣдь самъ же признаешь меня мудрецомъ. — Кажется, необходимость велитъ послушаться; ибо твоя власть. Ну спрашивай. — Что мыслить, спросилъ онъ: то ли, въ чемъ есть душа, или то, что бездушно? — То, въ чемъ есть душа. — А знаешь ли ты какое-нибудь выраженіе, въ которомъ была бы душа? — Клянусь Зевсомъ, что не знаю. — Почему же ты недавно спрашивалъ, какой смыслъ имѣетъ (*νοοῖ*) (46) мое выраженіе? — Конечно по

E.

- ставила меня ошибиться. Или, можетъ быть, я не ошибся? можетъ быть и правда, что выраженія мыслить? Какъ ты думаешь: ошибся я или нѣтъ? Если не ошибся; то ты не опровергнешь меня и, не смотря на свою мудрость, не сумѣешь привязаться къ слову: а если ошибся, то ты не правду утверждаешь, будто нельзя
288. ошибаться. И это относится уже не къ тому, что сказано было тобою за годъ. Такъ-то, Діонисодоръ и Эвтидемъ, продолжалъ я, такая мудрость всегда въ одномъ состояннн: она и теперь еще, какъ въ древности, низвергая другія мнѣннн, и сама падаетъ съ ними; и ваше искусство, не смотря на столь дивный подборъ словъ, досель не нашло средства вывести ее изъ сего состояннн. — Послѣ того Ктезиппъ сказалъ: Что за странныя вещи говорите вы, мужи Турійскіе, Хіосскіе, или какіе еще, — какіе именемъ угодно вамъ называться, — вы, которымъ сумабродствовать ничего не стоитъ! — Опасаясь, чтобы между ими не произошло ссоры, я снова остановилъ Ктезиппа и сказалъ: Ктезиппъ! Считаю нужнымъ и тебѣ напомнить тоже самое, что напоминалъ Клиніасу: ты не знаешь, сколь удивительна мудрость этихъ иностранцевъ; только они не хотятъ серьезно раскрыть ее намъ, а подражаютъ Протею, Влгнетскому секисту, и чаруютъ насъ. Будемъ же и мы подражать Менелая (47) и не отстанемъ отъ этихъ мужей, пока не обнаружится серьезная
- B.
C.

сторона ихъ знанія. Я надеюсь, что они откроютъ нечто превосходное, когда начнутъ говорить не-шутя. И такъ попросимъ ихъ, убедимъ, умолимъ быть откровенными. Между тѣмъ мнѣ хочется (48) снова показать имъ, ка-кого бы объясненія я просилъ отъ нихъ; а потому попытаюсь, какъ могу, повести свою D. бесѣду далѣе отъ той точки, на которой прежде остановился. Можетъ быть, чрезъ это мнѣ удастся вызвать ихъ къ дѣлу; можетъ быть изъ участія и жалости къ моимъ серьезнымъ усиліямъ, они и сами заговорятъ посерьезнѣе.

И такъ Клиніасъ, сказалъ я, напомни мнѣ, на чемъ мы остановились. Кажется, мы наконецъ согласились въ томъ, что должно философствовать. Такъ ли?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—А философія есть приобращеніе знанія. Не правда ли?—Правда, сказалъ онъ.—Но какое знаніе можно приобрѣтать, чтобы приобрѣсть его справедливо? Не то ли, обыкновенно, которое об- B. щаетъ намъ пользу?—Конечно то.—Было ли бы для насъ полезно ходить и узнавать, гдѣ въ землѣ закрыто много золота?—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.—Однакожь, прежде мы догадали, возразилъ я, что нѣтъ никакой пользы собрать себѣ все золото, даже безъ труда и безъ распа-пыванія земли; такъ что, если бы мы умѣли и камни превращать въ золото, нѣше умѣнье еще 289. не имѣло бы никакой цѣны; ибо кто не знаетъ, какъ пользоваться золотомъ, тому оно вовсе

- бездумно. Помнишь ли ты это, спросилъ я? — Какъ же; помню. — Такимъ же образомъ нѣтъ никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ, на примѣръ, хозяйственномъ, врачебномъ и другихъ, которыя наставляя, что должно дѣлать, не употребляютъ сдѣланнаго. Правда ли? — Подтвердилъ. — Еслибы также было знаніе дѣлать безсмертными, не научающее однакожь употреблять безсмертіе; то и оно, по вышепринятымъ основаніямъ, не имѣло бы, какъ видно, никакой пользы. — Во всемъ этомъ мы согласились. — И такъ, любезное дитя, сказалъ я: намъ нужно такое знаніе, въ которомъ совпадали бы и дѣланіе и умѣнье пользоваться тѣмъ, что сдѣлано. — Кажется. — Многого безъ сомнѣнія требуется, чтобы мы, умѣя дѣлать лиру, были мастера и играть на ней; ибо здѣсь искусство производительности и искусство употребленія отдѣльны одно отъ другаго, то-есть, дѣланіе лиры и игра на лирѣ взаимно различаются. Не такъ ли? — Подтвердилъ. — Не нужна намъ, разумется и игра на флейтѣ (49); ибо и объ ней должно заключить тоже самое. — Согласился. — Но ради боговъ, сказалъ я! Когда мы изучаемъ искусство сочинять рѣчи; то должно ли предполагать, что приобрѣтеніе его сдѣластъ насъ счастливыми? — Не думаю, возразилъ Клипіасъ. — А на какомъ основаніи, спросилъ я? — Мнѣ известны нѣкоторые писатели рѣчей (50), отвѣчалъ онъ, не умѣющіе пользоваться написанными рѣчами,

какъ дѣлатели лиръ — своими лирами; между тѣмъ другіе весьма хорошо пользуются ими, хотя сами не въ состояніи сочинять рѣчи. Отсюда видно, что искусство сочиненія рѣчей и искусство употребленія ихъ отдѣльны. — Ты привелъ, кажется, достаточное основаніе, что искусство сочинять рѣчи не есть то, приобрѣтеніе коего сдѣлало бы насъ счастливыми: а я въ немъ-то именно и думалъ найти знаніе, котораго мы такъ давно ищемъ; потому что люди, сочиняющіе рѣчи, ко- Б. гда случается встрѣтиться съ ними, кажутся, Клиніасъ, чрезвычайно мудрыми, а самое искусство ихъ — божественнымъ, высокимъ; и не удивительно, ибо оно есть часть искусства чародвѣвъ и не много уступаетъ ему. Чародвѣи укрощаютъ змѣевъ, пауковъ, скорпіоновъ 290. и другихъ животныхъ, или болѣзни; а сочинители рѣчей внушаютъ кротость и стоворчивость судіямъ, депутатамъ и народной толпѣ. Или, можетъ быть, ты иначе мыслишь, спросилъ я? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я мыслю такъ, какъ ты говоришь. — Къ чему же еще обратимся мы? къ какому искусству? — Не придумаю, сказалъ онъ. — А я, кажется, нашель. — Какое же? спросилъ Клиніасъ. — По видимому воинское, отвѣчалъ я: приобрѣтеніе его, скорее В. всѣхъ другихъ можетъ сдѣлать человека счастливымъ. — О, не думаю. — Какъ? сказалъ я. — Оно есть искусство охотиться за людьми. — Такъ

- чтожь? — Никакая охота, отвѣчалъ онъ, не простирается далѣе цѣли поймать и скватить. Но схвативъ, что ловили, охотники не могутъ пользоваться своею добычею: напротивъ, псары и рыболовы отдають ее поварамъ; геометры, астрономы и счетчики (ибо и они
- С.** охотники, потому что не сами дѣлають фигуры (51), а находятъ уже готовые), по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, умѣя не употреблять, а только ловить, доверяють пользоваться своими открытіями діалектикамъ (52).— Такъ, прекраснѣйшій и мудрѣйшій Клиніасъ, сказалъ я, истинно такъ.— Конечно, продолжалъ онъ, даже и полководцы, взявъ какой нибудь
- Д.** городъ, или лагерь, передають его полгитикамъ (53), какъ ловцы перепеловъ, которые сдаютъ свою добычу перепелопитателямъ, потому что сами не могутъ употреблять то, что взяли. По сему, если намъ нужно такое искусство, которое, научая дѣлать или ловить, равно научало бы и пользоваться дѣломъ или добычею, и чрезъ то доставляло бы намъ счастье; то, вмѣсто воинскаго, надобно поискать какого нибудь другаго.
- Е.** *Крит.* Что ты говоришь, Сократъ? Не уже ли этотъ мальчикъ въ самомъ дѣлѣ такъ разсуждалъ?
- Сокр.* А ты не вѣришь, Критонъ? *Крит.* Да, клянусь Зевсомъ. Если онъ это говоритъ, то ему, кажется, не нужно учиться

ни у Эвтидеи, ни у другаго какого бы то ни было человека.

Сокр. Но въ самомъ дѣлѣ, ради Зевса, не Ктезиппъ ли ужь говорилъ это? Не слышалъ ли я?

Крат. Какой Ктезиппъ!

291.

Сокр. По крайней мѣрѣ инѣ хорошо помнится, что это говорено не Эвтидеомъ и не Діонисодоромъ. Но, любезнѣйшій Критонъ, не рассуждалъ ли такимъ образомъ кто-нибудь лучший изъ бывшихъ тамъ? А что я действительно слышалъ это, не лѣзя сомнѣваться.

Крат. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что вѣрно кто-нибудь лучший (54) и гораздо лучший. Но какого же потомъ искали вы искусства? и нашли ли, или не нашли, чего искали?

Сокр. Гдѣ найти, другъ мой! мы только сдѣлались смѣшными, какъ дѣти, гонящіяся за лаворонками (55); мы готовы были тотчасъ сдѣлать то одно, то другое знаніе, но оно всегда ускользало отъ насъ. Впрочемъ, что много говорить? Когда мы дошли даже и до царскаго искусства, съ намѣреніемъ рассмотреть, не оно ли доставляетъ намъ счастье и бываетъ его причиною; то и тутъ поехали какъ будто въ лабиринтъ, и думая, что уже конецъ разысканій, очутились снова среди недоумѣній, забавившихъ насъ при самомъ началѣ изслѣдованія, и увидѣли, что намъ все столько же недостаетъ, сколько недоставало прежде.

C.

*

Крит. Какъ же это случилось, Сократъ?

Сокр. Я расскажу. Намъ, видишь, представилось, что политическое и царское искусство одно и то же.

Крит. Такъ чтожь тутъ?

Сокр. Сему искусству, такъ какъ оно одно только знаетъ употребленіе всего, передаютъ власть надъ дѣлами, и воинское и прочія производительныя искусства. По сему оно естественно показалось намъ тѣмъ самымъ, чего мы искали, то-есть, причиною правильной дѣятельности въ обществѣ, которая, какъ говорится въ ямбахъ Эсхиловыхъ (56), одна возсѣдѣтъ у государственнаго кормила, одна, всѣмъ управляя, и надъ всѣмъ начальствуя, на все разливаетъ пользу.

Крит. Чтожь? вѣдь вамъ хорошо показалось, Сократъ?

Сокр. А вотъ самъ разсудишь, Критонъ, когда захочешь послушать, что было послѣ сего. Мы тотчасъ начали разсматривать предметъ слѣдующимъ образомъ: Пусть такъ; но господствующее надъ всѣмъ царское искусство производить ли для насъ что-нибудь, или не производить? — Конечно производить что-нибудь, сказали мы другъ другу. И ты, Критонъ, сказалъ бы это?

Крит. И я.

Сокр. Но какое дѣло ты приписалъ бы ему? Положимъ, я спросилъ бы тебя: Что произво-

дѣтъ врачебное искусство, поколику начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ?— Ты конечно отвѣчалъ бы: здравіе?

Крит. Да.

Сокр. Потомъ, что производить ваше искусство земледѣлія (57), поколику оно начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ? Ты конечно сказалъ бы: произращаетъ изъ земли пищу? 199.

Крит. Правда.

Сокр. Но что производить царское искусство, поколику оно господствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ господствуетъ? Можетъ быть, на это ты не вдругъ отвѣтишь?

Крит. Не вдругъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Равно и мы, Критонъ. Однакожь ты знаешь, что если есть такое искусство, какого мы ищемъ, то оно должно быть полезно.

Крит. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Следовательно, оно должно подавать намъ какое-нибудь благо?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. А благо, по обоюдному согласію нашему съ Клиніасомъ, есть не что иное, какъ некое знаніе.

Крит. Да, ты говоришь правду.

Сокр. По этому всѣ дѣла, приписываемыя политикамъ—а такихъ дѣлъ много: на примѣръ, доставлять гражданамъ богатство, свободу,

спокойствіе—всѣ онѣ, по видимому, ни худы, ни хороши. Политика должна сдѣлать насъ мудрыми и преподать намъ знаніе, если она обязана облагодѣтельствовать и счастливить насъ.

C. *Крит.* Правда. И вы тогда конечно согласились въ этомъ заключеніи, какъ ты разсказывалъ о вашей бесѣдѣ.

Сокр. Но царское искусство дѣлаетъ ли людей мудрыми и добрыми?

Крит. Что же можетъ препятствовать, Сократъ?

Сокр. Дѣлаетъ добрыми всѣхъ и во всемъ? сообщаетъ всякое знаніе, — и кожевническое и плотническое, и всѣ другія?

Крит. Не думаю, Сократъ.

Сокр. И такъ, какое же знаніе? Какимъ знаніемъ мы пользуемся отъ сего искусства? Само оно, изъ всѣхъ худыхъ и добрыхъ дѣлъ, не производитъ ни одного; а знаніе не сообщаетъ никакого знанія, кромѣ самаго себя. По сему спрашивается: въ чемъ состоитъ оно? чѣмъ мы пользуемся отъ него? Хочешь ли, Критонъ, мы назовемъ его искусствомъ дѣлать людей добрыми?

Крит. Конечно.

Сокр. Но кто будутъ у насъ добрыми? и въ чемъ они полезны? Пожалуй, мы скажемъ еще, что добрые сдѣлаютъ добрыми другихъ, а другіе опять другіхъ: все одинаково не отвратитъ,

что такое доброе, когда мы не извлекаем дѣла, приписываемаго политикѣ. Такимъ образомъ, по простой пословицѣ, остается вѣчное тоже (*ὁ Αἰὶς Κόρινθος*) (56), и, какъ я говорилъ, намъ недостаетъ столько же, или еще болѣе, нежели прежде, для отысканія такого знанія, которое сдѣлало бы насъ счастливыми.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, вы, какъ видно, запутались въ большія недоумѣнія.

Сокр. Запутавшись въ такія недоумѣнія, Критонъ, я и самъ уже закричалъ изъ всей силы, прося иностранцевъ и призывая ихъ, какъ Діоскуровъ (59), спасти насъ—меня и дѣтя—отъ сего тревожнаго разговора, позаботиться и не-шутя показать, въ чемъ состоитъ то знаніе, съ помощію котораго мы могли бы хорошо провести остальную жизнь свою.

Крит. Чтожь? согласился ли Эвтидемъ сказать вамъ это?

Сокр. Какъ же, другъ мой; онъ дѣйствительно началъ очень свысока слѣдующее слово.

Хочешь ли, Сократъ, чтобъ я преподалъ тебѣ то знаніе, въ разсужденіи котораго вы такъ давно недоумѣваете, или доказалъ, что ты уже имѣешь его? — О счастливецъ, воскликнулъ я! неужели ты можешь это сдѣлать? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Такъ докажи же мнѣ, ради Зевса, что я имѣю требуемое знаніе; ибо это легче, чѣмъ учиться такому старику, какъ я.—
Навалъ. Отвѣчай мнѣ: знаешь ли ты что-

- нибуды? — Да, многое, только все мелочи. — Достаточно, сказалъ онъ. Почитаешь ли ты возможнымъ, чтобы того самаго сущаго, которое есть, не было? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не читаю. — Но не сказалъ ли ты, что кое-что знаешь? — Сказалъ. — И такъ ты знатокъ, когда знаешь? — Конечно, знатокъ того именно, что знаю. — Все равно. Развѣ не необходимо, что знатокъ знаетъ все? — Нѣтъ, ради Зевса, вѣдь я многаго не знаю. — А если чего-нибудь не знаешь, то и незнатокъ? — Незнатокъ того именно, чего не знаю, другъ мой, сказалъ я. — По этому, продолжалъ онъ, ты меньше, не будучи знаткомъ? Между тѣмъ самъ же говоришь, что ты знатокъ, и такимъ образомъ ты то, что есть, и вмѣстѣ не то, что есть. — Положимъ, Эвтидемъ, сказалъ я: ты-таки, по слову вицъ, прекрасно трещишь (*καλά δὴ κἀταυδῆς*) (60). Но какъ же мнѣ попасть на то знаніе, котораго мы искали? Видно такъ: посліку не лъзя, чтобы одно и то же было и небыло; то, если я знаю одно, знаю и все; ибо невозможно быть вмѣстѣ знаткомъ и незнаткомъ. А когда я знаю все; то обладаю и тѣмъ знаніемъ, котораго мы искали. Не это ли твоя мысль, мудрое твое открытіе? — Ты уже и самъ себя опровергаешь, Сократъ, сказалъ онъ. — Какъ? Эвтидемъ, а тебѣ не тоже приключилось? Я не досаую, что раздѣляю равную часть съ тобой и Діонисіодоромъ, этою любезною головою. Скази,

не правда ли, что оба вы одно сущее знаете, а другого не знаете? — Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Что вы говорите? сказала я. Развѣ вы ничего не знаете? — Конечно (61). — А когда нѣчто знаете, то знаете и все? — Все, отвѣчалъ онъ, такъ же какъ и ты, зная одно, знаешь все. — О Зевсъ, сказала я, какія дивныя слова, и сколько открывается въ нихъ добраго! А прочіе люди знаютъ все, или ничего? — О, прочіе-то люди одно знаютъ, а другаго не знаютъ; они вмѣстѣ знатоки и незнатоки (62). — Но какъ же это? спросилъ я. — Такъ, Сократъ, что всѣ знаютъ все, если знаютъ одно. — О, ради боговъ, Діонисіодоръ, вскричалъ В. я: теперь ясно, что вы говорите не шутя; наслушавъ я вызвалъ васъ къ серьезной бесѣдѣ. И такъ вы въ самомъ дѣлѣ все умѣете? и плотничать и кожевничать? — Конечно. — И шить башмаки? — Да, сударь, и подшивать подметки (63). — Умѣете также сосчитать, сколько звездъ и песку? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. А ты думалъ, что мы не подтвердимъ этаго? — Тутъ Ктезиписъ прервалъ нашъ разговоръ и сказалъ: представьте же, ради Зевса, Діонисіодоръ, какоенибудь доказательство, изъ котораго бы видно С. было, что вы говорите правду. — Что я представляю тебѣ? отвѣчалъ онъ. — Знаешь ли ты, сколько зубовъ у Эвтидема? и знаетъ ли Эвтидемъ, сколько ихъ у тебя? — А развѣ тебѣ не довольно было слышать, что мы все знаемъ? —

- Отнюдь не довольно. Скажите намъ еще это одно, и тѣмъ докажете, что говорите правду. Когда вы скажете, сколько у каждаго изъ васъ зубовъ, и когда сосчитаю ихъ, мы увидимъ, что число ихъ действительно такое; тогда поверимъ вамъ и во всемъ другомъ. — Подумавъ, что Ктезиппъ смѣется надъ ними, они не захотѣли говорить, и на каждый вопросъ его отвѣчали только, что все знаютъ; — ибо кажется ничего уже не оставалось, о чемъ бы Ктезиппъ весьма откровенно не спрашивалъ ихъ, даже о вещахъ самыхъ постыдныхъ: — а они, какъ дикіе кабаны на ударъ, смѣло и дружно шли на вопросы, повторяя, что все знаютъ. Наконецъ и я, Критонъ, побуждаемый невѣріемъ, спросилъ Эвтидема: Не умветъ ли Діонисіодоръ и плясать? — Конечно умветъ, отвѣчалъ онъ. — Но ужъ вѣрно не пляшетъ на головѣ по ногамъ и, будучи въ такихъ лѣтахъ, не вернется на колесъ (64)? Вѣрно его мудрость не простирается столь далеко? — Для него нѣтъ ничего невозможнаго, сказалъ онъ. — Однакожь, теперь ли только вы все знаете, или и всегда знали, спросилъ я? — И всегда, отвѣчалъ Эвтидемъ. — Знали, когда были дѣтми и едва родились? — Все, сказали оба вмѣстѣ. — Намъ показалось это невѣроятнымъ, и Эвтидемъ спросилъ: что? не вѣришь, Сократъ? — Да, кромѣ того только, что вы, должно быть, люди мудрые. — Но если хочешь отвѣчать, я докажу, что и

ТЫ ОБЛАДАЕШЬ СТОЛЬ ЖЕ ДИВНЫМИ ВЕЩАМИ.—О, СЪ УДОВОЛСТВИЕМЪ ГОТОВЪ БЫТЬ ОБЛИЧЕНЪ ВЪ ЭТОМЪ, СКАЗАЛЪ Я; ИБО ЕСЛИ Я МУДРЪ, САМЪ ТОГО НЕ СОЗНАВАЯ, И ТЫ ДОКАЖЕШЬ, ЧТО МНѢ ВСЕ И ВСЕГДА БЫЛО ИЗВѢСТНО; ТО НАЙДУ ЛИ ВЪ ЦѢЛОЙ ЖИЗНИ ЭРМИЕВО СОКРОВИЩЕ БОЛѢЕ СРОСЪ? — ОТВѢЧАЙ ЖЕ, СКАЗАЛЪ ОНЪ. — СПРАШИВАЙ, БУДУ ОТВѢЧАТЬ. — ЗНАТОКЪ ЛИ ТЫ ЧЕГО-НИБУДЪ, СОКРАТЬ, ИЛИ НЕЗНАТОКЪ? — ЗНАТОКЪ. — НО ТѢМЪ ЛИ ТЫ И ЗНАЕШЬ, ЧѢМЪ ЗНАТОКЪ, ИЛИ НЕ ТѢМЪ? — ЧѢМЪ ЗНАТОКЪ, ТО-ЕСТЬ, ДУНОВОЮ, СКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ ТЕБЯ. ВПРОЧЕМЪ МОЖЕТЪ БЫТЬ ТЫ ИНОЕ РАЗУМВЕЕШЬ? — НЕ СТЫДНО ЛИ ТЕБѢ, СОКРАТЬ, НА ВОПРОСЪ ОТВѢЧАТЬ ВОПРОСОВЪ? — ПУСТЬ СТЫДНО, СКАЗАЛЪ Я; НО КАКЪ ЖЕ МНѢ ПОСТУПАТЬ? ПОЖАЛУЙ, БУДУ ДѢЛАТЬ, ЧТО ПРИКАЗЫВАЕШЬ: ТОЛЬКО ПРИКАЗЫВАЕШЬ ЛИ ТЫ МНѢ: НЕ СПРАШИВАТЬ, А ОТВѢЧАТЬ, ДАЖЕ И ТОГДА, КОГДА Я НЕ ЗНАЮ, О ЧЕМЪ ТЫ СПРАШИВАЕШЬ? — ОДНАКОЖЕ ТЫ ПОНИМАЕШЬ ЧТО-НИБУДЪ ВЪ МОИХЪ С. ВОПРОСАХЪ, СКАЗАЛЪ ОНЪ? — ПОНИМАЮ. — ТАКЪ НАДО И ОТВѢЧАЙ, ЧТО ПОНИМАЕШЬ. — КАКЪ? ЕСЛИ ТЫ СЪ СВОИМЪ ВОПРОСОМЪ СОЕДИНЯЕШЬ ОДИНЪ СМЫСЛЪ, А Я ПРИПИСЫВАЮ ЕМУ ДРУГОЙ И, СООБРАЗНО СВОЕМУ ПОНЯТІЮ, ОТВѢЧАЮ; ТО МОЙ ОТВѢТЪ, НИСКОЛЬКО НЕ ОТНОСЯЩІЙСЯ КЪ ДѢЛУ, НЕ УЖЕЛИ МОЖЕТЪ УДОВОЛСТВОВАТЬ ТЕБЯ? — МЕНА-ТО МОЖЕТЪ УДОВОЛСТВОВАТЬ, СКАЗАЛЪ ОНЪ: А ТЕБЯ, НЕ ДУМАЮ. — О, ТАКЪ, РАДИ ЗЕВСА, Я НЕ БУДУ ОТВѢЧАТЬ, НЕ УВѢРИВШИЕСЯ ВЪ СМЫСЛЪ ВОПРОСА. — ТЫ НЕ БУ-

дешь отвѣчать на вопросы, сообразно своему понятію, конечно по тому, что тебѣ хочется быть болтуномъ и упрямѣе обыкновеннаго. —

- D. Замѣтивъ, что онъ сердится за различіе словъ, которыми хотѣлъ бы обойти и поймать меня, я вспомнилъ, что и Коня въ другой разъ досадуетъ, какъ скоро я не соглашаюсь съ нимъ, и тогда уже гораздо менѣе заботится обо мнѣ, ибо почитаетъ меня неучемъ. Поелику же во мнѣ родилась мысль брать уроки и у Эвтидема; то я призналъ за лучшее согласиться съ нимъ, чтобы послѣ онъ не отвергъ меня, какъ негоднаго слушателя, и для того сказалъ: Если, по твоему мнѣнію, Эвтидемъ, такъ надобно
- E. дѣлать; то дѣлай: ибо ты безъ сомнѣнія лучше умѣешь вести разговоръ, нежели я, человекъ неученый. Спрашивай же сначала. — Хорошо, сказалъ онъ, отвѣчай опять: знаешь ли ты то, что знаешь, или нѣтъ? — Знаю, и при томъ душою. — Но вотъ ужъ въ отвѣтъ этаго человека и больше, чѣмъ въ моемъ вопросѣ: вѣдь я спрашиваю тебя не о томъ, чѣмъ ты знаешь, а о томъ, знаешь ли чѣмъ бы то ни было? — Излишекъ моего отвѣта произошелъ отъ моей необразованности, сказалъ я; извини меня: я уже готовъ отвѣчать просто, что всегда знаю, чѣмъ бы то ни было, то, что знаю. — Но всегда знаешь, продолжалъ онъ, тѣмъ же ли, или иногда тѣмъ, а иногда другимъ? — Всегда, когда знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же. — Да неужели

не перестанешь прибавлять (66), сказалъ онъ?
 — Боюсь, чтобы не обмануло насъ это все-
 гда. — Насъ не обманеть; развѣ тебя? Одна- В.
 кожь отвѣчай. Ты знаешь всегда тѣмъ же? —
 Всегда, сказалъ я, за исключеніемъ когда. —
 Хорошо, ты знаешь всегда тѣмъ же; но знаа
 всегда, одно знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, а
 другое другимъ, или все тѣмъ же? — Все вмѣ-
 стѣ, что только знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ
 же. — Опять прежнее прибавленіе, сказалъ онъ.
 — Ну, пожалуй, прочь это: *что только знаю.* —
 Какая нужда! не устраний ничего, а только С.
 отвѣчай. Можешь ли ты знать все вмѣстѣ,
 когда не все знаешь? — Это было бы чудо, ска-
 залъ я. — Прибавляй же теперь, что хочешь,
 подхватишь онъ; ты согласишься, что знаешь
 все вмѣстѣ (66). — Кажется, если прежнія слова
 яби: *все знаю, что только знаю*, не имѣютъ
 никакой силы. — Но ты равно согласишься и въ
 томъ, что всегда знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь,
 когда ли бы ты зналъ, или какъ иначе; ибо,
 во твоимъ же словамъ, ты знаешь всегда и все
 вмѣстѣ; слѣдовательно, ты зналъ все вмѣстѣ и D.
 во время дѣтства, и по рожденіи, и въ минуту
 рожденія, и до рожденія, и до существованія
 земли и неба. Да ты, клянусь Зевсомъ, всегда,
 все вмѣстѣ и будешь знать (67), если только я
 пожелаю того. — О пожелай, высокопочтенный
 Эвтидемъ, сказалъ я, если въ самомъ дѣлѣ
 говоришь правду! Но я не очень вѣрю, чтобы

тебя достаю для сего, пока съ твоимъ желаніемъ не соединить своего и братъ твой, Діонисіодоръ. Въ противномъ случаѣ, тотчасъ бы.... (68)

- Е. Скажите (впрочемъ какъ бы мнѣ и недоумѣвать, когда вы, мужи дивные мудростію, говорите, что я все знаю), скажи, Эвтидемъ, какъ я могу знать подобное тому, что люди добрые бываютъ несправедливы? Скажи, знаю ли я это, или не знаю? — Знаешь, отвѣчалъ онъ. — Что знаю? спросилъ я. — Что люди добрые не бываютъ несправедливы. — Да, конечно, я уже давно; но вопросъ не о томъ: я говорилъ, что люди добрые бываютъ несправедливы. Откуда бы мнѣ знать это? — Ни откуда, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Следовательно, я не знаю сего? — Ты портишь разговоръ, сказалъ Эвтидемъ Діонисіодору. Если бы Сократъ не зналъ сего; то былъ бы вмѣстѣ знатокъ и незнатокъ. — Діонисіодоръ покраснѣлъ. — А ты-то, Эвтидемъ, что говоришь? возразилъ я. Твой братъ, думаешь, утверждаетъ несправедливо: но вѣдь онъ все знаетъ? — Я братъ Эвтидема? быстро подхватилъ Діонисіодоръ. — Подожди любезный, сказалъ я, пока Эвтидемъ не научить меня, какимъ образомъ я знаю, что люди добрые бываютъ несправедливы, и не позавидуй моему ученію. — Бѣжишь, Сократъ, сказалъ Діонисіодоръ, отвѣчать не хочешь. — Естественно...
- С. слабѣ васъ и

отъ двоихъ-то? Мнѣ далеко до Иракла: но и онъ не могъ сражаться въ тоже время и противъ гидры, этой софистики, у которой, по причинѣ ея мудрости, вмѣсто одной отсѣченной словесной головы, рождалось многа, и противъ рака, другаго софиста, повидимому, только что вышедшаго изъ моря. Когда этотъ послѣдній досаждалъ ему своими словами и кусалъ его съѣва; то Иракль посылалъ на помощь племянника своего Юлеоса, который дѣйствительно помогъ ему (69). Если бы и ко мнѣ пришелъ сюда Юлеосъ, мой Патрокль (70); то поступилъ бы еще не такъ. — Полно тебѣ пѣть-то, сказалъ Діонисіодоръ, отвчай-ка: Юлеосъ болѣе ли былъ племянникомъ Иракла, чѣмъ твоимъ? — Для меня весьма пріятно отвѣчать тебѣ, Діонисіодоръ, тѣмъ пріятнѣе, что ты непрестанно вопрошаешь меня, сколько могу замѣтить, по зависти и для того, чтобы помѣшать Эвтидему передать мнѣ ту мудрую вещь. — Отвчай же, сказалъ онъ. — Отвечаю, что Юлеосъ былъ племянникомъ Иракла, а моимъ, какъ мнѣ кажется, отнюдь не быть; по тому что отецъ его не Патрокль, братъ мой, а Ификлесъ, братъ Иракла, сходный съ нимъ по имени (71). — Но Патрокль, сказалъ онъ, твой ли? — Конечно мы съ нимъ отъ одной матери, хотя и не отъ одного отца. — Следовательно, онъ и братъ тебѣ и не братъ? — Ты слышалъ, другъ мой, что мы тогда не отъ одного отца: его отецъ былъ

D.

E.

Хередемъ, а мой Софронискъ. — И такъ, отецъ былъ Софронискъ и Хередемъ, спросилъ онъ? — Да, отвѣчалъ я, одинъ мой, другой его. — Но 298. Хередемъ былъ другой въ разсужденіи отца? — Да, въ разсужденіи моего отца, сказалъ я. — Однакожь, былъ другимъ въ разсужденіи отца, онъ былъ отецъ? Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень (72)? — Боюсь, сказалъ я, чтобъ у тебя въ самомъ дѣлѣ не свдаться камнемъ, чего однакожь мнѣ не хочется. — А развѣ ты другой въ разсужденіи камня? — Конечно другой. — Но если ты другой въ разсужденіи камня, то ты не камень? И если другой въ разсужденіи золота, то ты не золото? — Правда. — А по тому, если Хередемъ другой въ В. разсужденіи отца, то онъ не отецъ. — Кажется, что онъ не отецъ, отвѣчалъ я. — Когда же Хередемъ отецъ, перехватилъ Эвтидемъ, то напротивъ Софронискъ, какъ другой въ разсужденіи отца, уже не отецъ, а по тому у тебя, Сократъ, нѣтъ отца (73). — Тутъ вмѣшался въ разговоръ Ктезиппъ и сказалъ: Но развѣ не одинаковое заключеніе и о вашемъ отцѣ? Не правда ли, что онъ другой въ разсужденіи моего отца? — Слишкомъ далеко (74), отвѣчалъ Эвтидемъ. — Какъ! По вашему мнѣнію онъ тотъ же? — Конечно тотъ же, сказалъ онъ. — Ну, мнѣ не хотѣлось С. бы. Однакожь, Эвтидемъ, мой отецъ есть ли только мой, или и другихъ людей? — И другихъ, отвѣчалъ онъ. А развѣ ты думаешь, что одинъ

— А кто же отец не есть отец? — Я действительно так думаю. — Что? по твоему, золото не есть золото? человек не есть человек? — Не то, Эпидемъ, сказалъ Ктезиппъ: ты, по пословице, не вяжешь нити съ ниткой (75); ты говоришь что-то странное, будто твой отецъ есть отецъ и другихъ. — Однакожь такъ. — Но только ли другихъ людей, спросилъ Ктезиппъ, или также и лошадей и всѣхъ прочихъ животныхъ? — Всѣхъ, отвчалъ онъ. — И мать равнымъ образомъ есть мать всѣхъ? — Какъ же. — По этому твоя мать есть также мать морскихъ зверей? — И твоя также, сказалъ онъ. — Следовательно ты братъ пискарей, щенятъ и поросятъ? — И ты также, отвчалъ онъ. — А сверхъ того, твой отецъ собака? — И твой также. Ты самъ только согласился въ этомъ, продолжалъ Демисодоръ, только отвчай мнѣ. Скажи-ка, есть ли у тебя собака? — И очень злая, отвчалъ Ктезиппъ. — А есть ли у ней щенята? — Да, е. столь же злые. — И ихъ отецъ конечно собакаже? —

.....
 Чужая? Вадъ эта собака твоя? — Конечно. — Значитъ, этотъ отецъ твой, следовательно твой отецъ собака, и ты братъ щенятъ? — Потому Демисодоръ, чтобы не дать Ктезиппу времени говорить, вдругъ перехватилъ рѣчь, и сказалъ: Отвчай-ка еще: ты бьешь эту собаку? — Ктезиппъ замолчалъ и отвчалъ: жаль, право, что не могу побить тебя. — Следовательно ты бьешь 299.

своего отца? — Гораздо справедливее было бы пожалеть вашего, за то, что онъ произвелъ на свѣтъ такихъ мудрыхъ дѣтей. Не правда ли, Эвтидемъ, продолжалъ Ктезиппъ, что вашъ отецъ, который вмѣстѣ и отецъ ценять, получили много добраго отъ вашей мудрости? — Но вѣдь ни ему, ни тебѣ, Ктезиппъ, нѣтъ надобности во многомъ добромъ. — Какъ? И ты также, Эвтидемъ, не имѣешь въ немъ нужды? — Да, и никто. Скажи мнѣ, Ктезиппъ, добро ли, по в. твоему мнѣнію, больному принимать лѣкарство, когда онъ имѣетъ въ немъ нужду, или не добро? Равнымъ образомъ, когда человекъ идетъ на войну, лучше ли ему вооружиться, или быть невооруженнымъ? — Я говорю утвердительно, хотя напередъ знаю, что ты выведешь отсюда какое-нибудь удивительное заключеніе. — А вотъ увидишь, только отвѣчай. Соглашаясь, что добро человеку принимать лѣкарство, когда нужно, не то ли ты утверждаешь, что онъ долженъ принимать сего добра, сколько можно больше, и что было бы хорошо, если бы кто истеръ и положилъ ему въ сосудъ цѣлый возъ чемерицы? — Безъ всякаго сомнѣнія, Эвтидемъ, лишь бы принимающій, величиною, равнялся Дельвійской статуѣ. — Не то же ли и касательно войны? С. Если добро быть вооруженнымъ, то конечно надобно имѣть сего добра, то есть, коней и щитовъ, сколько можно больше? — Конечно, отвѣчалъ Ктезиппъ. А ты, Эвтидемъ, обратно

другаго мнѣнія? По твоему, нужны только одинъ щитъ и одно копье (76)? — По моему, такъ. — Даже когда надлежало бы вооружить Геріона и Бриарея (77)? Вѣдь я почиталъ васъ — тебя и друга твоего, — какъ мастеровъ въ сехтованьи, людьми, гораздо болѣе свѣдущими въ этомъ отношеніи? — Эвтидемъ замолчалъ, а Діонисіодоръ, по поводу прежняго Ктезинпіова отвѣта, D. спросилъ: Думаешь ли ты, что и золото имѣть есть добро? — Конечно, отвѣчалъ Ктезинпъ, при томъ какъ можно болѣе. — Но добрыя вещи, по твоему мнѣнію, надобно имѣть всегда и вездѣ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А ты согласишься, что золото есть добро? — Согласился, сказалъ онъ. — Следовательно, его должно имѣть всегда, вездѣ, особенно же въ себѣ, и тотъ былъ бы самымъ счастливымъ человекомъ, у кого таланта E. три золота было бы въ брюхѣ, съ талантъ въ черепѣ и по статеру въ каждомъ глазѣ? — Но вѣдь говорятъ же, Эвтидемъ, отвѣчалъ Ктезинпъ, что между Скинами признаются преимущественно счастливыми и почтенными именно тѣ, которые въ томъ же смыслѣ на своихъ черепахъ (78), въ какомъ ты недавно собаку называлъ своимъ отцомъ, имѣютъ много золота. И что всего удивительнѣе, — Скины даже пьютъ изъ своихъ вызолоченныхъ череповъ и, положивъ ихъ верхушкою на ладонь руки, видятъ ихъ внутренность. — А что, спросилъ Эвтидемъ, Скины и вообще 300. люди то ли видятъ, что могутъ видѣть, или

и то, чего не могутъ? — Конечно то, что могутъ. — И ты равнымъ образомъ? — И я. — Но видишь ли ты наши платя? — Вижу. — Следовательно наши платя могутъ видѣть (79)? — Странно, отвѣчалъ Ктезиппъ. — Чтожь онъ видятъ? — Ничего; а тебѣ, по твоей простотѣ, не думается ли, что онъ видятъ? Ты, Эвтидемъ, кажется, на яву бредишь, и если можно говоря, не говорить, то именно это дѣлаешь. — Но развѣ в. не лѣзя, подхватилъ Діонисіодоръ, говорить тому, кто молчитъ? — Невозможно, отвѣчалъ Ктезиппъ. — Равнымъ образомъ, и молчатъ тому кто говоритъ? — Еще менѣе. — Однакожь, когда ты говоришь: вотъ камни, деревья, желѣзо; не то ли говоришь, что молчитъ (80)? — Совсѣмъ нѣтъ; когда я иду по кузницѣ, то желѣзныя вещи говорятъ, издавая столь сильный звукъ и визгъ, если къ нимъ прикасаются, что заглушаемая ими велерѣчивость твоя ничего не говорить. Теперь, скажи-ка, какимъ образомъ можно молчатъ тому, кто говоритъ? — Ктезиппъ, с. мнѣ казалось, все еще горячился за своего друга. — Когда ты молчишь, спросилъ его Эвтидемъ, то не все ли молчишь (81)? — Да, отвѣчалъ онъ. — Следовательно, молчишь и то, что говоришь? ибо въ числѣ всего заключается и говорящее. — Такъ чтожь? сказалъ Ктезиппъ; значить, все молчитъ? — Отнюдь нѣтъ, возразилъ Эвтидемъ; но вотъ видишь, любезный: не правда ли, что все говоритъ? — Да, все гово-

ряднее, отвѣчалъ онъ. — Да я не о томъ спрашиваю: все молчать, или говорить? — Ни то ни се, и то и другое, подхватилъ Діонисіодоръ: съ этимъ отвѣтомъ ужъ вѣрно ничего не сдѣлаешь. — Тогда Ктезиппъ, по своей привычкѣ, громко захохоталъ и сказалъ: Ну, Эвтидемъ, твой братъ, обоюбилъ положеніе(82) и пропалъ, со всѣмъ побѣжденъ. — При этомъ Клиніасъ обрадовался и засмѣялся, а Ктезиппъ какъ будто сталъ въ десять разъ выше. — Мнѣ показалось, что этотъ хитрецъ у нихъ же перенялъ способъ опроверженія; ибо ни у кого, кромѣ ихъ, не найти такой мудрости. И я сказалъ: Что ты смѣлся, Клиніасъ, надъ такими важными и прекрасными вещами? — А ты, Сократъ, знаешь что-нибудь прекрасное? подхватилъ Діонисіодоръ. — Какъ же, отвѣчалъ я, и много кое-чего. — Это кое-что отлично отъ прекраснаго, или одно и то же съ нимъ (83)? — Тутъ я впалъ въ крайнее недоумѣніе и подумалъ: поддѣламъ мнѣ; за чѣмъ было развѣвать ротъ; однакожь отвѣчалъ: Отлично, потому что красота присуща всякой вещи. — И такъ, если тебѣ присущъ быкъ, то ты быкъ? и если, какъ теперь, тебѣ присущъ Діонисіодоръ, то ты Діонисіодоръ? — Говори-ка лучше, сказалъ я. — Однакожь какимъ бы образомъ, продолжалъ онъ, одно могло быть другимъ, когда одно присуще другому? — А развѣ ты сомнѣваешься въ этомъ? спросилъ я, рѣшившись подражать в.

D.

E.

301.

симъ мужамъ въ вожденной для меня мудрости ихъ. — Какъ же не сомнѣваться и мнѣ, и всѣмъ людямъ, въ томъ, чего нѣтъ! — Что ты, Діонисіодоръ? развѣ прекрасное не прекрасно, и безобразное не безобразно? — А если бы я и такъ думалъ? — Въ самомъ дѣлѣ? — Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ. — По этому, тоже не есть то же, другое не есть другое? Но вѣдь другое конечно не то же. Я думаю, и дитя не будетъ сомнѣваться, что другое есть другое. Ты, Діонисіодоръ, вѣрно съ намѣреніемъ не обратилъ вниманія на это, между тѣмъ какъ прочее въ вашемъ разговорѣ разобрано превосходно, съ искусствомъ мастеровъ, къ которымъ относится изслѣдывать все порознь. — А развѣ ты знаешь, спросилъ онъ, что свойственно каждому изъ мастеровъ? Но знаешь ли, къ кому относится ковать (84)? — Знаю; къ кузнецу. — И обжигать глину? — Да, къ гончару. — И закалывать, снимать кожу, разрѣзывать мясо на мѣлкіе куски, варить и жарить? — Конечно, къ повару. — По сему, кто дѣлаетъ, что къ кому относится, тотъ дѣлаетъ правильно? — Безъ сомнѣнія. — А ты согласился, что разрѣзывать на части и снимать кожу относится къ повару? Согласился или нѣтъ? — Согласился, сказалъ я; но извини меня. — Слѣдовательно, кто закалываетъ повара и, разрѣзавъ его на части, варить и жарить, тотъ дѣлаетъ, что къ кому относится (ка профессію)? и кто кушетъ кузнеца, обжигаетъ

часть голшара, тоже равныя образы дѣ-
 лать, что къ кому относится? — О Посидонъ! Б.
 вскричалъ я, вотъ вѣнецъ мудрости! Что, еслибъ
 она принадлежала мнѣ, какъ будто моя соб-
 ственная! — А узналъ ли бы ты ее, Сократъ,
 спросилъ онъ, если бы она была твоя соб-
 ственная? — Разумается, отвечалъ я, лишь бы
 волею небъ это было угодно. — Но разве ты
 думаешь, что свое можно знать? — Да, лишь
 бы ты понималъ не иное что небудь; ибо,
 начинать-то приходится съ тобою, а оканчи-
 вать съ Звѣддемомъ (84). — Что считаешь ты
 своимъ? не то ли, чѣмъ владѣешь и можешь
 пользоваться, когда хочешь? На примѣръ быка, 302.
 или овцу, ты считаешь своимъ не по тому ли,
 что въ твоей власти продать ихъ, подарить,
 или принести въ жертву какому угодно богу?
 А на что не имѣешь подобной власти, то и
 не твое? — Замѣтивъ, что отсюда выйдетъ какой-
 то чудесный вопросъ и желая поскорѣ услы-
 шать его, я отвѣчалъ: Именно такъ, Діонисіо-
 доръ, только это и мое. — Но что, по твоему
 мнѣнію, называется животнымъ? не то ли, въ
 чѣмъ есть душа? — Конечно то, сказалъ я. — И
 ты оглашаешься, что изъ животныхъ тѣ толь-
 ко твои, съ которыми властно тебѣ дѣлать все, В.
 что прежде говорено было? — Соглашаюсь. —
 Тутъ онъ умышленно приостановился, какъ
 бы думая о чемъ-то высокомъ, и по томъ про-
 должалъ: Скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя

- отечественный Зевсъ? — А и, опасаясь, чтобы сей вопрос не привелъ насъ къ такому же заключенію, какое было недавно выведено (25), старался избѣгнуть его по крайней мѣрѣ скрытою уверткою, бросаясь туда и сюда (и наконецъ, какъ олуцанный сѣтью, отвѣчалъ: Нѣтъ, Діонисіодоръ (27). — О, такъ ты человекъ жалкій и вовсе не Афинянинъ, когда у тебя нѣтъ ни отечественныхъ боговъ, ни храмовъ, ни прекраснаго, ни добраго. — Удержись, Діонисіодоръ, сказалъ я, говори лучше и не брани меня, какъ учитель. Есть у меня и жертвенники, и храмы, какъ домашніе, такъ и отечественные, есть въ этомъ родѣ все, что имѣютъ другіе Афиняне. — Следовательно и у другіихъ Афинянъ нѣтъ отечественнаго Зевса? — Конечно, отвѣчалъ я; это названіе неизвѣстно никому изъ Іонянъ: ни тѣмъ, которые отдѣлились отъ нашей республики, ни намъ самимъ. Мы признаемъ отечественнымъ божествомъ Аполлона, такъ какъ отъ него родился Іонъ (28); а Зевсъ называется у насъ божествомъ не отечественнымъ, но бюстительнымъ (ἑρμῆος) и братскимъ (φρατρῆος), подобно Аѳинѣ, которая также носитъ имя братской. — Довольно! сказалъ Діонисіодоръ; теперь видно, что у тебя есть Аполлонъ, Зевсъ и Аѳина. — Конечно. — И не правда ли, что они твои боги? — Да, прародители и владыки, отвѣчалъ я. — Но вѣдь они твои? или, можетъ быть, ты не признаешь ихъ своими? —
- C.
- D.

Что дьяволы признаю.— Следишь ли ты, эти боги Б. суть животные? ибо ты согласился, что существо, одаренное душою, есть животное. Вроде же: у эпики и боговъ, может быть, и есть души? — Как же, есть, отвѣчалъ я. — Ну такъ они животные? — Животнымъ, сказалъ я. — Но помни: ты раньше образомъ согласился, что изъ животныхъ только ты принадлежать тебѣ, и верныхъ въ твоей волѣ подарить, продать и 303. принести въ жертву: какому угодно богу? — Согласился, не могу усовеститься, Эпидема. — Теперь послунай же, продолжалъ онъ: если Зевсъ и другіе боги суть твои; то не въ твоей ли власти продать ихъ, подарить, и вообще дѣлать съ ними, что угодно, какъ съ прочими животными? — Пораженный этимъ словомъ, Критонъ, я остался безмолвенъ. Ктезинпъ хотѣлъ было помочь мнѣ и сказалъ: О ужасъ, Иракль! какое прекрасное заключеніе! — Но Діонисіодоръ подхватилъ: Что? ужасъ Иракль, или Иракль ужасъ? — Тогда Ктезинпъ воскликнулъ: О Посидонъ! странное слово! Я отступался; эти люди необходимы.

Тутъ уже, любезный Критонъ, не осталось в. ни одного человека между присутствующими, который не превознесъ бы и этой мудрости и этихъ мудрецовъ; а они почти разрывались отъ смѣха, рукоплесканій и радости. Во всѣ прежніе разы препорядочно шумѣли только друзья Эпидема; теперь же едва ли не подняли

шума въ честь мужей и не обрадовались даже колонны Лигея. Я и самъ, по тогдашнему разположенію духа, готовъ былъ признаться, что никогда не встрѣчалъ столь мудрыхъ людей, и будучи увлеченъ ихъ мудростію къ похваламъ и прославленію, обратился къ нимъ и сказалъ: О какъ вы счастливы, обладая столь дивнымъ даромъ, — вы, которые раскрыли важнѣйшій предметъ такъ скоро и въ такое короткое время! Въ вашихъ умствованіяхъ много прекрасныхъ качествъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ; но между сими качествами особенно величественно то, что вы не обращаете вниманія на общее мнѣніе людей, даже почтенныхъ и кое-что значущихъ, а только смотрите на мнѣніе подобныхъ вамъ. Ибо, я хорошо знаю, что весьма не большому числу подобныхъ вамъ, такія умствования дѣйствительно могутъ нравиться; напротивъ, иные приписываютъ имъ столь мало достоинства, что скорѣе постыдились бы опровергать ими другихъ, чѣмъ быть опровергнутыми чрезъ нихъ самимъ. И то въ вашихъ разсужденіяхъ представляется чѣмъ-то народнымъ и добросовѣстнымъ, что, не допуская ни прекраснаго, ни добраго, ни блага, и ничего инаго въ семь родъ, не признавая никакого различія между однимъ и другимъ, вы, по вашимъ же словамъ, просто заграждаете людямъ уста. А что, заграждая уста другимъ, вмѣстѣ связываете, кажется, и свой собственный языкъ, то это дѣлаетъ

васъ любезными и избавляетъ ваши устроян-
 нія отъ зависти. Но выше всего въ вашемъ
 дѣлѣ — та некустарность, по которой каждый
 человекъ можетъ изучить его въ самое корот-
 кое время. Я замѣтилъ это, между прочимъ
 обращая вниманіе на Крезиппа: какъ онъ могъ
 вдругъ подражать вамъ. Такая сторона вашего 304.
 занятія конечно хороша для скорого препода-
 ванія, но для разговора съ людьми негодится.
 Если вамъ угодно послушаться меня, то бере-
 гитесь говорить подобнымъ образомъ въ при-
 сутствіи многихъ, по тому что скоро изученная
 наука не принесетъ вамъ благодарности. Лучше
 бесѣдуйте только между собою. Когда же взду-
 маете разговаривать съ кѣмънибудь другимъ,
 то говорите развѣ съ тѣмъ, кто заплатитъ вамъ
 деньги. Это самое вы будете совѣтовать и уче- B.
 нникамъ своимъ, если хотите быть благоразум-
 ными; пусть они никогда и ни съ кѣмъ
 не разговариваютъ, а бесѣдуютъ другъ съ
 другомъ. Что рѣдко, Эвтидемъ, то и дорого;
 вода и высоко цѣнится, да дешево продается,
 говоритъ Пиндаръ. Однакожь смотрите, приба-
 вилъ я, чтобы меня и Клиніаса принять так-
 же въ число вашихъ учениковъ.

Высказавъ это и еще нѣсколько краткихъ
 замѣчаній, мы ушли. Теперь разсуди, Кри-
 тонъ, не нужно ли и тебѣ вмѣствѣ съ нами
 посвящать сихъ двухъ мужей, если они, по ихъ
 же словамъ, могутъ учить всякаго, кто захочетъ

С. заплатить имъ, не различая ни дарованій, ни возраста, и если—что особенно ты долженъ знать—никому, говорятъ, не препятствуютъ приобрѣтать выгоды торговли, но каждому удобно передаютъ свою мудрость.

Крит. Да, Сократъ, я конечно люблю слушать, и съ удовольствіемъ учился бы чемунибудь; но боюсь, что принадлежу къ числу не тѣхъ, которые подобны Эвтидему, а тѣхъ, которые, какъ ты говоришь, охотнѣе желали бы быть опровергаемыми посредствомъ такихъ умствованій, чѣмъ опровергать ими. Я

D. показался бы смѣшнымъ, если бы вздумалъ вразумлять тебя; однакожь хочу рассказать, что слышалъ. Знай, что во время моей прогулки, одинъ изъ тѣхъ, которые оставили ваше собраніе, подошелъ ко мнѣ. Это былъ человекъ, почитающійся умнымъ и отличнымъ писателемъ судебныхъ рѣчей. Критонъ! сказалъ онъ мнѣ, ты не слушаешь этихъ мудрецовъ? — Нѣтъ, ради Зевса, отвѣчалъ я; тамъ, за множествомъ народа, ничего не разслушать.—А стоило бы послушать.—Для чего? спросилъ я.—Чтобы узнать разговоръ тѣхъ людей, которые нынѣ принадлежатъ къ числу мудрѣйшихъ въ

E. извѣстномъ родѣ рѣчей. — Чтожь тебѣ показалось? — То, отвѣчалъ онъ, что можно слышать отъ всѣхъ подобныхъ болтуновъ, которые о пустыхъ вещахъ разсуждаютъ съ неумѣстной важностію. Это собственныя его слова. — Но

вѣдь философія, сказала я, дѣло прекрасное.—
 Что за прекрасное, добрякъ? ничего не стоитъ.
 Вотъ если бы теперь ты былъ тамъ, то вѣрно 306.
 стыдился бы за своего друга. Какой чудакъ!
 Онъ хочетъ ввѣриться этимъ людямъ, а они,
 не думая о томъ, что говорятъ, только привя-
 зываются къ каждому слову. Ихъ, какъ я уже
 сказала, почитаютъ отличными мудрецами на-
 шего времени; между тѣмъ, и самое дѣло, Кри-
 тонъ, и люди, занимающіеся имъ, весьма низ-
 ки и достойны смѣха. — А мнѣ кажется, Со-
 кратъ, что дѣло-то не заслуживаетъ порицанія,
 и что ни мой знакомецъ, ни кто другой не в.
 долженъ порицать его: напротивъ справедливо,
 думаю, бранять тѣхъ, которые въ присутствіи
 многихъ вступаютъ въ разговоръ съ подобными
 учителями.

Сокр. Нѣтъ, Критонъ; это удивительные
 мужи. Впрочемъ, я еще не знаю, что сказать.
 Къ какому роду людей относится тотъ, кто
 подошелъ къ тебѣ и порицалъ философію? Ри-
 торъ ли онъ, то-есть, одинъ изъ тѣхъ, которые
 сами умѣютъ подвизаться въ судилищахъ, или
 сочинитель рѣчей, только выссылающій ратора
 въ борьбу и вооружающій его своею рѣчью?

Крит. О, менѣе всего риторъ, клянусь
 Зевсомъ. Я не думаю даже, чтобы онъ когда-
 нибудь приходилъ въ судилище; однакожь слы-
 веть, говорить, человѣкомъ сильнымъ въ этомъ
 дѣлѣ и сочинителемъ сильнымъ рѣчей (89).

Сокр. Теперь понимаю. О такихъ-то именно людяхъ и самъ я хотѣлъ говорить. Это тѣ, Критонъ, которые, по словамъ Продика, стоятъ на срединѣ между философомъ и политикомъ, и почитаютъ себя мудрѣе всѣхъ, чтобъ быть и казаться мудрецами особенно въ глазахъ народа; такъ что, по ихъ мнѣнію, никто кромѣ философовъ не мѣшаетъ имъ пользоваться все-

D. общими похвалами. Они думаютъ, что еслибъ послѣднихъ прославить, какъ людей, ничего нестоющихъ; то побѣда и вѣнецъ мудрости уже безъ всякаго сомнѣнія принадлежали бы имъ.

Пусть они и въ самомъ дѣлѣ мудры; но захваченные въ частныхъ разсужденіяхъ, вѣрно будутъ ошипаны (*κολύβοιαι*) Эвтидемами. Впрочемъ эти люди и справедливо называются мудрецами; ибо нѣчто заимствуютъ отъ философіи, нѣчто отъ политики, и какъ то, такъ и

E. другое—не безъ основанія: а заимствуя, сколько нужно, изъ обѣихъ областей, наслаждаются плодами мудрости безъ труда и опасности.

Крит. Но вѣдь они говорятъ же что-нибудь, Сократъ?

Сокр. Ничего не говорятъ.

Крит. Однакожь рѣчь ихъ имѣеть какую-то нарядность.

306. *Сокр.* Правда, Критонъ; въ ней болѣе нарядности, чѣмъ истины. Этихъ людей трудно убѣдить, что и человекъ и все прочее, находясь въ срединѣ между зломъ и добромъ и за-

заимствуя нечто отъ того и другаго, бываетъ
 лучше перваго и хуже послѣдняго. Когда же
 заимствованное взято изъ двухъ благъ, заимст-
 вующаго не въ одной вещи; то оно должно
 быть хуже обонхъ, но болѣе каждое изъ на-
 чаль, давшихъ ему бытiе, есть уже добро. А
 что составлено изъ двухъ золь, относящихся
 къ различнымъ вещамъ, и находится въ сре-
 динѣ между ими; то, и только то одно, лучше B.
 всякаго изъ цѣлыхъ, концы части вошли въ
 составъ его. И такъ предположимъ, что фило-
 софiя и политика, та и другая въ своемъ родѣ,
 суть добро: въ такомъ случаѣ сочинители рѣ-
 чей, заимствуя нечто изъ первой и послѣдней,
 и занимая средину между ими, ничего негово-
 рять, но тому что хуже обонхъ. Если же одна
 изъ нихъ—добро, а другая—зло; то они въ томъ
 отношенiи будутъ хуже, а въ этомъ лучше.
 Словамъ ихъ тогда бы только можно было
 приписать некоторую истинность, когда бѣ
 оба упомянутыя искусства были зло. Но я не C.
 думаю, что сочинители рѣчей признають, или
 оба зломъ, или одно зломъ, а другое добромъ.
 По сему, заимствуя нечто изъ обонхъ, они дѣй-
 ствительно ниже каждаго поровнѣ. Политика
 и философiя цѣнны сами по себѣ; а они, тре-
 тiе, завно въ отношенiи къ истинѣ, стараются
 казаться первыми. Впрочемъ, видно ужъ про-
 стить имъ это удовольствiе; не будемъ досадо-
 вать на нихъ, но постараемся почитать ихъ

тѣмъ, что они есть. Мы должны бить доводы всякимъ, кто говоритъ хоть что-нибудь, носящее характеръ ума, и усердно трудиться надъ проясненіемъ истины.

Крит. Однакожь, Сократъ, я все еще въ недоумѣніи касательно своихъ сыновей и, какъ всегда говорилъ тебѣ, не знаю, что съ ними дѣлать. Младшій конечно еще малъ; но Критовулъ уже на возрастъ и имѣетъ нужду въ чьемъ-нибудь руководствѣ (90). Всякій разъ, разговаривая съ тобою, я убѣждаюсь, что безумно заботиться о многихъ вещахъ касательно дѣтей, наиримѣръ, о своей женѣ, чтобы родить ихъ отъ благородной матери, о деньгахъ, чтобы оставить имъ богатство, а не радѣть объ ихъ воспитаніи. Но когда смотрю на тѣхъ, которые берутся учить людей, то ужасаюсь: мои наблюденія доказываютъ мнѣ, что всякій изъ нихъ весьма далекъ отъ своего дѣла. По сему, если
307. сказать тебѣ правду, я не знаю, совѣтовать ли сыну заниматься философіею.

Сокр. Ты не знаешь, любезный Критонъ, что по всякой наукѣ есть много людей пустыхъ, которые ничего не стоятъ, и нѣсколько дѣльвыхъ, которые дороже всего. Не ужели ни гимнастика, ни экономія, ни риторика, ни стратегія, не кажутся тебѣ науками прекрасными?

Крит. По мнѣ, онѣ весьма хороши.

Сокр. Чтожь? Не видишь ли, что каждая изъ этихъ наукъ питаетъ много людей смѣшныхъ и неспособныхъ ни къ какому дѣлу? В.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, ты говоришь правду.

Сокр. Но не ужели по этой причинѣ и самъ ты будешь бѣгать отъ всѣхъ наукъ, и дѣтей своихъ не образуеть ими?

Крит. Это было бы несправедливо, Сократъ.

Сокр. И такъ не дѣлай, Критонъ, чего не должно. Хороши люди, или худы,—пусть себѣ занимаются философіею. Ты только основательнѣе изслѣдывай самое дѣло; и если оно покажется тебѣ худымъ, устраняй отъ него не только дѣтей, но и всякаго человѣка: а когда, напротивъ, найдешь его такимъ, какимъ оно кажется мнѣ; то иди за нимъ смѣло, трудись, и дѣти твои, какъ говорится, не отстанутъ отъ тебя.

Л А Х Е С Ъ .

ЛАХЕСЬ.

=

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Протагорѣ и Эвтидемѣ Платонъ разсуждалъ вообще о добродѣтели: въ первомъ изслѣдывалъ онъ, можно ли преподавать ее; во второмъ показалъ, какъ понимаютъ и преподають ее софисты. Тѣ же вопросы рѣшаются и въ слѣдующихъ за сими иѣическихъ разговорахъ, только въ нихъ, для большаго и подробнѣйшаго раскрытія предмета, добродѣтель разсматривается уже не вообще, а *въ частяхъ* или *видахъ*: въ Лаксѣ, какъ мужество; въ Хармидѣ, какъ разсудительность; въ Эвтифронѣ (1), какъ святость; въ Иппіасѣ Меньшемъ, какъ справедливость, или противоположное ей—ложь. Недостаетъ конечно отдѣльной бесѣды о мудрости;

(1) Эвтифрона я отнесъ было къ разговорамъ Федровскимъ; онъ и дѣйствительно имѣетъ много общаго съ Федромъ: но теперь сознаю свою ошибку и отношу этотъ разговоръ къ числу бесѣдъ Протагоровскихъ—на томъ основаніи, что въ немъ разкрывается собственно Сократово ученіе о святости.

но мы замѣтили еще въ своемъ введеніи къ Эвтидему, что мудрость у Сократа отнюдь не входила въ рядъ частныхъ добродѣтелей, а почиталась категорическимъ свойствомъ, или отличительнымъ признакомъ всѣхъ, поколику онѣ должны быть выведены изъ круга познаний опытныхъ и утверждены на началъ всеобщемъ, метафизическомъ (1). Всякая добродѣтель, училъ Сократъ, въ существѣ своемъ зависитъ отъ твердаго и постоянного знанія. Хотите ли воспитать дѣтей, обогащайте ихъ умъ различными теоретическими (техническими) свѣденіями, питайте ихъ душу какими угодно науками, соображаясь съ частною цѣлію разцвѣтающей жизни: однакожь помните, что всѣ свѣденія и науки надобно увѣнчивать одною общею добродѣтелію и соединять у одной общей цѣли. Эта добродѣтель—мудрость, эта цѣль—знаніе добра и зла. Такимъ образомъ всѣ показанные разговоры Платона суть истолкованія одного Протагора: въ нихъ предметъ его раздробляется на части и каждая часть, посредствомъ подробнѣйшаго анализа, возводится къ значенію высшему, благороднѣйшему.

Рядъ частныхъ ионическихъ бесѣдъ я начинаю Лахесомъ, не потому, что будто бы Ла-

(1) О природѣ знанія и мудрости Платонъ разсуждаетъ во многихъ разговорахъ, особенно же въ Теэтетѣ, Софистѣ и Парменидѣ: но тамъ знаніе не есть добродѣтель въ смыслѣ Сократовомъ.

дѣтъ, какъ утверждаетъ Шлейермахеръ, есть допущеніе къ Протагору, но потому, что онъ былъ дружокъ охотень съ послѣднимъ въ характерѣ изслѣдыванія предмета.

Предметъ сего разговора есть мужество. Анакмахъ и Мелісіасъ, сыновья великихъ мужей на вонискомъ поприщѣ, признаются, что воспитаніе ихъ было упущено, что они далеко отстояли отъ родителей, и чувствуя это, хотятъ доставить своимъ дѣтямъ самое лучшее образованіе, только не знаютъ, въ чемъ должно состоять оно, недоумываютъ, полезно ли въ этомъ отношеніи искусство сражаться въ полномъ вооруженіи, и для того просятъ совѣта у Никіаса и Лахеса. Никіасъ и Лахесъ начинаютъ совѣтовать, но, не имѣя въ основаніи своихъ мнѣній, нисколько твердаго, положительнаго начала, вступаютъ въ бесполезный, ни къ чему неведущій споръ. Наконецъ въ бесѣдѣ ихъ принимаетъ участіе Сократъ и сообщаетъ ей философскій характеръ. «Если дѣло идетъ о воспитаніи дѣтей, говоритъ онъ; то надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться въ полномъ вооруженіи, а объ образованіи душъ, и прежде изслѣдывать, способенъ ли кто нибудь образовывать ихъ». Поедику же съ понятіемъ о дѣйствованіи оружіемъ, стоитъ въ ближайшей связи понятіе о мужествѣ; то должно напередъ разсмотрѣть: «разумѣемъ ли мы, что такое мужество и знаемъ ли какъ оно пріобрѣтается?»

Сократъ предполагаетъ рѣшить оба эти вопроса одинъ за другимъ; но, такъ какъ въ продолженіи всей бесѣды, совѣтники Лизимаха и Мелісіаса не разрѣшаютъ и перваго изъ нихъ, то послѣдній остается вовсе безъ отвѣта.

Цѣль этого разговора высказана въ самомъ разговорѣ. Доведши своихъ собесѣдниковъ до искренняго убѣжденія, что они не понимаютъ значенія мужества, Сократъ заключаетъ: «Я говорю—и мое слово не съ площади— что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо имѣемъ въ немъ нужду, потому и для дѣтей. Воспитаніе юношества есть дѣло крайней важности: только глубокое знаніе и живое чувство добродѣтели могли бы сдѣлать человѣка воспитателемъ, достойнымъ своего имени. Но кто обладаетъ подобнымъ знаніемъ? кто постигъ эту мудрость? кто согрѣтъ и проникнуть этимъ чувствомъ? Ты хочешь быть врачомъ души?— Уврачуй-ка прежде самаго себя.

Сообразуясь съ такимъ предметомъ, и цѣлю бесѣды, Платонъ избралъ собесѣдниками Сократа двухъ знаменитыхъ полководцевъ, Лахеса и Никіаса, и придавъ имъ не только разные характеры, но и различносторонніе взгляды на мужество. Можно думать, что черты, которыми у Платона изображены эти лица, были общими типами всѣхъ людей военнаго званія въ Греціи и, по свойству своему, раздѣляли

Средство для плеса. Один изъ нихъ поставили мужество въ личной храбрости и, питая свое самолюбие этимъ преимуществомъ, пренебрегали всякою наукою. Наука въ военномъ дѣлѣ казалась имъ бесполезною; знаніе представлялось лишнею именею обладана; добродѣтель почитали они слабою, чуждою той атмосферы, въ которой надобно жить и дѣйствовать воину. Сила, неустранимость, твердость, — вотъ единственныя его качества. Человѣку, со всеми прекрасными принадлежностями существа разумнаго, не нужно быть тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ бой дикихъ зверей. Такихъ-то воиномъ-полководцемъ Платонъ избираетъ Лахеса, и только природное остроуміе, прямота души, сердечная откровенность, рѣшительный тонъ, а особенно готовность биться истину, какъ будто показываютъ его расположеніе къ наукѣ. Напротивъ другіе поставили мужество болѣе въ зависимости отъ искусства и знанія, чѣмъ отъ личной неустрашимости. Къ этому разряду военныхъ людей относились особенно тѣ, которые съ молодыхъ лѣтъ находились въ обществѣ софистовъ и философовъ, возрастали подъ вліяніемъ ихъ наставленій; любили теорію стратегіи и въ ея теоріи видѣли все превосходство воина. Получивъ кое-какія начала, слышавши частыхъ живнѣй, но не усвоивъ ихъ собственнымъ размышленіемъ, они довольствовались простыми, безплодными знаніемъ, не думали

вводитъ его въ сферу жизни, и не умѣлъ предлагать его къ дѣлу. Такимъ-то ученымъ мотоводцемъ въ разсматриваемомъ разговорѣ представляется Никіасъ. Щегольство мнѣніями мудрецовъ, стараніе выказать свое любовь къ наукѣ и обращеніе съ людьми, слащавыя улыбки и пошванія, суть отличительныя черты его характера.

Главные моменты содержанія бесѣды, послѣдней имя Лахеса, суть слѣдующіе:

1. Прологъ. Личныя отношенія разговаривающихъ лицъ; поводъ, по которому онѣ сошлись, или совѣщаніе о томъ, нужно ли юношамъ умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи.

2. Доказательства Никіаса, что знаніе это искусство дѣтямъ весьма полезно въ различныхъ случаяхъ.

3. Мысль Лахеса, что искусство сражаться великимъ оружіемъ едва ли можно назвать искусствомъ, или наукою.

4. Сократъ избирается посредникомъ между двумя спорящими сторонами, но уклоняется отъ посредничества и предлагаетъ избрать того, кому болѣе извѣстенъ предметъ изслѣдованія.

5. Потомъ онъ замѣчаетъ превратное направленіе дѣла и говоритъ, что надобно разсуждать не объ искусствѣ сражаться всякимъ оружіемъ, но о душахъ юношей, и разсужденіе

продолжить тому, кто опытиче въ образованнй душь.

6. Никіасъ объявляетъ, что когда дается направление разговоръ поручается Сопрату; то вснхитанно подвергнуты будутъ не юноши, а вобослденннн.

7. Установленіе дѣйствительнаго предмета бесѣды (понятіе о мужествѣ). Если мы хотимъ сдѣлать кого-нибудь лучшимъ, то прежде сами должны знать, въ чемъ состоитъ существо добра.

8. Если мы хотимъ сдѣлать юношей лучшимъ въ добродѣтели; то необходимо рассмотреть, что такое добродѣтель, или по крайней мѣрѣ, что такое часть ея, мужество.

9. Рынненіе Лахеса, что добродѣтель есть твердость, или непоколебимость души, запутывается въ противорѣчія и опровергается.

10. Рынненіе Никіаса, что добродѣтель есть знаніе, чего должно бояться и на что отваживаться.

11. Опроверженіе Никіасова мнѣнія. Всякое знаніе обнимаетъ свой предметъ въ трехъ временахъ, а Никіасово понятіе о мужествѣ указываетъ только на время будущее. Если же распространить его на всѣ времена; то подымемъ мужества надобно будетъ разумить добродѣтель вообще.

12. Эпнлогъ. Всѣ признають себя неспособными разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ

мужество, и Сократъ заключаетъ, что надобно прежде образовать самихъ себя, а потомъ уже приступить къ образованію дѣтей.

Видя въ ходъ разсматриваемаго разговора и обращая вниманіе на характеръ частныхъ, содержащихся въ немъ мыслей, мы нигдѣ не видимъ достаточнаго основанія согласиться съ Астомъ, что эту бесѣду надобно почитать подложною, и что она будто бы есть отвѣтъ на упрекъ: для чего Платонъ въ Протагорѣ заставилъ Сократа говорить о мужествѣ, когда этотъ предметъ ему неизвѣстенъ и когда разсуждать о немъ приличнѣе полководцамъ? Астъ утверждаетъ, что содержаніе Лахеса взято изъ Протагора, и что Сократъ въ первомъ изъ сихъ разговоровъ противорѣчитъ собственнымъ положеніямъ во второмъ. Какъ понимать это? Въ Протагорѣ дѣйствительно говорится между прочимъ о мужествѣ, и Сократъ приходитъ тамъ къ заключенію, что мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго. О томъ же идетъ рѣчь и въ Лахесѣ. Но мысль Сократа, что мужество есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться, становится здѣсь уже мыслію Никіаса и какъ будто опровергается Сократомъ, который, вопреки Никіасу, наконецъ заключаетъ, что если мужество есть знаніе, а знаніе обнимаетъ всѣ три времени, настоящее, прошедшее и будущее, то быть мужественнымъ, значитъ быть вообще добродѣтельнымъ. Чтожь?

Въ этомъ заключеніи я отнюдь не вижу, противорчія съ заключеніемъ Сократа въ Протагоръ. Въ немъ мужество подведено только подъ категорію знанія, а въ Лахесъ Сократъ, не противорча прежнему, идетъ далѣе и подводитъ знаніе подъ категорію добродѣтели вообще, такъ что изъ заключеній сихъ двухъ разговоровъ составляется слѣдующій силлогизмъ: Всякое знаніе—напр. страшнаго и нестрашнаго—есть добродѣтель вообще (по Лахесу); а мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго (по Протагору); слѣдовательно мужество есть добродѣтель вообще (опять по Лахесу). Такимъ образомъ, Лахесъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ ученій, содержащихся въ Протагоръ.

Не болѣе справедливо замѣчаніе Аста, что въ Лахесъ не кстати и, какъ будто слишкомъ унижительно, изображаются два знаменитые полководца Греціи. Зачѣмъ смотреть на жизнь и взаимныя отношенія Эллиновъ съ нашей, новоевропейской точки зрѣнія! То, что теперь кажется унижительнымъ и неприличнымъ; тогда, какъ видно, было въ обычаяхъ и основывалось на внутренней организаціи народа. Исторія свидѣтельствуетъ, что сословія Эллинскихъ республикъ не были такъ далеки одно отъ другаго, какъ это представляется намъ, нерѣдко опирающимся не на личныя достоинства, а на почетности того званія, къ которому принадлежимъ. При томъ, Никіасъ и Лахесъ бесъ-

думать не на Афинской площади, не въ народномъ собраніи, а въ семейномъ кругу, въ обществѣ друзей, гдѣ и у насъ не всегда думаютъ въ расчетъ раны, степени и политическія преимущества.

Болѣе уважительныя причины, заставляющія критиковъ сомнѣваться въ подлинности Лахеса, заключаются во внутреннеи дѣятельности сего разговора и въ его языкѣ. Лахесъ безъ сомнѣнія не столько искусственъ, сколько и оригиналенъ, сколько Протагоръ; въ немъ какъ-то болѣе простоты, менѣе драматическаго и движенія. Но должно вспомнить, что Сократъ бесѣдуетъ здѣсь не съ сожителями, а съ полководцами. Естественно ли было бы, когда бы Платонъ заставилъ Никіаса и Лахеса распутывать хитросплетенныя умы дѣлвектвннн, или Сократа—говорить такимъ языкомъ, каковъ, во всей вѣроятности, не могъ быть понятенъ для людей военныхъ? Простое, безыскусственное развитіе разговора, а особливо непрерывный рядъ истинъ, собственно Сократическихъ, скорѣе могутъ привести насъ къ заключенію, что Платонъ написалъ своего Лахеса еще въ молодости и даже прежде, нежели появился въ свѣтъ его Протагоръ. Нельзя также не замѣтить, что многія мысли и выраженія въ Лахесѣ какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, а именно формулы (181. С.) *ἄρα μὲν—μὴ ἀλλὰ ποῖα, ἀλλὰ οὐ ποῖα*—изъ Республики 328. С. D; мысль о

гармоничны въ рѣчи и дѣйствіяхъ (188. D.) такъ же какъ Республикѣ 398. E. 591. C. D.; взглядъ на Лаксмоня, какъ *δραστήριον ἱερὸν* (183. E). приводитъ на память *θεηλασία*, которая такъ обстоятельно описана въ Протагорѣ 342. C.; выраженія *ἢ ἄλλος ποῖα* (181. C. 201. C.), *καὶ ἄλλος καὶ ὃ* *καὶ* (181. A.) встрѣчаются то въ Республикѣ 328. D. 338. A., то въ Федонѣ. Отрывъ Лаксея о мужествѣ Сократа въ Делосскомъ сраженіи (181. B.), по видимому, взятъ изъ Платонова Пира 221. A: въ послѣднемъ сказано: *ἀνεχόμενοι οὐδ' αὐτὸς τε ἄμα καὶ Λαχῆς;* а первый говоритъ: *ἐν γὰρ τῇ ἀπὸ Ἀθηνῶν φυγῇ μετ' αὐτῷ συανεχόμενοι.* Метафоры, заимствованныя отъ охоты и ловли, какъ напр. *διέφυγεν, κινήσεται μετὰ δὲ* (194. B.) указываютъ на нѣкоторыя мѣста въ Парменидѣ 128. C, Софистѣ 226. B, Республикѣ 301. E. и Эвтидемѣ 290. B. C. D. Равнымъ образомъ, *χημαζόμενοι ἐν λόγῳ καὶ ἀπορῆσι* (194. B.) встрѣчается въ Филебѣ 29. B. *χημαζόμενοι γὰρ ὅτιος ἢ ἀπορίας ἐν τοῖς τοῦ λόγου.* Такихъ выраженій, которыя какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, въ Лаксѣ вообще весьма много. Основываясь на этомъ, Асть заключаетъ, что Лаксѣ есть произведение одного изъ Платоновыхъ подражателей. Но подобная мнительность, по нашему мнѣнію, выходитъ за предѣлы самой строгой критики. Можно ли требовать, чтобы писатель въ одномъ и томъ же родѣ, въ одной и той же формѣ

своихъ сочиненій не повторилъ нѣсколько разъ одной и той же фразы, поговорки, пословицы? Сродство языка въ извѣстныхъ сочиненіяхъ, кажется, болѣе должно ручаться за ихъ подлинность и происхожденіе отъ одного лица, чѣмъ вести къ мысли о подложности котораго нибудь изъ нихъ. Подражаніе узнать не трудно: соблюдая внѣшнія черты подлинника, оно всегда ниже его по внутреннему своему характеру. Удачно подражать можно только тому, что поверхностно и пусто въ содержаніи.

Лица разговаривающія:

**ЛИЗНИМАХЪ, МЕЛИСИАСЪ, НИКИАСЪ, ЛАХЕСЪ,
СЫНОВЬЯ ЛИЗНИМАХА И МЕЛИСИАСА И
СОКРАТЪ.**

Лиз. Вы, Никіасъ и Лахесъ, видѣли того 178.
человѣка, который сражается въ полномъ во-
оруженіи (1): но я и Мелисіасъ еще не сказали
вамъ, для чего пригласили васъ съ собою по-
смотреть на него; а теперь скажемъ. Мы, ду-
маю, можемъ откровенно бесѣдовать съ вами;
ибо нные смѣются надъ подобными вещами,
и когда кто нибудь просить у нихъ совѣта, не
открываютъ своихъ мыслей, но стараясь уга-
дать, что мыслить совѣтующійся, говорятъ в.
противъ собственнаго убѣжденія: напротивъ
вы, по нашему мнѣнію, способны и понять,
и понявъ, откровенно высказать, что думаете.
По сему-то мы и пригласили васъ на совѣтъ
объ одномъ предметѣ, о которомъ тотчасъ объ-
явимъ вамъ. Дѣло, начинаемое мною такъ из-
далека, состоитъ въ слѣдующемъ. Здѣсь съ нами
сыновья наши: вотъ этотъ его, называющійся, 179.
по имени своего дѣда, Фукидидомъ; а этотъ
мой, носящій также дѣдовское имя отца моего,

название его—Аристидъ. На насъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ, сколько можно болѣе, а не поступать подобно многимъ, которые, какъ скоро дѣти подросли, позволяютъ имъ дѣлать, что хотятъ. По сему мы теперь

В. же намѣрены начать свое послѣднее о нихъ попеченіе. Зная, что и у васъ есть сыновья, вы конечно болѣе, чѣмъ кто-нибудь, беспокоились, какъ бы дать имъ воспитаніе и сдѣлать ихъ благородными. Если же въ вашемъ умѣ часто не было и мысли объ этомъ; то напоминая вамъ, что нерадѣніе въ семъ отношеніи противорѣчитъ долгу, мы просимъ васъ приложить, вмѣстѣ съ нами, нѣкоторое стараніе къ пользѣ дѣтей. А откуда это пришло намъ въ голову, послушайте, Никіасъ и Лахесъ, хотя рѣчь будетъ и немного длинна. Я и Мелісасъ,

С. видите, имѣемъ общій столъ; съ нами кушаютъ и дѣти. Мы будемъ, какъ я уже сказалъ, бесѣдовать съ вами откровенно. Каждый изъ насъ можетъ этимъ юношамъ рассказывать о своемъ родителѣ много прекрасныхъ дѣлъ, которыя онъ совершилъ частію въ военное, частію въ мирное время, заботясь о пользѣ то союзниковъ, то согражданъ (2): о собственныхъ же своихъ дѣлахъ ни ему ни мнѣ рассказать нечего. По сему мы теперь стыдимся своихъ

Д. дѣтсей и обвиняемъ отцовъ, что намъ, во время нашего дѣтства, они позволяли баловаться (3), а дѣла чужія и чужди. Это-то слышать отъ

насъ и наши юноши. Если вы, не будете ра-
 дить о себѣ и повиноваться намъ, говоримъ мы
 нинѣ, то останетесь безславными; а когда поза-
 ботитесь, то скоро окажетесь достойными тѣхъ
 именъ, которыя носите. Вотъ они и готовы
 повиноваться; но мы все-таки изслѣдываемъ,
 чему учась и чѣмъ занимаясь, можно бы имъ
 сдѣлаться людьми благородными. Нѣкто одоб-
 ряетъ насъ и эту науку, что то-есть хорошо Е.
 юношѣ уметь сражаться въ полномъ воору-
 женіи, хвалилъ того человека, который нынѣ
 показывалъ вамъ себя, и предлагалъ посмотре-
 ть его. Но сему-то мы признали нужнымъ и сами
 пойти на это зрѣлище, и васъ пригласить,
 вмѣстѣ какъ зрителей и совѣтниковъ, или, когда
 угодно, участниковъ въ попеченіи о нашихъ
 сыновьяхъ. Вотъ что хотѣли мы сообщить
 вамъ. Теперь ваше дѣло дать свой совѣтъ и 180.
 объ этой наукѣ, должно ли заниматься ею, или
 нѣтъ, и о другихъ, которыя найдете полезными
 для юноши, и, можетъ быть, о самомъ сооб-
 ществѣ (4).

Ник. Я одобряю вашу мысль, Лизимахъ
 и Мелисіасъ, и готовъ принять участіе въ
 этомъ дѣлѣ. Думаю, что и Лахесъ не отка-
 жется.

Лак. И справедливо думаетесь, Никіасъ. В.
 Что Лизимахъ говорилъ о родителяхъ—своихъ
 и Мелисіасовыхъ, то весьма кстати можно ска-
 зать не только о нихъ, но и о насъ, и о всѣхъ,

на комъ лежать общественныя должности. Со всеми ими бываетъ почти тоже, что мы отъ него слышали: то-есть, они не радятъ, не заботятся о дѣтяхъ и частныхъ дѣлахъ своихъ (5). Это хорошо сказано, Лизимахъ. Но я удивляюсь, по чему, приглашая насъ на совѣтъ о воспитаніи юношей, ты не приглашаешь Сократа. Во-первыхъ онъ землякъ твой (6); во-вторыхъ онъ всегда участвуетъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ разсуждаютъ о предметахъ, подобныхъ твоему, то-есть о наукахъ и занятіяхъ, свойственныхъ дѣтямъ.

Лиз. Что ты говоришь, Лахесь? Сократу ли думать о такихъ вещахъ?

Лак. Конечно, Лизимахъ.

Ник. Объ этомъ-то и я могу сказать тебѣ не хуже Лахеса. Сократъ недавно познакомилъ со мною Агаеокла (7), ученика Дамонова, учителя музыки для моего сына, — и чтожь? Агаеоклъ оказался не только пріятнымъ музыкантомъ (8), но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнымъ собесѣдникомъ юношей.

Лиз. Но такіе старики, каковъ я, Сократъ, Никіасъ и Лахесь, не знаютъ молодыхъ людей; по тому что, за старостию, сидятъ большею частию дома. Если же и ты, сынъ Софрониска, можешь дать своему земляку добрый совѣтъ, то посоветуй: да и надобно; вѣдь ты мой родовой другъ; я и отецъ твой всегда были пріятелями и друзьями, и онъ умеръ прежде чѣмъ

между нами произошла какая-нибудь размолвка. Кстати теперь мнѣ пришли на память нѣкоторыя слова: ребята мои, разговаривая между собою дома, часто упоминають о Сократѣ и очень хвалятъ его; но мнѣ никогда не случилось спросить ихъ, не о сыпѣ ли Софронисковомъ говорятъ они. Скажите-ка, дѣти, не это ли тотъ Сократъ, о которомъ вы всякій разъ упоминаете? 181.

Сынъ. Это онъ я есть, батюшка.

Лиз. О, прекрасно, клянусь Ирою, Сократъ, что ты вообще оправдываешь своего отца, благороднѣйшаго изъ людей; особеннѣе же оправдаешь его, когда будешь обращаться съ нами, а мы съ тобою, по домашнему.

Лак. То-то, Лизимахъ; не отпускай-ка этого челоуѣка: я, да и многіе видѣли, что онъ оправдываетъ не только отца, но и отечество. Во время бѣгства отъ Делюса, мнѣ случилось путешествовать вмѣстѣ съ нимъ;—и говорю тебѣ, что еслибъ и другіе хотѣли быть подобными ему, наша республика была бы права, на нее не пало бы тогда столь позорное пятно.

Лиз. Хороня похвала, Сократъ, когда хвалятъ тебя люди, достойные вѣроятія, и за такое дѣло, какъ это. Знай же, что я радуюсь, слыша о заслуженномъ тобою мнѣніи, и будь увѣренъ въ моемъ расположеніи къ тебѣ. Тебѣ и прежде надлежало бы посвятить насъ и по праву считать своими домашними; а теперь,

съ этого дня, со дня обоюднаго нашего знакомства, не иначе поступай, но будь съ нами коротокъ, возобнови знакомство со мною и съ сими юношами, чтобы сохранить родовую нашу дружбу. Если такъ будешь дѣлать, то и мы станемъ, еще чаще, вспоминать о тебѣ. Что же вы скажете о томъ, съ чего было начато? Какъ думаете? Годится ли дѣлать, или нѣтъ, уметь сражаться въ полномъ вооруженіи?

D. *Сокр.* Попытаюсь, Лизимахъ, дать советъ, какой могу, о предложенномъ предметѣ, и сдѣлать все, къ чему меня приглашаешь. Но поелику я моложе этихъ господъ и не столько опытенъ, какъ они; то мнѣ, думаю, приличнее сперва послушать, что они скажутъ, и поучиться у нихъ, а по томъ, если представится нѣчто отличное отъ ихъ словъ, предложить собственное мнѣніе и убѣдить имъ тебя и дѣтей твоихъ. Сдѣлай же одолженіе, Никіасъ, начини кто-нибудь изъ васъ (9).

Ник. Ничто не мѣшаетъ, Сократъ. Изучать юношамъ эту науку, кажется, полезно во многихъ отношеніяхъ. Имъ хорошо свободное время проводить не въ другихъ занятіяхъ, до которыхъ они бываютъ охотники, а въ этомъ: чрезъ такое занятіе они непремѣнно укрѣпятъ свое тѣло; ибо тутъ нуженъ трудъ не слабый и не менѣе всякаго гимнастическаго упражненія. При томъ это движеніе и верховая ѣзда

особенно приличны свободному человеку; потому что мы бываемъ атлетами только на томъ поприщѣ, и только то поприще намъ указывается, съ военными орудіями коего прежде ознакомились. Сверхъ сего, эта наука будетъ полезна и во время самой битвы, когда въ ширенгъ понадобится сражаться со многими; а особенно должно ожидать отъ ней пользы, когда ряды разстроятся и уже нужно будетъ драться одинъ на одинъ, или преслѣдуя V. защищающагося непріятеля, или защищая себя въ бѣгствѣ отъ его преслѣдованія. Кому извѣстно это знаніе, тотъ ничего не потерпитъ не только отъ одного, но, можетъ быть, и отъ многихъ; напротивъ, съ помощію онаго всегда будетъ брать верхъ. Наконецъ, оно можетъ возбудить разположеніе и къ другимъ похвальнымъ знаніямъ; ибо кто умѣетъ сражаться въ полномъ вооруженіи, тотъ захочетъ знать и прочее, относящееся къ строю; а перенявъ это и гордясь своимъ искусствомъ, успеетъ и во всемъ, что С. входитъ въ должность военачальника. Теперь ясно, что дѣти, обладающія этою наукою, изучать и усвоить себѣ все прочія, все похвальное и достойное человека пытливаго, все, къ чему ведетъ означенная наука. Прибавимъ къ сему еще одно не маловажное обстоятельство, что она каждому во время войны вдохнетъ болѣе смѣлости и мужества, чѣмъ сколько кто имѣлъ прежде. Да и тѣмъ нельзя пренебрегать,—хотя

инному это кажется и бездѣлицею, — что она
 D. придаетъ человеку хорошую наружность, а
 надобно показаться молодцомъ, а неприят-
 лямъ тою же самою наружностію внушаетъ
 страхъ. И такъ, по моему мнѣнію, Лизимахъ,
 юноши должны ей учиться, и причины уже
 извѣстны. Теперь я съ удовольствіемъ послу-
 шалъ бы Лахеса, если онъ имѣетъ сказать въ
 что кромѣ сего.

Лак. Но трудно найти искусство, Никіасъ,
 которому не слѣдовало бы учиться; ибо хорошо
 все знать. Надобно конечно знать и то, какъ
 E. сражаться въ полномъ вооруженіи, если только
 это, по словамъ учителей и Никіаса, есть дѣй-
 ствительно наука: а когда не наука, когда вы-
 дающіе себя за ея преподавателей обманываютъ
 насъ, или когда это и наука, но нестоющая
 вниманія; то къ чему изучать ее? Я говорю
 такъ, основываясь на слѣдующемъ. Если бы
 умѣнье сражаться въ полномъ вооруженіи по-
 ходило на науку; то оно, мнѣ кажется, не
 скрылось бы отъ Лакедемонянъ, которые во
 всю свою жизнь заботятся единственно объ
 183. отысканіи и приобрѣтеніи того, чѣмъ вос-
 пользовавшись, могли бы побѣждать другихъ
 на войнѣ. Но какъ скоро Лакедемоняне не
 знаютъ этой науки; то преподавателямъ ея
 должно бы знать, что они гораздо болѣе про-
 чихъ Эллиновъ любятъ подобныя занятія, и
 что оцѣненный ими въ семь отношеніи, какъ

трагикъ, оцѣненный нами, собралъ бы много денегъ и у другихъ Грековъ. По сему, кто почитаетъ себя хорошимъ писателемъ трагедій, тотъ не страствуетъ за пределами Аттики, чтобы показать свое искусство въ другихъ республикахъ, но тотчасъ идетъ сюда и здѣсь даетъ свои представленія: такъ и должно быть (40). Напротивъ для людей, сражающихся въ полномъ вооруженіи, Лакедемонъ, какъ видно, есть недоступное святилище, куда они не смѣютъ занести и ноги, а только ходятъ вокругъ его границъ, показывая свою науку каждому и даже тѣмъ, которые сами сознаются, что между ими многіе въ знаніи военнаго дѣла превосходнѣе сихъ учителей. При томъ мнѣ случалось, Лизимахъ, быть съ нѣкоторыми изъ такихъ людей на самомъ дѣлѣ, — и вижу, что они значать. Да можно судить и по тому, что изъ всѣхъ искусниковъ сражаться въ полномъ вооруженіи, будто нарочно, ни одинъ не прославился на войнѣ; между тѣмъ какъ по прочимъ наукамъ, которыя входили въ кругъ ихъ занятій, нныя сдѣлались извѣстными. Эти-то искусники, кажется, болѣе другихъ и терпятъ неудачи. Вотъ хоть бы тотъ Стезилай, котораго вы со мною видѣли въ толпѣ, и который такъ хвастался и столько дивнаго, какъ слышали, говорилъ о себѣ. Разъ я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на него, когда онъ, правда нехотя, но точно показалъ

истинное искусство. Случилось, что корабль, на которомъ онъ плылъ, столкнулся съ однимъ ластовымъ судномъ. Въ то время Слезимай дѣлалъ видъ сраженія серповиднымъ копьемъ, — оружіе конечно отличное, какъ и самъ владѣтель его. Впрочемъ о другихъ качествахъ этого человека говорить не стоитъ, а что вышло изъ его затѣи присоединить къ копыю серпъ, скажу вамъ. Когда онъ такимъ образомъ сражался, копье его какъ-то зашуталось въ снастяхъ ластоваго корабля и зацѣпилось за нихъ. Онъ потянулъ свое оружіе, съ намѣреніемъ высвободить его, но не могъ. Между тѣмъ дотъ корабль начиналъ двигаться мимо другаго. Слезимай, пока могъ, слѣдовалъ за нимъ, не выпуская изъ рукъ копья. Но когда судно уже совсемъ проходило и тянуло его, державшагося за копье; то онъ началъ, рука чрезъ руку, перехватывать древко своего оружія до самаго конца. На ластовомъ кораблѣ подняли смѣхъ и рукоплесканія, смотря на его положеніе; а когда кто-то бросилъ на палубу подъ ноги къ нему камень, и онъ выпустилъ копье, тогда при видѣ серповиднаго его оружія, повисшаго на снастяхъ грузоваго корабля, не могли уже и на военномъ суднѣ удержаться отъ смѣха. Итакъ, можетъ, въ сей наукѣ и есть что-нибудь, какъ говоритъ Никіасъ; но что я видѣлъ, то видѣлъ; а по тому повторяю сказанное прежде, что эта наука или мало полезна, или вовсе не

наука, и что называемая и прикрываемая однимъ только именемъ, она не стоитъ изученія. При томъ, если бы вздумалъ заниматься ею человекъ трусливый, съ намѣреніемъ сдѣлаться сильнымъ; то мнѣ кажется, онъ сталъ бы еще замѣтнѣе прежняго: а если мужественный, на котораго обращается вниманіе всѣхъ; то и малѣйшая его ошибка подверглась бы великимъ пересудамъ; ибо выдавать себя за знатока въ этой наукѣ, значить возбуждать къ себѣ зависть, такъ что хвалясь ею, но не отличаясь отъ другихъ какою-нибудь чрезвычайною добродѣтелию, не лзя избѣжать насмѣшекъ. Вотъ мои мысли, Лизимахъ, о занятіи этою наукою. Теперь, какъ я сказалъ съ самаго начала, что не должно отпускать Сократа, пусть и онъ объявитъ свое мнѣніе о предложенномъ предметѣ. С.

Лиз. Да, прошу тебя, Сократъ, тѣмъ болѣе, что наше совѣщаніе, по видимому, имѣетъ нужду въ посредникѣ. Если бы эти господа были согласны въ своихъ мнѣніяхъ; то посредничество казалось бы еще менѣе необходимымъ: но вотъ Лахесъ, видишь, противоречитъ Никіасу; по сему хорошо послушать тебя, къ которому изъ нихъ ты соединишь свой голосъ.

Сокр. Какъ, Лизимахъ? ты думаешь воспользоваться тѣмъ мнѣніемъ, на сторонѣ котораго будетъ болѣе нашихъ голосовъ?

Лиз. А чтожь иное и дѣлають, Сократъ?

Сокр. Не ужели и ты поступишь такъ же,
Е. Мелісіасъ? На примѣръ, если бы у тебя происходило совѣщаніе о тѣлесныхъ упражненіяхъ твоего сына, какого рода онѣ должны быть; то намъ ли многимъ повѣрилъ бы ты, или тому, который гимнастическія свои способности развилъ и употреблялъ подъ руководствомъ хорошаго наставника?

Мел. Естественно тому, Сократъ.

Сокр. Значить, ты охотнѣе повѣрилъ бы ему одному, чѣмъ намъ четверымъ?

Мел. Можетъ быть.

Сокр. Ибо, по твоему мнѣнію, кто хочетъ хорошо судить, тотъ долженъ основываться на знаніи, а не на множествѣ.

Мел. Какъ же иначе?

Сокр. По этому, прежде должно изслѣдовать,
 185. искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ томъ, о чемъ совѣтуемся, или нѣтъ. Если искусенъ, повѣримъ ему одному, а прочихъ оставимъ; если же нѣтъ, будемъ искать другаго. Развѣ вы—ты и Лизимахъ, приступаете теперь къ мало-важному дѣлу, а не къ такому пріобрѣтенію, которое выше всѣхъ вашихъ пріобрѣтеній? Въдъ смотря потому, хороши бываютъ сыновья, или напротивъ, весь родительскій домъ въ отношеніи къ жизни подстрогается подъ ладъ дѣтей.

Мел. Твоя правда.

Сокр. Итакъ объ этомъ надобно подумать да подумать.

Мел. Конечно.

Сокр. Какимъ же бы образомъ, какъ я сей-часъ сказалъ, изслѣдовать (если хотимъ изслѣдывать), кто изъ насъ самый искусный въ упражненіи тѣла? Не тотъ ли, кого учили и занимали этимъ, и у кого, по сему предмету, были хорошіе наставники?

Мел. Мнѣ кажется, тотъ.

Сокр. А еще прежде не изслѣдовать ли намъ, что такое было бы, въ отношеніи къ чему мы ищемъ учителей.

Мел. Какъ ты говоришь?

Сокр. Можетъ быть яснѣе будетъ такъ: кажется, мы еще не условились, что такое было бы, о чемъ у насъ совѣщаніе и разсужденіе, и касательно чего предложенъ вопросъ: кто изъ насъ самый искусный, поколику имѣлъ наставниковъ, и кто нѣтъ?

Ник. Но развѣ не извѣстно, Сократъ, что мы разсуждаемъ о сраженіи въ полномъ вооруженіи, должно ли учить этому юношей или не должно?

Сокр. Конечно такъ, Никіасъ: но когда бы дѣло шло о лѣкарствѣ для глазъ, должно ли употребить его или нѣтъ; то что тогда было бы предметомъ совѣщанія: лекарство, или глаза?

Ник. Глаза.

В. *Сокр.* Равнымъ образомъ, если бы разсуждали: должно ли надѣть на лошадь узду, или нѣтъ, и когда? то совѣщались бы о лошади, а не объ уздѣ?

Ник. Конечно.

Сокр. Однимъ словомъ: когда кто разсуждастъ о чемъ-нибудь для чего-нибудь; то совѣщаніе идетъ о томъ, для чего разсуждается, а не о томъ, что требуется для другаго.

Ник. Необходимо.

Сокр. Значить, тогда надобно изслѣдывать самаго совѣтника, искусенъ ли онъ въ врачеваніи того, для чего происходитъ изслѣдованіе.

Ник. Конечно.

Сокр. А мы теперь разсуждаемъ о наукѣ для души юношеской.

Е. *Ник.* Да.

Сокр. И такъ надобно опредѣлить: искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ врачеваніи души, можетъ ли хорошо врачевать ее и руководствовался ли онъ хорошими учителями?

Лак. Но какъ же, Сократъ? разве ты не видывалъ, что иногда безъ учителей бывають искусные въ чемъ-нибудь, нежели съ учителями?

Сокр. Положимъ, Лакесь; но такимъ-то людямъ ты не захотѣлъ бы повѣрить, пока они, называя себя отличными мастерами, не подтвердили бы своего показанія какою-ни-

будь хорошо выполненнымъ дѣломъ, одинъ, 186.
или пѣсколько разъ.

Лак. Это правда.

Сокр. Стало быть и мы, Лакесъ и Никіасъ, когда Лизимахъ и Мелисіасъ пригласили насъ на совѣщаніе о своихъ сыновьяхъ, стараюсь о добротѣ ихъ душъ,—и мы должны, если имѣли, указать имъ своихъ учителей, которые, бывъ сами добрыми и воспитавъ души многихъ юношей, потомъ научили и насъ. Когда же кто изъ насъ скажетъ, что у него не было учителя, что онъ совершилъ дѣла свои самъ собою; то пусть укажетъ на какихъ-нибудь Афинянъ или иностранцевъ, на рабовъ или свободныхъ, которые подъ его руководствомъ сдѣлались добрыми. Если же мы не представимъ ни того ни другаго; то велимъ искать новыхъ совѣтниковъ, а не подвергаться опасности испортить дѣтей, принадлежащихъ нашимъ друзьямъ, и быть крайне виновными въ отношеніи къ ближнимъ. И такъ, Лизимахъ и Мелисіасъ, я первый говорю, что по сему предмету у меня не было учителя, сколько я съ равныхъ лѣтъ ни стараюсь объ этомъ. Софисты, которые одни берутся сдѣлать меня честнымъ и добрымъ, не могу платить; а самъ найти это искусство и доселѣ не въ состояніи. Что же касается до Никіаса и Лакеса, то не удивительно, что они нашли его, или выучились ему; по тому что у нихъ больше денегъ,

- чтобъ учиться, и лѣтъ, чтобы уже найти. Да мнѣ-таки и кажется, что они сильны въ образованіи людей; но не столь бы безстрашно заключали о полезныхъ и вредныхъ для юношества наукахъ, если бы не были увѣрены въ своею знаніи. Въ этомъ-то я не сомнѣваюсь; удивляюсь только тому, что они несогласны другъ съ другомъ. По сему, какъ прежде Лахесъ приказывалъ тебѣ не отпускать меня, но спрашивать, такъ и я теперь на оборотъ прошу тебя не отпускать Лахеса и Никіаса, но спросить ихъ о слѣдующемъ. Сократъ признается,
- Б. что онъ не понимаетъ сего дѣла и не можетъ разобрать, кто изъ васъ говоритъ правду; по тому что не былъ ни открывателемъ такого искусства, ни чѣмъ нибудь ученикомъ по сему предмету. Пусть же теперь, Лахесъ и Никіасъ, каждый изъ васъ скажетъ, у какого мудреца учились вы воспитывать юношей, и ваше знаніе есть ли плодъ науки, или собственное открытіе. Когда плодъ науки, то кто были вашими учителями, и гдѣ ваши товарищи по
187. сему ученію?—что бы мы, если вамъ самимъ, по причинѣ общественныхъ должностей, недосугъ, могли обратиться къ нимъ и, либо подарками, либо прозъбами, либо тѣмъ и другими вмѣстѣ, убѣдить ихъ позаботиться о нашихъ и вашихъ дѣтяхъ и не допустить, чтобы они сдѣлались худыми и стыдились своихъ предковъ: а когда собственное открытіе, то представьте

примѣръ, какіе люди уже были предметомъ вашихъ попеченій, и кто вами изъ худаго превращенъ въ честнаго и добраго. Если же вы только начинаете воспитывать; то замѣтьте, что дѣлаете опыты не надъ Карійцемъ (11), а надъ смновьями и дѣтьми друзей своихъ. Смотрите, чтобы и у васъ, по простой пословицѣ, гончарни не было въ бочкѣ (12). И такъ скажите, что въ этомъ отношеніи вы имѣете и приписываете себѣ, и чего нѣтъ. Спроси-ка, Лизимахъ, этихъ мужей и не отпускай ихъ.

Лиз. Мнѣ кажется, господа, Сократъ говорить хорошо. Однакожь вы, Никіасъ и Лахесъ, должны сами знать, угодно ли вамъ выслушать такой вопросъ и отвѣчать на него. Для меня и Мелисіаса конечно было бы пріятно, если бы вы захотѣли раскрыть все, о чемъ Сократъ спрашивалъ; ибо мы, какъ сказано мною съ самаго начала, для того и пригласили васъ на совѣтъ, что предполагаемъ въ васъ надлежащую заботливость и вообще объ этомъ предметѣ, и по тому, что вашимъ дѣтямъ, почти такъ же, какъ и нашимъ, настало время учиться. И такъ, если вамъ ничто не мѣшаетъ, говорите и, вмѣстѣ съ Сократомъ, изслѣдуйте дѣло, предлагая и принимая доказательства другъ отъ друга. И то хорошо сказалъ онъ, что вы теперь разсуждаете о важнѣйшемъ нашемъ дѣлѣ: смотрите же, думаете ли вы, что надобно поступить такимъ образомъ.

Ник. Изъ всего видно, Лизимахъ, что ты знаешь Сократа только по отцу; а съ нимъ самимъ обращался не позже, какъ въ его
 Е. дѣтствѣ, когда онъ на своей родинѣ, ходя за отцомъ, видался съ тобою или въ храмъ, или въ какомъ-нибудь другомъ собраніи твоихъ земляковъ. Да, явно, что сдѣлавшись постарше, онъ не встрѣчался съ тобою.

Лиз. Такъ чтожъ, Нигіасъ?

Ник. Ты, кажется, не знаешь, что кто слишкомъ близко подходитъ къ Сократу съ своимъ словомъ, какъ съ родиною, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, тотъ, съ чего бы ни началъ разговаривать, не перестанетъ спутываться собственною рѣчью, пока не упадетъ въ
 188. необходимость дать отчетъ, какъ онъ живетъ теперь и какъ жилъ прежде. А когда упадетъ; то Сократъ дотолѣ не отпуститъ его, пока не вымучитъ всѣхъ подробностей. Напротивъ я привыкъ къ нему и знаю, что уже надобно испытать это; знаю, что испытаю тоже и я: однакожъ все таки радъ встрѣчаться съ нимъ и не нахожу ни какого зла въ припоминаніи того, что мы не хорошо сдѣлали, или дѣлаемъ; даже увѣренъ, что кто не избѣгнетъ сего, тотъ
 В. необходимо позаботится о послѣдующей жизни, или по словамъ Солона (13), захочетъ и почтеть нужнымъ учиться какъ жить, а не будетъ думать, что старость сама придетъ къ нему съ умомъ. И такъ мнѣ не непривычно и не не-

пріятно подвергнуться испытанію со стороны Сократа; я давно замѣтилъ, что, въ его присутствіи, рѣчь будетъ у насъ не о двѣяхъ, а о насъ самихъ. Еще повторяю, что мнѣ ни что С. не мѣшаетъ бесѣдовать съ Сократомъ, какъ ему угодно: но смотри, что думаетъ объ этомъ Лахесь.

Лак. Моя мысль о бесѣдѣ одинакова, Никіасъ, или, если угодно, и не одинакова, а двояка. Я могу иному показаться любителемъ и вмѣстѣ ненавистникомъ бесѣдъ. Когда я слушаю рѣчь о добродѣтели, или о какой нибудь мудрости, отъ такого человѣка, который дѣйствительно стритъ своей рѣчи; то бываю весьма радъ и говорящему, и слову его, такъ какъ D. между ними есть соответствіе и гармонія: такой человѣкъ кажется мнѣ въ самомъ дѣлѣ музыкантомъ, проявляющимъ прекраснѣйшую гармонію не на лирѣ, не на музыкальныхъ инструментахъ, но въ жизни, въ которой у него слова созвучны съ дѣлами,—не іонически, не фригійски и не лидійски, а прямо дорически, то-есть, выражаютъ единственную Эллинскую гармонію (14). Разговоръ такого человѣка доставляетъ мнѣ отраду, и я тогда кажусь любителемъ бесѣдъ, я съ жадностію принимаю, E. что говорится. Но кто дѣлаетъ противное сему; тотъ, какъ хорошо ни говори, огорчаетъ меня и заставляетъ ненавидѣть бесѣду. Сократъ, по своимъ разговорамъ, мнѣ конечно неизвѣстенъ;

*

однакожь нѣкогда я, какъ слѣдовало, испыталъ самыя дѣла его и изъ нихъ узналъ, что онъ
 189. стоитъ прекрасныхъ рѣчей и можетъ смѣло говорить ихъ. Если же онъ таковъ; то я буду бесѣдовать съ нимъ, съ большимъ удовольствіемъ подвергнусь его испытанію, не поскучаю урокомъ, соглашаюсь съ Солономъ и къ его словамъ прибавляю только одно: хочу учиться до старости не иначе, какъ у добрыхъ. Признайтесь: надобно предположить отличнаго учителя, чтобъ, учась не хотя, не показаться ему неучемъ. А что наставникъ молодъ, не
 В. пользуется извѣстностію и тому подобное, объ этомъ я не забочусь. И такъ объявляю тебѣ, Сократъ: учи и обличай меня въ чемъ хочешь; готовъ учиться даже тому, что уже знаю. Я расположенъ къ тебѣ съ того дня, въ который ты раздѣлялъ со мною опасности и показалъ опытъ добродѣтели, свойственный только тому, кто истинно хочетъ показать его. Говори же, что тебѣ любо, не обращая вниманія на нашъ возрастъ.

С. Сокр. Однакожь мы вѣрно ужъ не будемъ обвинять васъ за неготовность подавать совѣты и изслѣдывать.

Лиз. Но вѣдь это наше дѣло, Сократъ; по тому что я почитаю тебя однимъ изъ своихъ. Смотри же и вмѣсто меня, о чемъ мы, ради юношей, должны спрашивать ихъ, и совѣтуйся съ ними посредствомъ разговора. Я,

по своей старости, уже многое и забываю, что думалъ было сказать и что недавно слышалъ. А если между тѣмъ входятъ еще другія рѣчи; то и совсѣмъ не припомню. И такъ говорите D. и рассматривайте предметъ сами между собою; а я буду слушать и, выслушавши, мы съ Мелисіасомъ сдѣлаемъ то, что вамъ понравится.

Сокр. Надобно повиноваться Лизимаху и Мелисіасу, Никіасъ и Лахесъ. Можетъ быть намъ въ самомъ дѣлѣ не худо испытать самихъ себя и въ томъ, что мы предпринимали изслѣдовать теперь же, то-есть, какіе учителя были у насъ по рассматриваемой наукѣ, и кого сдѣлали мы лучшимъ. Но это изслѣдованіе E. вѣроятно поведетъ насъ едва ли не къ началу дѣла: ибо, если мы знаемъ, что принадлежащая кому-нибудь вещь улучшаетъ того, кому принадлежитъ, и если, сверхъ сего, можемъ сдѣлать, чтобы она ему принадлежала; то конечно знаемъ и предметъ своего совѣщанія, то-есть, кому и какъ легче и успѣшнѣе приобрѣсть ее. Впрочемъ, можетъ быть, вы не понимаете, что я говорю? такъ вотъ какъ скорѣе поймете. Если 190. мы знаемъ, что зрѣніе, принадлежа глазамъ, улучшаетъ то, чему принадлежитъ, и сверхъ сего умѣемъ сдѣлать, чтобы оно глазамъ принадлежало; то конечно знаемъ и самое зрѣніе, что такое оно, какъ предметъ нашего совѣщанія, и какъ легче и успѣшнѣе приобрѣсть его. А когда не знаемъ, что зрѣніе, что слухъ;

то едва ли можемъ быть совѣтниками, стоящими слова, и врачами глазъ и ушей,—едва ли скажемъ, какъ лучше пріобрѣсти слухъ и зрѣніе.

В. *Лак.* Ты правду говоришь, Сократъ.

Сокр. Не за тѣмъ ли, Лакесь, эти люди нынѣ призвали насъ, чтобы мы подали совѣтъ: какимъ образомъ душамъ ихъ сыновей сообщить добродѣтель и чрезъ то сдѣлать ихъ лучшими?

Лак. Конечно.

Сокр. Но напередъ не нужно ли знать, что такое добродѣтель? Ибо вовсе не зная, что она, можно ли намъ совѣтоваться, какъ лучше пріобрѣсть ее?

С. *Лак.* Мнѣ кажется, не лзя, Сократъ.

Сокр. Мы конечно приписываемъ себѣ знаніе добродѣтели?

Лак. Да, приписываемъ.

Сокр. И что знаемъ, можемъ какъ-нибудь выразить?

Лак. По чему не такъ?

Сокр. Однакожь, почтеннѣйшій, не станемъ съ перваго раза разсматривать добродѣтель вообще,—можетъ быть это довольно трудно. Возьмемъ сперва какойнибудь видъ ея и посмотримъ, въ силахъ ли мы знать его. Такое изслѣдованіе будетъ для насъ вѣроятно легче.

Д. *Лак.* Слышемъ и такъ, Сократъ, если угодно.

Сокр. Какой же бы видъ добродѣтели избрать намъ? не лучше ли тотъ, къ которому имѣеть отношеніе наука сражаться всякимъ оружіемъ? А она, по мнѣнію многихъ, относится къ мужеству: не такъ ли?

Лак. Кажется, въ самомъ дѣлѣ такъ.

Сокр. Давай же, Лакесь, прежде всего скажемъ, что такое мужество, а по томъ рассмотримъ, какимъ образомъ оно можетъ быть приобрѣтено юношами, сколько это зависитъ отъ наукъ и упражненія. И такъ, сообразно съ моимъ предначертаніемъ, попытайся сказать, что такое мужество.

Лак. Это, клянусь Зевсомъ, не трудно. Кто рѣшился удерживать свое мѣсто въ строю, отражать непріятеля и не бѣжать; тотъ вѣрно мужественъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь, Лакесь; но, можетъ быть, моя вина, что твой отвѣтъ не ясенъ и заключаетъ въ себѣ не ту мысль, которую я соединялъ съ своимъ вопросомъ, а другую.

Лак. Что ты хочешь сказать, Сократъ? 191.

Сокр. Объяснюсь, сколько могу. По твоему, мужественъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, удерживая свое мѣсто въ строю.

Лак. Это именно мои слова.

Сокр. Равно и мои. Но что будетъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, не удерживая своего мѣста, а убѣгая?

Лак. Какъ убѣгая?

Сокр. На примѣръ какъ Скиѣы (15), которые, говорятъ, не менѣе сражаются въ бѣгствѣ, какъ и въ погонѣ, или какъ хваленые Энеевы кони, которые, по словамъ Омира, могли весьма быстро летать туда и сюда, то убѣгая, то преслѣдуя. Да Омиръ превозноситъ и самаго Энея за умѣнье бояться, и называетъ его совѣтникомъ страха (16).

Лак. Хорошо, Сократъ; но вѣдь онъ говорить о колесницахъ, а ты о Скиѣскихъ всадникахъ. Скиѣы-то на коняхъ сражаются конечно такъ; но Греческая пѣхота по моему.

Сокр. Можетъ быть кромѣ Лакедемонянъ, С. Лахесь; по тому что Лакедемоняне, при Платевъ, встрѣтившись съ щитоносцами (17), не хотѣли, говорятъ, сражаться съ ними на одномъ мѣствѣ, а побѣжали. Когда же чрезъ это Персидскія линіи разстроились; то они, подобно всадникамъ, вдругъ возвратились и, сразившись, одержали побѣду.

Лак. Твоя правда.

Сокр. Такъ вотъ по чему ты не хорошо отвѣчалъ: я виноватъ, что не хорошо спрашивалъ. У меня была мысль спросить о мужественныхъ не только въ пѣхотѣ, но и въ конницѣ, и вообще во всякомъ родѣ войны; да и не о воинахъ только, но и о тѣхъ, которые мужественно подвергаются опасностямъ на морѣ, мужественны противъ болѣзней, бѣдности, или

и политики, которые также храбро сражаются не съ одними скорбями и страхомъ, но и съ страстями, или удовольствіями, то удерживая свое мѣсто, то отступая; ибо во всемъ этомъ, Е. Лахесъ, не менѣе возможно мужество.

Лак. И очень, Сократъ.

Сокр. И такъ всѣ эти мужественны; только одни оказываютъ мужество въ удовольствіяхъ, другіе въ скорбяхъ, иные въ страстяхъ, а нѣкоторые въ страхъ. Напротивъ, немужественные во всемъ этомъ обнаруживаютъ боязнь.

Лак. Конечно.

Сокр. Значить, я спрашивалъ тебя, что это такое въ обоихъ случаяхъ. Попытайся же опять сначала сказать, что такое мужество, какъ одно и тоже во всемъ. Но можетъ быть ты не понимаешь словъ моихъ?

Лак. Не слишкомъ.

Сокр. Я говорю такъ. Пусть будетъ пред- 192. ложенъ вопросъ: что такое скорость, проявляющаяся и въ бѣганіи, и въ музыкѣ, и въ разговорѣ, и въ ученіи, и во многомъ другомъ,—та скорость, которую, можно сказать, мы приобрътаемъ въ дѣятельности рукъ, ногъ, языка, голоса и мысли (18)? Не спросилъ ли бы и ты такимъ образомъ?

Лак. Конечно спросилъ бы.

Сокр. И такъ положимъ, что съ этимъ вопросомъ кто нибудь обратился бы ко мнѣ и сказалъ: Сократъ! что называешь ты скоростью

В. во всемъ? Я отвѣчалъ бы: называю способность въ короткое время дѣлать много и голосомъ и хожденіемъ и всѣмъ другимъ.

Лак. И отвѣчалъ бы въ самомъ дѣлѣ правильно.

Сокр. Попытайся же, Лакесь, подобнымъ образомъ опредѣлить и мужество. Что такое оно, какъ одна и та же способность, и въ удовольствіи, и въ страданіи, и во всемъ, въ чемъ мы недавно находили его?

Лак. По моему мнѣнію, мужествомъ, если только надобно опредѣлять его всеобщимъ признакомъ, называется какая-то твердость души.

С. *Сокр.* Конечно такъ надобно опредѣлять, когда хочешь отвѣчать на вопросъ. Однако, мнѣ кажется, что не всякая же твердость, если не обманываюсь, представляется тебѣ мужествомъ. Заключаю изъ того, что мужество ты относишь, вѣроятно, къ вещамъ весьма хорошимъ.

Лак. Да, безъ сомнѣнія, къ прекраснымъ.

Сокр. Слѣдовательно твердость хороша и чести, когда соединяется съ благоразуміемъ?

Лак. Конечно.

В. *Сокр.* Чтожь она будетъ безъ разсудительности? Вѣроятно противоположное, то-есть, дурное и зловредное?

Лак. Да.

Сокр. И такъ, назовешь ли ты ее хорошею, когда она зловредна и дурна?

Лак. Не слѣдуетъ, Сократъ.

Сокр. Значить, такой твердости, которая не хороша, ты не признаешь и мужествомъ, если мужество есть дѣло хорошее.

Лак. Правда.

Сокр. И такъ, по твоимъ словамъ, мужество есть благоразумная твердость.

Лак. Должно быть.

Сокр. Посмотримъ же, въ чемъ она благоразумна: во всемъ ли, какъ въ великомъ, такъ и въ маловажномъ? Напримѣръ, назовешь ли ты мужественнымъ того, кто съ благоразумною твердостью расточаетъ деньги, зная, что расточивши ихъ, онъ пріобрѣтетъ болѣе?

Лак. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А врача, который не смягчается, но остается твердымъ, когда сынъ его, либо кто другой, страдая воспаленіемъ въ легкихъ, просить пить или ѣсть?

Лак. Нѣтъ, и это не такое мужество.

193.

Сокр. А человека твердаго на войнѣ, который хочетъ сразиться, благоразумно рассчитывая и зная, что ему помогутъ другіе, что онъ вступить въ дѣло съ непріателемъ не столь многочисленнымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ собственный его отрядъ, и что при томъ самая позиція его лучше,—человѣка, твердо опирающагося на такіе расчеты и способы, назовешь ли

ТЫ мужественнѣе того, который рѣшился оставаться и быть твердымъ въ противоположномъ лагерѣ?

В. *Лак.* Мнѣ кажется, Сократъ, что въ противоположномъ лагерѣ болѣе мужества.

Сокр. И однакожъ мужество послѣдняго будетъ не такъ разсудительно, какъ перваго?

Лак. Правда.

Сокр. Равнымъ образомъ и въ конномъ сраженіи, твердый съ знаніемъ, по твоему мнѣнію, не столь мужественъ, какъ твердый безъ знанія?

Лак. Мнѣ кажется.

Сокр. Тоже утверждаешь ты о твердости и пращниковъ, и луконосцевъ, и другихъ воиновъ?

С. *Лак.* Конечно.

Сокр. А тѣ люди, которые, вздумавъ сойти въ колодезь и, не смотря на неумнѣе, захотѣвши плавать, твердо рѣшались бы на это, или иное подобное дѣло,—тѣ, по твоему мнѣнію, мужественнѣе ли другихъ, опытныхъ въ этомъ искусствѣ?

Лак. Кто же бы сказалъ иначе, Сократъ?

Сокр. Конечно никто, у кого подобныя мысли.

Лак. Да и я такихъ же мыслей.

Сокр. Однакожъ, Лакесь, эти люди, подвергаются опасностямъ и бываютъ тверды безраз-

суднѣе, чѣмъ тѣ, которые дѣлають тоже съ искусствомъ.

Лак. Кажется.

Сокр. Но безразсудная дерзость и твердость Д. не казалась ли намъ прежде постыдною и дурною?

Лак. Конечно.

Сокр. А мужество мы признали чѣмъ - то хорошимъ.

Лак. Да, признали.

Сокр. И вотъ теперь опять, постыдное, то-есть, безразсудную твердость называемъ мужествомъ.

Лак. Видно такъ.

Сокр. Чтожь? хорошо ли мы говоримъ?

Лак. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Видишь, по твоему же признанію, Лакесь, я и ты гармонируемъ не дорически; ибо дѣла у насъ несогласны съ словами. Если бы кто-нибудь слышалъ нашъ разговоръ, то сказалъ бы, что на дѣлѣ-то мы, кажется, храбры, а на словахъ—не совсѣмъ.

Лак. Весьма справедливо.

Сокр. Чтожь? хорошо ли быть такими?

Лак. Вовсе не хорошо.

Сокр. Хочешь ли долѣе оставаться при томъ, что мы говорили?

Лак. При чемъ и какъ долѣе?

Сокр. При томъ мнѣніи, которое велить 194. быть твердымъ. Если угодно, мы тоже удер-

жимся и будемъ тверды въ изслѣдованіи своего предмета, чтобы мужество не смѣялось надъ нами, будто мы не мужественно разсматриваемъ его, когда оно, по нашимъ же словамъ, состоитъ въ твердости.

Лак. Я готовъ, Сократъ; не отстану, хоть и не привыкъ къ такому роду рѣчей. Во
В. мнѣ есть охота разсуждать; но досадно, что не умѣю выразить своихъ мыслей. Мнѣ кажется, я понимаю, что такое мужество; только у меня какъ-то ускользаетъ собственное понятіе, такъ что я не могу заключить его въ слово и сказать, что оно такое.

Сокр. Но порядочный ловчій долженъ преслѣдовать свою добычу, другъ мой, а не оставлять ее.

Лак. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не угодно ли пригласить на ловлю и Никіаса? Можетъ быть онъ успѣшнѣе насъ.

Лак. Согласенъ; почему не такъ?

С. *Сокр.* Поспѣвши же, Никіасъ, къ друзьямъ своимъ, обуреваемымъ словами, и, если имѣешь силу, помоги имъ въ ихъ недоумѣніи. Ты видишь, какъ плохо наше дѣло: скажи, что считаешь мужествомъ, разрѣши наше сомнѣніе, вырази словомъ мысль свою.

Ник. Да я уже давно вижу, Сократъ, что вы не хорошо опредѣляете мужество: вы не воспользовались тѣмъ, что когда-то самъ ты прекрасно говаривалъ.

Сокр. Чѣмъ же это, Никіасъ?

Ник. Я часто слыхалъ, какъ ты утверждаешь, что каждый изъ насъ добръ въ томъ, въ чемъ мудръ, а не добръ въ томъ, въ чемъ невѣжда.

Сокр. О, клянусь Зевсомъ, Никіасъ, ты говоришь правду.

Ник. По этому, если мужественный добръ; то явно, что онъ мудръ.

Сокр. Слышишь, Лахесь?

Лак. Слышу, только не совсѣмъ понимаю слова его.

Сокр. А я, кажется, понимаю; мнѣ кажется мужество, по его мнѣнію, есть мудрость.

Лак. Какая же мудрость, Сократъ?

Сокр. А почему ты его - то не спросишь объ этомъ?

Лак. Спрашиваю и его.

Е.

Сокр. Такъ скажи ему, Никіасъ, какая мудрость, по твоему мнѣнію, есть мужество. Ужь конечно не игра на флейтѣ?

Ник. Нѣтъ.

Сокр. И не игра на цитрѣ?

Ник. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Что же она? какое знаніе?

Лак. Ты ладно спрашиваешь его, Сократъ; пусть-ка скажетъ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ мудрости.

196. *Ник.* Я разумею, Лахесъ, знаніе того, чего должно страшиться и на что отъаживаться, какъ въ войнѣ, такъ и во всемъ другомъ.

Лак. Какія нелѣпости говорить онъ, Сократъ!

Сокр. Чтожь ты называешь тутъ нелѣпнью, Лахесъ?

Лак. Что называю? — Мудрость видѣ отлична отъ мужества.

Сокр. Но Никіасъ съ этимъ несогласенъ.

Лак. Конечно, влѣчусь Зевсомъ, потому-то слова его и вздоръ.

Сокр. Такъ лучше намъ научить его, чѣмъ бранить.

Ник. Нѣтъ, Сократъ; Лахесу, кажется, по тому не утдно ничего видѣть въ моихъ словахъ, что самъ онъ ничего не оказалъ.

В. *Лак.* Да, да, Никіасъ; я еще постараюсь доказать, что ты дѣйствительно ничего не сказалъ. Вотъ напримѣръ, въ болезняхъ не врачи ли знаютъ чего должно бояться? Но зная это, мужественны ли они? Врачей называешь ты мужественными?

Ник. Нѣтъ.

Лак. Конечно и земледѣльцевъ такіе, между тѣмъ они знаютъ, чего надобно бояться въ земледѣліи. Равнымъ образомъ знаютъ и другіе мастера, что опасно и небезопасно въ ихъ мастерствахъ, и однакожь отъ того ни одинъ не мужественнъ.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Никіась? Лахесь говорить что-то.

Ник. Да, говорить, только неправду.

Сокр. Какъ же?

Ник. Онъ думаетъ, будто врачи знаютъ о больныхъ больше, чѣмъ могутъ сказать: это здорово, а это нездорово. Вѣдь имъ только это и известно. А знаютъ ли они, по твоему мнѣнію, Лахесь, кому опаснѣе быть здоровымъ, нежели больнымъ? Развѣ ты не вѣришь, что многимъ лучше не выздоравливать отъ болѣзни, чѣмъ выздоравливать? Скажи-ка: лучше ли, думаешь ты, всѣмъ жить, или нѣкоторымъ умереть? D.

Лак. Я допускаю послѣднее.

Ник. Но человекъ, находящій свою выгоду въ смерти, того ли долженъ бояться, чего другой, которому выгоднѣе жить?

Лак. Не думаю.

Ник. А знаніе сего приписываешь ли ты врачамъ или другому мастеру, кромѣ того, который знаетъ, что опасно и неопасно, и котораго я называю мужественнымъ?

Сокр. Понимаешь ли, Лахесь, что онъ говорить?

Лак. Какъ же! Мужественными онъ называетъ гадателей; ибо кто другой знаетъ, кому лучше жить или умереть? Но себя, Никіась, признаешь ли ты гадателемъ, или не признаешь ни гадателемъ, ни мужественнымъ? E.

Ник. Какъ? Да ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что знать, чего бояться и на что отвѣщаться, свойственно гадателю?

Лак. Разумвется; кому же иному?

Ник. Гораздо свойственнѣе тому; другъ мой, кого я разумью: Гадателю-то должны быть известны только признаки будущаго, на примѣръ, кому угрожаетъ или смерть, или бѣдъ, или лишеніе денегъ, или побѣда, или поражение, какъ на войнѣ, такъ и во всякой другой борьбѣ: а кто потерпитъ, или не потерпитъ что-нибудь лучше сего, о томъ гадатель ни можетъ судить, ни другой, подобный ему?

Лак. Ну, такъ я не знаю, Сократъ, что у него на мысли. Сколько видно, онъ не признаетъ мужественнымъ, ни гадателя, ни врача, ни кого инаго. Чтожъ? развѣ приписывается это свойство какому богу? Никіасъ, мнѣ кажется, не хочетъ искренно сознаться, что онъ ни въ чемъ не говоритъ, а только вертится туда и сюда, стараясь скрыть свое недоуманіе. Да такъ-то вертѣться могли бы и мы, когда бы не захотѣли показать, что противурѣчимъ сами себя. Пусть бы намъ пришлось говорить въ судѣ,—можно бы еще позволить себѣ такія рѣчи: но теперь, въ домашней бесѣдѣ, за чѣмъ попустому огораживать себя ничего незначащими словами?

Сокр. И я также, Лакесь, ничего тутъ не вижу; однакожъ посмотримъ; не думаетъ ли

Никіась что-нибудь сказать, и не съ нимъ рече-
ніемъ ни говорить, лишь бы говорить. Испы-
таемъ же это ясное, что онъ мыслить, и когда
скажетъ нечто, согласимся, а не скажетъ, на-
станимъ.

Лак. Испытывай ты, Сократъ, если хо-
чешь; а я уже, кажется, довольно испытывалъ.

Сокр. Ничто не мысляетъ; ибо испытаніе
будетъ общее съ моею и твоею стороны.

Лак. Конечно.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, или лучше намъ,
Никіась,—ибо мы оба, я и Лакесь, обращаемъ
къ тебѣ: ты называешь мужество знаніемъ
того, чего должно бояться и на что отважи-
ваться?

Ник. Да.

D.

Сокр. Однако это знаніе принадлежитъ
безъ сомнѣнія не всякому, если даже и врачъ,
и гадаель, не получивъ его, не будутъ обла-
дать имъ и не могутъ быть названы муже-
ственными (12). Такъ ли говорилъ ты?

Ник. Такъ.

Сокр. Следовательно, по пословицѣ, не
каждому свинопасу въ самомъ дѣлѣ можетъ знать
это (13) и быть мужественною.

Лак. Кажется.

Сокр. Значитъ, ты не считаешь мужест- E,
венною даже и свинопасъ Кромѣионской (14). Это
говорю: я не шути, а въ самомъ дѣлѣ думаю,
что люди, держащіеся твоей мысли, необходимо

*

должны отказать въ мужествѣ всякому животному и согласиться, что оно не можетъ быть мудрымъ; иначе левъ, барсъ, дикій кабанъ, кажется, знали бы то, чего, по трудности дѣла, не знаетъ и человекъ. Съ другой стороны, принявъ такое понятіе о мужествѣ, какое едва ли ты, необходимо допустить, что и левъ, и коршунъ, и быкъ, и обезьяна, рождаются съ одинаковымъ мужествомъ.

197. *Лак.* Клянусь богами, ты прекрасно говоришь, Сократъ. Отвѣчай-ка въ самомъ дѣлѣ, Никіасъ, мудре ли насъ эти животныя: а вѣдь мы всѣ соглашаемся, что онѣ мужественны. Или можетъ быть ты, вопреки всеобщему убѣжденію, осмѣлишься отказать имъ въ этомъ свойствѣ?

Ник. Я не называю мужественнымъ, Лакхесь, ни животнаго, ни другаго существа, которое, не зная, чего надобно бояться, не знаетъ и боязни, но воодушевлено безстрашіемъ и неистовствомъ. Почитаешь ли ты мужественными дѣтей, которыя, по невѣденію, ничего не боятся? Мнѣ кажется, безстрашіе и мужество—не одно и тоже. Мужество и осмотрительность, по моему мнѣнію, есть достояніе немногихъ, а безразсудность и дерзость свойственна многимъ; и мужчинамъ и женщинамъ, и дѣтямъ и животнымъ. И такъ, что ты съ другими называешь мужествомъ; то, по моему, есть безразсудность.

напротивъ мужество, о которомъ я говорю, бываетъ разумно.

Лак. Смотри-ка, Сократъ, какъ онъ, подумавши, себя-то огораживаетъ рвчью, а тѣхъ, кою все признаютъ мужественными, старается лишить этой чести. С.

Ник. Совсѣмъ нѣтъ, Лакесь; будь спокоенъ. Я почитаю мудрымъ и тебя, и Ламаха (19), если вы мужественны, и многихъ другихъ Афинянъ.

Лак. Я ничего не говорю на это, хотя бы и надлежало сказать, что бы ты въ самомъ дѣлѣ не назвалъ меня Эксонцемъ (23).

Сокр. И не говори-тани, Лакесь; ибо ты, D. кажется, не понялъ, что эту мудрость онъ заимствовалъ у нашего друга Дамона; а Дамонъ очень коротокъ съ Продикомъ, который, по видимому, лучше всѣхъ софистовъ различаетъ такія названія.

Лак. Да софисту, Сократъ, и приличнѣе этимъ хвастаться, чѣмъ мужу, которому республика ввѣрила власть надъ собою.

Сокр. Однакожь, Лакесь, кто располагаетъ в. великими дѣлами, тому прилично имѣть и великій умъ. Мнѣ кажется, Никіасъ не безъ нужды изслѣдываетъ, въ какомъ смыслѣ надобно принимать слово мужество.

Лак. Смотри же самъ, Сократъ.

Сокр. Буду смотреть, почтеннѣйшій. Впрочемъ не думай, что я устранию тебя отъ разго-

вора; нѣтъ, слушай внимательно и следи за словами.

Лак. Пусть такъ, если нужно.

198. *Сокр.* Да, нужно. А ты, Никіасъ, говори намъ опять сначала. Знаешь ли, что мужество, при самомъ вступленіи въ разговоръ, мы понимали, какъ часть добродѣтели?

Ник. Конечно.

Сокр. Но въ своихъ отвѣтахъ разумалъ ли ты ее, какъ часть, какъ одну изъ другихъ частей, которыя все вмѣстѣ называются добродѣтелію?

Ник. Не иначе.

Сокр. Слѣдовательно ты говоришь то же, что я? а я къ мужеству причисляю разсудительность, справедливость и другое тому подобное: по сему и ты?

Ник. Конечно.

В. *Сокр.* Помни же, что въ этомъ мы согласились. Теперь разсмотримъ: чего надобно бояться, и на что отваживаться? можетъ быть въ семъ отношеніи ты думаешь одно, а мы другое. И такъ, выслушай наше мнѣніе и потомъ, если не примешь его, предложи свое. Мы думаемъ, что вещь, которой надобно бояться, внушаетъ страхъ, а та, на которую должно отваживаться, не внушаетъ страха. Но что внушаетъ страхъ, то угрожаетъ не прошедшимъ и не настоящимъ, а будущимъ зломъ; ибо страхъ

есть, чаяніе будущаго ала. Не такъ ли и тебѣ кажется, Дахесъ?

Дак. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Вотъ же наше мнѣніе, Никіасъ: то, С.
чего должно бояться, по нашему, есть будущее зло; напротивъ то, на что надобно отвѣчиваться, мы понимаемъ, какъ будущее не-зло, или добро. А ты такъ, или иначе думаешь?

Ник. Такъ.

Сокр. И знаніе сего называешь мужествомъ?

Ник. Непременно.

Сокр. Разсмотримъ еще третіе обстоятельство (34): согласимся ли и въ немъ?

Ник. Въ чемъ же состоитъ оно? D.

Сокр. А вотъ я скажу. Мнѣ и Дахесу кажется, что знаніе чего бы то ни было, не есть иное знаніе прошедшаго, какъ что произошло, иное знаніе настоящаго, какъ что происходитъ, иное знаніе будущаго, какъ что лучше могло бы быть произведено, или произойдетъ, но еще не произошло: напротивъ я думаю, что всякое знаніе—одно и то же. Напримеръ, по отношенію къ здоровью, во все время имѣтъ другой врачебной науки, кромѣ одной, которая наблюдаетъ и настоящее и прошедшее и будущее, какъ что будетъ. То же E.
думаетъ и земледѣліе по отношенію къ произведеніямъ земли. Что же касается до войны, то сами можете свидѣтельствовать, что воевод-

ство ирравосходно заботится и о прошломъ, и о будущемъ: оно знаетъ, что не надобно повиниваться гаданію (25), а должно управлять, покоряя ему самому лучше извѣстно все, относящееся къ войнѣ, и настоящее и будущее. Да и
199. законъ повелѣваетъ, не гадателю начальствовать надъ восводою, а восводѣ надъ гадателемъ. Скажемъ ли это, Лахесь?

Лак. Скажемъ.

Сокр. Чтожь? а ты, Никіасъ, согласишься ли, что одно и тоже знаніе занимается и будущимъ и настоящимъ и прошедшимъ состояніемъ всякаго дѣла?

Ник. Да, Сократъ, мнѣ такъ кажется.

Сокр. Но мужество, почтеннѣйшій, по твоимъ словамъ, есть знаніе того, чего должно бояться, и на что отваживаться. Не правда ли?

Ник. Правда.

Сокр. А мы согласились въ значеніи того, чего должно бояться, и на что отваживаться; то-есть, первое надобно понимать какъ будущее зло, а последнее какъ будущее добро.

Ник. Конечно.

Сокр. Между тѣмъ одно и тоже знаніе имѣетъ въ виду и будущее, и все другое.

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, мужество есть знаніе того только, чего должно бояться и на что отваживаться; ибо оно, подобно другимъ знаніямъ, знаетъ не одно будущее: касательно

добра и зла, но и настоящее и прошедшее и будущее.

Ник. Должно быть. C.

Сокр. И такъ, Никіасъ, ты опредѣляешь какъ бы только третью часть мужества; а мы спрашивали у тебя, что такое оно вообще. Видишь, мужество есть уже знаніе не только того, чего должно бояться и на что отваживаться, какъ сказано тобою прежде, но и всехъ вообще благъ и золъ, какъ говоримъ те-перь. Такъ, или иначе, Никіасъ, измѣнилъ ты свою мысль? D.

Ник. Кажется такъ, Сократъ.

Сокр. Но думаешь ли, любезнѣйшій, что тотъ сколько нибудь недостаточенъ въ добродѣтели, кто знаетъ всякое добро и зло и всякимъ образомъ, какъ оно есть, будетъ и было? Думаешь ли, что тому человеку недостаетъ разсудительности, справедливости и святости, кто одинъ можетъ быть осторожнымъ въ отношеніи къ богамъ и людямъ, кто, зная какъ обращаться съ ними, умѣетъ различать опасное отъ неопаснаго и пріобрѣтаетъ блага? E.

Ник. Кажется ты говоришь дѣло, Сократъ.

Сокр. И такъ, сказанное тобою, видно, есть не часть добродѣтели, а вся добродѣтель.

Ник. Должно быть.

Сокр. А мы вѣдь назвали мужество частью добродѣтели?

Ник. Да, назвали.

Сокр. Между тѣмъ какъ настоящее наше положеніе не то показывается.

Ник. Должно быть, не то.

Сокр. Следовательно мы не нашли, Никіасъ, что такое мужество.

Ник. Кажется, не нашли.

Дак. А я думалъ, любезный Никіасъ, что ты найдешь, когда такъ пренебрегъ моими отвѣтами на вопросы Сократа. Да, я очень надеялся, что мудрость, заимствованная тобою у Дамона, поможетъ тебѣ найти это.

Ник. Хорошо, Даксъ, что ты нѣсколько не думаешь объ этомъ дѣлѣ и, какъ недавно обнаружилось, вовсе неразумишь мужества: но къ чему видѣть, что и я оказался такимъ же! Видь тебѣ конечно не будетъ никакой пользы не знать вмѣстѣ со мною того, что прилично знать всякому, кто нѣсколько занимается собою. Ты, кажется, дѣйствуешь истинно почеловѣчески; смотришь не на себя, а на другихъ. Напротивъ я думаю, какимъ бы образомъ то, о чемъ нынѣ довольно разсуждали, и чего достаточно не раскрыли, послѣ обдумать—или съ помощію Дамона, надъ которымъ ты позволяешь себѣ смѣяться, никогда его невидавши, или съ помощію другихъ людей. Когда же обдумаю, то съ охотою поучу и тебя; ибо ты, по моему взгляду, имѣешь великую нужду въ наукѣ.

Лиз. О, ты очень мудръ, Никіасъ; одна- С. комъ я совѣтую Лизимаку и Мелісіасу раскла- няться съ тобою и со мною; когда надобно разсуждать о воспитаніи юношей, а Сократа не отпустить. Таковъ былъ совѣтъ мой съ са- мого начала; такъ поступилъ бы и я, если бы у меня были взрослые дѣти.

Ник. Съ этимъ-то я согласенъ. Если Со- кратъ захочетъ принять на себя попеченіе о юношахъ, то не должно искать никого другаго. Вотъ и я съ большимъ удовольствіемъ ввѣрилъ бы ему своего Никерата(ъ), да онъ, какъ скоро рѣчь пойдетъ объ этомъ, всегда рекомендуетъ D. другаго, а самъ не соглашается. Смотри, Лизи- макъ, послушается ли онъ и тебя-то.

Лиз. Слѣдуетъ, Никіасъ; вѣдь и я охот- но сдѣлалъ бы для него то, чего не захотѣлъ бы сдѣлать для многихъ другихъ. Что же ты скажешь, Сократъ? Послушаешься ли не- сколько и примешь ли участіе въ попеченіи о юношахъ, чтобы они вышли самыми луч- шими?

Сокр. Жестоко, Лизимахъ, не хотѣть при- Е. нять участія въ попеченіи о комъ бы то ни было, чтобы онъ вышелъ самымъ лучшимъ. И если бы въ теперешнемъ разговорѣ ни- зался знающимъ, а они незнающими, то это дѣло конечно надлежало бы при- мени; но видишь, всѣ мы равно ни- ни; на какомъ же основаніи одного

предпочесть другому? По моему мнѣнію, никто не заслуживаетъ предпочтенія. Если же такъ;
 291. то смотрите, не пригодится ли мой совѣтъ. Я говорю—и мое слово не съ площади—что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо живемъ въ немъ нужду, потому и для дѣтей, не щадя на то ни денегъ, ни всего другаго; а оставаться такими, каковы мы теперь, не совѣтую. Если же кто-нибудь издумаетъ смѣяться надъ нами, что мы въ такомъ возрастѣ посягаемъ учителей,
 В. то укажемъ ему на Омира (27), который говорить: не хорошо стыдиться человеку нуждающемуся; и, не обращая вниманія на возраженія, позаботится слобца какъ о себѣ самихъ, такъ и о дѣтяхъ.

Лиз. Мнѣ нравятся слова твои, Сократъ; и я, какъ ни старъ, готовъ со всею ревностію учиться вмѣстѣ съ юношами. Смотри же, сдѣлай такъ: завтра рано приходи ко мнѣ, да непременно; мы посоветуемся объ этомъ. А теперь кончимъ свою бесѣду.
 С.

Сокр. Сдѣлаю, Лизимахъ; приду къ тебѣ по утру, если будетъ угодно Богу.

ПРИМЪЧАНІЯ.

П Р И М Ъ Ч А Н И Я

КЪ

П Р О Т А Г О Р У.

(1) Но что ужъ и спрашивать, η δηλαδή. Стезанъ правильно пишетъ η δηλα δή; по тому что δη требуетъ послѣ себя οτι. Равнымъ образомъ надобно писать не η, но η; по тому что сία частица выражаетъ ἐπανόρθωσιν, и уместна послѣ вопроса. Цицеронъ переводитъ это выраженіе такъ: an id quidem dubium non est.

(2) Въ подлинникѣ нѣсколько иначе: οτι ἀπονοήγεις τῆ περὶ τὴν Ἀλκιβιάδου θραν. Но Филологи извинять меня: близость выраженія я цѣлю ниже его скромности.

(3) Уже обрастаешь бороδοю, πώγωνος ἤδη ὑπεπιπλάμενος. Πώγων Греки часто принимали за знакъ мужскаго возраста. Lucian. Alexandr. 6. Т 1. р. 522. Schmidt: ἤδη δὲ πώγωνος ὁ Ἀλέξανδρος πιπλάμενος. Amog. 24 р. 622. ἀλλ' ἀχρὶ μὲν ἴδέτω κατὰ τὸν ἕρπον Πλάτωνα πώγωνος ἐπιπλάτο.

(4) Iliad. XXIV, 348.

Πρότερον ἐπληνῆτη, τέλεγε χαριεστάτη ἦβη.

Едва показался на юности пріятный пушокъ.

(5) Что мнѣ съ томи² τί οὖν τὰ νῦν. Слова: τί οὖν τὰ νῦν, я читаю и перевожу согласно съ интер-

пункцію Гейндорфа и Аста: *τί οὐδ', τὰ ὄν* и пр., по тому что *τὰ ὄν* отрицательно стоять не может, и очевидно относится къ глаголу *φαίνε*.

(6) *Καί τοβα, πρός σέ*, вмѣстѣ съ Гейндорфомъ, Бенкеромъ, Штальбономъ и Астомъ принимаю, изъ это Стефанова *ἡρεῖ σέ κἀμῖνον*, что здѣсь вовсе неизвестно.

(7) *Πρεκрасиηε Αλκιβιάδη*. По свидѣтельству Корнелія Непота (VII, 1), Alcibiades natus in amplissima civitate summo genere, omnium aetatis suae multo formosissimus. Впрочемъ Сократъ здѣсь явно шутитъ надъ тѣлесною красотою, почитая ее ничтожною въ сравненіи съ красотою души, или съ мудростію.

(8) *Самому мудрому не казаться красивымъ, τὸ σοφώτατον*. Некоторые толкователи Платона, для сообразности съ слѣдующимъ *καλλίον*, читаютъ *σοφώτερον*. Но *τὸ σοφώτατον* относится къ Протагору, котораго почитали человѣкомъ мудрѣйшимъ, даже называли прямо мудростію. (См. Diog. L. IX. 50. ib. Menag.). Напротивъ, словомъ *καλλίον* указывается на Алкивиада, который, какъ юноша, по своей мудрости, былъ ниже Протагора.

(9) *Еще третьяго дня*. Здѣсь говорится о втораго прибытіи Протагора въ Аѳины. (См. ниже 310), по изслѣдованію Аста (Platon. Leb. u. Schrift. p. 77 sq.) въ 3,89 ол. Сравни. *Macrob.* (Saturn. 1, 1. p. 202, ed. Bip.): Paralus vero et Xantippus, quibus Pericles pater fuit, cum Protagora disserunt secundo adventu Athenis morante, quos multo ante infamis ille pestilentia Atheniensis abstuserat. Annos ergo conventum mitti in digitos, exemplo Platonis, nobis suffragante, non convenit.

(10) *Перескажи же намъ содержаніе еяшей бесѣды.* — Погречески вопросительная рѣчь: *τί οὖν οὐ διηγήσῃ;* — формула утѣвности, употреблявшаяся въ сто повелительнаго наклоненія. Подоб. обр. *Conviv. init. τί οὐ περιμενεῖς;* 175 В. *ἄκοῦν καλεῖς αὐτόν καί μὴ ἀλῆσιν;* и ниже 311 А. *ἀλλὰ τί οὐ βεδίζομεν παρ' αὐτόν;*

(11) *Этому мальчику.* Разумѣется одинъ изъ слугъ, *ἀκολούθος*. Беккъ замѣчаетъ, что слуга, на котораго здѣсь указывается, не могъ быть рабъ, потому что рабамъ не позволялось сидѣть въ присутствіи господъ. Но *ἀκολούθοι* были не рабы, а почетные слуги, составляющіе свиту господина. Одни изъ нихъ шли впереди его, другіе позади, а нѣвые сидѣли у его ногъ во время стола. По этому они назывались и разными именами. См. *Hoffmann. Lexic. v. Pedissequus.*

(12) *Имя ли чего новаго, μὴ τι νεώτερον, ил. μὴ τι νέον.* У Грековъ вообще употребителемъ уважительный отрѣшенный, тогда какъ мы, не сравнивая опредѣленно двухъ предметовъ, употребляемъ положительный степенъ. Подобнымъ образомъ *Phaedon. 105. Α. εἰ γὰρ χεῖρον πολλὰντις ἀνδάν.*

(13) Въ Атикѣ извѣсны были двѣ деревни подъ именемъ Энос: одна близъ Элевсерія, а другая подъ Марасона. См. *Interpr. ad Thucid. II, 18. Weseling. ad Diod. IV, 60.*

(14) *Или слышалъ Протагора, εὐδ' ἀκήνοα ἰδέν,* т. е. *ἰδέν*, которое, особенно послѣ истонненія, относнвъ часто опускается; *ἰαприм. 315 В. οἷς ὑμεῖς χρεῖστε καὶ πρῶταταίρις ποιήσατε* (т. е. *αὐτίς*).

(15) Я былъ еще ребенкомъ, παῖς ἦ. Пр. нес. средн. вмѣсто ἤμην. Въ некоторыхъ спискахъ вмѣсто ἦ стоитъ ἦν.

(16) Калліасъ, сынъ Иппоника, по свидѣтельству Перизонія (ad Aelian. V. Н. XIV, 16), былъ слѣпымъ почитателемъ софистовъ и своими деньгами много способствовалъ ихъ славі.

(17) Встанемъ, да выйдемъ на галлерю, ἐξαναστῶμεν εἰς τὴν αὐλήν, выраженіе сжатое, заключающее въ себѣ два понятія: — встать и пойти. Ἀυλὴ соответствуетъ Латинскимъ словамъ aula и aulaeum. Древніе съ особеннымъ удобствомъ устроили надворную часть домовъ или галлерю, и украшали ее различнымъ образомъ, а особенно коврами и статуями. Это мѣсто назначалось для прогулки и называлось αὐλή. Такія же aula или aulaea устроены были въ Греческихъ театрахъ и дали начало декораціямъ. См. Hoffm. Lex. v. aulaeum.

(18) Если мой отецъ, εἰ μὲν τι, т. е. τὸ τοῦ πατρὸς, ἢ ἀπόκρισις.

(19) Явиться, παρέχειν αὐτόν, вмѣсто σαυτόν.

(20) Изъ многихъ мѣстъ Платона (Alcib. I. 106. Theag. 122), Ксенофонта (de republ. Laced. II, 1), Исократы (Paneg. II, 195) и Аристотеля (Polit. VIII, 3) видно, что обыкновенный курсъ воспитанія дѣтей въ Греціи состоялъ изъ грамматики, музыки и гимнастики. Но подъ общимъ названіемъ грамматики разумѣлись, кажется, всѣ отрасли словесныхъ наукъ, а подъ именемъ музыки — преимущественно τὸ μῦθαι игра на цитрѣ.

(21) *Доброму или худому человеку, οὐτ' εἰ ἀγαθῷ οὐτ' εἰ κακῷ πράγματι.* Подъ словомъ *πράγμα* Греки большею частию разумѣли вещь въ смыслѣ неопредѣленною, нѣчто, а иногда — лицо, даже цѣлый народъ; напр. Gorg. 520. В. *μέμφεσθαι τύτῳ τῷ πράγματι* (т. е. народу); Krit. 53. D. *καὶ ἐν οἷα ἀσχημῶν φανεῖσθαι τὸ τῷ Σωκράτῳ πράγμα.* По сему я перевожу: доброму или худому человѣку.

(22) *Какъ самое имя показывается.* Слово *σοφιστῆς* у Грековъ значило тоже, что у насъ знатокъ чего-нибудь, только *соφιστοὺς* сверхъ того почитали еще учителями своего искусства и этою чертою отличали ихъ отъ мудрецовъ.

(23) *Какъ не искусству, ἢ ἐπιστάτην.* Кажется, надлежало бы читать: *ἢ μὴ ἐπιστάτην.*

(24) *По собственнымъ твоимъ словамъ, ἐξ ὧν οὐ λέγεις, т. е. ἐξ ὧν ἂ οὐ λέγεις,*—весьма употребительное сокращеніе рѣчи; Theaet. 171, В. *ἐξ ὧν γέγραφε*, Phaed. 61. С. *ἐξ ὧν ἐγὼ ἠόδημαι*, и въ другихъ мѣстахъ.

(25) *Разнощиками или рыночными торговцами, ἔμπορος τις ἢ κάπηλος.* ἔμποροι (собст. peregrinatores) *πλανῆται ἐπὶ τὰς πόλεις* (Polit. II, 371). *Κάπηλος* Платонъ описываетъ въ томъ же мѣстѣ, какъ *τὰς πρὸς ὠνήν τε καὶ πρᾶσιν διακονῆντας, ἰδρυμένους ἐν ἀγορᾷ*, или, по описанію Цицерона (de offic. 1, 42), *qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant.* У насъ: разнощнки и рыночные торговцы.

(26) *Мнѣ кажется, можно: но такъ вѣдается... φαίνεται γὰρ ἐμοίγε τοιούτος τις.* Τρέφεται δὲ и пр. Такъ читается въ Ald. et Bas. I. 2. Но надобно читать: *φαίνεται*

*

γὰρ ἔμοιγε τοιῦτός τις τρέφεται δὲ и пр. Фигинъ переводитъ: *Hipp. Talis mihi sane videtur; verum quibus alitur animus?* Напротивъ, новѣйшіе (Гейндорфъ, Веккъ, Штальбомъ и Кузень) слова φαίνεται γὰρ ἔμοιγε τοιῦτός τις, вѣдаютъ въ уста Сократа, вѣроятно следуя переводу Шлейермахера, который говоритъ, что Иппократъ не могъ сказать φαίνεται γὰρ ἔμοιγε. Но частица γὰρ есть и причинная и подтвердительная, какъ Нѣмецкое ja. Въ послѣднемъ смыслѣ она употребляется почти столь же часто, какъ и въ первомъ; напр. Phaedr. 229. A. Φαίδ. Ἐπέ μοι, ὦ Σώκρατες, ἐκ ἐκθένδε μέντοι ποθὲν ἀλλ' εἰ Ἰλλοσὶ λέγεται ὁ Βορέας τὴν Ὀρειθυσίαν ἀρπάζαι; Σώκρ. Λέγεται γὰρ, (да, такъ говорить). Вообще въ отвѣтахъ частица γὰρ очень употребительна: Thaeet. 187. A. Ὁρθῶς γὰρ οἶμι. 193 D. Ἔοιμε γὰρ и проч. И такъ, слова φαίνεται γὰρ ἔμοιγε и пр. надобно приписать не Сократу, а Иппократу.

(27) *Разумѣется, кое-какими познаніями, математикой и др.* Подъ словомъ μαθημάτων и разумѣю познанія, а не науки. Науки и искусства, у Грековъ назывались τέχναι, которыми положительно, сообразно съ принятыми формами, занимались такъ называемые δημιουργοί, публичные мастера, и художники. Къ числу сихъ мастеровъ относились и народные ораторы. Но высшее разсматриваніе науки и искусства, художественное, или творческое разработываніе ихъ, а особенно изслѣдованіе связи между ними, почиталось дѣломъ мудрости, φιλοσοφίαι, или мусикии. Платонъ постоянно приписываетъ софистамъ искусство (τέχνην) учить юношество за деньги: но такъ какъ софисты

выдавали себя за людей знающихъ все, и потому брались сообщать своимъ слушателямъ познанія (*μαθήματα*) о всемъ; то Платонъ нерѣдко называетъ ихъ иронически и мудрецами, *σοφοί*. И такъ *μαθήματα* суть отрывочныя познанія изъ области различныхъ наукъ и искусствъ, не имѣющія въ своемъ основаніи одной идеи, но измѣняющія свой характеръ, смотря по направленію преподавателя и требованію слушателей. На это значеніе τῶν μαθημάτων σοφιστικῶν указываетъ и частица *δη*.

(28) *Софисты, развозище по городамъ познанія.* О путешествіяхъ софистовъ съ этою цѣлю говоритъ Платонъ, Tim. 19. E. τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος—ἀτε πλανητῶν ὄν κατὰ πόλιν οἰκίῃς τε ἰδίᾳς ἕδαμῃ διωκη-
μος. Lucian. Hermot. § 59. καὶ φιλόσοφοι ἀποδίδονται καὶ μαθήματα, ὥσπερ οἱ κἀπῆλοι, κερασάμενοι γὰρ οἱ πολλοὶ καὶ δολώσαντες καὶ μαχομετρῶντες.

(29) *Заплативъ за урокъ, катаδίνта τὴν τιμὴν.* Софисты брали съ своихъ слушателей, по условію, деньги послѣ каждаго урока. Отсюда Aristoph. Nub. 246. μισθὸν δ' ὄντιν' ἂν πρᾶττη μ', δειμαί σοι κατα-
θήσειν τὸς θεός. Сравни. ниже 328 С.

(30) Агений (V. p. 340. Т. II. Сравни. Casaub. p. 240. Т. III) обвиняетъ Платона въ анахронизмъ, говоря, что Иппіасъ Элейскій никакъ не могъ быть въ Аѳинахъ въ одно время съ Протагоромъ; по тому что Протагоръ въ другой разъ приходилъ въ Аѳины во время Пелопонесской войны. Но Платонъ вѣроятно и не заботился о хронологической истинѣ, а сводилъ современныхъ себѣ софистовъ произвольно и излагалъ ихъ мнѣнія, какъ мимикъ. Иппіасъ описывается, какъ

самый тщеславный педантъ своего времени. См. *Groen van Prinsterer*. Proserograph. Plat. p. 91. sq. Тамъ же о Продикѣ Хиоскомъ p. 87. sq.

(31) *Съ сими мыслями, Δόξαν ἡμῖν ταῦτα*, — аттицизмъ, нерѣдко встрѣчающійся и у другихъ писателей; такъ *Xenoph. Anab. IV. I. 13. δόξαν δὲ ταῦτα ἐμῆρουξάν ἔγω ποιεῖν. Lucian. Ver. Hist. 1, 7. δόξαν δὲ μοι καὶ ὄθεν ἀρχεται ὁ ποταμὸς καταμαθεῖν*, и проч. Значеніе его можно видѣть изъ слѣдующаго необходимаго дополненія: *δόξαν ἡμῶν ἐχόντων περὶ ταῦτα*.

(32) Богатые Греки, каковъ былъ и Калліасъ, начиная оставлять національный образъ жизни и подражая въ роскоши Персамъ, имѣли въ домахъ своихъ евнуховъ. Тѣже обычаи мало по-малу приняты были и Римлянами. *Terent. Eun. 1, 2. 28. De janitoribus, sev pueris ab janua. см. Pignor. de serv. p. 214. sq.*

(33) *Недосугъ ему, Οὐ σχολή αὐτῷ*, то-есть, господину. Такимъ же образомъ Римляне употребляли мѣстоим. ipse. См. *Vach. ad Xenoph. Oecon. III, 5. Spanheim. ad Aristoph. Nub. v. 219. Burmann. ad Virgil. Georg. IV, 82.*

(34) *Тогда слуга едва согласился отворить какъ дверь. Μόγισ ἔν ποτε ἡμῖν ἀνδρωλος ἀνέωξε τὴν θύραν: Ἄνδρωλος* почти во всѣхъ изданіяхъ безъ члена. Асть заключаетъ отсюда, что Греки, говоря о комъ-нибудь съ униженіемъ, произносили нарицательное его имя безъ члена. Догадка остроумная и вѣроятная — тѣмъ болѣе, что она подтверждается подобнымъ употребленіемъ именъ въ новыхъ языкахъ. Нельзя ли отсюда изъяснить происхожденіе Русскаго обычая называть слугу челоѡкомъ, *ἀνδρωλος*?

(35) *Вдоль перистилля зады, ἐν τῷ προοτόφ. Προοτόφου*, зала, непосредственно следовавшая за переднею (atrium) и отличавшаяся отъ нашихъ залъ тѣмъ, что вдоль всѣхъ стѣнъ ея устроилась портиковъ (peristylum), назначавшійся для прогулки. См. *Vitruv. V, 2. VI, 7. 10. Περιπατεῖν* значить ходить вдоль и вокругъ перистилля зады.

(36) Упоминаемый здѣсь Хармидъ есть тотъ самый, именемъ котораго названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ.

(37) Мендея, одинъ изъ Эракійскихъ городовъ. См. *Ротр. Mel. II, 2.*

(38) *Позади ихъ, τῶτων δὲ οἱ ὀπίσθεν. Οἱ* нѣтъ во многихъ лучшихъ спискахъ, и оно, очевидно, лишнее; потому что выраженіе *οἱ ὀπίσθεν* должно бы указывать на известныхъ уже следователей; но объ нихъ не было говорено. Притомъ *τῶτων* здѣсь зависить отъ предлога, а не отъ глагола; следовательно *ὀπίσθεν* не можетъ быть обращено въ прилагательное. Конструкція такова: *τῶτων δὲ ὀπίσθεν ἠκολούθησαν ἐπακούοντες τῶν λεγομένων*. За ними, т. е., почетными слушателями, которые формально не принадлежали къ школѣ, или дѣйствительные ученики.

(39) *Увлекал ихъ своимъ красноречіемъ, κηλεῖν τῆ φωνῆ: Κηλεῖν* свойственно поэтамъ, музыкантамъ и ораторамъ, которые какъ бы очаровываютъ и увлекаютъ души. Греческому *κηλεῖν* соответствуетъ Латинское *blandiri*. *Apollon. Rhod. I, 515. Lamb. ad Horat. Satm. I. 12. 7. Том. I. p. 36.*

(40) Платонъ я узрѣвъ, ставалъ бы Омиръ, τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα, ἔφη Ὅμηρος (Odyss. XI, 601). Шлейермахеръ полагаетъ, что слова ἔφη Ὅμηρος видѣны въ текстѣ с marginе, следовательно въ переводѣ должны быть выпущены. Но у Платона много подобныхъ мѣстъ. Напр. Thæset. 170 D. *Ἡ τὸν Δία, ὃ Σόκρατες, μάλα μυρία θῆται, φησὶν Ὅμηρος, οὐ γὰρ μοι τὰ ἐξ ἀνθρώπων πρόβηματα παρέχουσι*, Menon. 76 D. *ἐν τέτρων θῆ σῦντες δ τι λέγα, ἔφη Πίνδαρος* и проч. Сίου приводитъ другую причину уместности словъ ἔφη Ὅμηρος. Platon donne ici finement à entendre, говорить онъ, que les sophistes ne sont que des ombres, des phantômes des sages, comme ceux, qu' Ulysse vit aux enfers; ибо при этомъ именно случаи сказаны слова τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα. Но Платону нужны были вероятно не слова, а эпическій тонъ Омира, чтобы пошутить надъ важною осанкою, диктаторскимъ положеніемъ и недактствомъ софистовъ. Эта мысль оправдывается напыщенностію слѣдующихъ за сими выраженій: *ἐν θρόνῳ καθήμενος, — ἐφαίνοντο δὲ περὶ φάσγος τε καὶ τῶν μετέωρων ἀστρουνομία ἅτα διερετῶν τὸν Ἴππιαν* и проч. По этому мнѣ очень нравится замѣчаніе Стезана, что вмѣсто ἔφη Ὅμηρος, лучше бы (по крайней мѣрѣ сообразитѣ съ характеромъ Русскаго языка) читать: *φαίη ἄν Ὅμηρος*.

(41) Эриксимахъ — врачъ, часто упоминаемый въ сочиненіяхъ Платона, напр. въ Федрѣ и Пирѣ.

(42) Андротіонъ. См. разговоръ подъ именемъ Горгіаса 487 С.

(43) Наконецъ я увидѣлъ и Тантала, καὶ μὴν Τάνταλον εἰσεῖδον (Hom. Odyss. XI, 581). Платонъ

уподобляетъ Продика Тантагу, котораго богатство вошло у Грековъ въ поговорку: *Tantalos χορηγος*, *Tantalos talanta* (см. *Fischer*. ad. *Bathyrh.* 41. *Anast.* 583). Поводъ къ сему уподобленію подало Илатону необыкновенное корыстолюбіе Продика, котораго современники называли пятидесятидрахмовымъ хвостуномъ (см. *Klat.* 384. *Arist. Rhet.* III, 14. etc.); потому что онъ требовалъ отъ слушателей за свои уроки по пятидесяти драхмъ, около 115 р. серебр.

(44) *Окутанійи*, какъ имъ казалось, многими *мъхами* и *одъями*. Шутка надъ извѣженностію Продика. См. *Casaub.* ad *Sveton.* II, 78. *Aristoph.* *Nub.* 10. *ἐν πέντε σισύραις ἐμμεροδουλῆμενος.*

(45) Керамисъ, деревня въ Трибѣ Акамантисъ.

(46) Этотъ Агатонъ въ послѣдствіи извѣстенъ былъ какъ поэтъ, и поэзія его отличалась извѣженностію. *Aristoph.* *Thesmoph.* 52, 58 sq.

(47) Адриантъ, сынъ Книда, исторически не извѣстенъ; а сынъ Левколоида былъ вождемъ Аенискаго войска во время Пелопонесской войны. *Xenoph.* *hist. Græc.* I, 4. 21.

(48) Критіасъ, сынъ Каллескра, сперва долго былъ въ связи съ софистами и Сократомъ, потомъ ушелъ въ Фессалию и тамъ, по свидѣтельству Ксенофонта (*Memor.* I. 2. 12), сдѣлался однимъ изъ жесточайшихъ и корыстолюбивѣйшихъ олигарховъ.

(49) Аениское правительство разумно софистику, какъ нововведеніе, враждебное нравамъ и религіи. По этому Протагоръ, сказавъ, что софистика возбуждаетъ немилость, старается теперь доказать

несправедливость обвиненій мнимую древностію своей науки и вмѣстѣ съ тѣмъ опереться на авторитетъ знаменитыхъ мужей. Сверхъ сего, такое направленіе разговора ведетъ прямо къ изслѣдованію нерѣшеннаго прежде вопроса: чему учить Сократъ и полезно ли для души его ученіе? У Платона нѣтъ ни одной мысли безъ цѣли.

(50) *Таинство и священныя писанія*, *τελεταὶ τε καὶ χρησιμότης*. Первые приписываются Орфею: *Aristoph. Ran.* 1064. *Ὀρφεὺς μὲν γὰρ τελεταὶ ἤμιν κατέδειξε*, а послѣднія — Музею, о которомъ см. *Passow. in Mus.* p. 21. 26 sq.

(51) Иккосъ Тарентскій, славный атлетъ, представлявшій около 77 ол. Говорятъ, что желая сохранить свои силы и на играхъ всегда оставаться побѣдителемъ, онъ отказался приносить жертвы Венерѣ. *Legg. VIII*, 839. E. *Astii* annot. p. 58.

(52) Иродикъ Силврийскій родился, кажется, въ Мегарѣ, а потомъ перѣхалъ въ Силврію, одинъ изъ Эракійскихъ городовъ близъ Пропонтиды (*Strab. VIII*, p. 437). Онъ былъ учителемъ гимнастики, а потомъ, сдѣлавшись больнымъ, съ гимнастикою соединилъ медицину — не для того, чтобъ выздороветь; но чтобъ усмирить болѣзнь и умереть. *Polit. III*, 406. *Arist. Rhet. I*, 5. 29.

(53) Агаеоклъ, музыкантъ; учитель Дамона, который въ свою очередь училъ музыкѣ Перикла. *Lucret.* 180 D. *Plut. vita Pericl.* 153 E.

(54) Питокидъ Хюосскій, музыкантъ и Писагорецъ (*Schol. comment. T. II*, p. 387 Beck.), былъ учителемъ Агаеокла и Перикла (прежде Дамона)

(55) *Какъ εοωρητισκ, ὡς ἔπος εἰπεῖν*, Греческая поговорка. Шлейермахеръ не точно переводитъ ее: *dass ich es kurz heraussage*.

(56) *Превосходнѣе μοῦ, βελτίω ἐκείνης εἶναι*. Мѣстоименіемъ ἐκείνης указывается εἰς τὸ πρόδημα ποιῆσθαι, а не на слѣдующее за нимъ выраженіе τὸ δμολογεῖν μᾶλλον и пр. По сему послѣ εἶναι лучше бы поставить (·).

(57) *Притомъ замѣчательно, τὸ... Καὶ ἄλλας πρὸς ταύτη ἔσημεμαι, ὥστε*. Это выраженіе, кажется, повреждено, потому что *καὶ ἄλλας* (т. е. *εὐλαβείας*, какъ понимаютъ) *ἔσημεμαι*, не имѣетъ связи съ другою половиною фразы: *ὥστε, σὺν θεῷ εἰπεῖν, μηδὲν δυνὸν πάσχειν* и проч. По видимому, уместнѣе было бы: *καὶ ἄλλως τε πρὸς ταύτη ἔσημεμαι, ὡς* и проч. такъ что *τε* отъ слѣдующ. *ὥστε*, кажется, должно быть перенесено къ слову *ἄλλως*. Впрочемъ Штальбомъ замѣчаетъ (*Adv. ad Gorg. 473. D*); что *ἄλλος*, перемѣняясь по падежамъ, иногда тѣмъ не менѣе удерживаетъ значеніе нарѣчія: *praeterea*, напр. *ζηλωτὸς ὢν καὶ εὐδαιμονιζόμενος ὑπὸ τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἄλλων ξένων*.

(58) *И вообще давно живу на свѣтѣ, καὶ γὰρ καὶ τὰ ξύμπαντα* (т. е. *ἔτη*) *πολλὰ μοι ἔστιν*.

(59) *Нѣтъ ни одного, кому бы, δεῦ, слыто изъ двухъ мѣстоименій: δεῦτις, οὗ*. Мысль такова: *δεῦτις δεῦτις ἔστι πάντων ὑμῶν οὐ καθ' ἡλικίαν οὐ πατὴρ εἶην*. Подобное слияніе мѣстоименій въ различныхъ падежахъ у Платона весьма нерѣдко.

(60) *Сами, καὶ αὐτοὶ τε*, (т. е. не дожидаясь слугъ). Въ такомъ случаѣ *αὐτοὶ τε*, уместнѣе было

бы *γε*; ибо послѣдняя частица усиливаетъ значеніе того слова, послѣ котораго поставляется. Напр. выше 309 С. *καὶ πόλιν γε*. 322 D. *καὶ νόμον γε θεῶν παρ' εἰς*.

(61) *Схватили скамьи и диваны, Ἀντιλαβόμενοι τῶν βάρθρων καὶ τῶν κλινῶν*. Шлеермахеръ переводитъ *und machten Bänke und Polster*. Но *κλινῆ* — не подушка, не скамья, даже не кровать (*κράβατος*), а родъ дивана, на которомъ Греки и Римляне обыкновенно возлежали (отъ *κλίω*). Слову *κλινῆ* ближайшій образъ соответствуетъ Французское *couchette*.

(62) Ортагоръ Фивскій, — вѣроятно тотъ самый, который училъ музыкѣ Эпимниода. *Athen. V, 184. E.*

(63) *Мнѣ кажется, что этому учить нельзя*. Платонъ приходитъ наконецъ къ главному вопросу разговора: можно ли учить добродѣтели? Этотъ вопросъ въ его время, былъ особенно въ ходу. Люди, почитавшіеся учеными и мыслителями, толковали о немъ часто и рѣшали его различными образомъ. Одни доказывали, что добродѣтель пріобрѣтается воспитаніемъ и наукою; другіе, что она зависитъ отъ способностей, и слѣдовательно есть даръ природы. *Fischer. ad Aesch. Socr. qui feruntur dialogg. p. 21 sqq. Fülleborn. Symbol. ad histor. Phil. P. X. p. 143 sqq.* Протагоръ защищалъ первое мнѣніе и по тому выдавалъ себя за учителя добродѣтели; а Платонъ не держался исключительно ни того, ни другаго, но рассматривалъ добродѣтель въ двухъ видахъ, юридическомъ и дѣическомъ, первую почиталъ предметомъ

науки, а вторую даромъ боговъ. Этихъ только различеніемъ добродѣтели можно согласить кажущіяся противурѣчія Платоновыхъ положеній въ Мемонѣ, Протагорѣ, Эвтидемѣ и Лаксѣ.

(64) Я называю Афинлянъ мудрыми, — похвала едва ли не ироническая; потому что Платонъ въ другомъ мѣстѣ (Polit. VI, 492. В) называетъ народъ величайшимъ развратителемъ юности (*τὴς πολλὰς δευλοτὴς εἶναι σοφιστὰς*), особенно когда онъ — въ собраніи, въ судѣ, въ театрѣ.

(65) Оглушенный крикомъ. Впрочемъ *θορυβεῖν* значило кричать не только для выраженія неудовольствія (см. *Vesseling. ad Diod. Sicul. I. 72. T. I. p. 84*), но и въ знакъ удовольствія (см. *Jakobs. ad Anthol. gr. T. I. P. II. p. 22*).

(66) Спартишшинами, *πρωτάνης*, назывались сенаторы, или председатели народныхъ собраній. *Pollux. VIII, 9. 95. sq.*

(67) Луканосцы, *τοξόται*, составляли городскую милицію, были вооружены луками и вѣроятно по этой причинѣ назывались также Склеями. *Pollux. p. 408. sq.*

(68) Нельзя сказать, что... *μη τοῖνον δε...* равно какъ *δὲ δε*, *δὲ δεως*, *μη δε*, и другіе подобныя аттицизмы значать одно и тоже: *non dico, ne dicam*.

(69) Въ древности Атеней, а въ наши времена Шнейдеръ и другіе, обвиняютъ Платона за то, что онъ въ семъ мѣстѣ говорить о Периклѣ еще живущемъ, между тѣмъ, какъ онъ умеръ уже въ 4,87 олимп. Но изъ подлинныхъ словъ Платона почти вовсе не видно, что онъ разумѣлъ его живущимъ. Одно только

выраженіе: *ὁ δὲ αὐτὸς σοφός ἐστιν*, какъ будто указываетъ на время настоящее; но говоря о великихъ людяхъ, Греки часто употребляли настоящее вмѣсто прошедшаго.

(70) *Безпастушные, ἀφροί*, т. е., оставленные безъ стражи. Эту аналогію Платонъ, кажется, беретъ отъ священныхъ животныхъ, которыя, какъ думали Греки, пасутся только подъ покровительствомъ Бога. *Plut. Lucull. p. 507. sq. Crit. 119. D. ἀφείτων θυτῶν ταύρων ἐν τῷ τῆ Ποσειδῶνος ἱερῷ.*

(71) Клиніасъ и Алкивіадъ были дѣти Клиніаса, павшаго при Херонѣ, и находились подъ опекою Перикла и Ариарона, брата его. *Plut. Alcib. 191 F.*

(72) На Востокъ былъ, а частію и теперь есть обычай объяснять извѣстный предметъ приточно. Ученые находили много причинъ, которыми могъ поддерживаться этотъ обычай, и цѣлей, для которыхъ онъ существовалъ. Въ этомъ мѣстѣ Платонъ указываетъ на особенный и замѣчательный случай употребленія приточной рѣчи: *ὡς πρεσβύτερος νεωτέροις, μῦθον λέγων ἐπιδείξω.*

(73) *Было время* и пр. Излагаемая здѣсь притча объ Эпиметѣ и Прометѣ есть подражаніе Писидовой о Прометѣ и Пандорѣ (*Theogon. v. 535. sq.*). Первая мысль въ ней, что люди, какъ *αὐτόχθονες*, произошли изъ земли (*Empedocles natos homines ex terra ait, ut blutum. Varr. Fragm. T. I. p. 276. Ut merito maternum nomen adepta terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata. Lucr. V, 794*), или изъ земли, смѣшанной съ водою, *ἐκ πηλῆ* (*Ovid. metam. I. 80*), встречается еще у самыхъ древнихъ философовъ. (*Ритт. Ист. Фил.*

др. вр. Т. I. ст. 245). Но такъ какъ со-знанья, пересказывая древнія притчи, болышею частію измѣняли ихъ въ подробностяхъ и принаровляли къ своей цѣли; то и Платонъ изложилъ притчу объ Эпиметѣ и Прометѣ совершенно въ духѣ со-истическомъ, то-есть, внесъ въ нее множество щеголеватыхъ фразъ и ненужныхъ повтореній, перепуталъ въ ней порядокъ разсказа и раскрылъ ее въ такомъ видѣ, что Протагоръ, доказывая ея изучимость добродѣтели, незамѣтно доказалъ и происхожденіе ея отъ боговъ, следовательно поставилъ себя въ противурѣчія и подалъ Сократу поводъ къ новому изслѣдованію вопроса. (См. *Ann. Eckert. Specimen in Protagorae apud Platonem fabulam de Prom.*). Впрочемъ объ этомъ ниже.

(74) Подъ веществами, соединяемыми съ огнемъ и водою, древніе разумѣли воздухъ и землю. Огонь соединяется съ воздухомъ (Lucr. III, 235. *nes calor est quisquam, quoi non sit mixtus et aër*), а вода съ землею (Ovid. l. l.). Штальбомъ догадывается, что Протагоръ имѣлъ въ виду ученіе Парменида, который стихіями всѣхъ вещей почиталъ землю, огонь и нѣчто третіе, смѣшанное изъ того и другаго. *Brand. comment. eleat. l. p. 156. 165.*

(75) Прометей и Эпиметей почитались сынами Япета и Климены (*Hesiod. Theog. 513*), или Азин, дочери Океана (*Apollod. 1. 2. 3. Сравн. Heune Observ. p. 10*).

(76) *Ἰμλιεσσὶν ἡμικραθε*, quae parvitate obduxit,—выраженіе вовсе не въ характерѣ рѣчи Платоновой, но отличается страннымъ сочетаніемъ понятій, которыхъ

въ то время щеголяли второстепенные поэты и со-
+исты, старавшіеся самую обыкновенную мысль
выразить въ худрявой фразѣ. Такъ всегда Платонъ
дастъ каждому лицу въ своемъ разговорѣ языкъ, ему
приличный, и въ удобность своей мишкѣ, даже ино-
гда допускаетъ шероховатость рѣчи; напр. мнѣ: τῷ
δὲ αὐτῷ αὐτὰ ἑαφεῖ.

(77) Но такъ какъ Эпиметей былъ не очень
мудръ. Эпиметей значитъ непроницательный, не-
предусмотрительный (отъ ἐπιμηθεΐα): напротивъ
Прометей — проницательный, предусмотрительный,
(отъ προμηθεΐα). Платонъ, заставивъ Протагора раз-
сказывать мнѣ объ Эпиметей и Прометей, поставилъ
его въ такое же отношеніе къ разсматриваемому въ
разговорѣ вопросу, въ какомъ находился Эпиметей
къ человѣческому роду. Последний, по непредусмо-
трительности, обидѣлъ челоуѣка; первый, также по
непредусмотрительности, обидѣлъ собственное свое
положеніе, что добродѣтели можно учить; ибо въ
самомъ мнѣ приписалъ ей божественное происхо-
женіе. По сему-то въ концѣ бесѣды, Сократъ, намѣкая
на Протагора, говоритъ: «пусть тотъ Эпиметей не
вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ, по
твоимъ словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ.»

(78) На животныхъ безсловесныхъ, εἰς τὰ ἀλογα.
Этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Clark. и Vatic. Θ., и онѣ
представляются въ самомъ дѣлѣ позднѣйшимъ допол-
неніемъ; ибо безъ нихъ была бы естественнѣе связь
предыдущаго выраженія съ послѣдующимъ: ἀλλοῦ
δὲ (вмѣсто δῆ) ἀλόγων ἔτι...

(79) *Μυδρῆσσι τεχνῆσσι, τῆν ἐπιτεχνὸν σοφίαν,*
 мудрость, проявляющую себя въ искусствахъ, или,
 по значенію слова *τέχνη*, въ искусствахъ и наукахъ.
 Протагоръ очевидно говоритъ здѣсь метафизически,
 то-есть, указываетъ на произведеніе вѣсто произво-
 дителя; такъ что похищеніе мудрости въ искусствахъ
 есть не что иное, какъ похищеніе ума, дающаго
 бытіе наукамъ и искусствамъ (по изъясненію Энкера
 in Prot. fab. p. 57. sq., Kunstvermögen, или Kunstsin).
 Следовательно древніе, умъ или духъ почитали не
 твореніемъ, а пришельцемъ съ неба. Polit. 274. С.
Ἰθεὺς δὴ τὰ πάσαι λεχθέντα παρὰ θεῶν ἄδρα ἤμιν
ἀεδαφῆται — πῶρ μὲν τὰ Προμηθεύς, τέχνηαι δὲ παρ'
Ἥφαιστοι καὶ τῆς συντέχνης. Замѣчательно также, что
 Прометей похитилъ мудрость искусства съ огнемъ,
 который, по смыслу мѣта, выражаетъ пламенное стрем-
 леніе чувства, следовательно не долженъ быть отдѣ-
 лямъ отъ мудрости; между тѣмъ у насъ

Какъ часто мудрость безъ огня,
 Огонь безъ мудрости бываетъ!
 Тутъ только чадъ и голова;
 Тамъ ледъ,—и никогда не таетъ!

(80) Стражи Зевса были *Βία* и *Κράτος*, Сила
 и Власть, дѣти Стикса, *Hesiod. Theog. 385. Callim.*
hymn. in Iov. 67.

(81) *Въ общую работу Аоины и Ифестиа,...*
δασὺν ἄνθρωπον, εἰς δὲ τὸ τῆς Ἀθήνας καὶ Ἥφαιστοι
ὀμιλοῦντες... διδάσκει ἀνθρώπων, — повтореніе прежняго,
 обобщающее болтаивость соаниста, который при не-
 достаткѣ мыслей; говорить объ одномъ и томъ же
 много разъ и всегда различнымъ образомъ.

(82) *Ибо люди еще не имѣли искусства политическаго.*
 Доселѣ Протагоръ рассказывалъ свой мифъ

вѣрно, такъ какъ и всѣ въ древности разсказывали его; а теперь начинаютъ наклонять его къ своѣй дѣлѣ и для того вносятъ къ разсказу иную причину, по которой люди не могли защищаться отъ звѣрей: они не имѣли искусства политическаго (которое преподаютъ софисты), и потому начали строить города. Но и въ городахъ не могли ужиться другъ съ другомъ, — опять по недостатку искусства политическаго. После сего надлежало бы сказать: «тогда-то софисты рѣшились помочь бѣдному человечеству и преподавать ему добродѣтель.» Но Протагоръ говорить не такъ, а слѣдующимъ образомъ: «тогда-то Зевсъ приказалъ Эрмію низвести на землю Стыдъ и Правду и раздѣлить ихъ всѣмъ людямъ.» Что же отсюда слѣдуетъ? Во-первыхъ то, что политическое искусство есть стыдъ и правда; во-вторыхъ то, что оно есть даръ Зевса, а потому не можетъ быть предметомъ науки, и Протагоръ самъ себя противурѣчить. Такъ шутитъ Платонъ надъ безсвязностію, безцѣльностію и слабостію софистическихъ умствованій!

(85) *Низвести къ людямъ стыдъ и правду.* Древніе поэты говорили, что когда люди до крайности развратились, Стыдъ и Правда оставили землю, — и этотъ мифъ лучше, потому что бытіе добродѣтели въ человѣкѣ въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно съ порчею человеческого сердца. Возвращеніе же Стыда и Правды на землю, что предполагаетъ Протагоръ, должно бы означать обновленіе нашей природы силою божественною, а не софистическимъ ученіемъ. Вирочень см. *Ekker. in Protog. fab. p. 31 sq.*

(84) *И касательно прощан искусства, καὶ οἱ ἄλλοι ἔπιμαρτυροῦσι.* Если бы Платонъ говорилъ не языкомъ общества, а самъ отъ себя; то вѣроятно оказалъ бы: καὶ οἱ ἄλλοι ἐπιμαρτυροῦσι ὁσαῦτά τε.

(85) *Во справедливости и разсудительности.* Выше, политическою добродѣтелию названы справедливость и отъздъ, теперь — справедливость и разсудительность, а даже говорится: причастны разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ. Такимъ образомъ союзею подъ понятие стыда и правды легкомысленно подводитъ все нравственныя добродѣтели и называетъ ихъ политическими; такъ что, не смотря на средство челоуѣка съ богами, на божественное происхождение стыда и правды и на участие всѣхъ людей въ нихъ, въ челоуѣческой природѣ, по его мнѣнью, нѣтъ основанія нравственности, а есть только добродѣтели политическiя. Явное противорѣчiе! При томъ должно замѣтить, что *разсудительность, σωφροσύνη*, на Латинскiй языкъ всегда переводилось словомъ temperantia. Но temperantia имѣетъ значенiе чисто практическое и при томъ отрицательное; по крайней мѣрѣ соответствующее ему у насъ слово *воздержанiе* употребляется только въ семъ смыслѣ. Напротивъ Греческое *σωφροσύνη*, по смыслу Сократа и Платона, не есть просто воздержанiе, напримеръ отъ гнѣва, отъ пици, вообще отъ страстей, и заключаетъ въ себѣ значенiе вовсе не отрицательное, но выражаетъ положительное состоянiе души или гармонiю всѣхъ силъ ея, то, что у насъ называется разсудительностию, а у Германцевъ Besonnenheit. Этiмъ словомъ переводитъ *σωφροσύνη* и Шлейермахеръ. См. Харм. введ.

(86) *Α ινατε не было бы в общество, η μη είναι πόλις.* "И, когда зависить отъ предьидущей мысли, значить: иначе, aliter, alioquin. Напр. Phædr. 245. D. εἶτο δὲ οὐτ' ἀπόλλυσθαι ἕτε γίγνεσθαι, δυνατὸν, ἢ πάντα τε ἄρανδον πᾶσάν τε γένεσιν συμπεσῶσαν στήναι. Parm. 164. C. Ἀλλήλων ἀρα ἐστὶ τῆτο γὰρ αὐτοῖς ἐτε λείπεται, ἢ μηδεὸς εἶναι ἄλλοις.

(87) *Вотъ причина, аὐτη τέτι αἰτία.* Надлежаю бы, по видимому, сказать: аὐτη ἢ τέτι αἰτία; но αἰτία адѣсь сказуемое, а аὐτη — подлежащее; какъ бы такъ поруски: это-то причина, Сократъ.

(88) *Вотъ съ другихъ добродѣтелей, ἐν γὰρ ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, вмѣсто τέχνας.* Соискъ называется всѣ искусства добродѣтелями, и, какъ ниже увидимъ, почитаетъ ихъ врожденными; потому что онѣ были похищены Прометеемъ. Это — ἡ σοφία ἐντεχνος. По этому и слово ἀγαθός, на языкѣ Протагора значить вообще: искусный, прославившійся своимъ искусствомъ.

(89) *Которое съ первымъ слушал, ὁ ἐκεῖ, т. е. ἐν ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς, а теперь, ἐνταῦθα т. е. ἐν δικαιοσύνη καὶ τῇ ἄλλῃ πολιτικῇ ἀρετῇ.*

(90) *Извѣстно, что люди не сердятся другъ на друга за то зло, которое почитаютъ... ὅσα γὰρ ἤγθεται ἀλλήλους κακὰ ἔχον ἀνθρώποι, nam quaecumque mala homines inter se habere arbitrantur.* По этому напрасно пишутъ нѣкоторые, вмѣсто ἀλλήλους, ἄλλους.

(91) *Красота и пропущенное сѣ, τὰ καλὰ καὶ τὰναντία τέτοις* Мѣстомъ τέτοις относится къ τὰ καλὰ, а τὰναντία τέτοις — къ ταῦτα, т. е. къ τὸ τὸς, αἰσχρὸς ἢ σμικρὸς ἢ ἀσθενεῖς εἶναι.

(92) Но если ради сѣй добродѣтели (т. е. политической) люди досаждаютъ другъ на друга и другъ друга усовѣщиваютъ. Выше (323. В) было сказано напротивъ, что какъ скоро кто-нибудь вздумалъ бы обвинять себя въ нарушеніи политической добродѣтели, то его признаніе сочли бы сумасшествіемъ; потому что она, хоть отчасти, есть въ каждомъ. Такъ совѣсть противурѣчитъ самому себѣ и не замѣчаетъ своихъ противорѣчій!

(93) Что за ними есть грѣхъ, *ὅτι ἡδίκησαν*. Такъ какъ этотъ глаголь относится къ *τῶς ἀδικήντας*; то надлежало бы сказать, *ὅτι ἡδίκησαν*: но такой переходъ отъ множественнаго къ единственному числу въ Греческомъ языкѣ весьма не рѣдокъ. См. Gorg. p. 525. В. *Mathiae Gram.* г. р. 587. Въ подобныхъ случаяхъ глаголь, поставленный въ единственномъ числѣ, лучше переводить безлично.

(94) *Наказываетъ, τιμωρεῖται*. Съ этимъ глаголомъ въ настоящей рѣчи постоянно соединяется *κολάζειν*. Аристотель (*Rhet. I. 10*) и Виттенбахъ (*ad Eclog. hist. p. 452*) различаютъ ихъ слѣдующимъ образомъ: *Τιμωρεῖσθαι* значитъ наказывать за сдѣланную кому-нибудь обиду, а *κολάζειν* — наказывать за преступленіе или грѣхъ, — поруски: взыскивать и наказывать. Впрочемъ эти глаголы въ сочиненіяхъ Платона такимъ образомъ не различаются.

(95) *Остается еще разгнѣшить твое недоумѣніе, εἰ δὴ λογῆ ἀλογία ἐστίν, ἢν ἀπορεῖς*. Кажется предъ словомъ *ἀλογία* нуженъ бы членъ; потому что далѣе слѣдуетъ: *ἢν ἀπορεῖς*.

(96) *Та смеліи, какъ странны бывають эти добряки, εμεναι ὡς θαυμασίως γίνονται οἱ ἀγαθοί.* Стеванъ in marg: considera, quam mirabiliter viri boni tales evadant. Гейндорфъ: quam miris modis hanc in civitate existant. Шдекермахеръ: so sieh doch zu, wie wunderbar diese trefflichen Männer seyn müssen. Но θαυμασίως здѣсь имѣетъ значеніе въ соединеніи съ глаголомъ γίνονται, какъ εὖ πράττει, или καλῶς πράττει, а не отриценно; по сему θαυμασίως γίνονται значитъ: бывать страннымъ, и словами, ὡς θαυμασίως γίνονται οἱ ἀγαθοί, указывается не на дѣтей, а на родителей.

(97) *Напротивъ, что угрожаемъ ихъ дѣлать смертнаго казню, ἐφ' ᾧ δὲ ἢ τε ζημία θανάτος.* Диклитическую частицу τε надобно относить не къ ζημία, а къ θάνατος. См. 314. А. 336. С.; хотя въ Греческомъ текстѣ она должна стоять именно предъ ζημία, потому что здѣсь оборотъ поэтический и къ одному подлежащему относится два сказуемыхъ, которыя per attractionem, какъ говорятъ грамматикки, соединяются съ подлежащимъ частицею τε.

(98) *Извѣстно, οἴεοθαί γε χοῆ, формула, принадлежащая исключительно Платону.* Она обыкновенно поставляется послѣ вопроса, и когда вопросъ положительный, — подтверждаетъ, а отрицательный — отрицаетъ. Что бы удержать собственное значеніе словъ οἴεοθαί γε, надлежало бы перевести ихъ нашими простонароднымъ: и епдомо. Употребленіе см. Gorg. 522. А. Phaedon. 68. В. Crit. 53, С. 54. В. al.

(99) *Если дитя повинустся, — хороши, καὶ εἰς κέρδιον πείθεται.* Послѣ этого протазиса иногда случается

апотазисъ: εὖ ἔχει, какъ у Теофраста (charact. 9): καὶ εἰάν μὲν λάβῃ, εὖ ἔχει; но болѣею частію апотазисъ только подразумѣвается. *Eustath. ad Iliad. I. p. 50. Casaub. ad Athen. V, 2. p. 43. Matthiae gramm. gr. p. 1248. not. V.*

(100) *Отсылають дѣтей въ школу, εἰς διδασκαλῶν πέμποντες*, т. е., *εἰς δόμον или δόματα τῶν διδασκαλῶν*, какъ и ниже p. 326. В. *εἰς παιδοτρέβη. Matth. gramm. gr. p. 701. 1147.*

(101) О чтеніи и изученіи поэтовъ у Грековъ см. *Cicero. Orat. 1. 42. Quint. Institut. Orat. I, 4. 1; также Legg. VII. 810. sqq.*

(102) *Между прочимъ, ἕτερα τοιαῦτα*, тоже что *τᾶλλα.*

(103) *Ибо и вся жизнь человѣческая имѣеть нужду въ ритмѣ и гармоніи, πᾶς γὰρ ὁ βίος — εὐαρμοσύνης δεῖται.* Подобнымъ образомъ Цицеронъ (*de Offic. I, 40*): *sicut in fidibus aut in tibiis, — sic videndum est in vita, ne forte quid discrepet, vel multo etiam magis, quo major et melior actionum quam sonorum consentus est.* Но не должно думать, что Платонъ серьезно влагаетъ эти слова въ уста Протагора. Протагоръ былъ весьма далекъ отъ истинной музыки (см. *Davis. ad Max. Turg. XII, 7. p. 543. Wernsdorf. ad Himer. p. 285. Wyttenb. ad Phaed. p. 127*) и говорить это только сообразуясь со всеобщимъ мнѣніемъ. По сему-то ниже p. 333. А. Сократъ шутить на его счетъ, говоря: *οὗτοι γὰρ οἱ λόγοι ἀμφότεροι οὐδὲ πᾶνυ μωσιμῶς λέγονται.*

(104) *Какъ грамматистегі, ὥσπερ οἱ γραμματισταί. Учителн τῆς γραμματικῆς*, учившіе дѣтей читать

и писость и преподававшіе имъ начала языка (Hogal. op. I, 20. 17). Римляне называли ихъ litteratores. Fischer. ad Weller. I, p. 2. Поруски почти тоже, что драматенъ.

(105) *Начертываютъ буквы карандашомъ, επιγραφαντες γραμμας. Грамматъ, въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, фигуры буквъ, на которыя указываетъ Квинтилианъ (Institut. Orat. I. l. 27): Quum vero iam ductus sequi coeperit, non inutile erit eos tabellæ quam optime insculpi, ut per illos. velut sulcos ducatur stylus; nam neque errabit—neque extra præscriptum poterit egredi, et celerius ac sæpius sequendo certa vestigia formabit articulos, neque egebit adjutorio manum suam manu superimposita regentis. Карандашомъ, γραφίδι, по Стефану, penicillo, по Катуллу (XXII, 7), plumbo.*

(106) *Такъ и юношамъ, общество, ὃς δὲ καὶ ἡ πόλις. ὃς часто употребляется вмѣсто οὗτος. Eurip. Нес. v. 882. Troad. v. 147. v. 721. Electr. v. 151 etc. и ниже 328. А.*

(107) *Законы — изображение добродѣтельныхъ законодателей древности. Такъ учили софисты; тоже и еще хуже утверждали некоторые Англійскіе и Французскіе моралисты двухъ предшествующихъ столѣтій: — мысль, порожденная духомъ политическаго и нравственнаго разврата. Напротивъ, какъ хорошо говорятъ Демосѣенъ: (adv. Aristog. p. 774): ὅτι πᾶς ἐστὶ νόμος, εὐρημα μὲν καὶ δῶρον θεῶν, δόγμα δὲ ἀνθρώπων φρονίμων, ἐπανόρθωμα δὲ τῶν ἐμνοίων καὶ ἀμνοίων ἀμαρτημάτων, πόλεως δὲ συνθήκη κοινῆς, καθ' ἣν πᾶσι πρόσημι ζῆν τοῖς ἐν τῇ πόλει; и Цицеронъ (de leg. I. 324): lex est ratio summa, insita in natura, quæ jubet ea, quæ facienda sunt, prohibetque contraria (II. 323), quæ non tam denique incipit lex esse, cum*

scripta est, sed tunc, cum orta est; orta autem simul est cum mente divina. Ср. Mines. 313. sq. Legg. I. 644. D. Definit. 415. B.

(108) *Не должно быть частными лицъ, εδένα δει ιδιωτέων.* Указывается на высшее: одному ли чему-нибудь, или не одному должны быть причастны все граждане?—Если одному, то и пр. *Ἰδιωτέων* съ родительнымъ, значить: alicujus rei imperitum esse; но у Платона *ιδιωτης* противопоставляется слову *δημιργός*; qui publice rem aliquam profitetur. Следовательно смыслъ рѣчи такой: въ прочихъ искусствахъ, или ремеслахъ *δυνατόν μιν ἐστὶ δημοργόν εἶναι καὶ ιδιωτέων*; а въ добродѣтели политической *εδένα δει ιδιωτέων*, ἀλλὰ πάντας δημοργὸς ἀναγκαῖον εἶναι, т. е., въ добродѣтели политической должны быть все публично искусны.

(109) *Того, кто не хорошо играетъ, τὸν μὴ καλῶς αὐλῆντα*, зависить не отъ *ἐπιπλήττε*, а отъ *ἐδίδασκε*; потому что *ἐπιπλήττε* требуетъ дательнаго лица, какъ выше 319 D. *καὶ τέτοις εἰδεις τέτο ἐπιπλήττε*.

(110) *Въ сравненіи съ людьми, которые не знаютъ этого дѣла, ὡς πρὸς τὰς ιδιώτας.* Ὡς πρὸς выражаютъ отношеніе или сравненіе одной вещи съ другою, напр. Polit. 303. A. *ὡς πρὸς τὰς ἄλλας.* Parmen. 146. B. *ἢ ὡς πρὸς μέρος ὅλον ἂν εἴη.* Alcib. I. 123. B. *καὶ τὰ μὲν Λακεδαιμονίων ὡς πρὸς Ἑλληνικὸς μὲν πλῆτες μεγάλα, ὡς δὲ πρὸς τὰς Περσικὸς καὶ τῆ ἐκείνων βασιλείας εἰδέν.*

(111) *Представленныя въ праздникъ Бахуса поютъ Ферекратомъ.* Этотъ праздникъ у Грековъ

назывался *Ἀγναῖον*, по имени площади, окруженной оградой, въ которой находилъ храмъ Бахуса и дѣвались зрѣлища въ честь его, *Runk. in auct. emendat. ad Hesych. T. I. p. 999. Boeck. Abhandl. d. Acad. d. Wissensch. in Berl. a. 1817. p. 81.* О Ферекратѣ, комическомъ писателѣ, *ἄτιμιωτάτῳ*, см. *Heinrich. in Libr. Epimen. p. 182. sq. 191. sq.* Упоминаемое здѣсь сочиненіе его, по свидѣтельству Атеней (V, 59), издано при Архонтѣ Аристіонѣ (49,4 ол.). Глаголь *ἐδίδαξεν*, кажется, указываетъ на мимическое искусство Ферекрата представлять предметъ на сценѣ живо и естественно. *Подобными мизантропамъ въ хорѣ Ферекратовомъ, ὄπερ οἱ ἐν ἐμείνῳ τῷ χόρῳ μοῦσάνθρωποι.* Нѣкоторые толкователи думаютъ, что словами, *μοῦσάνθρωποι ἐν τῷ χόρῳ*, указывается на другое сочиненіе, а не на дикарей (*ἄγριοις*) Ферекратовыхъ. Напротивъ *Groen. v. Prinster. (Prosopogr. Plat. p. 182)* полагаетъ, что сочиненіе одно и тоже, только *ἄγριοι* были Кентавры, а хоръ составляли Мизантропы. Но Гейнрихъ I. I. p. 8. sq. опровергаетъ оба эти мнѣнія на основаніи изслѣдованій о Ферекратовой баснѣ (in appendix Epimenidis p. 188), и говоритъ, что хоръ составляли дѣйствительно *οἱ ἄγριοι* — Кентавры, только къ нимъ нейдетъ *μοῦσάνθρωπια*, и потому онъ советуетъ писать *ἡμῶσάνθρωποι* — получеловѣки, или какъ *Jacobsius (Anthol. Palat. T. III, P. II. p. 800)* *μῦσανθρωποι*. Однакожъ выше же сказано, что *ἄγριοι* похожи на людей, не знающихъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ и пр.: почему же они не могли быть названы мизантропами?

(112) Эврибатъ и Фринондъ, говорятъ, были такъ развратны, что вошли въ пословицу. *Aeschin.*

in Otsiph. p. 527. ἄλλ', οἶμαι, ἕτε Φρονόντας ἕτε Εὐρύβατος ἔτ' ἄλλος ἴδεις πόποτε τῶν πάλαι κωνη-
φῶν ταῦτός μαγος καὶ γόης ἐγένετο.

(113) Протагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, πρῶτος μισθὸν οὐσεπραξάτο μνάς ἑκατόν, что составляетъ почти 2275 р. серебр. Замѣчательно, что по Казавбону (in Diog. L. IX), Демокритъ у Абдеритянь назывался φιλοσοφία, а Протагоръ — λόγος ἔμμοθος, продажный умъ.

(114) Пока кто-нибудь не прерветъ его, εἰδὼν μὴ ἐπιλάβηται τις. Это выраженіе весьма хорошо соотвѣтствуетъ предъидущимъ глаголамъ ἤχει καὶ ἀποτείνει: послѣдніе означаютъ звучаніе мѣди, или струны, а ἐπιλαμβάνεσθαι — прикосновеніе пальца къ струнѣ или прерваніе звука.

(115) Они растянутъ рѣчь стадій на двѣнадцаты, δολιχὸν κατατείνουσι τὸν λόγον. По замѣчанію Стефана, едва ли не лучше читать δόλιχον — τῆ λόγου, т. е., растягиваютъ рѣчь на двѣнадцать стадій.

(116) Мнѣ нужно немногого, εὐδαίμων εἰμι πάντ' ἔχων, разум. πρὸς τὸ πάντ' ἔχων. Подобнымъ образомъ Phaedr. 229. В. πῶς καδίξεσθαι, herha ad sedendum.

(117) И потому воспользуйтесь этимъ недостаткомъ во душѣ моеи, т. е., удовлетвори моему желанію, чтобы я не замѣчалъ никакой странности въ словахъ твоихъ. Впрочемъ въ некоторыхъ свѣскахъ нѣтъ слова ἐν τῇ ψυχῇ.

(118) Или первая неграмотна, а послѣдняя неграмотна, ἀλλ' ὀπίκου ἀρα, τὸ δὲ ἀνθρώπου. Текстъ по единичному поврежденъ. По мнѣнію Гейндорфа и

Шлейермахера надобно читать: *ἄξιον δὲα τὸ θεῖον, τὸ δὲ ἀνθρώπου.*

(119) *Хотя это подобіе и не подобіе и отъицъ не велико.* Въ подлинникѣ: *καὶ πάνυ σμικρὸν ἔχει τὸ θεοῦ, а по связи рѣчи нужно бы еще: καὶ τὸ ἀνθρώπου.* По сему Гейндорфъ вноситъ въ текстъ *ἀνθρώπου* и читаетъ: *καὶ πάνυ σμικρὸν ἔχει τὸ ἀνθρώπου ἢ τὸ θεοῦ.* Но *ὁμοίότης* здѣсь заключаетъ въ себѣ то и другое понятіе, т. е., подобіе и неподобіе, и означаетъ, какъ бы вообще, отношеніе подобныхъ и неподобныхъ предметовъ. Такъ р. 356. А. *τὸ ἡδὺ* стоитъ мѣсто *τὸ ἡδὺ καὶ τὸ λυπηρὸν.*

(120) *Или неравсудительны, εἰ τὲναντίον ἐπράττου.* Какъ частица *εἰ*, такъ и прош. несов. *ἐπράττου* здѣсь, кажется, неумѣстны. По видимому надлежало бы читать: *ἢ τὲναντίον πράττειν*, т. е., *σοὶ δοκῆσαι*, — тѣмъ болѣе, что далѣе слѣдуетъ отвѣтъ: *σωφρονεῖν.*

(121) *Одному противуположно только одно, τὸ ἐν ἐνὶ μόνου ἐναντίον εἶναι.* Частица *τὸ* относится не къ *ἐν*, а къ цѣлой фразѣ; иначе вышелъ бы другой смыслъ.

(122) *Если одному по необходимости противуположно только одно, ἐνὶ μὲν ἐν μόνου ἐναντίον εἶναι, πλείοσι δὲ μῆ.* Лучше бы читать съ Гейндорфомъ: *ἐν ἐνὶ μόνου ἐναντίου εἶναι, πλείω δὲ μῆ;* потому что далѣе *τῇ δὲ ἀφροσύνῃ* противупологается многое: *σοφία καὶ σωφροσύνη* (пад. имен.).

(123) *Что людямъ не полезно, & ἀνθρώποις μὲν ἀνωφελῆ ἐστί,* и проч. Такъ какъ Протагоръ представляется здѣсь въ состояніи возмущенности, то

Надлежа, всегда удивительный мимикъ, впадаетъ въ уста его и перепутанныя, сбитыя выраженія. Надлежало бы сказать такъ: *ἀ μὲν ἀνθρώποις ἀνωφελεῖ γὰρ, τὰ δὲ φρένημα, ὡς καὶ σικία καὶ ποταὶ* и пр. *καὶ ἄλλα ἀνθρώποις μὲν ἑδέτερα, ἔπλοισ δὲ μὴ.*

(124) Краткословіе и длиннословіе *μακρολογία* и *βραχυλογία*, было искусство говорить объ одномъ и томъ же предметѣ по произволу, какъ можно обширнѣе, или какъ можно короче, и почиталось изобрѣтеніемъ софистовъ. Phaedr. 267. Б. *Τίσιαν δὲ Γοργίαν τε ἐάσομεν εὐδαι, οἱ — συντομίαν λόγων καὶ ἄπειρα μῆτην περὶ πάντων ἀνευθρον.*

(125) *Κοιτορες μογυτς пробѣгать двоинное, либо цѣлодневное поприще, доллходоρμον. Schol. доллходоρμοι εἰσιν οἱ τὸν δόλιχον τρέχοντες.* Такъ назывались скороходы, которые могли пробѣгать отъ семи до двадцати четырехъ стадій, или на Русскую мѣру, отъ 483 до 1656 сажень. *Schol. Aristoph. ad Aves v. 292.* *Ἡμεροδρομοι*, по Схولیасту, *οἱ ταῖς βασιλικαῖς διατάξεσι ταχύτατα διακουόμενοι*, а по Ливію (XXXI, 24), *hemerodromos vocant Græci ingens die uno cursu emetientes spatium.*

(126) Платонъ въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, шутитъ надъ тщеславіемъ Продика, хваставшагося особеннымъ искусствомъ различать значенія синонимическихъ словъ. Charm. 163. D. Crat. I. 384. B. Euthyd. 277. E. и проч.

(127) *Не по закону, а по природѣ, φύσιν, οὐ νόμον.* Сократы не только отличали законъ отъ природы, но даже противопоставляли первый послѣдней;

между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, онѣ и непротивуположны, и взаимно не отдалены. Что такое природа безъ закона?—Хлосъ, въ которомъ нельзя представить ни движенія ни покоя, ни постоянства ни переменчивости, ни бытія ни небытія. Что такое законъ безъ природы? — Логическое понятіе, форма безъ содержанія, чистый абстрактъ. Сошистъ соглашается, что всѣ мы, какъ люди, не чужды другъ другу, всѣ мы родственники, ближніе и граждане міра: но то самое, что сродняетъ всѣхъ людей, и есть законъ, коего частныя выраженія суть законы положительные, разнообразныя по мѣрѣ необходимаго оразнообразиванія закона природы въ народныхъ субъектахъ, подъ вліяніемъ вѣка и мѣстныхъ условій.

(128) *Законъ тираннз челоуѣковъ.* Понимая законъ, какъ изобрѣтеніе и внѣшніе узы, сошисты натурально должны были прійти къ мысли, что онъ — тиранъ челоуѣковъ: Но какъ легко было, по видимому, отъ сего заключенія перейти къ слѣдующему: если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ тѣмъ, что ему противуположно; а закону противуположно беззаконіе; слѣдовательно, если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ. Потому: законъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ, и тотъ же законъ, по мнѣнію сошистовъ, есть тиранъ челоуѣковъ; слѣдовательно, тѣ люди, надъ которыми онъ тиранствуетъ, беззаконны. А отсюда само собою слѣдовало бы, что истинный тиранъ челоуѣковъ есть не законъ, а беззаконіе.

(129) *Онъ часто насилуетъ природу, то-есть, когда слѣпой природѣ хотѣлось бы дѣйствовать*

несообразно съ законѣмъ, незаконно. Слѣдъ Богу,
что законъ еще насильствуетъ!

(150) *Въ сей Пританіумъ мудрости*, т. е., въ Аѳины, въ городъ Минервы, въ средоточіе Греческаго просвѣщенія. *Протаγόρου* было священное мѣсто въ храмъ Весты, гдѣ хранились законы Солона и гдѣ ежедневно предлагаемъ былъ почетный столъ всѣмъ, оказавшимъ важныя заслуги отечеству. *Cicero. de orat. I. 54. Liv. XLI. 40.*

(151) *Поднимать всѣ паруса*, въ подлинникѣ: *πάντα κἀλλον ἐπιείναντα*, натягивать всѣ канаты, выраженіе метонимическое, и кажется было пословицею, какъ и однозначущее съ немъ: *πάντα λίθον κινῆν*.

(152) *Судію, φανδῆχον*. *Φανδῆχοι* были въ Аѳинахъ *οἱ κρίται τῷ ἀγῶνος*, *ὅς ὁ ποιητῆς ἀλουμνήτας εἶπε*. *Schol. ad Aristoph. Pac. 753.*

(153) *Добродѣтель перенесемъ въ поэзію*, *μετεπηγευμένου δὲ εἰς ποιησιν*. Таково обыкновенное чтеніе; въ немъ *μετεπηγευμένου* относится къ *ἐφῶτημα*; но Астъ принимаетъ *μετεπηγευμένου* и относить его къ род. τῷ ἀγῶνι,—это кажется вѣрнѣе.

(154) Такъ какъ избираемая теперь для объясненія пѣснь Симонида нигдѣ отдѣльно и въ связи не изложена, а сохранилась только въ Платоновомъ Протагорѣ, въ которомъ однакожь стихи Симонида разсматриваются отрывочно; то Гейне (*Opusc. I. 160. sq.*) вознамѣрился привести ихъ въ логическую и даже буквальную связь. Но Шлейермахеръ во

ΠΡΟΦΟΡῆ· τὸ Οὐδὲν ἔστιν ἄλλο ἢ ἐπιπλεῖστον ἔσθαι
 Σιμωνίδα σκεδύουσι τὸν ὄρατον· "Ἄνδρα ἀγαθὸν
 μὲν ἀλαθῶς γενέσθαι χαλεπὸν, χειρὶ τε καὶ ποσὶ
 καὶ νόφ. τετραγώνον ἀνευ φόβου τετυγμένον οὐδὲ
 μοι ἐμμελῶς τὸ Πιττακικὸν γέμεται, καίτοι σοφῶ
 παρὰ φόβου εἰρημένον· χαλεπὸν φάτο ἔσθλόν ἐμμεναί...
 (ἀλλὰ) θεὸς ἂν μόνος τῆτο ἔχοι (τὸ) γέρας. "Ἄνδρα δὲ
 οὐκ ἔστι μὴ οὐ κακὸν ἐμμεναί, ὅν ἂν ἀμήχανος συμ-
 φορὰ καθέλῃ πράξας μὲν γὰρ εἴ πᾶς ἀνὴρ ἀγα-
 θός· κακὸς δὲ κακῶς (— — ?) ἐπιπλεῖστον (δὲ) καὶ
 ἀριστοί (εἰσιν) ἔς ἂν οἱ θεοὶ φιλέωσιν... "Ἔμοι γ' ἔφαρ-
 κᾶ δὲ ἂν μὴ κακὸς ἦ μηδ' ἀγαν ἀπάλαμνος, εἰδώς
 γε ὄνησαι πόλιν δίκαν ὕγιης ἀνῆρ. Οὐ μὴν (μὴν?) ἐγὼ
 κωμήσομαι, οὐ γὰρ εἰμι φιλομῶμος τῶν γὰρ ἡλιθίων
 ἀπικρα γενέσθαι πάντα τοι καλὰ τοιοῖ τ' αἰσχρὰ
 μὴ μέμικται... Τοῦνεκεν οὐ ποτ' ἐγὼ τὸ μὴ γενέσθαι
 δυνατόν διζήμενος κενεῖαν εἰς ἀπρακτὸν ἐλπίδα μοῖραν
 αἰώνος βαλέω, πανάρωμον ἄνθρωπον εὐρεδῆς ὄσοι
 καρπὸν αἰνύμεθα χθόνος· ἐπιθ' ὑμῖν εὐρὴν ἀπαγγε-
 λέω. Πάντας δὲ ἐπαίνομι καὶ φιλέω· ἐκὼν ὄσιν ἐρθεῖ
 μηδὲν αἰσχρόν· ἀνάγκη δὲ οὐδὲ θεοὶ μάχονται.

„Трудно даже сдѣлаться челоѣкомъ, истинно до-
 „брымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, чело-
 „вѣкомъ безъ недостатка..... И я не имѣю выгоднаго
 „мнѣнія о Питтаковомъ изрѣченіи, хотя оно произ-
 „несено и мудрымъ мужемъ, что трудно быть до-
 „брымъ.... Это преимущество принадлежитъ одному
 „Богу; а челоѣку нельзя не быть злымъ, когда его
 „увлекаетъ слѣпая судьба... Всякій челоѣкъ, посту-
 „пающій хорошо, добръ, а худо—злой—. Болѣе же
 „всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ любятъ боги...

„Меня удивлять бы человекъ, только что не „худой, но и не совершенно немощный, а здраво- „мыслящій, знающій законную пользу общества. Я „не сталъ бы порицать его, потому что не расхо- „женье къ порицанію. При томъ роды глухихъ без- „численны..... все прекрасно, къ чему не пригна- „лось постыдное... По сему я не предаю своей жиз- „ни суетной и несбыточной надеждѣ, вѣдаю того, что „невозможно, — совершенно непорочнаго человека „между людьми, витающими отъ плодовъ далеко „населенной земли. Если же найду его, то возвѣщу „явѣ. И такъ я хвалилъ бы и любилъ всякаго „охотно, кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго. А съ „необходимостію и боги не воюютъ.“

(154) *Совершенномысли во естѣхъ откошеніяхъ,*
 въ подлинн. *χρῶσι τε καὶ ποσὶ καὶ νόφ τετραγώνων,*
 четырехугольными по рукамъ, ногамъ и уму. Кто
 не видитъ здѣсь типа латинской поговорки: *omni-*
bus numeris, или, *omnibus partibus absolutum esse?*
τετραγώνος; въ переносномъ смыслѣ, значило у Гре-
 ковъ: совершенный, полный; *Arist. Rhet. III. 11. τὸν*
ἀγαθὸν ἄνδρα πάντα εἶναι τετραγώνον метафорὰ ἀμφὺ
γὰρ τέλει.

(155) Известенъ случай, по которому Пяттакъ
 сказалъ это. См. *Erasm. Adag. Chil. II. Cent. I. 12.*
 „Periander Corinthius initio populariter ac moderate gere-
 bat imperium; postea versis moribus tyrannice agere cœpit.
 Id simul atque cognitum esset Pittaco Mitylenaeo, diffusum
 de sui ipsius animi constantia, magistratum deposuisse
 reflectoque imperio in exilium abiisse. Percontantibus deinde
 quibusdam, qua gratia fugisset imperium, respondisse quod

admodum esset arduum probum esse propter mutatum Periandrum. Quibus auditis Solonem addidisse suum apophthegma: χαλεπὰ τὰ καλὰ.

(137) *Iliad. XXI. 308.*

(138) *Твоа мусикія, τῆς οἷς μουσικῆς.* Подъ словомъ *μουσικῆ* разумѣлась вообще наука, или искусство въ высшемъ значеніи. Phædr. 259. D. Phædon. 60. E. 61. A. Polit. 288. C. Cratyl. 406. A. al. Впрочемъ это слово могло быть здѣсь употреблено и въ собственномъ значеніи; потому что искусство Продажа, какъ извѣстно, состояло въ сличеніи названій; а такіе опыты сличенія и доселѣ сохранили имя симфоній.

(139) *Дѣлаться и быть, τὸ γένεσθαι καὶ τὸ εἶναι,* — извѣстное различеніе бытія условнаго и безусловнаго, которое, со времянь Платона, такъ часто и заботливо было раскрываемо философами, особенно въ Германіи. Бытіе безусловное (*esse, das Seyn*) всегда одно и то же, вѣчно, неизмѣнно и прилично одному Богу: бытіе условное, или бывазіе (*fiere, das Werden*) имѣетъ начало и конецъ, рождается и исчезаетъ, восходитъ и низходитъ по степенямъ и свойственно существамъ сотвореннымъ, или ихъ дѣйствіямъ. Такъ различаетъ Платонъ и разсматриваемыя здѣсь выраженія: дѣлаться добрымъ, быть добрымъ; равнымъ образомъ: дѣлаться добрымъ чело-вѣку по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно. Ниже Сократъ, ссылаясь на Исіода, разумѣетъ 284 стихъ его *opp. et. dd.*

(140) *Столь маловажныиъ, οὕτω φαλλόν τι.* Указывается на преждеупомянутую мысль Исіода,

что когда кто достигъ высоты добродѣтели, то она, бывъ трудною, становится легка. Но Платонъ, вѣстѣ съ Исидомъ, почиталъ добродѣтель легкою въ безусловномъ ея значеніи, поколику она выше всѣхъ человѣческихъ усилій и бываетъ сама себѣ закономъ. Такая добродѣтель принадлежитъ конечно не человѣку, а Богу.

(141) *Полугила начало отъ Симонида, а можетъ быть—и того древнѣе.* Платонъ здѣсь шутитъ надъ Протагоромъ, пародируя собственные слова его (см. выше 316. В), что софистическое искусство весьма древне и происходитъ отъ Омира, Исиды и Симонеда.

(142) *Ученикъ Продика.* См. Cratyl. 384. В. Menon. 96. D. Charm. 163. D. Сократъ во многихъ мѣстахъ, шутя, называетъ себя ученикомъ Продика въ искусствѣ различать значенія словъ.

(143) *И слово трудно Симонидъ, должно быть, понималъ не въ томъ значеніи.* *Халелѳу*, трудно, Греки принимали въ двухъ смыслахъ: по одному, оно соответствовало латинскому *difficile* и противуполагалось Греческому *ῥῥδιον*, или *ῥηδιον*; а по другому—было тоже, что у Римлянъ *molestum*, которому противуполагалось *ῥῥδον*. Въ последнемъ случаѣ *халелѳу* было синонимическое съ словомъ *δινδον*. Но и *диндον* употребляемо было также въ хорошую и худую сторону, и въ первомъ приложеніи значило — *удивительное*, а во второмъ — *ужасное*. Сократъ, разумѣя его здѣсь только въ одномъ значеніи, какъ ужасное, а ужасное какъ злое, явно

*

свѣтается—во первыхъ надъ Продикомъ и надъ ничтожностью его искусства различать значенія названій, во вторыхъ надъ всѣми софистами, къ которымъ обыкновенно прилагалось слово *δανός*, какъ противуположное τῷ σοφῷ;—напр. Phaedr. 245. C. ἡ δὲ δὴ ἀπόδειξις ἔσται δανός μὲν ἀπιστος, σοφός δὲ πιστή. Впрочемъ у Платона *σοφός* и *δανός* чаще прилагаются къ одному и тому же лицу, и первое принимается почти всегда иронически, а послѣднее—въ значеніи слова сильный, протон. ужасный, или Нѣмецк. *gewaltig*.

(144) *Воспитанъ былъ подъ вліяніемъ сарварскаго нарчія.* По свидѣтельству Діодора Сицил. (V, 81), первые жители Лесбоса были Пелазги; а потому Лесбось почитаетъ оныя *ἔχοντα λαὸς ἡδρωμένους, τὰς μὲν Ἴωνας, τὰς δὲ ἐξ ἄλλων ἐθνῶν κατοδικῶν συνεφύρημότας.*

(145) *И вовсе не Хиосцели.* Хиосцы въ древности славились хорошо нравственностію и строгимъ сохраненіемъ законовъ. *Vindingii Collectan. Thes. ant. gr. T. XI. p. 492. Müller. Geschichte der hellenischen Stämme. T. II. P. 2. p. 226.*

(146) *Самал древнѣя — философія* и пр. Вся эта рѣчь, по видимому, есть пародія рѣчи Протагоровой р. 316. D. sqq. и насмѣшка надъ тою мыслию, что софистическое искусство весьма древне. Сократъ самымъ древнимъ убѣжденіемъ софистовъ почитаетъ Критъ и Лакедемонъ; между тѣмъ извѣстно, что Лакедемоняне чуждались всякаго образованія.

Isocr. panath. p. 272: οὗτοι δὲ τοσούτων ἀπολειψμένοι τῆς κοινῆς παιδείας καὶ φιλοσοφίας εἰσὶν, ὥστ' ἴδὲ γράμματα μάθάνουσιν. Hipp. mai. 285. C. Ἐπειδ' ἀριθμεῖν ἐμείνων γε, ὡς ἔπος εἰπεῖν, πολλοὶ ἐπίστανται.

(147) *Подражал Лакедемонцами, λικωνίζοντας.*

Въ древней Греціи Лакедемонъ былъ предметомъ сѣпшаго подражанія прочихъ республикъ и частныхъ лицъ. Изъ Спарты, какъ нынѣ изъ Парижа, мода разсылала законы всѣмъ, кто хотѣлъ казаться лучшимъ изъ Грековъ, или по платью и наружности, или по приемамъ и обычаямъ. Впрочемъ наши современники — рабы Французскаго вкуса только въ мелочныхъ принадлежностяхъ изящной жизни; а древніе Греки подражали Спартанцамъ, желая казаться героями, и потому перенимали у нихъ многое, изобрѣтенное стремленіемъ къ простотѣ и самодовольности.

(148) *Выслать всѣхъ иностранцевъ — подражателей, ξενηλασίας ποιῶμενοι.* Иностранцамъ позволялось приходите въ Спарту и оставаться въ ней только на время общественныхъ праздниковъ. По прошествіи сего времени объявляема была ξενηλασία, высылка иностранцевъ изъ города. Это постановленіе приписываютъ Ликургу. *Crag. de rep. Laced. III. 53. p. 210 sq. Müller Gesch. d. hell. Stämme Tom. II. P. II. p. 8.*

(149) *Мисонъ Хинейскій, Діодоръ (Fragn. I. IX. Tom. IV. p. 42) называетъ его Маліеноккимъ. По свидѣтельству Плутарха (de El delph. 385. E), Платонъ*

помѣстилъ его въ числѣ семи мудрецовъ вмѣсто Періандра, ὡς ἀναξίης σοφίας διὰ τὸ τετρατημίηναι.

(150) *Надписавъ на немъ всѣли прославляемыя мнѣнія.* По свидѣтельству Плутарха (de Garrul. 511. B), первая надпись сдѣлана была Амфиктіонами, послѣдняя приписывается разнымъ лицамъ. Diog. L. I. 40. 44. Cic. de fin. III. 2.

(151) *Надобно перестановить, ὑπερβατὸν θεῖ θεῖναι.* Отсюда figura trajectionis (Cic. orat. 69), или transgressionis verborum (Cic. de orat. III. 54).

(152) *Какъ свидѣтельствуешь другой поэтъ,* — какой именно, неизвѣстно. Приведенный здѣсь стихъ встрѣчается также у Ксенофонта (memorab. Socr. I, 2. 20) и вѣроятно принадлежитъ какому-нибудь гномическому поэту. См. Hermann. ad Sophocl. Antig. v. 364.

(153) *Я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно, кто не дѣлалъ бы, и пр.* Моментъ, къ которому Сократъ направляетъ свое объясненіе, въ Русскомъ переводѣ удержанъ бытъ не можетъ. Погречески стоитъ: πάντα δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἐμὸν ὅστις ἔρδῃ и пр. Вопросъ о словѣ ἐμὸν: относитъ ли его къ глаголамъ ἐπαίνημι καὶ φιλέω, или къ глаголу ἔρδῃ; ибо въ подобныхъ случаяхъ Греки не раздѣляютъ рѣчи запятою.

(154) Выраженіе: съ необходимостію и боги не воюютъ, ἀνδρική δ' ἴδδὲ θεοὶ μάχονται, — было у Грековъ пословицею. Ср. Legg. VII. 848. A. Liban. Epist. 552. p. 269. καὶ θεῶν ἀνδρική κρείττων, ὡς ὁ τῶν σοφῶν λόγος.

(155) *Ниодному мудрецу не приходило въ умъ, будто человекъ грѣшитъ охотно.* Это ученіе Платона, по видимому, ведетъ къ фатализму: но самая цѣль настоящаго разговора доказываетъ противное. Ниже говорится, что заблужденіе есть плодъ незнанія; а кто знаетъ и однакожь грѣшитъ, для того грѣхъ есть уже не зло, а добро; следовательно онъ въ сознаніи дѣлаетъ охотно не какъ первое, а какъ послѣднее. Само собою явствуется, что это усиліе ума согласить владычество грѣха съ свободою человека весьма слабо: но мудрецъ — язычникъ и не могъ сказать ничего лучше. Въ ученіи Платона по крайней мѣрѣ есть основаніе, на которомъ можно было психологически изслѣдовать причину человѣческой склонности къ грѣхамъ и заблужденіямъ. Необходимость грѣшить для человека мыслящаго во все времяа долженствовала быть урокомъ очень поучительнымъ.

(156) *Хвалить и прославлять тирана.* Здѣсь указывается, можетъ быть, на Герона, при дворѣ котораго Симонидъ нѣсколько времени находился, или на Скопаса, которому написалъ эту самую пѣснь. *Xenoph. Hier. init.*

(157) *Да и другихъ присутствующихъ, καὶ τῶν ἄλλων οὐχέδοντι τῶν παρόντων.* Выраженіе *οὐχέδοντι* значить не почти, но то же что у Римлянъ *sane quidem*, и въ этомъ смыслѣ не рѣдко употребляется въ отвѣтахъ; напр. *Sophist. 250. C. οὐχέδον, sane quidem.* Впрочемъ и Латинское *ferè* иногда

бываетъ утвердительнымъ, подобно нарѣчіямъ *γεγα* и *οπιπο*.

(158) *Какъ скоро двое идутъ, то....* и пр., известное мѣсто *Иліады* XI. 224. *Σύν τε δὺ ἐρχομένω, καί τε πρό ὃ τῷ ἐνόησεν Ὀππῶς κέρδος ἐγ' μῦθος δ' εἶπερ τε νοήσῃ Ἀλλά τε οἱ βράσσων τε νόος, λεπτή δέ τε μήτις.*

(159) *Отважныхъ — которые смѣло приступаютъ къ тому...* *ἴτας γε, ἐφ' ἃ οἱ πολλοὶ...* Такая конструкция происходитъ отъ того, что *ἴτης* удерживаетъ управленіе своего глагола *ἵναι ἐφ' ἃ*.

(160) *Погитаю, ἐγὼ γὰρ λέγω.* Шлейермахеръ и Штальбомъ, обращая вниманіе на частицу *γὰρ*, впадаютъ эти слова въ уста Сократа: но о значеніи частицы *γὰρ* см. примѣч. 26.

(161) *Однакожь питаютъ или такого теленка, который разумѣетъ ихъ какъ зло, ὅμως δ' ἂν κακὰ ἦν, ὅτι μαθόντα χαίρειν ποιῆει καὶ ὀφροῦν.* Это мѣсто переводятъ весьма различно, и переводчики особенно затрудняются словомъ *μαθόντα*, а потому нѣкоторые читаютъ *παθόντα*, или еще *ἀμαρθόντα*. Но показанное выраженіе надобно понимать такъ, какъ бы стояло: *ὅμως δ' ἂν γινώσκοντα (μαθόντα), ὅτι πυνηρόν ἐστι (κακὰ ἦν) τὸ χαίρειν.* Подобнымъ образомъ выше. E. *ὕπδ σίτων καὶ ποτῶν, καὶ ἀφροδισίων κρατῦμενοι ἠδέων ὄντων, γινώσκοντες ὅτι πυνηρὰ ἐστίν, ὅμως αὐτὰ πράττειν.*

(162) *Пощенія, λιμοκτονιδν.* *Λιμοκτονία*, по Асту, *inedia vel is victus, qui per complures dies solo*

potu mihique et p̄sanae tremore continetur, germ. Hangerkur. См. Foës оsop. Hippocr. p. 386.

(163) *Потому ли это одно.... кроме указанной....* Соответствующій вѣнъ словаъ Греческій текстъ нѣсколько испорченъ Шлейермахеромъ и другими, подражавшими ему переводчиками, которые, вопреки авторитету лучшихъ списковъ, изменили интерпункцію Платоновой рѣчи. Надобно читать такъ: ἢ ὅταν τὰ μὲν μείζω, τὰ δὲ σμικρότερα ἢ ἢ πλείω, τὰ δὲ ἐλάττω; — ἢ (конечно, безъ сомнѣнія) ἐχ' ἔξομεν εἰπεῖν ἄλλο ἢ τῆτο.

(164) *И тѣмъ опредѣляется цѣлность удовольствiя.....* Погречески стоятъ: καὶ τίς ἄλλη ἀναξία ἡδονῆ..... Въ словѣ ἀναξία, не смотря на сомнѣнiе Штальбома, который измѣняетъ его въ ἀξία, и Гейндорфа, по мнѣнiю коего, надобно писать ἀλαξία, я не встрѣчаю никакого затрудненiя, имѣя въ виду то, что Греки въ одномъ словѣ часто заключали два противоположныхъ понятiя и въ такомъ случаѣ принимали его просто за выраженiе отношенiя. См. примѣч. 119 и ниже: τὸ παραχρημα ἡδύ, гдѣ подъ словомъ ἡδύ разумѣтся ἡδύ τε καὶ λυπηρόν. Такимъ образомъ ἀναξία надобно разумѣть какъ ἀξία τε καὶ ἀναξία—цѣлность. Но вѣсто ἡδονῆ, лучше читать ἡδονῆς; потому что прилагательное ἀναξία съ предшествующимъ τίς ἄλλη имѣетъ силу имени существительнаго.

(165) *Въ тѣмъ состоитъ самая добродѣтель, εἰ ποτ' ἐστὶν αὐτό, ἢ ἀρετή;—αὐτὸ вѣсто αὐτῆ.* Прилагательное, или мѣстоименiе часто несогласуется съ

существительнымъ и поставляется какъ бы отрицательно, въ среднемъ родѣ, какъ Русское *это*, или какъ Polit. V. 455. ἀοθενέστερον γυνή ἀνδρός.

(166) *Есть* *знакѣ*, ἐπισήμη δὲ. Здѣсь причастіе δὲ вовсе не ошибка переписчика; вопреки мнѣнію Аста, и не должно быть изменяемо ни на οὐσα, ни на δλον; оно относится къ высшему ἄλλο τε ἤν.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ

Э В Т И Д Е М У.

(1) *Съ кълъзъ это, С.... народа.... τίς ἦν, ὃ Σ.... περιουτήμα.* Эти слова цитуются у Димитрія въ книгѣ *περὶ ἐρημείας* § 235. ed. Gal. Частица ἦ, которой Гейндорфъ не даетъ мѣста въ текстѣ, весьма уместна въ немъ и явно соответствуетъ слову *ἔστε, tam magna turba..... ut.....*

(2) *Сынъ Аксіоха, Ἀξιόχου μισθίου,* то-есть Клиніасъ, внукъ Аксіоха перваго. *τῆ ἡμετέρας..... Κριτοβύλυ.* Критовуль, сынъ Критона, красавецъ и любимецъ Сократа, *Diog. L. 11. 13, 121. Plat. Apol. p. 38. 13. Phædon. p. 59,* тщеславившійся своею красотою. *Херорh. сумр. III. 7. IV. 10. V. 1. sqq.* Поэтому *ἐμείνος μὲν σκληφρός* надобно относить къ Клиніасу, а не къ Критовулу. Значеніе словъ *σκληφρός* и *προφερής* хорошо опредѣляетъ Схолиастъ: *σκληφρός, говоритъ онъ, ὃ τῶ μὲν χρόνῳ πρεσβύτερος, τῆ δὲ ὄψει νεώτερος δοκῶν* (это Клиніасъ) *προφερής δέ, τῶ μὲν χρόνῳ νεώτερος, τῆ δὲ ὄψει πρεσβύτερος* (это Критовуль).

(3) Слова: *обыкновенно какіе-то новые софисты, μαῖνοί τινες..... σοφισταί,* по нѣкоторымъ спискамъ

влагаются въ уста Критона, и Штальбомъ находятъ это правдоподобнымъ, по выраженію, *ὡς εἶη*: но это выраженіе не только не препятствуетъ, а напротивъ заставляетъ относить ихъ къ Сократу; ибо оно значить: *какъ обыкновенно, или, разумеется*. Гейндорфъ и Шлейермахеръ неправильно переводятъ его: *ut facile conjici potest, wie du leicht denken kannst*.

(4) *Оттуда же, гдѣ и были, то-есть изъ Хиоса, ἐντεύθεν ποθέν εἶσιν ἐκ Χίου*. Эти Хиоскіе выходцы, кажется, присоединились къ тѣмъ Аѳинянамъ, которые въ 2,84 ол. подъ предводительствомъ Лапсона и Ксенократа переселились въ Туріосъ. *Diodor. XI. 90. XII. 7. 10*. Впрочемъ эмиграціи жителей изъ Туріоса происходили нѣсколько разъ, и причинами ихъ были враждебныя столкновения Турійскихъ партій.

(5) Акарнанскіе братья, вѣроятно были какіе-нибудь странствующие геркулесы, въ родѣ нашихъ Легатовъ, Готье и подобныхъ имъ.

(6) *Въ такомъ родѣ бол, въ которыхъ....., καὶ μάχη, ἤ....* Фицинъ правильно переводить: *et eo genere pugnae, quo omnia superantur*. Но подъ этимъ боемъ должно разумѣть не діалектическую изворотливость, а *δύλομαχίαν*, фехтованье, въ которомъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, по преданіямъ, были весьма искусны. *Naase ad Xenoph. de rep. Lacedaem. p. 218 seqq.* Сократъ, упоминая объ ихъ искусствѣ фехтовать, дѣлаетъ только аллюзію на искусство софистическое и *δύλομαχίαν* соединяетъ подъ однимъ родомъ: *παυμράτιον εἶναι*.

(7) *Научить и других тому же, о¹⁰ те ποιησαι*, т. е., *σοφόν μάχεσθαι ἐν ἀλλοις* — самый обыкновенный эллипсисъ. Gorg. p. 449. A. Phædr. p. 266. C. 268. B. et al.

(8) *Почему бы и тебе не быть моимъ товарищемъ, καὶ οὐ τί πᾶ συμφοίτα*, — выражение, очевидно поврежденное. По догадкѣ Аста, надобно бы читать: *καὶ οὐ δήτι συμφοίτας*; но это не сообразно съ контекстомъ рѣчи. Вернѣе Винкельманъ: *καὶ οὐ τί ἄ συμφοίτας*; посъщай пожалуйста и ты. См. 10 примѣч. къ Протагору.

(9) О значеніи Сократова генія мы будемъ имѣть случай говорить при разборѣ Федра и другихъ Платоновыхъ бесѣдъ; а здѣсь замѣчаемъ только, что Шлейермахеръ, Гейндорфъ и Кузенъ напрасно утверждаютъ, будто Сократъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ о своемъ геніѣ иронически. Кто потрудится сравнить тонъ настоящей его рѣчи съ тономъ Сократова обращенія къ генію — на примѣръ въ Федрѣ; тотъ не найдетъ между ними никакого различія.

(10) *Ἐρμῖεο σκροπιττε, τὸ ἔρμαιον*. Известно, что Эрмія почитался божествомъ путей. Посему всякая находка на дорогѣ, принимаема была какъ даръ Эрмія. Теперь Сократъ нечаянно, какъ бы на дорогѣ нашель учителей добродѣтели, и потому ученіе ихъ называетъ *τὸ ἔρμαιον*. Понимая *τὸ ἔρμαιον* въ этомъ смыслѣ, легко замѣтить всю тонкость Сократовой ироніи.

(11) *Καὶ ταῦτ' ἔλεγον περὶ σοφῶν*. Этихъ словъ я не перевожу, потому что онѣ кажутся повтореніемъ предъидущихъ: *ὄσπερ νῦν δη' ἔλεγον*.

(12) *Умилосердитесь, ἴλεω εἶπτον.* Такъ какъ добродѣтель, по внутреннему убѣжденію Сократа, можетъ быть преподаваема только богами, то онъ обращается къ софистамъ, учителямъ добродѣтели, съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ Греки обращались только къ богамъ, когда умоляли ихъ о прощеніи грѣховъ.

(13) *Добродѣтель изуглила.... научитесь ей, διδακτὸν ἢ ἀρετὴ... καλλιστά τις αὐτὸ μάθει.* Такое словосочиненіе у Платона весьма нерѣдко. См. de rep. IV. p. 430. С. Мысль будетъ ясна, когда послѣ *διδακτὸν* станемъ разумѣть *πράγμα*, и потомъ къ сему слову отнесемъ *αὐτό*.

(14) Замѣчательно, что Сократъ не допускалъ различія между философіею и добродѣтелію. Любить мудрость, по его мнѣнію, значило любить добродѣтель; — теорія и практика у него должны были сливаться въ одну жизнь разумнаго существа. Отсюда бытіе и явленіе бытія въ области нравовъ почиталъ онъ такими крайностями, которыя уничтожаютъ сами себя и годятся только для софистическаго тщеславія. См. Харм. введ.

(15) *Племянникъ того, который нынѣ вдростаетъ, ἀνταφίδς τῆ νῦν ὄντος. Ἀλκιβιάδης.* Изъ этихъ словъ Пинзгеръ заключаетъ, что Платоновъ Эвтидемъ написанъ до изгнанія Алкивіады; но Греческій текстъ показываетъ только то, что когда Платонъ писалъ своего Эвтидема, Алкивіадъ былъ еще живъ.

(16) *Такую безцѣнную мудрость, σοφίαν ἀμύχανον ὄντων.* Выраженіе *ἀμύχανος σοφία*, означаетъ мудрость безыскусственную, неподчиненную формамъ

науки, выливающуюся свободно, незнающую никакихъ ограниченій. Отсюда нарѣчіе ἀμηχανός надобно понимать въ томъ же смыслѣ, въ какомъ ἀτεχνός, то есть, отъ души, какъ выше р. 273. Е.

(17) О томъ, что Мнемосину, мать музы, поэты призывали вмѣстѣ съ музами, см. *Dissen. ad Pindar. Nem. VII. v. 14.* Сравни. *Theaet. p. 191. D.*

(18) Такъ какъ вопросъ былъ труденъ, ἄτε μεγάλης ὄντος.... Μεγάλη здѣсь тоже что χαλεπή, равно какъ латинское magna questio есть difficilis questio. См. *Hipp. mai. p. 287. В. οὐ μέγα ἐστὶ τὸ ἐρφ-τητα, ἀλλὰ καὶ πολὺ τέτυ χαλεπότερα ἂν ἀποκρίνασθαι ἐγὼ σε διδάξαιμι.*

(19) Этотъ софизмъ основывается на двузначности всѣхъ трехъ словъ, заключающихся въ вопросѣ, т. е., σοφοί, ἀμαθεῖς и μαθητῶν. Подъ словомъ σοφοί сперва разумѣются люди, преданные мудрости и добродѣтели, а потомъ тѣ, у которыхъ есть способность учиться. Равнымъ образомъ ἀμαθεῖς сперва суть только незнающіе, а потомъ глупые, или невѣжды. Также и μαθητῶν — сперва означаетъ учиться, а потомъ знать. Впрочемъ на двузначность послѣдняго слова далѣе указываетъ и самъ Сократъ. См. *Arist. de Sophist. elench. c. 4. § 3. p. 526. ed. Vironi.* Сравни. *Ethic. Nic. I. 10.*

(20) Замѣчательно, что между последователями софистовъ рукоплесканія были въ большомъ употребленіи. Рукоплесканіями они сопровождали каждую остроумную выходку своихъ учителей. Доказательства встрѣчаются почти во всякомъ Платоновомъ разговорѣ. Платонъ, часто говоря о такихъ знакахъ

одобренія, кажется, имѣть ту мысль, что они недостойны философской школы и могутъ быть терпимы только въ театрахъ и обществахъ декламаторовъ.

(21) Сила сравненія Эвтидема съ орхистами состоитъ здѣсь безъ сомнѣнія въ слѣдующемъ: какъ хорошіе орхисты во время пляски повторяютъ тѣже самыя движенія членовъ и, для разнообразія, только слегка измѣняютъ ихъ; такъ и Эвтидемъ въ разговорѣ дѣлаетъ Клиніасу тѣже самыя вопросы и едва едва разнообразитъ ихъ.

(22) По мнѣнію Викторія (Varr. lectt. XXI. 2.), сила сравненія здѣсь состоитъ въ томъ, что въ Греціи борцы объявляемы были побѣдителями только по троскратномъ преодолѣніи противника. *Fabri agonist. I. c. 24. et 27. in Gronovii thesaur. gr. T. VII. p. 888. sqq. et p. 2261. Spanhem. ad Iulian. p. 261. sq.*

(23) О танцствахъ Коривантовъ см. *Fales. obs. critt. II. p. 53. Wesseling. ad Diodor. Sicul. Tom. II. annot. p. 495. Alberti ad Hesych. in. h. v. Lobeck. Aglaoph. T. 1. p. 116. sqq.*, который между прочимъ пишетъ: *Eleusinia et corybantia dissimillima fuere. Eleusinia enim publica auctoritate celebrabantur loco augustissimo sanctissimoque, corybantia privatim in gurgustils; illis magistratus præsidebant et sacerdotes populi Atheniensis, his ambubaiae et acrusatorum infimi; illis summus constabat apud omnes honos, decus, sanctitas, hæc prudentissimo cuique odio erant et contemptui.* Обряды посвященія въ танцства Коривантовъ начинались пляскою вокругъ нимфидата; послѣ того сажали его на престолъ. *Procl. Theol. Plat. VI. 13. Plat. legg. VII. p. 780. D.*

(24) *Они уже серьёзно раскроютъ тебѣ дѣло, тѣко γέ σοι αὐτῶ τὰ πλεῖστα ἐνδειξέσθαι.* *Αὐτῶ* здѣсь очевидно нестатя. — Гейндорфъ читаетъ *αὐτῶ*; но это несообразно съ характеромъ Греческой фразы. Вернѣе Шлейермахеръ *αὐτὰ* гл. и т. д.

(25) *Найти, εὐρεῖν* — Винкельманъ и Штальбомъ замѣняютъ словомъ *εὐπορεῖν*, ссылаясь на употребленіе его въ некоторыхъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ; напр. Ion. p. 532. С. *εὐπορεῖ* *ὅτι λέγω.* p. 536. С. *εὐπορεῖς* *ὅτι λέγεις.* p. 537. А. *εὐπορεῖ* *ὅτι εἶπεν* et al. Но въ сихъ выраженіяхъ глаголь *εὐπορεῖν* значить *покинуть*; а въ настоящемъ текстѣ слово *εὐρεῖν* — *открыть, найти.*

(26) *Полагать въ другой разъ, πάλιν προτιθέναι.* Не много выше этотъ глаголь стоитъ въ действительномъ залогѣ, *ἐὰν ταῦτα τιθῶμεν ὡς ἀγαθὰ, когда бы почитали это добрымъ*, и повидимому имѣеть смыслъ средняго. Штальбомъ весьма остроумно различаетъ значенія его залоговъ. *Τιθέναι*, говоритъ онъ, значить полагать что-нибудь, не предусматривая слѣдствій, которыя должны выйти изъ положенія: напротивъ *τίθεσθαι* есть — полагать нѣчто, какъ истину, имѣющую привести насъ къ такимъ, а не другимъ заключеніямъ. См. de Rep. X. p. 596. A. VII. p. 532. D. Theaet. p. 191. C. etc. Сравни. *Stalbaumii* opp. Plat: T. VI. sect. I. not. ad Euthyd. 279. D. Отсюда легко понять слова Сократа: смѣшно полагать въ другой разъ (*τιθέναι*) то, что было уже положено (*ἐὰν προτιθῶμεν*); то есть, смѣшно снова говорить о благополучіи, если прежде вы положили мудрость какъ благополучіе.

(27) *Κακὰ κινεῖται πόλις κατ' ὅσους ἀποκτήματα*, ὃ τι ἀφελοῦτ' ἄλλο τῆς κτήσεως. Въ Парижскомъ спискѣ стоитъ ὄλλο. Но есть основаніе въ этомъ мѣстѣ предпочитать ἄλλο; потому что ὄλλο указываетъ на дѣйствующую причину известнаго произведенія; а ἄλλο — только на случай или поводъ къ произведенію, какъ здѣсь на приобретеніе благъ. *Hermann. ad Sophocl. Electr. v. 65. Euthyphr. p. 15. A.*

(28) *Ἐάντις ἓν ἀφελος τῆς κτήσεως γίνεταί.* Штальбомъ, основываясь на одномъ мѣстѣ Ямблиха (*Protrept. c. 4*), замѣчаетъ, что надобно писать: ἢν ἄδεν ὄφ; и это чтеніе дѣйствительно лучше.

(29) *Τὸν ἄλλοτε ἄνδρῶν, καλῶς γε λέγεις.* Такъ стоитъ въ кодексѣ Стобед: но въ древнихъ спискахъ: *καλῶς δε*. Первое чтеніе, кажется, вѣрнѣе; потому что частица *δε* всегда указываетъ на нѣчто противоположное; а *γε* только усиливаетъ значеніе слова.

(30) *Ἄριστος ἄνδρῶν, ὃ ἀριστεῖ ἀνδρῶν.* Сократъ называетъ Клиніаса мужемъ, разумеется, ironically, и причина ironiи здѣсь та, что Клиніасъ произноситъ свое мнѣніе о такомъ положеніи, о которомъ судить не легко было и мудрецамъ, посѣдѣвшимъ въ изслѣдованіи истины.

(31) *Ὅτι νῦν ἔστι, δε μεν ἔκ ἐστι.* Софизмъ основывается очевидно на словѣ *δε*, которое употреблено софистомъ вѣсто *ὅτι*. Вопросъ былъ о качествѣ Клиніаса, а не о бытіи его.

(32) *Ὅτι ἐπὶ τὸν ἄνδρῶν, σοὶ εἰς κεφαλῆν,* то есть, погибла ты самъ. См. *Kilster. ad Aristoph. Plut. v. 525. 659. et Schol. ad Pac. v. 1063.*

(33) *Рассужденіе по твоему мнѣнію, можно ли гнать? ἢ δοκεῖ σοὶ ὀλοῦ τ' εἶναι ψευδεσθαι,* — известное въ древности умозаключеніе софистовъ, которыхъ доказывалось, что не лъзя говорить о томъ, чего нѣтъ, следовательно и не лъзя гнать. Ниже Платонъ приписываетъ этотъ софизмъ Протагорѣ и предшествовавшимъ ему мудрецамъ, а въ своемъ софистѣ (р. 287) — Пармениду.

(34) Ктезиппъ очевидно мѣтитъ на софистовъ, у которыхъ каждое слово ложь.

(35) *Но если добрые люди говорятъ... о худыхъ людяхъ, καὶς ἀρα λέγουσι... καὶς ἀνδρ.* Основаніе софизма — въ двойномъ значеніи выраженія: «худо говорить.» Въ одномъ смыслѣ оно значить *grave dicere*, въ другомъ — *male dicere*, то-есть, худо говорить значить, или дурно выразаться, или дурно отзываться.

(36) *Холодные говорятъ холодно,* — насмѣшка Ктезиппа надъ тупыми островами и недальновидною диалектикою софистовъ.

(37) Карійцы въ древности славились неустрашимостію въ сраженіяхъ, но при всемъ томъ были презираемы; потому что продавали свою жизнь всякому, кто, для какой бы то ни было цѣли, желалъ купить ее. Греки занимали ихъ въ свои войска и всегда помѣщали въ передовыхъ линіяхъ отрядовъ для удержанія перваго натиска непріятелей. Отсюда произошла пословица: сдѣлать пробу на Карійцѣ, *ἐν τῷ Καρίῳ πειραίνεσθαι. Hofmanni Lexicon, v. Caria.*

*

(38) Платонъ очевидно указываетъ здѣсь на то баснословное сказаніе, что Медея уговорила Пелеевыхъ дочерей сварить своего отца, чтобы онъ сдѣлался опять молодымъ. См. *Palephat. incred. hist.* 44. *Fischer interprg. ad Ovid. metam.* VII. v. 283.

(39) Марсіасъ, великій музыкантъ, по мифологическому сказанію, вздумалъ состязаться съ Аполлономъ. Но Аполлонъ побѣдилъ его и, въ наказаніе за дерзость, содралъ съ него кожу. Изъ этой кожи, повѣшенной имъ на деревѣ, вышелъ мѣхъ и во времена Геродота, какъ онъ самъ говоритъ, находился въ Фригійскомъ городѣ Цемнахъ. *Herod.* VII. 26.

(40) Основаніе софизма то, что, по мнѣнію Діонисіодора, мы всегда вѣрно судимъ о вещахъ, а потому имъ въ какомъ случаѣ не можемъ противорѣчить другъ другу.

(41) Протагоръ до такой степени вѣрилъ чувствамъ, что почиталъ истиннымъ все, представлявшееся имъ. Поелику же чувства одного человѣка постигаютъ вещи иначе, нежели чувства другаго; то, софистъ не видѣлъ никакого основанія для опроверженій, или разногласій. *Theat.* p. 161. E. sqq. *Теппет. Geschichte der Philos.* T. I. p. 507. ed. 2.

(42) Объ этихъ прежнихъ мудрецахъ Платонъ говоритъ въ *Kratyl.* p. 429. D. *Sophist.* p. 260. C.

(43) Скажу нѣчто посильнѣе, *φορτικώτερον τι ἐρησόμεναι*; по изъясненію Гейндорфа (ad *Kratyl.* p. 400. A), скажу нѣчто толще, въ чемъ, то-есть, не будетъ

діалектическихъ тонкостей, и что слѣдовательно для насъ, софисты, покажется непріятнымъ. Сравни. de Rep. II. p. 567. A. IV. p. 442. E. Gorg. p. 482. E. Phædr. p. 256. C.

(44) Слово *Κρόνος* здѣсь весьма уместно: софисты приписываютъ Сократу только способность помнить прошедшее и упрекаютъ его въ недостаткѣ вниманія къ настоящему. См. *Aristoph. pubb. v. 926. Vesp. v. 1458. Plut. v. 581.* Въ томъ же смыслѣ употребляется *ἀρχαῖος*, *pubb. v. 823. 908. Plut. v. 319. a1.* Посему напрасно нѣкоторые филологи замѣняютъ его словомъ *γενός*.

(45) *Видишь, теперешнее-то огень трудно, καὶ γὰρ χαλεποὶ εἶσιν. Χαλεποὶ* очевидно относится къ предъидущему *τοῖς λεγομένοις* и поставлено во множественномъ числѣ *κατὰ σύνεσιν*, потому то-есть, что *τοῖς λεγομένοις* имѣетъ силу слова *τοῖς λόγοις*.

(46) Выше Сократъ сказалъ: *какой другой смыслъ имѣетъ твое выраженіе* и употребилъ слово *ἐννοεῖ*: *τί σοι ἄλλρ ἐννοεῖ τῆτο τὸ ρῆμα.* Но софистъ *ἐννοεῖ* замѣняетъ глаголомъ *νοεῖ* и даетъ словамъ Сократа совсѣмъ другое значеніе: *какой смыслъ имѣетъ* (т. е. смыслитъ) *мое выраженіе? ὁ τί μοι νοεῖ* (или по лучшимъ спискамъ *νοοῖ*) *τὸ ρῆμα.*

(47) Здѣсь Платонъ дѣлаетъ аллюзію на известное мѣсто Гомеровою Одиссеи. L. IV. v. 554. sqq. Менелай, задерживаемый вѣтрами на морѣ, долго не могъ понасть въ свое отечество и рѣшился спросить Протея о причинѣ медленнаго плаванія. Идотел

дочь Протея, научили его, какъ удержать бога— прорицателя, когда онъ вынырнетъ изъ моря, и заставить его удовлетворить вопрошателя. Слѣдуя ей въсталаеию, Менелай схватилъ Протея и, не смотря ни на какія его превращенія, не выпускалъ его изъ рукъ своихъ, пока тотъ, принявъ прежній свой образъ, не произнесъ пророчества.

(48) *Μηδ' ἔοικετο, δὸνδ' ἄρ'.* Въ такомъ именно значеніи *δὸνδ' ἄρ'* употребляется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Напр. Phaedr. p. 230. E. *εὐφ' μὲν δὸνδ' ἄρ' καταλείσσομαι.* Theat. p. 183. E. *ἀλλὰ μοι δὸνδ' ἄρ' ἐπέσομαι αὐτῷ* и проч.

(49) Эти слова Сократа надобно представлять въ связи не съ тѣми, за которыми онъ непосредственно слѣдуетъ, а съ главнымъ предметомъ рѣчи: *μηδὲν ἄλλο τι ποιεῖν ἢ ἐπισημαίνειν, ἀπὸ τῆς φύσεως, καὶ τῆς φύσεως, καὶ τῆς φύσεως.*

(50) *Πιστῆται ῥηταί;* *λογοκλάτοι* суть тѣже самыя, которые въ концѣ сего разговора называются *λογογράφοι*, то-есть, люди сочиняющіе рѣчи по заказу, для защищенія какого-нибудь судебного дѣла. *Pierçon ad Mosq. p. 244.*

(51) *Не сами дѣлаютъ фигуры, ἔ γὰρ ποιεῖσι τὰ διαγράμματα;* то-есть, ихъ искусство не есть *ποιητική τέχνη*, не изобрѣтаетъ, не творитъ чего-нибудь новаго, но разсматриваетъ уже данное, следовательно по справедливости должно быть названо *ἐπισημαίνουσα*. Иметь дѣло съ фигурами, то-есть, очертаніями вещей

διαγράμματα по видимому свойственно только геометрамъ и астрономамъ, а не счетчикамъ, или помыслившему, алгебристамъ; но подъ словомъ *διαγράμματα* надобно разумѣть какъ пространственное, такъ и численное выраженіе предметовъ, вообще природу въ явленіяхъ.

(52) *Δοκίμαται* пользоваться своими открытіями *διαλεκτικάκις*; потому что подъ именемъ диалектики Греки разумѣли науку, исследывающую внутреннія свойства вещей, что нынѣ философія, и въ этомъ отношеніи противопоставали ее наукамъ опытнымъ, которыя занимаются явленіями природы. См. de Rep. VII. p. 631. В.—536. С.

(53) *Πολιτικάκις*, *πολιτικοῖς ἀνδράσι*, то-есть, дипломатамъ, которые разсуждаютъ о сдачѣ взятыхъ лагерей или городовъ, объ условіяхъ мира или перемирія, объ управленіи завоеванными странами и проч. Сравненіе полководцевъ съ ловцами перенеловъ, кажется, есть намѣкъ на отношеніе сильнѣйшихъ Греческихъ республикъ къ слабѣйшимъ и походить на полкую укоруязну, хотя Сократъ, какъ извѣстно, былъ и великій патріотъ.

(54). *Ἐπινοῦντες* *ἢ* *ἐπινοήσαντες* *ἢ* *ἐπινοήσαντες* *ἢ* *ἐπινοήσαντες*. Не объявляя прямо, кто сказалъ это, Сократъ однакожь утверждаетъ, что онъ слышалъ эти мысли, и такимъ образомъ какъ будто указываетъ на внушеніе божественное; ибо подъ словомъ *ἐπινοήσαντες* Греки иногда разумѣли боговъ. См. Schaefer. Melett. p. 31. Dissen. ad Pindar. p. 132.

Между тѣхъ Критонъ κρείττονος относитъ къ кому-нибудь изъ лучшихъ собесѣдниковъ Сократовыхъ.

(55) *Какъ дѣти, гонящіяся за жаворонками, ἄσπερ τὰ παιδία τὰ τῆς κορυθῆς διώμοντα.* Это выраженіе, кажется, имѣло силу пословицы: но его нельзя почитать однозначительнымъ съ нашею поговоркою: дѣти гонящіяся за бабочкой; потому что оно указываетъ на дѣйствіе не выполнимое, на предпріятіе выше силъ человѣческихъ, и чрезъ то намѣкаетъ, что искомое знаніе, или истинная мудрость и добродѣтель даются небомъ, а не землею.

(56) См. Трагедію Эсхила ἐπιτὰ ἐπὶ Θήβαις. v. I. *Κάδμω πολίται, χρῆ λέγειν τὰ καίρια δευτεροφύλασσι πρῶτος ἐν πρώτῃ πόλει Οἴακα νομῶν, βλέφαρα μὴ κοίμῳ ὑπνῳ.*

(57) *Ваше искусство, земледѣліе.* Многие Аѳиняне, имѣвшіе въ Атикѣ помѣстья, сами обрабатывали поля свои. Сравни. *Voeseh. Oeconom. Athen. T. I. 44. sq.* Ниже (р. 304. С.) Платонъ относитъ Критона къ классу τῶν χρηματιστῶν.

(58) *Вѣрное тоже, или Зевсовъ Коринѣъ, ὁ Διὸς Κόρινθος,* — пословица, выражавшая вѣрное обращеніе въ сферѣ известнаго понятія, и предлагавшаяся къ такимъ доказательствамъ, въ которыхъ первое доказывается вторымъ, а второе первымъ. Происхожденіе сей пословицы объясняли *Müllerus Dorigens, l. p. 88. 9. Dissen. ad Pindar. p. 467. Wachsmuth. Hellen. Alterthumsk. II. 2. p. 188.*

(59) Діоскурами Греки называли созвѣдіе Кастора и Поллукса, къ которымъ они обращались съ молитвами при кораблекрушеніяхъ. По сему упоминанью о тревожномъ разговорѣ, Сократъ здѣсь очень кстати уподобляетъ Эвтидема и Діонисіодора Діоскурамъ.

(60) *Ты-таки, по пословицѣ, прекрасно претъщишь, τὸ γὰρ λεγόμενον, καλὰ δὴ παταγεῖς.* Во всѣхъ почти изданіяхъ стоитъ: *καλὰ δὴ πάντα λέγεις*, а по Схолиасту, *καλὰ δὴ παντὶ ἄγεις*. Но въ этихъ выраженіяхъ не видно никакой пословицы; слѣдовательно здѣсь текстъ поврежденъ. Штальбомъ, основываясь на замѣчаніяхъ *Abreschii ad Hesychium et Dindorfii fragm. Aristoph. p. 100* поправляетъ его такъ: *καλὰ δὴ παταγεῖς*; и эта поправка весьма нравится, потому что у Гезихія Vol. II. p. 117. *καλὰ δὴ παταγεῖς*, дѣйствительно называется пословицею.

(61) *Конечно, καὶ μάλα.* Штальбомъ говоритъ, что здѣсь надобно подразумѣвать *ἐπιστάμεθα τι*; какъ будто бы то-есть Діонисіодоръ отвѣчаетъ отрицательно: *нѣтъ, мы нѣчто знаемъ*. Но это дополненіе вовсе не нужно; ибо софистъ только подтверждаетъ мысль Сократа и соглашается, что они ничего не знаютъ. Сила софизма—въ слѣдующемъ: Каждый человѣкъ или знатокъ, или незнатокъ: знатокъ—потому, что зная нѣчто, знаетъ все; незнатокъ потому, что не зная чего-нибудь, не знаетъ ничего. По сему софисты могли доказывать, что они и все знаютъ, и ничего не знаютъ.

(62) Очевидно, что Діонисіодоръ говоритъ это иронически: но какъ велико различіе между иронією Сократовою и софистическою! Сократъ тонокъ и изжливъ; внешнею стороною его рѣчи нельзя оскорбиться: напротивъ софисты грубы и дерзки; ихъ выраженія носятъ характеръ ребяческаго свосправія.

(63) *Да, сударь, и подшиваютъ подметки, και και μα δια κατῦαν.* Такъ объясняетъ слово *κατῦαν* *Casaub. ad Theophr. Char. IV. p. 58.* Формула *και και μα δια*, или *η και η δια* соответствуетъ Латинской: *et mehercule*, и входитъ въ рѣчь, какъ выраженіе досады, или насмѣшки. *Schaefer. Melett. Critt. p. 62. Fritsch. Quaest. Lucian. p. 155. sqq.*

(64) Объ этомъ искусствѣ Греческихъ балансировъ см. *Xenoph. symp. II. 11.* и *Burnet.* примѣч. къ означенному мѣсту Ксенофонта Пира.

(65) *Да неужели не перестанешь ты прибавлять, ει αν παντ . . .* Софисту стало досадно, что Сократъ прибавилъ: *когда знаю, οταν ἐπισταται*, ограничивъ этимъ значеніе слова *всегда*, *αι*, которое можетъ быть принимаемо въ двухъ смыслахъ, — какъ *всегда* и какъ *вслкй разъ*, и двузначательностію коего отвидемъ хотѣлъ воспользоваться.

(66) *Ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ, αλλα γαρ ομολογεις ἐπιστασαι.* *Алла* есть сокращеніе словъ *αμα* и *παντ*. Сократъ говоритъ: странно было бы, если бы я, незная всего, *панта*, зналъ все вмѣстѣ, *αλλα*; я знаю все вмѣстѣ только то, что знаю. Но софистъ, не обращая вниманія на это последнее ограниченіе, называетъ Сократу признаніе,

что онъ знаи все вмѣстѣ, знаетъ все, и такимъ образомъ *ἀπαντα* принимается въ значеніи *πάντα*.

(67) *Да ты всегда все видишь и будешь знать, αὐτὸς ἀεὶ ἐπίσταισι καὶ ἀπαντα.* Филологи въ этомъ выраженіи почитаютъ неумѣстнымъ *αὐτὸς* и замѣняютъ его то *αὐθις*, то *εὐθύς*: но по моему мнѣнію, здѣсь и должно стоять слово *αὐτὸς*; потому что въ этомъ мѣстѣ оно употреблено вмѣсто *σύ γε* и почти однозначительно съ слѣдующимъ: *αὐτὸς τε φέυξει πάντα τὰ ἐπιτηδεύματα.* Euthyd. p. 307. В. *Ἐγὼ ἔν μοι δοκῶ καὶ αὐτὸς πάλιν ὑφηγήσασθαι.* Euthyd. p. 288. С.

(68) *Въ противоположъ слугахъ, тотчасъ бы, ἔγω δὲ τάχ' αὖ.* Δὲ стоитъ во всѣхъ спискахъ Платона: но филологи, не понимая Платоновой мысли, исключаютъ эту частицу, какъ глоссема. Между тѣмъ обыкновенное чтеніе намъ кажется весьма вѣрнымъ, и *δέ* въ настоящемъ выраженіи необходимо; потому что *ἔγω δὲ* указываетъ на противную мысль: *εἰ συμβυληθείη ὁ ἀδελφός*; а слѣдующее *τάχ' αὖ* есть эллинизмъ и мысленно должно быть пополнено словомъ *ἐπιστήσωμαι*.

(69) Басня о сраженіи Геркулеса съ Гидрою и ракомъ, весьма хорошо выражаетъ диалектичскій споръ Сократа съ софистами: въ ней каждое обстоятельство имѣетъ ближайшее приложеніе къ настоящему дѣлу — даже и то, что ракъ, надѣтый Геркулесу, недавно выплылъ изъ моря и кусалъ его слѣва; ибо это весьма идетъ къ Діонисіодору,

который за нѣсколько времени пріѣхалъ въ Аѳины изъ за моря и сидѣлъ по лѣвую сторону Сократа.

(70) О Патроклѣ, братѣ Сократа, Платонъ не упоминаетъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ своихъ разговоровъ; да и изъ прочихъ писателей никто не говоритъ о немъ. Одинъ только Гемстергузій (*ad Lucian. som. § 12*), предлагаетъ догадку, будто этотъ Патроклѣ былъ ваятель, процвѣтавшій въ 95 олимп. и упоминаемый Плиніемъ (*Hist. natur. 37. 8.*), что впрочемъ едва ли справедливо. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ говоритъ о своемъ братѣ, что онъ *πλέον ἢν θάτερον ποιήσεν*. Это выраженіе филологи объясняютъ слѣдующимъ образомъ: *malam rem etiam peiorem redderet*. Но такое объясненіе, по нашему мнѣнію, вовсе не вѣрно. Во первыхъ здѣсь нѣтъ и мысли о худомъ дѣлѣ; во вторыхъ *θάτερον* значитъ не *хуже*, а *иначе*, отъ *τὸ ἕτερον*. По сему я перевожу: *онъ поступилъ бы еще не такъ, то-есть, онъ помогъ бы мнѣ еще болѣе, чѣмъ Юлесъ Праклу*. Впрочемъ это сказано иронически, а не въ собственномъ смыслѣ.

(71) *Сходный съ нимъ по имени*. Здѣсь говорится о сходствѣ именъ Патроклѣс и *Ἰφικλῆς*. Сократъ, очевидно шутитъ надъ стараніемъ софистовъ отыскивать въ каждомъ словѣ основаніе для какого-нибудь новаго софизма. Онъ какъ бы такъ говоритъ: чего стоитъ вамъ Юлесовымъ отцемъ сдѣлать, вѣсто Ифилеса, Патрокла; вѣдь имена-то ихъ

(72) *Впрочемъ можетъ быть ты самъ камень,* то-есть, можетъ быть ты самъ, не другой вразсужденіи камня. Софистъ видимо досадуетъ на Сократа за то, что онъ ограничиваетъ своими оговорками каждый вопросъ его и чрезъ то итѣшаетъ ему идти къ заключенію. Камнемъ Греки метафорически называли глупца; тотъ же смыслъ въ настоящемъ случаѣ соединилъ съ симъ словомъ и Діонисіодоръ: но Сократъ, по итѣнію Штальбома, принимаетъ его въ значеніи молчанія и отвѣчаетъ: боюсь, что бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ не превратиться въ камень. Сравн. *Symp.* p. 198. С. Съ такимъ изъясненіемъ можно согласиться, если слѣдующія за тѣмъ слова *ἢ μέντοι μοι δοκῶ*, переводить: *а этого мнѣ не хочется*, какъ выше p. 238. С. См. прим. къ этому мѣсту.

(73) Весь этотъ софизмъ разобранъ Аристотелемъ. *De Sophist. elench.* V. 2. 3. XXIV. 1. 2.

(74) *Слишкомъ далеко, πολλῆ γ', ἔφη, δεῖ.* Софистъ не хочетъ сказать прямо: *πολλῆ διαφέρει*; ибо прежде самъ доказывалъ, что противорѣчить не возможно.

(75) *Ты, по пословицѣ, не вяжешь нитки съ ниткой, τὸ λεγόμενον, ἢ λίνον λίνῳ συνάπτεις.* Эта пословица у Грековъ была въ большемъ употребленіи. См. *Schol.* III. 6. 9. *Hemsterh. ad Arist. Phys.* v. 470. *Symphlic. ad Aristot. Phys.* p. 117. *Suidas* ἢ λίνον λίνῳ συνάπτεις: ἐπὶ τῶν τὰ αὐτὰ μὴ διὰ τῶν αὐτῶν πραττόντων. Смыслъ ея слѣдующій: ты не соединяешь того, что должно быть соединяемо, ты

говорить, что отецъ есть отецъ, а не обращаешь вниманія на то, чей онъ отецъ.

(76) *Только одинъ щитъ и одно копье, ἀλλὰ μίαν καὶ ἐν ὄρω* Здесь послѣ *μίαν* очевидно пропущено переписчиками *ἀσπίδα*.

(77) Геріонъ и Бриарей, по мифологическимъ сказаніямъ, сторукіе титаны. Сравни. *legg. VII. p. 759. С. См. Энциклоп. Лекс. сл. Бриарей.*

(78) По свидѣтельству Геродота (IV, 26), Скифы, вмѣсто стакановъ, употребляли вызолоченные черепа убитыхъ ими непріятелей. Ктезиппъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что известный непріятельскій черепъ принадлежалъ извѣстному Скифю, принялъ слово *σοῦ* въ значеніи не собственности, а принадлежности, подобно тому, какъ прежде принималъ его Діонисіодоръ (собака — твой; собака есть отецъ, следовательно собака—отецъ есть отецъ твой).

(79) Этотъ софизмъ основывается на двузначности Греческаго выраженія *δυνατὰ ἐν ὄρω ἐστὶ ταῦτα*. Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія два смысла: 1) Итакъ ихъ можно видѣть? 2) Итакъ онѣ могутъ видѣть?

(80) *Не то ли говоришь, что молчишь? ἐ σιῶντα λέγεις*; поруски надлежало бы сказать: не о томъ ли говоришь, что молчишь? Но такимъ образомъ мы упустили бы изъ вида основаніе софизма. Въ выраженіи *ἐ σιῶντα λέγεις* заключаются два смысла: молча говорить, и говорить о томъ,

что молчать. Такъ объясняется этотъ софизмъ и у Аристотеля de elenchis Sophist. C. IV. 6. Сравни: X, 8. Тоже и далѣе: желѣзные вещи говорятъ какъ издающія—и проч. φθεγγόμενα καὶ βοῶντα μέγιστον τὰ σιδηρὰ λέγεται. Иначе: о желѣзныхъ вещахъ говорятъ, что онѣ издають и проч.

(81) *То не все ли молчишь? ἔ πάντα σιγᾶς;* основаніе софизма опять въ двойномъ значеніи выраженія πάντα σιγᾶν; ибо оно значить: во первыхъ всему молчать, во вторыхъ о всемъ молчать. Ходъ умозаключенія таковъ: когда ты молчишь, все молчишь; но въ понятіи все заключается и то, что говорятъ; слѣдовательно, когда ты молчишь, молчатъ и то, что говорятъ.

(82) *Обободилъ положеніе, ἐξηφοτέρῳ τὸν λόγον,* то-есть, вывелъ заключеніе, что о предметѣ нашего разговора можно сказать и да и нѣтъ. Чтобы понять причину Ктезипповой радости, надобно вспоминать объ упрекѣ, который выше (р. 297. А) сдѣланъ Эвтидемомъ Діонисіодору: διαφθείρας τὸν λόγον, καὶ φαίνεται ἑτοσί ἐκ ἐπιστάμενος καὶ ἐπιστήμων ἅμα ὄν καὶ ἀνεπιστήμων.

(83) Софистъ хочетъ сказать, что нѣтъ ничего прекраснаго и, ухватившись за слова Сократа, что красота присуца всякой вещи, строитъ слѣдующій софизмъ: если ты прекрасенъ, покольку тебѣ присуца красота; то равнымъ образомъ ты быкъ, покольку тебѣ присуца быкъ; или также, ты Діонисіодоръ, покольку тебѣ присуца Діонисіодоръ.

(84) Этотъ софизмъ основанъ опять на двузначности Греческаго выраженія: *τίνα προοψῆμι χαλιέωνу, κεραμέωνу* etc. Оно означаетъ во первыхъ, кому должно ковать, лѣпить и проч., во вторыхъ кого должно ковать, лѣпить и проч.

(85) *Лишь бы понималъ а оканчиватъ съ Эпидеиломъ.* Связь сихъ мыслей та, что известное выраженіе Діонисіодоръ принимаетъ въ одномъ значеніи, а Эпидемъ—въ другомъ. Сократъ хочетъ сказать: смотри, Діонисіодоръ, такъ ли ты разумѣешь это положеніе, какъ разумѣеть его братъ твой; ибо начинать—то приходится съ тобою, а оканчивать съ нимъ.

(86) Указывается на предъидущее заключеніе, то-есть: заколотъ повара, и проч. значить дѣлать то, что къ кому относится.

(87) Этотъ отвѣтъ Сократа произвелъ много споровъ и недоумѣній между комментаторами. Нельзя сомнѣваться, что Аѳиняне дѣйствительно поклонялись отечественному Зевсу. Свидѣтельства объ этомъ собраны Албертомъ ad Hesychium v. *Πατρῶος Ζεύς*. Какимъ же образомъ Сократъ могъ сказать о себѣ, что онъ не признаетъ отечественнаго Зевса? По нашему мнѣнію, сынъ Софрониска здѣсь обращаетъ противъ софистовъ собственное ихъ оружіе, то-есть, опровергаетъ ихъ тѣми же двусмысленностями, которыя составляли всю ихъ мудрость. Известно, что подъ именемъ отечественнаго Зевса Аѳиняне разумѣли бога—покровителя любви къ родителямъ: но Сократъ

принимаетъ это названіе въ томъ значеніи, что отечественный Зевсъ есть родоначальникъ Аѳинскаго народа и такимъ образомъ отклоняетъ союзизмъ Діонисіодора.

(88) Аѳиняне и Іонійцы почитали родоначальникомъ своимъ Аполлона, потому что отъ него и Креузы родился Іонъ, давший свое имя Іонійцамъ. См. *Chr. Fel. Bachr. de Apolline patricio* 1829. *Müller. Dog. Vol. I. p. 244. sq.*

(89) Подъ именемъ риторовъ Греки разумѣли такихъ людей, которые лично подвизались въ судахъ и говорили въ защиту, или противъ разсматриваемаго дѣла. *Suid. s. v. Ρήτωρ τὸ παλαιὸν ἐκαλεῖτο ὁ δῆμος συμβυλεύων καὶ ὁ ἐν δῆμῳ ἀγορεύων, εἴτε ἰκανὸς εἴη λέγειν εἴτε καὶ ἀδύνατος.* По сему у Ксенофонта (метог. II. 6) *ρήτορες καὶ δημηγόροι* суть названія синонимическія. Когда же кто-нибудь изъ риторовъ пользовался особенною довѣренностію народа; то его называли *δημαγωγός*. См. *Schömann. de Com. Athen. p. 109. Valckenar. diatrib. C. XXIII. p. 251. sqq.* Впослѣдствіи къ риторамъ присоединился классъ ораторовъ, которые говорили рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ, *ἐν ταῖς πανηγύρεσι*, по побужденію тщеславія. Такимъ ораторомъ, между прочими, былъ и Горгіасъ, коего именемъ названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. Но кромѣ риторовъ и ораторовъ, въ Греціи были еще такъ называемые логографы. Они лично не присутствовали въ судѣ, а только писали рѣчи для защищенія или опроверженія судебныхъ дѣлъ и походили на нынѣшнихъ юридическихъ ябедниковъ. Ихъ-то особенно не любилъ Сократъ,

какъ людей поверхностныхъ, не имѣвшихъ основательнаго образованія и презиравшихъ истинную науку.

(90) Діогенъ Лаерцій (II. 13. 121) упоминаетъ о четырехъ сыновьяхъ Критона: Критовулъ, Гермогенъ, Эпигенасъ и Ктезинпъ. Здѣсь, по мнѣнію Гейндорфа, Критонъ говоритъ о Гермогенѣ и Критовулѣ. Поскольку же въ Эвтидемѣ Критовулъ представляется возрастнымъ; то видно, что Платонъ написалъ этотъ разговоръ незадолго до осужденія Сократа; ибо Критовулъ, сынъ Критоновъ, находился въ числѣ тѣхъ Сократовыхъ учениковъ, которые готовы были взять своего учителя на поруки и внести за него штрафныя деньги.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

КЪ

Л А Х Е С У.

(1) *Который сражается въ полномъ вооруженіи, μαχημενον εν δπλοις.* Что это за искусство сражаться въ полномъ вооруженіи? и правильно ли перевели мы выраженіе: *εν δπλοις μαχεσθαι*? Въ Эвтидемѣ *δπλομαχία* переведено словомъ «сехтованье»: но сехтовать у Грековъ значило не то, что у насъ; потому что Греки употребляли въ сраженіи не такое оружіе, какое употребляемъ мы. По свидѣтельствѣ Казавбона (*Fischer. ad Charin. p. 79*), *δπλομάχοι* были во первыхъ тѣ, которые, подъ руководствомъ военнаго офицера, учились сражаться дѣйствительнымъ оружіемъ (*veris armis*), во вторыхъ тѣ, которые преподавали это искусство. Но Казавбоново показаніе неопредѣленно и, кажется, только вполонину справедливо; ибо Греческое юношество *εν δπλομαχία*, какъ извѣстно, дѣйствовало не настоящимъ оружіемъ, а тупыми или закругленными копьями (*pila rotundata*), которыя назывались *εσφαιρομένα ἀμόντια*. Намекъ на другое значеніе слова *δπλομαχία* мы находимъ у Ксенофонта (*Ἀναβάσ. L. II. 1. 7*).

Упомянувъ о какомъ-то Фалинѣ, онъ говоритъ: *προσποιεῖτο ἐπιστήμων εἶναι τῶν περὶ τὰς τάξεις καὶ ὀπλομαχίαν*. Основавшись на этомъ выраженіи, Винкельманъ (prolegg. ad Euthyd. p. XXXVIII) утверждаетъ, что подъ словомъ *ὀπλομαχία* надобно разумѣть вообще военную тактику. Но сему мнѣнію противурѣчитъ разсужденіе Никіаса въ Лахесѣ (p. 182. В). То же мѣсто въ Ксенофоновомъ отступленіи Шнейдеръ и Борнеманъ объясняютъ иначе и, кажется, удовлетворительнѣе, нежели Винкельманъ. Они говорятъ, что Персы употребляли такое оружіе, которымъ можно было бы сражаться издали, ибо ничѣмъ, кромѣ щита, не закрывали своего тѣла: напротивъ Греки вступали въ битву, вооружившись мечемъ, защитивъ грудь латами, голову шлемомъ, ноги сапогами. Такимъ-то родомъ битвы особенно гордился Фалинъ и въ этомъ искусствѣ былъ учителемъ Варваровъ. Если это замѣчаніе справедливо; то *ὀπλομαχίαν προσποιοῦσθαι*, или *ἐν ὀπλοῖς μάχεσθαι* значило: быть вооруженнымъ съ головы до ногъ и сражаться, употребляя всякое оружіе. По Атенею (IV. 13. p. 154. Е), сему искусству прежде всѣхъ училъ нѣкто Демеасъ, Мантинейскій *εἰρημιστὴρ*; но потомъ преподавали его и софисты. *Plat. Euthyd. p. 271. E. Xenoph. memog. III. 1.*

(2) Известно, что Аристидъ былъ первымъ генераль-провіантмейстеромъ и казначеемъ союзныхъ войскъ. Заботливость о пользѣ союзниковъ къ нему-то здѣсь преимущественно и относится.

(3) Позволяли баловаться, *εἶναι τρυφᾶν*. Этому признацію, повидимому, противурѣчаютъ слова Платона⁴

въ Менонѣ р. 94. А: ἄλλον δὲ δὴ σκεψώμεθα, Ἄρισ-
τείδην τὸν Λυσίμαχον. — Οὐκῆν καὶ ἕτος τὸν υἱὸν τὸν
αὐτῆς Λυσίμαχον, ὅσα μὲν διδασκάλων εἶχετο, κάλλιζα
Ἀθηναίων ἐπαίδευσεν. Но Платонъ какъ въ Менонѣ,
такъ и въ Лахесѣ имѣетъ въ виду нравственную
цѣль воспитанія. По его ученію, всякое знаніе тогда
только цѣнно, когда оно содѣйствуетъ къ улучше-
нію нравственной стороны человѣка. Лизимахъ ко-
нечно могъ быть наученъ всему, что обыкновенно
преподаютъ учителя, и не смотря на то, оставаться
съ самымъ дурнымъ сердцемъ. Есть и въ наше время
много людей чрезвычайно образованныхъ, въ кото-
рыхъ однакожь Сократъ не нашелъ бы и элементовъ
добродѣтели. Вотъ этого-то дара ни отцы, ни учи-
тели не въ состояніи были передать имъ. Одни
только врачи душъ могли бы сообщить его.

(4) *О самомъ сообществѣ, περὶ τῆς κοινωνίας,*
то-есть о томъ, какимъ образомъ вы намѣреваетесь
принять участіе въ образованіи нашихъ дѣтей.

(5) Обращая вниманіе на семейную жизнь Со-
крата, нельзя не обвинять и его въ тѣхъ же самыхъ
слабостяхъ. Извѣстно, что онъ весьма мало заботился
о женѣ и дѣтяхъ (*Xenoph. Symp. II. 10. Plat. Phaedon.*
р. 60) и живя только для философіи, пренебрегалъ
домашними обстоятельствами (*Plat. Apol. р. 23*). Со-
кратъ тѣмъ менѣе извинителенъ, что онъ даже не
несъ и общественной службы. Впрочемъ, что ка-
сается до нравственнаго воспитанія дѣтей, то въ
упущеніи его бываетъ виновата не служба, а
личные качества родителей, ихъ частныя понятія о
добрѣ и злѣ, приличіи и неприличіи, пользѣ и

вредѣ, — вообще собственныя ихъ нравственныя и религіозныя свойства.

(6) *Онъ веллаетъ тебѣ, буга θηρότην.* По свидѣтельству Плутарха (v. Regiō. p. 68. B.), Сократъ, Аристидъ и Θουκιδидъ были изъ дѣмы Алопекской.

(7) Объ Агаѳоклѣ см. 53 прим. къ Протаг.

(8) *Пріятный музыкантъ, ἀνδρῶν χαρίεστατον ἔν μόνον τῆν μουσικήν.* *Χαρίεστες* вообще суть люди пріятные въ обществѣ, а въ отношеніи къ музыкѣ, ихъ можно назвать такими артистами, въ игрѣ которыхъ не столько оригинальности и изобрѣтательности, сколько легкости и пріятности въ исполненіи.

(9) *Сдѣлайте же одолженіе... кто-нибудь изъ васъ, τί ἔν λέγει πότερος ὑμῶν; Πότερον* по свидѣтельству Гезихія, часто употребляется вмѣсто *ἐν ἐκ δυοῖν*, см. Sophist. p. 264. D. Legg. XI. p. 914. C. et al. О вопросительной рѣчи, вмѣсто повелительной, см. 10 примѣч. къ Протаг.

(10) Науки и искусства во всѣ времена свидѣтельствовали объ извѣстномъ характерѣ и направленіи обществъ. Въ этомъ отношеніи о каждомъ государствѣ можно утверждать то же, что говорятъ объ одномъ человѣкѣ: скажите мнѣ, съ кѣмъ онъ знакомъ, — я скажу вамъ, каковъ онъ. Разсмотрите общественныя занятія и удовольствія народа; — вамъ не трудно будетъ опредѣлить нравственное его состояніе, и понять какова его жизнь въ настоящемъ и судьба въ будущемъ. Вникните, чѣмъ любитъ народный гений, вы уразумѣете его достоинства и слабости

его здравіе и болѣзни. Смѣли ли сбѣгаться въ Лакедемонъ всесвѣтныя скоморохи, гдѣ не терпѣлось ничего чуждаго, гдѣ строгость жизни простиралась даже до суровости нравовъ и смягчалась только пламенною любовью къ отечеству? Тамъ не было блеска и роскоши, но за то царствовали довольство, спокойствіе и слава. Напротивъ Аѳиняне принимали безъ разбора всѣхъ иностранцевъ, стекались на зрѣлища, жаждали новостей, жили воображеніемъ, но теряли чувство народности, трепетали предъ призраками, боялись самихъ себя и ранѣе всѣхъ другихъ Грековъ изгладили въ себѣ характеръ Эллинизма.

(11) О значеніи сравненія см. 36 примѣч. къ Эвтидему.

(12) Объ этой пословицѣ см. Schol. ad h. l. Пословица: *εξ βογκη γογγαρια* — указываетъ на тѣхъ, которые приступаютъ только еще къ началамъ науки, а уже говорятъ свысока, какъ будто получили познаніе совершеннѣйшее.

(13) Извѣстный стихъ Солона: *ἤραστον δ' αἰ πολλὰ διδασκόμενος*. Онъ сохраненъ Плутархомъ v. Solon. p. 96. E. и Схолиастомъ ad Sophocl. Antig. v. 711.

(14) Изъ многихъ мѣстъ Ксенофоновыхъ и Платоновыхъ сочиненій видно, что послѣдователи Сократа, и особенно Платонъ, болѣе одобряли Дорійскій образъ жизни, такъ какъ Доряне отличались какою-то важностію и прямодушіемъ и въ этомъ отношеніи совершенно противопологались легкомысленнымъ жителямъ Аттики и изнѣженнымъ

Юлианъ. Посему *Лахесъ*, требуя искренности въ разговорѣ, хочетъ, чтобы онъ шелъ дорически, то-есть, чтобы въ немъ слова гармонировали съ мыслями, а мысли съ дѣлами. Сравни. сужденіе Платона въ его *Республикѣ*. L. III. p. 598. sqq.

(15) На образъ сраженія Скиноувъ указываетъ Гораций (*Od. I. 19. 11*) *nes patitur Scythas et versis animosum equis Parthum dicere*. Этимъ также объясняется Горациево выраженіе: *profugi Scythæ*. *Od. I. 35, 9*.

(16) Слова Омира, которыя Платонъ приводитъ здѣсь, находятся въ *Иліадѣ* V. 223. Ст. VIII. 105. sqq. Въ послѣднемъ мѣстѣ Энеевы кони уже въ рукахъ Діомеда, который говоритъ: *ἔς ποτ' ἀπ' Αἰνεΐαν ἔλδομην μῆστορε φόβοιο* (другое чтеніе: *μῆστορα*, которому слѣдуетъ и Платонъ). Сократъ, по обычаю, играя словами, подъ выраженіемъ *μῆστορα φόβοιο* разумѣетъ того, кто замышляетъ бѣгство, такъ какъ бы *μῆστορ* происходило отъ *μῆδεσθαι*. Посему тотъ ошибется, кто будетъ искать здѣсь серьезнаго истолкованія словъ Омировыхъ.

(17) *Съ щитоносцами, прὸς τοῖς γερρφοφοροῖς*. *Γερρφα*, по свидѣтельству Схولیаста, были ивовые щиты, употреблявшіеся Греками для всякаго огражденія во время сраженія. Но иногда, говоритъ онъ, подъ словомъ *γερρφα* разумѣлись и щиты Персидскіе, сдѣланные изъ кожи, даже палатки. Снес. *Herod. VII. 61*.

(18) Вотъ способъ, которымъ Платонъ ищетъ общихъ понятій о вещахъ. Онъ требуетъ родового признака, который былъ бы признакомъ всѣхъ

предметовъ одного рода. Подобнымъ образомъ и въ Менонѣ (р. 74. А) устанавливается общее понятіе о добродѣтели: *τὴν δὲ μίαν (ἀρετὴν) ἢ διὰ πάντων τῶν ἐστίν, ἢ δυνατόμεθα ἀνευρεῖν*. Сравн. *Heindorf ad Sophist. p. 240. А.*

(19) Если даже и врагъ и гадатель быть названы мужественными, ὅποτε γε μήτε ἰατρος μήτε μάστις αὐτὸ γινώσεται, μηδὲ ἀνδρῖος ἔσται. Здѣсь должно замѣтить употребленіе частицъ *μήτε* и *μηδέ*. Различіе между ними тоже, какое между *δέ* и *τέ*. Частица *μήτε* употребляется для соединенія, а *μηδέ* — для раздѣленія словъ. Посему *ἄτε* или *μήτε* полагается, когда какое-нибудь общее понятіе объясняется частными; а *μηδέ* имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ къ рѣчи присоединится нѣчто новое, отъ значенія прежнихъ словъ отличное. Точно такое значеніе имѣютъ сѣи частицы и въ настоящемъ случаѣ.

(20) Эта пословица приводится и изъясняется Схолиастомъ: *καὶν κῆρον καὶν ὕς γινώη*. Она означаетъ то, что легко познается и доступно даже для бессмысленнаго животнаго.

(21) И свиньи Кромліонской, *ἔδδὲ τὴν κρομυονίαν ὕν*. По свидѣтельству Страбона VIII. р. 583 и Павзанія *Corinth. I.*, Кромліонъ была деревня Коринѣскаго округа. Имя сей деревни отдалось историческимъ, благодаря одной свиньѣ, которая опустошала эту страну и наконецъ была убита Тезеемъ. *Ovid. metamorph. VII. 435. Quod que suis securus arat Cromyona colonus, Munus opusque tuum est.*

(22) Ламахъ былъ Аѳинскій полководецъ, участвовалъ въ Сиракузской войнѣ и, не смотря на старость, почитался человекомъ хитрымъ. *Plutarch. Vit. Nic. C. 15. sqq. Vit. Alcib. C. 18. καὶ γὰρ ὁ τρίτος ὁ στρατηγὸς Λάμαχος, ἡλικία προήκων, ὅμως ἐδόκει μηδὲν ἤτιον εἶναι τῷ Ἀλκιβιάδου διάπυρος καὶ φιλοκίνδυνος.* Никіасъ упоминаетъ о немъ и соединяетъ его имя съ именемъ Лахеса, очевидно, желая укольнуть послѣдняго.

(23) Лахесъ, кажется, былъ родомъ изъ Эксонской дѣмы. Намеки на это есть у Свиды, Стефана Византійскаго и Гарпократіона. *Anecd. Becker. T. I. p. 358.* Жители этой страны почитались людьми безстыдно злоязычными. *Schol. ad. h. l. Ἀξωνίς δημος Κερρόπιδος, καὶ Ἀξωνεῖς οἱ ἐκεῖθεν, οἱ καὶ βλάσφημοι ἐκωμῶδοντο εἶναι παρ' ὁ καὶ ἀξωνέυσθαι φασὶ τὸ βλάσφημεῖν ὁ καὶ ἡ Πλατωνικὴ ρῆσις δηλοῖ.*

(24) *Третіе обстоятельство.* Первое было то, что мужество есть часть добродѣтели; второе то, что достойное страха есть будущее зло, а не страшное—будущее добро; третіе то, что знаніе каждой вещи относится ко всемъ временамъ.

(25) *Надобно повиноваться не гаданію.* Это сказано, кажется, въ насмѣшку Никіасу, который подверженъ былъ страннымъ предразсудкамъ. По крайней мѣрѣ Плутархъ (*Vit. Nic. C. 13 et 24*) приписываетъ ему *δυσδαιμονίαν*.

(26) Никерать, сынъ полководца Никіаса, по свидѣтельству Ксенофонта, былъ весьма коротокъ съ Сократомъ и большой любитель Омира. Онъ находится въ числѣ лицъ, разговаривающихъ въ Платоновой Республикѣ, только тамъ болѣе держится, по видимому, стороны Тразимаха. См. *L. I. p. 327. С. Никерать* убитъ тридцатью тираннами. *Xenoph., Hellen. II. 3. 39. Lysias or. contra Poliuch. p. 602.*

(27) Это мѣсто находится въ Одиссеѣ XVII. 347. Платонъ приводитъ его также въ Хармидѣ р. 161. А.

О П Е Ч А Т К И.

<i>стр.</i>	<i>строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
8	16	Еврипидъ	Эврипидъ
—	20	Евдоксъ	Эвдоксъ
12	9	Демосоевъ	Демосоевъ
98	22	Эллиниста	эллиниста
31	18	пустый	пустой
34	17	философія.	философія?
43	1b	Эвтиеронъ	Эвтиеронъ.
59	2	приобрѣтается	приобрѣтается
61	11	чемъ	чьмъ
62	23	приобрѣтается	приобрѣтается
63	4	-----	-----
92	5	всемъ	всьмъ
98	11	(95)	(96)
100	15	грамматки	грамматсты
109	22	мудрость.	мудрость?
113	3	(121)	(123)
114	43	(122)	(124)
115	28	(123)	
116	7	(124)	(125)
—	9	(125)	
121	23	добрымъ (136).—	добрымъ (136).
—	30	мнѣнія?—	мнѣнія?
123	15	тиранна	тирана
170	18	добродѣтели	добродѣтель
198	13	Менонову	Менону
205	13	Рункелія	Рункелія
261	6	Ну, Эвтидемъ,	Ну, Эвтидемъ!
286	20	безыскусственное	безыскусственное
303	1	дѣломъ однимъ	дѣломъ—однимъ